

2500-3372 (print)
2542-1190 (online)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Bulletin of Kemerovo State University. Series:
Political, Sociological and Economic Sciences

Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo
universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie
i ekonomicheskie nauki

ТОМ 11 № 3
2026

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Политические, социологические и экономические
науки – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 2016 года. Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.
Журнал относится к категории К2 в соответствии
с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК
по категориям К1, К2, К3. Журнал включен в ЕГПНИ (Белый
список) – 3 уровень.

Все научные статьи, соответствующие требованиям
журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив
полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik-pses.kemsu.ru>

Журнал включен в базы данных: РИНЦ, DOAJ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0
International License.

Регистрационный номер СМИ: серия ПИ № ФС 77-67376.
Выдан Роскомнадзором.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических
изданий «Пресса по подписке» – 94233.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область –
Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс,
650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political,
Sociological and Economic Sciences is a Russian scientific
peer-reviewed.

Founded in 2016. Published 4 times a year.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed
Journals recommended by the Higher Attestation Commission
of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K2)
of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation
Commission. The Journal is included in "White List" (Russia) –
the third level.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions
for authors, and archives of full-text issues, please visit our
website: <https://vestnik-pses.kemsu.ru>

The journal is registered in the following databases: RSCI, DOAJ.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0
International License.

Registration number: PI no. FS 77-67376. Registered
in the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Subscription indices: 94233 – in the online-store of periodicals
"Press by subscription".

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo,
Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo,
Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор,
д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Econ.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Баранова Инна Владимировна, д-р экон. наук, проф.,
НГТУ (Новосибирск, Россия).
Бычкова Светлана Михайловна, д-р экон. наук, проф.,
ГГУ (Гатчина, Россия).
Глушакова Ольга Владимировна, д-р экон. наук, доцент,
НГТИ (Новосибирск, Россия).
Головацкий Евгений Васильевич, д-р социол. наук,
доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Капогузов Евгений Алексеевич, д-р экон. наук, доцент,
МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).
Кисляков Михаил Михайлович, д-р полит. наук, доцент,
СИУ (филиал) РАНХиГС (Новосибирск, Россия).
Кравченко Сергей Александрович, д-р филос. наук,
проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).
Кремер Раймунд, Dr. Hab., проф. Потсдамского
университета (Потсдам, Германия).
Матвеева Елена Викторовна, д-р полит. наук, доцент,
Кузбасский ГАУ (Кемерово, Россия).
Мекуш Галина Егоровна, д-р экон. наук, проф., КемГУ
(Кемерово, Россия).
Немировский Валентин Геннадьевич, д-р социол. наук,
проф., ИНИОН РАН (Москва, Россия).
Нехода Евгения Владимировна, д-р экон. наук, проф.,
ТГУ (Томск, Россия).
Озерникова Татьяна Георгиевна, д-р экон. наук, проф.,
НГТУ (Новосибирск, Россия).
Резник Семён Давыдович, д-р экон. наук, проф., ПГУАС
(Пенза, Россия).
Силин Анатолий Николаевич, д-р социол. наук, проф.,
ТИУ (Тюмень, Россия).
Слинкова Ольга Константиновна, д-р экон. наук, проф.,
БелГУ (Белгород, Россия).
Солодова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф.,
ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).
Суслов Виктор Иванович, д-р экон. наук, проф.,
чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).
Удальцова Мария Васильевна, д-р экон. наук, проф.,
НГУЭУ (Новосибирск, Россия).
Чирун Сергей Николаевич, д-р полит. наук, доцент,
КемГУ (Кемерово, Россия).
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доцент,
АлтГУ (Барнаул, Россия).

EDITORIAL BOARD

Inna V. Baranova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State
Technical University (Novosibirsk, Russia).
Svetlana M. Bychkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Gatchina State
University (Gatchina, Russia).
Sergey N. Chirun, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kemerovo
State University (Kemerovo, Russia).
Olga V. Glushakova, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Novosibirsk
State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).
Evgeny V. Golovatsky, Dr.Sci.(Sociol.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Evgenii A. Kapoguzov, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof.,
Lomonosov Omsk State University (Moscow, Russia).
Mikhail M. Kislyakov, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof.,
Siberian Institute of Management branch of RANEPa
(Novosibirsk, Russia).
Sergey A. Kravchenko, Dr.Sci.(Philos.), Prof., Moscow State
Institute of International Relations (University)
(Moscow, Russia).
Raimund Krämer, Dr. Hab., Prof. at Potsdam University
(Potsdam, Germany).
Elena V. Matveeva, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kuzbass
State Agricultural University (Kemerovo, Russia).
Galina E. Mekush, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).
Valentin G. Nemirovskiy, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute
of Scientific Information for Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russia).
Evgenia V. Nekhoda, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Tomsk State
University (Tomsk, Russia).
Tatiana G. Ozernikova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk
State Technical University (Novosibirsk, Russia).
Semen D. Reznik, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Penza State
University of Architecture and Construction (Penza, Russia).
Yaroslava Yu. Shashkova, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof.,
Altai State University (Barnaul, Russia).
Anatolii N. Silin, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Tyumen Industrial
University (Tyumen, Russia).
Olga K. Slinkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Belgorod National
Research University (Belgorod, Russia).
Galina S. Solodova, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute
of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).
Viktor I. Suslov, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Corresponding Member
of the RAS, Institute of Economics and Industrial Engineering
of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
Maria V. Udaltsova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State
University of Economics and Management
(Novosibirsk, Russia).

Социокультурное и политическое развитие общества

- Влияние фейковых новостей и вирусного контента в Telegram-каналах на общественное мнение: опыт регионального исследования
Галкина Е. П., Кадничанская М. И. 347
- Междисциплинарный подход к анализу политических предпочтений молодежи Северного Кавказа в социальных медиа
Гапич А. Э., Шаповалов А. В., Литвинова Е. Ю., Шаповалова Е. А. 356
- Россия в международной системе освоения космоса: глобальное сотрудничество и конкуренция через призму XXI века
Кишов А. С., Гребенькова А. А. 365
- Социологический анализ адаптации иностранных студентов и их интеграции в процесс получения высшего образования в российских университетах
Лутова Ю. А., Щанина Е. В. 377

Экономика и управление: теория и практика

- Цифровизация управления бизнес-процессами: отечественные практики и инструменты
Франциско О. Ю., Молчан А. С., Паймерова А. О. 387

Региональная и отраслевая экономика

- Особенности инструментов цифровой трансформации региональной экономики (обзор программно-целевых документов)
Алетдинова А. А., Поллер А. Б., Волохович А. М. 399
- Понятийно-категориальный аппарат и классификация экономики высшего образования
Дерен И. И., Соколова А. В. 411
- Особенности структуры себестоимости продукции ликеро-водочной промышленности
Кирюхина А. Н., Секлецова О. В., Ионова В. Е. 422
- Трансформация факторов выбора вуза и характеристик абитуриентов: региональный аспект
Лысенко Е. А. 434
- Цифровой разрыв и региональные инструменты преодоления
Пономарев С. В., Шлеенко А. В., Кулаков С. А., Плеханова Е. О. 448
- Типология сервисных рисков таможенного регулирования и таможенного администрирования
Фальченко О. Д. 462
- Научное обоснование методического подхода к экономической оценке организационно-качественных параметров производства медицинской техники
Шматкова В. В. 478

Финансы

- Рынок зеленых облигаций стран БРИКС: проблемы и перспективы развития
Кокшаров Е. Д., Земзюлина В. Ю. 493
- Страховой риск в новейшей экономике: переосмысление, классификация и ориентиры развития рынка
Макаров Н. С., Соловьева Ю. А. 505
- Сравнительный анализ биржевых паевых инвестиционных фондов по уровню диверсификации и эффективности управления
Москаленко В. А., Попова Т. А. 519

Society: Cultural and Political Development

Impact of Telegram Fake News and Viral Content on Public Opinion:

A Regional Study

Galkina E. P., Kadnichanskaya M. I.

347

Political Preferences of North Caucasus Youth on Social Media:

An Interdisciplinary Approach

Gapich A. E., Shapovalov A. V., Litvinova E. Yu., Shapovalova E. A.

356

Russia in the International Space Exploration System: Global Cooperation
and Competition in the 21st Century**Kshov A. S., Grebenkova A. A.**

365

Adaptation and Integration of International Students in Russian Higher
Education: A Sociological Analysis**Lutova Yu. A., Shchanina E. V.**

377

Economics and Management: Theory and Practice

Digitalization of Business Process Management: Domestic Practices and Tools

Frantsisko O. Yu., Molchan A. S., Paimerova A. O.

387

Regional and Sectoral EconomyDigital Transformation Tools in Regional Economy: A Review of Program
and Target Documents**Aletdinova A. A., Poller A. B., Volokhovich A. M.**

399

Economics of Higher Education: Concepts, Categories, and Classification

Deren I. I., Sokolova A. V.

411

Alcoholic Beverage Industry: Cost Structure

Kiryuhina A. N., Seklecova O. V., Ionova V. E.

422

Shifting University Choice Factors and Applicant Profiles:

A Regional Perspective

Lysenko E. A.

434

Digital Divide and Regional Bridging Tools

Ponomarev S. V., Shleenko A. V., Kulakov S. A., Plekhanova E. O.

448

Typology of Service Risks in Customs Regulation and Administration

Falchenko O. D.

462

Economic Assessment of Organization and Quality in Medical Equipment
Production**Shmatkova V. V.**

478

Finance

The BRICS Green Bond Market: Problems and Development Prospects

Koksharov E. D., Zemzyulina V. Yu.

493

Insurance Risk in Modern Economy: Rethinking, Classification, and Market
Development Guidelines**Makarov N. S., Solovyeva Yu. A.**

505

Exchange-Traded Funds: Diversification and Management Efficiency

Moskalenko V. A., Popova T. A.

519

оригинальная статья

eLibrary EDN: XEJNSM

Влияние фейковых новостей и вирусного контента в Telegram-каналах на общественное мнение: опыт регионального исследования

Галкина Елена Петровна

Ульяновский государственный университет, Россия, Ульяновск

eLibrary Autor SPIN: 5907-9532

<http://orcid.org/0000-0001-6283-6653>pyh2000@mail.ru

Кадничанская Марина Ивановна

Ульяновский государственный университет, Россия, Ульяновск

eLibrary Autor SPIN: 1823-3534

<http://orcid.org/0000-0002-7328-0360>

Аннотация: Цель статьи – исследовать влияние фейковых новостей и вирусного контента в Telegram-каналах на общественное мнение, проанализировать существующие способы их выявления и нейтрализации. В марте 2025 г. методом анкетного опроса проведено социологическое исследование на тему «Фейковые новости в Telegram: состояние и проблемы» (n = 384) с целью изучения того, как именно люди воспринимают новости в Telegram, умеют ли они отличать фейки и насколько доверяют информации, которую там читают. В ходе исследования было выявлено, что молодежь активно и регулярно использует Telegram. 16,7 % опрошенных полностью доверяют информации, размещаемой на данной платформе. 50,0 % респондентов утверждают, что сталкивались с фейками, при этом 36,7 % не имели такого опыта. Это может говорить о том, что человек просто не замечает фейков. Для проверки сомнительной информации половина респондентов сравнивает ее с другими источниками или ищет через поисковики (по 50,0 % соответственно). 37,0 % опрошенных ориентируются на проверенные и традиционные источники информации, при этом 36,7 % не проверяют информацию вообще. 26,7 % участников опроса используют фактчекинговые ресурсы. Были выделены следующие признаки фейковых новостей: абсурдность содержания, орфографические ошибки, давление на эмоции (особенно через срочность или страх), отсутствие ссылок на источники, а также вирусное распространение и манипуляции с фактами, слишком яркие заголовки, которые часто не соответствуют содержанию новости. 60,0 % опрошенных признают фейки серьезной угрозой для общества. Большинство респондентов (60 %) хотя бы раз верили в фейковую новость, но позже сами понимали, что она была ложной. Перспективы исследования связаны с потребностью в изучении мер борьбы с фейками и поиском эффективных способов просвещения молодежи против манипуляции общественным мнением.

Ключевые слова: фейк, фейковые новости, информация, социальные сети, вирусный контент, Telegram-канал, молодежь, общественное мнение

Цитирование: Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Влияние фейковых новостей и вирусного контента в Telegram-каналах на общественное мнение: опыт регионального исследования. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2026. Т. 11. № 3. С. 347–355. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-347-355>

Поступила в редакцию 26.11.2025. Принята после рецензирования 26.03.2026. Принята в печать 30.03.2026.

original article

Impact of Telegram Fake News and Viral Content on Public Opinion: A Regional Study

Elena P. Galkina

Ulyanovsk State University, Russia, Ulyanovsk

eLibrary Autor SPIN: 5907-9532

<http://orcid.org/0000-0001-6283-6653>pyh2000@mail.ru

Marina I. Kadnichanskaya

Ulyanovsk State University, Russia, Ulyanovsk

eLibrary Autor SPIN: 1823-3534

<http://orcid.org/0000-0002-7328-0360>

Abstract: Fake news and viral content circulating in Telegram channels influence public opinion. This research analyzes existing ways to identify and neutralize this type of information. A sociological survey was conducted in March 2025 (n = 384) to study how people perceive Telegram news content, detect fakes, and judge reliability. Young participants proved to be active Telegram users. In general, 16.7% of respondents expressed trust in the news published there while 50% claimed to have encountered fakes, compared to 36.7% who had no such experience (or failed to identify it as such). Half of the respondents verified dubious information using other sources or search engines. While 37.0% relied only on trusted news sources, 36.7% never checked information, and 26.7% regularly used fact-checking resources. Fake news is characterized by absurd content, spelling errors, appeals to urgency or fear, a lack of sources, viral distribution, fact manipulation, and sensational headlines that do not match the content. About 60% of respondents recognized fakes as a serious societal threat. The same percentage had been deceived by fake news at least once before realizing it was false. Future research prospects include studying countermeasures against fake news and finding effective ways to protect young people from manipulation of public opinion.

Keywords: fake, fake news, information, social media, viral content, Telegram channel, young people, public opinion

Citation: Galkina E. P., Kadnichanskaya M. I. Impact of Telegram Fake News and Viral Content on Public Opinion: A Regional Study. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(3): 347–355. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-347-355>

Received 26 Nov 2025. Accepted after review 26 Mar 2026. Accepted for publication 30 Mar 2026.

Введение

В условиях стремительного развития цифрового пространства и социальной медиасреды Telegram-каналы становятся ключевым инструментом распространения информации. Их удобство заключается в высокой анонимности, скорости распространения контента и в отсутствии строгой модерации. Наряду с этим возрастает угроза распространения фейковых новостей и манипулятивного вирусного контента, которые способны существенно влиять на общественное мнение, особенно в условиях политических, экономических и социальных кризисов. Это делает Telegram удобной платформой для манипуляции общественным мнением. В условиях роста информационных угроз и гибридных войн изучение влияния фейковых новостей на общественное сознание приобретает особую значимость [1; 2].

Цель статьи – исследовать влияние фейковых новостей и вирусного контента в Telegram-каналах на общественное мнение и проанализировать существующие способы их выявления и нейтрализации.

За последние годы объем и сложность данных, генерируемых в Telegram-каналах, возросли до максимального уровня, и традиционные методы обработки информации уже не справляются с массивом данных [3]. Информация из Telegram содержит высокий процент намеренных искажений (чаще всего анонимные источники), технического спама и контекстуальных ошибок (переводы, сарказм).

Несмотря на актуальность проблемы, до сих пор наблюдается недостаток систематизированных подходов к анализу подобного рода информации и ее влияния на общественное сознание. Это делает необходимым применение методов анализа данных, включая контент-анализ, машинное обучение и изучение паттернов распространения сообщений, для выявления закономерностей и оценки воздействия информационных вбросов.

Термин *фейковые новости* стал в 2017 г. «словом года» [4]. Это было связано с президентскими выборами 2016 г. в США [5; 6]. Фейковые новости

представляют собой намеренно искаженную или полностью выдуманную информацию, которая подается в формате достоверных и точных фактов. Чаще всего это делается с целью манипуляции общественным мнением. С социологической точки зрения фейковые новости рассматриваются как элемент символической коммуникации, которая используется для воздействия на восприятие социальной реальности, ориентации в происходящем и формирования коллективных представлений.

Существуют разные подходы к определению фейковых новостей:

1. Зарубежные исследователи характеризуют их как «обман, пропаганду, сатиру и троллинг» [7]. Также они отмечают влияние социальных сетей на феномен фейковых новостей в рамках политики «постправды»¹ [8] и то, что аудитория поддерживает такие новости, т.к. они соответствуют их убеждениям и опасениям [9].

2. Отечественные исследователи трактуют фейковые новости как «сфабрикованные новостные материалы, ложь в которых распознаваема и проверяема, хотя и способна ввести аудиторию в заблуждение» [10, с. 48]; как намеренную фальсификацию фактов и дезинформацию, которая выступает мощным инструментом манипуляции сознанием [11]. Кроме того, в работе [12] выделяются характерные особенности фейковых новостей в коммуникационных процессах.

Фейковые новости как явление следует рассматривать как часть более широкой проблемы медиаманипуляции, связанной с борьбой за интерпретацию социальных событий и контроль над информационными потоками [13]. Их использование в пропаганде и информационной политике государств может носить деструктивный характер и повышать уровень напряженности в конфликтах [14–16]. Наиболее подвержена медиаманипуляции такая уязвимая категория населения, как молодежь. В настоящее время она является активным пользователем социальных сетей, которые воспринимаются ей как основной источник получения информации. Кроме того, большое значение имеют возрастные особенности молодых людей, т.к. в этот период они активно социализируются, систематизируют ценностные ориентации, политические, нравственные, эстетические воззрения и выстраивают свою мировоззренческую картину

мира. Но в то же время им трудно проявлять критичность мышления, в том числе в распознавании фейков, в силу недостаточности знаний и дефицита жизненного опыта. При этом молодежь завышает собственный уровень медиаграмотности [17–20].

Методы и материалы

Авторами на базе кафедры психологии и педагогики Ульяновского государственного университета в марте 2025 г. методом анкетного опроса было проведено социологическое исследование на тему «Фейковые новости в Telegram: состояние и проблемы» с целью изучения того, как именно люди воспринимают новости в Telegram, умеют ли они отличать фейки и насколько доверяют информации, которую там читают.

Выборочную совокупность составили 384 жителя г. Ульяновска в возрасте от 18 до 35 лет, пользующихся приложением Telegram. Среди них 44,4 % – женщины и 55,6 % – мужчины. Выборка репрезентативна по полу и возрасту, ошибка выборки составляет 5 %.

Результаты

Источники фейковых новостей – это субъекты или платформы, откуда исходит дезинформация; они могут быть как осознанными и организованными (например, медиастратегии политических структур), так и спонтанными (ошибочные пересказы, неумышленная републикация). Источники фейковых новостей имеют несколько уровней:

1. Анонимные и псевдожурналистские интернет-ресурсы: множество фейков рождаются на сайтах, которые имитируют средства массовой информации (СМИ). Они используют схожий дизайн (как в новостных порталах), но не придерживаются редакционных стандартов, а также не проверяют информацию.

2. Социальные сети и мессенджеры: социальные сети (Facebook, Instagram, ВКонтакте и др.) и особенно мессенджеры (Telegram, WhatsApp) выступают как основные каналы распространения фейков. Они предоставляют пользователям возможность быстро и массово делиться информацией без промежуточной редакторской проверки. Telegram-каналы особенно опасны в этом плане, т.к. обеспечивают анонимность и визуальное сходство с профессиональными медиа.

Telegram как социальная платформа занимает особое место в структуре распространения фейковой

¹ Funke D. Here's why fighting fake news is harder on WhatsApp than on Facebook. Poynter. 5 Oct 2017. URL: <https://www.poynter.org/news/heres-why-fighting-fake-news-harder-whatsapp-facebook> (accessed 7 Sep 2025). Компания *Meta Platforms*, владеющая социальными сетями *Facebook* и *Instagram* и онлайн-мессенджером *WhatsApp*, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. *Meta Platforms, the parent company of Facebook, Instagram and WhatsApp Messenger, is banned in the Russian Federation as an extremist organization.*

информации и становится мощным инструментом для дезинформации благодаря отсутствию цензуры, возможности анонимной публикации и высокой скорости распространения контента. Одной из ключевых особенностей мессенджера является возможность создания каналов и чатов без указания реальных данных, что дает возможность распространять фейковые новости без риска для автора, избегая юридической ответственности.

Формат Telegram позволяет существовать «персонализированным» каналам, которые ведутся от имени одного лица. Аудитория склонна доверять таким источникам, особенно если они позиционируются как «эксперты» или «внутренние источники». Такие каналы часто распространяют недостоверную информацию под видом эксклюзивов. Также Telegram обладает функцией быстрого репоста и пересылки сообщений в другие чаты и каналы. Это делает процесс распространения фейков вирусным: даже единичный пост может получить тысячи репостов в течение нескольких часов.

В отличие от социальных сетей с алгоритмическими лентами (Instagram, TikTok), в Telegram пользователь сам выбирает, на что подписаться, а значит, попадает в замкнутую среду информации, где некритически воспринимает все публикуемое. Это способствует формированию информационных пузырей, где фейковая информация подтверждается и усиливается.

Главной особенностью Telegram является наличие закрытых каналов и групп, ограниченная публичная реакция на посты, значительное влияние администраторов на каналы и использование ботов для управления аудиторией и контентом. В закрытые каналы достаточно тяжело попасть, т. к. модераторы тщательно сортируют участников. Указанное создает дополнительные сложности при сборе и интерпретации данных.

Важно понимать, кто распространяет фейковые новости. Это могут быть как конкретные люди, так и целые организации или даже автоматические системы. Исследователи и аналитики предлагают разные классификации лиц, участвующих в распространении ложной информации:

1. По цели распространения:

- политические дезинформаторы – люди или группы, которые специально публикуют фейковые новости, чтобы повлиять на общественное мнение. Например, они могут распространять ложные факты о выборах, политиках, протестах или военных действиях. Особенно часто это происходит во время предвыборных кампаний или политических кризисов [21; 22];

- коммерческие дезинформаторы: цель – заработать (заработок с рекламы или переходов на партнерские сайты). Они делают кликбейт-заголовки, придумывают сенсационные истории, чтобы как можно больше людей кликали на ссылки [23];

- обычные пользователи: из добрых побуждений пересылают фейки другим, думая, что помогают. Например, человек может получить в Telegram сообщение о якобы закрытии банка и переслать его в чат родственникам, чтобы предупредить.

2. По уровню осознанности:

- создатели (специально конструируют фейки);
- распространители;
- публикаторы (знают, что информация может быть ложной, но все равно ее публикуют).

3. По способу распространения:

- владельцы Telegram-каналов – анонимные или полуанонимные пользователи, которые управляют большими каналами. Они публикуют новости, комментарии, «сливы» часто без проверки. Подписчики им доверяют, особенно если канал выглядит как экспертный или «инсайдерский»;
- комментаторы в чатах и социальных сетях (кто-то может написать ложную информацию, и остальные начинают ее обсуждать, пересылать и верить в нее);
- боты и автоматические аккаунты – специальные программы, которые создаются для массовой рассылки информации. Они могут имитировать настоящих пользователей и активно участвовать в обсуждениях. Их часто используют в политике или информационных атаках.

Итак, проблема фейковых новостей, вирусного контента и манипуляции общественным мнением через Telegram-каналы крайне актуальна. Подобные явления становятся одним из самых значимых факторов, влияющих на различные общественные процессы [24]. Интернет позволяет обществу искажать информацию, дезинформировать массы и влиять друг на друга. Это формирует как позитивные, так и негативные установки у людей, а также их настроение и поведение.

Следует уточнить, что фейковые новости чаще всего маскируются под настоящие: используются настоящие даты, места, люди, но событие может быть как выдуманное, так и очень преувеличенное. Использование реальных деталей в новостях заставляет людей верить в них. Для распространения фейковых новостей применяют различных агентов, например фейковые аккаунты, искусственно созданные сайты, которые позиционируют себя официальными [25]. Фейковые аккаунты чаще всего

имеют тысячи подписчиков, высокую популярность и регулярно публикуют посты. Это возможно благодаря методам продвижения, которые обычно используются для официальных аккаунтов, или накрутке аудитории. Особенно активно фейки распространяются через лидеров мнений и блогеров: если у человека много подписчиков, то новость, которой он делится (даже не проверяя ее достоверность) может очень быстро набрать популярность. Дальше ее начинают перепостить обычные пользователи, часто добавляя свои эмоции и комментарии, что еще больше усиливает эффект и делает ложную информацию вирусной.

Также фейковые новости имеют такую особенность, как *распространение цепочкой* (последовательная публикация фейков, которые дополняют друг друга). Иногда в таких цепочках используются реальные новости, чтобы поддержать ложные. Распространение фейков в социальных сетях не всегда происходит случайно – бывает, что это часть больших политических или рекламных кампаний, где цель – повлиять на общественное мнение, подорвать репутацию человека или группы или просто отвлечь внимание от важных событий. Для этого используют специальные PR-методы, которые позволяют создать нужное общественное настроение, закрепить результат и потом даже сгладить последствия [26].

Если говорить о модерации контента, которая происходит в социальных сетях, необходимо понимать, что это не просто удаление нехороших постов, а целая система, которая имеет множество нюансов. У разных платформ разные правила, которые зависят от таких факторов, как аудитория, цели платформы, характер источников и даже возрастной состав. В Instagram и Facebook, принадлежащих одной компании, модерация строгая, особенно по вопросам фейков, экстремизма и дискриминации. Там есть и автоматические алгоритмы, и люди-модераторы, но бывает, что алгоритмы ошибаются и могут заблокировать качественный контент или наоборот пропустить что-то опасное. Пользователи иногда жалуются, что им нечетко объясняют причины блокировок, и процесс разблокировки может быть долгим.

В 2024 г. М. О. Ерыгина изучала специфику контента в Telegram и влияния Telegram-каналов на общественное мнение с помощью анализа статистических данных и контент-анализа. Она выявила, что требования к контенту каналов мессенджера заключаются в актуальности и уникальности контента, который будет соответствовать тематике сообщества; в наличии авторской составляющей

в написании контента; в использовании проверенных материалов для создания контента (профессиональная литература, другие блоги, Интернет); в сборе обратной связи с аудиторией и коррекции контента [27]. Каналы могут быть как открытыми, т. е. доступными для всех, так и закрытыми. На основании статистических данных М. О. Ерыгина выделила самые популярные темы Telegram-каналов: новости (82 %), развлечения (59 %) и политика (59 %). Меньше всего пользователи Telegram интересуются каналами известных компаний (11 %) и поиском работы (15 %). Анализ полученных результатов показал, что 85 % респондентов пользуются Telegram в рабочих целях, 28 % используют его для деловой переписки, 43 % состоят в небольших группах до 50 участников, а еще 30 % участвуют в более масштабных чатах. Около 18 % пользователей ведут свои собственные каналы, 42 % взаимодействуют с ботами, и около 4 % интересуются встроенными играми. Большинство пользователей отмечают предпочтение Telegram-каналов по сравнению с группами в социальных сетях вроде Facebook и ВКонтакте. Для 43 % опрошенных Telegram является основным мессенджером для ежедневного общения; примерно каждый четвертый регулярно использует его для скачивания музыки, фильмов и книг [Там же].

Среди жанровых особенностей Telegram-контента стоит отметить *диалогичность*. На уровне языка это проявляется через восклицательные и побудительные конструкции, обилие личных местоимений, глаголов в форме первого и второго лица, междометий и даже намеренно незавершенных фраз. Такая стилистика сближает Telegram-коммуникацию с живым устным диалогом и отличает ее от других форм интернет-общения.

Другой важной жанровой особенностью является *экспрессивность*, когда эмоции передаются как через лексику, так и через структуру высказывания. Одной из самых ярких форм экспрессии в Telegram являются мемы.

В ноябре 2024 г. Т. В. Епремян и др. было проведено социологическое исследование на базе научно-исследовательской лаборатории социологии и социальных технологий Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского с целью выявления мнения респондентов о степени воздействия социальных сетей на реципиента [28, с. 54]. Данное исследование проводилось среди 101 жителя г. Брянска в возрасте от 18 до 68 лет, где 53,5 % респондентов – женщины, 46,5 % – мужчины. Большинство респондентов – люди в возрасте от 18 до 35 лет (73,3 %), меньшинство – в возрасте от 51 до 65 лет (6,9 %), в возрасте от 36 до 50 лет – 19,8 %.

Результаты данного исследования показали, что в большей степени Telegram-каналы являются дополнительным источником информации (46,5 %). Также 42,6 % респондентов считают данный мессенджер основным источником информации, 10,9 % не применяют его как источник информации. Каждый день Telegram-каналами пользуется 70,3 % опрошенных, несколько раз в неделю – 23,8 %, раз в месяц – 5,9 %. Доверие к информации распределилось следующим образом: 40 % респондентов полностью доверяют, 35 % – частично, 15 % – не доверяют и 10 % затруднились ответить. В большинстве случаев респонденты смотрят развлекательные (65,3 %) и новостные (76,2 %) каналы. Исследование показывает двойственное отношение пользователей к Telegram: с одной стороны, они активно используют его как источник информации, с другой – понимают риск недостоверного контента и сохраняют критичность восприятия.

Таким образом, у населения существует определенное доверие к цифровым источникам, но при этом сохраняются тревоги по поводу недостоверности информации. Люди ощущают влияние подобных каналов на общественное мнение и личную информационную безопасность, при этом многие признают необходимость в дополнительной защите и просвещении в вопросах медиаграмотности и информационной ответственности.

Результаты исследования, проведенного авторами на базе кафедры психологии и педагогики Ульяновского государственного университета в марте 2025 г., показали, что 59,3 % опрошенных используют приложение Telegram несколько раз в день, 33,3 % – время от времени, 7,4 % – ежедневно. Преимущественно респонденты предпочитают развлекательные каналы (74,1 %), далее идут личные блоги и новостные каналы (по 51,9 % соответственно), на последнем месте – политические каналы (25,9 %). Также 44,4 % пользователей мессенджера Telegram регулярно читают 1–3 канала, в то время как 33,3 % – 4–6 каналов, а 22,2 % – 7–10 каналов.

Также опрашиваемые самостоятельно определяли фейковость информации. Так, наибольшая доля респондентов (30,0 %) находится в сомнении и не всегда может сразу определить, насколько источник информации заслуживает доверия. 33,3 % указали, что *скорее доверяют*, т. е. относятся к контенту в Telegram с умеренным доверием. Эти пользователи, вероятно, уже сформировали круг каналов, которым доверяют, но все же сохраняют элемент критического отношения. 16,7 % полностью доверяют информации, размещаемой в Telegram.

Это сравнительно небольшая часть, но она может быть самой уязвимой к дезинформации. При этом еще 16,7 % *скорее не доверяют*, что уравнивает группу скорее доверяющих и показывает наличие в выборке более настороженных пользователей. Лишь 3,3 % заявили, что совсем не доверяют Telegram-каналам. Это минимальная доля, которая может указывать либо на сознательный отказ от получения информации в мессенджере, либо на устойчивое негативное отношение к этому формату.

Половина респондентов (50,0 %) прямо указала, что, по их мнению, они сталкивались с фейками. Это довольно значительные результаты, которые показывают, что проблема недостоверной информации в мессенджере действительно актуальна. Telegram не имеет строгой модерации, и любой пользователь может публиковать контент, поэтому неудивительно, что фейки встречаются так часто.

36,7 % опрошенных считают, что не сталкивались с фейками. Это может говорить либо о высокой избирательности в выборе каналов, либо о том, что человек просто не замечает фейков, воспринимая все увиденное за чистую монету. Вполне возможно, что часть из этих людей сталкивалась с дезинформацией, но не смогла ее распознать. 13,3 % затруднились с ответом. Это тоже важный результат, т. к. он показывает, что есть достаточное количество пользователей, которым сложно отличить фейк от достоверной информации.

Для проверки сомнительной, по мнению респондентов, информации большая часть из них сравнивает ее с другими источниками или ищет через поисковики (по 50,0 % соответственно). 37,0 % ищут подтверждение в официальных СМИ, что тоже можно считать положительным признаком – люди ориентируются на проверенные и традиционные источники информации. При этом также 36,7 % опрошенных не проверяют информацию вообще. Это показывает, что более трети респондентов доверяют представленным в Сети новостям, не перепроверя их. Особенно это опасно, если речь идет о Telegram, где модерации практически нет. Только 26,7 % опрошенных используют фактчекинговые ресурсы – это специализированные сайты, которые проверяют слухи, новости и заявления. Такой низкий процент может говорить о том, что многие просто не знают об указанных инструментах или не считают нужным ими пользоваться.

При выявлении признаков фейковых новостей (открытый вопрос) самыми частыми ответами респондентов были: абсурдность содержания, орфографические ошибки, давление на эмоции

(особенно через срочность или страх), отсутствие ссылок на источники, а также вирусное распространение и манипуляции с фактами. Участники опроса указывали на слишком яркие заголовки, которые часто не соответствуют содержанию новости. Такие заголовки, действительно, используются в фейках, чтобы привлечь внимание и вызвать эмоциональную реакцию. Также звучали такие формулировки, как *слишком идеально все совпадает*. Респонденты отмечали, что фейк можно распознать, если информация не совпадает с другими источниками, или в ней есть призыв к действию, а особенно если это звучит как манипуляция.

30 % респондентов считают фейковые новости в Telegram серьезной общественной проблемой и еще 30 % – способом манипуляции общественным мнением, 40 % – частым явлением, не имеющим большого значения.

Помимо этого, большинство респондентов (60,0 %) хотя бы раз верили в фейковую новость, но позже сами понимали, что она была ложной. 30,0 % опрошенных узнавали о том, что поверили в фейк, только когда им кто-то об этом сказал. Это может говорить о том, что пользователи не всегда проверяют информацию самостоятельно. Лишь 6,7 % ответили, что всегда проверяют информацию. Эта группа, скорее всего, включает в себя более медиаобразованных или более осторожных пользователей. Такой низкий процент показывает, что привычка перепроверять данные – пока не распространенная практика в обществе. 3,3 % затруднились с ответом. Возможно, эти участники либо не вспомнили конкретные случаи, либо не уверены, как отличить фейк от правды.

Почти половина опрошенных (46,7 %) уверена в том, что с фейковыми новостями в Telegram нужно бороться активнее (вариант ответа *Да, однозначно*). 33,3 % респондентов тоже склоняются к этой позиции, выбрав вариант *Скорее да*. Все эти респонденты поддерживают идею ужесточения мер против фейков в Telegram и считают проблему действительно серьезной, а больше половины участников опроса (52,0 %) хотят больше знать о способах распознавания фейков.

Заключение

Telegram сегодня является не только удобным каналом получения информации, но и пространством, где активно формируются взгляды и убеждения населения. Он действительно оказывает влияние на восприятие информации. При этом значительная часть пользователей не всегда может сразу определить, является ли новость достоверной. Фейковые новости сегодня являются серьезной общественной проблемой, т. к. способны манипулировать мнением людей. Отсутствие у значительной части пользователей навыков критической оценки информации делает их уязвимыми перед подобного рода манипуляциями.

Особенно уязвимой в сложившейся ситуации становится молодежь. С одной стороны, она активно пользуется Telegram, который для нее является одним из основных источников получения информации. С другой – в силу возрастных особенностей (из-за недостаточности знаний и отсутствия жизненного опыта) ей трудно критически оценивать получаемую информацию и распознавать ложь. Кроме того, молодежь завышает собственный уровень медиаграмотности, что также приводит к ошибкам.

Указанное подтверждает необходимость внедрения образовательных программ и просветительских инициатив по развитию медиаграмотности как среди молодежи, так и людей более старшего возраста.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

1. Якупова Ю. Ф., Кадничанская М. И. Виртуальные социальные сети как фактор социализации современной молодежи (на примере соцсети «ВКонтакте»). *Молодежь как социальная группа российского общества: статус, мобильность, особенности коммуникаций*: Всерос. науч. конф. (Ульяновск, 5–6 декабря 2024 г.) Ульяновск: УлГТУ, 2024. С. 351–353. [Yakupova Yu. F., Kadnichanskaya M. I. Virtual social networks as a factor of socialization of modern youth in VKontakte. *Youth as a social group in Russian society: Status, mobility, and communication features*: Proc. All-Russian Sci. Conf., Ulyanovsk, 5–6 Dec 2024. Ulyanovsk: UISTU, 2024, 351–353. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nzafyg>

2. Кадничанская М. И. Симулякры в средствах массовой информации как актуальная проблема современного общества. *Симбирский научный Вестник*. 2023. № 2. С. 110–116. [Kadnichanskaya M. I. Simulacra in the media as a current problem of modern society. *Simbirsk Scientific Journal Vestnik*, 2023, (2): 110–116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tkhtkk>
3. Карабак И. И., Зорин К. А., Ажмухамедов И. М. Парсинг телеграм-каналов как системы автоматизированного анализа информации, полученной из сети Интернет. *Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии*. 2022. № 1. С. 9–17. [Karabak I. I., Zorin K. A., Azhmukhamedov I. M. Parsing of telegram channels as an element of the system of automated analysis of information received from the Internet. *Caspian Journal: Control and High Technologies*, 2022, (1): 9–17. (In Russ.)] https://doi.org/10.54398/2074-1707_2022_1_9
4. Фионина А. С. Определение, источники и классификация термина "fake news". *Огарев-Online*. 2023. Т. 11. № 6. С. 27–36. [Fionina A. S. Definition, sources and classification of the concept of fake news. *Ogarev-Online*, 2023, 11(6): 27–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ocakco>
5. Allcott H., Gentzkow M. Social media and fake news in the 2016 election. *Journal of Economic Perspectives*, 2017, 31(2): 211–236. <https://doi.org/10.1257/jep.31.2.211>
6. Tandoc E. C., Jenkins J., Craft S. Fake news as a critical incident in journalism. *Journalism Practice*, 2019, 13(6): 673–689. <https://doi.org/10.1080/17512786.2018.1562958>
7. Verstraete M., Bambauer D. E., Bambauer J. R. Identifying and countering fake news. *SSRN*, 2017. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3007971>
8. Drexel J. Economic efficiency versus democracy: On the potential role of competition policy in regulating digital markets in times of post-truth politics. *Competition policy: Between equity and efficiency*, eds. Forthcoming D. G., Ioannis L. Cambridge: Cambridge University Press, 2017, 242–267.
9. Schnellenbach J. On the behavioral political economy of regulating fake news. *ORDO*, 2017, 68(1): 159–178. <https://doi.org/10.1515/ordo-2018-0008>
10. Распопова С. С., Богдан Е. Н. Фейковые новости: природа происхождения. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2017. № 11. С. 48–53. [Raspopova S. S., Bogdan E. N. Fake news: The nature of origin. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2017, (11): 48–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylqnif>
11. Иоселиани А. Д., Бунина М. А. Фейк и фейк-ньюс как инструменты влияния на формирование общественного мнения. *Век глобализации*. 2023. № 2. С. 125–135. [Ioseliani A. D., Bunina M. A. Fake and fake news as instruments influence on the shaping of public opinion. *Vek globalizatsii*, 2023, (2): 125–135. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30884/vglob/2023.02.11>
12. Шульц Э. Э. Фейковые новости в современных коммуникационных процессах. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. 2022. Т. 9. № 3. С. 262–273. [Shults E. E. Fake news in contemporary communication processes. *RUDN Journal of Public Administration*, 2022, 9(3): 262–273. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2022-9-3-262-273>
13. Шведов И. Ю. Постправда: фейковые новости как феномен современной культуры. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2025. Т. 50. № 1. С. 196–202. [Shvedov I. Yu. Post-truth: Fake news as a phenomenon of modern culture. *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law*, 2025, 50(1): 196–202. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2025-50-1-196-202>
14. Кадничанская М. И., Галкина Е. П., Коновалов Д. С., Цыганов И. С. Роль СМИ в современных политических конфликтах: опыт прикладного социологического исследования. *Гуманитарий Юга России*. 2024. Т. 13. № 6. С. 145–161. [Kadnichanskaya M. I., Galkina E. P., Konovalov D. S., Tsyganov I. S. The role of the media in modern political conflicts: The results of applied sociological research. *Humanities of the South of Russia*, 2024, 13(6): 145–161. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.6.11>
15. Мкртчян А. Е., Атанесян А. В. Армения между Россией и Западом: внешнеполитические приоритеты в общественном мнении. *Социологические исследования*. 2022. № 12. С. 88–100. [Mkrtychyan A. E., Atanesyan A. V. Armenia between Russia and the West: Foreign political priorities in public opinion. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022, (12): 88–100. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013216250022088-9>
16. Рассказова И. Н., Муродов И. Э. Фейк как инструмент распространения вирусного контента в информационном поле Республики Таджикистан. *Этносоциум и межнациональная культура*. 2023. № 9. С. 63–72. [Rasskazova I. N., Murodov I. E. Fake as a tool for spreading viral content in the information field of the republic of Tajikistan. *Etnosocium (Multinational Society)*, 2023, (9): 63–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vlsoge>
17. Окуловский М. Д. Молодежь и медиа: влияние информационных технологий на политическое мировоззрение. *Социодинамика*. 2024. № 4. С. 10–21. [Okulovskii M. D. Youth and media: The impact

- of information technology on the political worldview. *Sociodinamika*, 2024, (4): 10–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2024.4.70480>
18. Зуйкина К. Л., Соколова Д. В. Особенности идентификации фейковых новостей молодежной аудиторией. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. № 71. С. 310–326. [Zuykina K. L., Sokolova D. V. Fake news: Can young people distinguish fact from fiction? *Tomsk State University Journal of Philology*, 2021, (71): 310–326. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/khpkej>
19. Комарова А. А. Проблемы политической коммуникации с молодежью в социальных сетях. *Вестник университета*. 2022. № 9. С. 176–182. [Komarova A. A. Challenges of political communication with young people on social media. *Vestnik Universiteta*, 2022, (9): 176–182. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/scldghg>
20. Баринов Д. Н., Несина В. В. «Фейк-ньюс» в социальных сетях: медиапрактики студенческой молодежи. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2023. Т. 12. № 1. С. 5–23. [Barinov D. N., Nesina V. V. "Fake news" in social networks: Media practices of students. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2023, 12(1): 5–23. (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12\(1\).5-23](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12(1).5-23)
21. Демченко А. А. Сложность интерпретации фейковых новостей как одного из видов манипуляции общественным сознанием. *Молодой ученый*. 2025. № 2. С. 435–437. [Demchenko A. A. The difficulty of interpreting fake news as one of the types of manipulation of public consciousness. *Molodoi uchenyi*, 2025, (2): 435–437. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ubekzd>
22. Мясникова Ц. Ц., Сафронова О. В., Толстокулакова Ю. В. Фейки в социальных медиа Забайкальского края: война с аксиологией социума. *Гуманитарный вектор*. 2023. Т. 18. № 3. С. 164–174. [Myasnikova Ts. Ts., Safronova O. V., Tolstokulakova Yu. V. Fake news in the social media of the Trans-Baikal Territory: The war against the axiology of society. *Humanitarian Vector*, 2023, 18(3): 164–174. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2023-18-3-164-174>
23. Ляхов В. П., Фадеева Н. В., Смитюк А. С. Проблема влияния фейковых новостей на молодое поколение современной России. *Теории и проблемы политических исследований*. 2023. Т. 12. № 11А. С. 9–20. [Lyakhov V. P., Fadeeva N. V., Smityuk A. S. The problem of the influence of fake news on the younger generation of modern Russia. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, 2023, 12(11A): 9–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/arrjfq>
24. Патюкова Р. В., Оломская Н. Н., Николаева Ю. Е. Механизмы создания фейковой новости как современной технологии взаимодействия с общественностью. *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2022. Т. 2. № 2. С. 237–246. [Patukova R. V., Olomskaia N. N., Nikolaeva Yu. E. Mechanisms for creating fake news as modern technologies of interaction with the public. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 2022, 2(2): 237–246. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oqgsfz>
25. Мильчук Я. Г. Анализ данных социальных сетей как способ сбора информации о социальных предпочтениях жителей регионов. *Научный журнал*. 2018. № 5. С. 30–31. [Milchuk Ya. G. Social network data analysis as a way to collect information about the social preferences of regional residents. *Nauchnyi zhurnal*, 2018, (5): 30–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xrhjdv>
26. Пшегорский А. С. Фейковые новости как феномен современной интернет-среды и перспективы ограничения их распространения. *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2023. Т. 14. № 3. [Pshhegor'skiy A. S. Fake news as a phenomenon of the modern internet environment and prospects for limiting their distribution. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2023, 14(3). (In Russ.)] URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/31SCSK323.pdf> (дата обращения: 07.09.2025). <https://elibrary.ru/fxmgdn>
27. Ерыгина М. О. Специфика контента в Telegram. *Молодой ученый*. 2024. № 5. С. 84–87. [Yerygina M. O. The specifics of the content on Telegram. *Molodoi uchenyi*, 2024, (5): 84–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/elzjam>
28. Епремян Т. В., Биркун И. Е., Романов К. А., Фомкин А. И. Социологическое исследование: влияние Telegram-каналов на общественное мнение. *Экономика. Социология. Право*. 2025. № 1. С. 54–63. [Yepremyan T. V., Birkun I. E., Romanov K. A., Fomkin A. I. Sociological research: The influence of telegram channels on public opinion. *Economy. Sociology. Law*, 2025, (1): 54–63. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22281/2542-1697-2025-04-01-54-63>

оригинальная статья

eLibrary EDN: WABPAD

Междисциплинарный подход к анализу политических предпочтений молодежи Северного Кавказа в социальных медиа

Гапич Александр Эрикович

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, Ставрополь

eLibrary Author SPIN: 7282-3237

<https://orcid.org/0000-0002-9987-8600>

Литвинова Екатерина Юрьевна

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, Ставрополь

eLibrary Author SPIN: 6758-8668

<https://orcid.org/0009-0005-0097-2330>

Шаповалов Алексей Викторович

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, Ставрополь

eLibrary Author SPIN: 7804-4460

alex-shapoval@yandex.ru

Шаповалова Екатерина Андреевна

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, Ставрополь

eLibrary Author SPIN: 7431-2665

Аннотация: Цифровые платформы выступают не только каналами трансляции политической информации, но также и средой, в которой воспроизводятся и трансформируются идентичности, нормы, способы артикуляции политического и социального будущего. При этом политические предпочтения молодых людей в социальных медиа проявляются преимущественно не в форме прямых деклараций, а в виде распределенных индикаторов, зачастую имеющих достаточно слабую проявленность. В специфическом контексте северокавказского макрорегиона с его сложной конфигурацией социокультурных идентичностей политические предпочтения не поддаются упрощенной редукции к одномерным показателям вроде электорального выбора. Напротив, они требуют глубокой реконструкции через анализ распределенных цифровых следов. Цель статьи – теоретически обосновать, методологически спроектировать и эмпирически верифицировать междисциплинарный подход к анализу политических предпочтений молодежи Северного Кавказа в социальных медиа, реконструируемых по распределенным цифровым следам. Опираясь на синтез теорий политической социализации, политико-психологического анализа установок и методов цифровой социологии, авторы предлагают интегративную исследовательскую модель, объединяющую когнитивные механизмы формирования политических образов, дискурсивные стратегии легитимации смыслов, сетевую топологию распределения влияния и алгоритмическую логику платформенной среды, обеспечивая комплексный дизайн эмпирической верификации изучаемых процессов. Предлагаемая междисциплинарная рамка включает четыре взаимосвязанных аналитических контура: когнитивно-политический, дискурсивный, сетевой и вычислительный. Операционализация политических предпочтений молодежи концептуализируется как процесс реконструкции латентного конструкта через многомерную систему эмпирических индикаторов: эмоциональная модальность восприятия институтов власти, используемые аргументационные схемы, режимы легитимности и символические коды, маркирующие *мы-границы*, со структурными характеристиками сетевого взаимодействия, такими как плотность связей, кластеризация и степень однородности окружения. Смысловые и структурные элементы верифицируются через поведенческие паттерны цифрового участия, проявляющиеся в интенсивности вовлеченности и специфике медиапотребления. Представленная модель обеспечивает валидность измерений за счет перекрестной верификации смысловых и структурных данных, минимизируя искажения, свойственные как исключительно качественным, так и формально-количественным методам, а также создает инструментальный базис для мониторинга и прогнозирования социально-политической динамики макрорегиона, позволяя выявлять точки кристаллизации новых идеологических контуров и потенциальных зон напряжения на ранних стадиях их формирования в цифровом пространстве.

Ключевые слова: политические предпочтения, политическая социализация, политическое восприятие, цифровая социология, сетевой анализ, социальные медиа, молодежь, Северный Кавказ

Цитирование: Гапич А. Э., Шаповалов А. В., Литвинова Е. Ю., Шаповалова Е. А. Междисциплинарный подход к анализу политических предпочтений молодежи Северного Кавказа в социальных медиа. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2026. Т. 11. № 3. С. 356–364. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-356-364>

Поступила в редакцию 17.12.2025. Принята после рецензирования 26.02.2026. Принята в печать 02.03.2026.

original article

Political Preferences of North Caucasus Youth on Social Media: An Interdisciplinary Approach

Alexander E. Gapich

North Caucasus Federal University, Russia, Stavropol

eLibrary Author SPIN: 7282-3237

<https://orcid.org/0000-0002-9987-8600>

Alexey V. Shapovalov

North Caucasus Federal University, Russia, Stavropol

eLibrary Author SPIN: 7804-4460

alex-shapoval@yandex.ru

Ekaterina Yu. Litvinova

North Caucasus Federal University, Russia, Stavropol

eLibrary Author SPIN: 6758-8668

<https://orcid.org/0009-0005-0097-2330>

Ekaterina A. Shapovalova

North Caucasus Federal University, Russia, Stavropol

eLibrary Author SPIN: 7431-2665

Abstract: While transmitting political information, digital platforms provide an environment for developing identities, norms, emotional attitudes, normative opinions, and ideas about the future. Young users express their political preferences on social media not through direct declarations, but rather through distributed and subtle indicators. The North Caucasus microregion has a complex configuration of sociocultural identities; here, political preferences cannot be reduced to one-dimensional indicators such as voting. Instead, they require reconstruction via a thorough analysis of distributed digital traces. This article theoretically substantiates, methodologically designs, and empirically verifies an interdisciplinary approach to analyzing the political preferences that the North Caucasus youth population expresses on social media as distributed digital traces. Based on a synthesis of political socialization theories, a political-psychological analysis of attitudes, and digital sociology methods, the authors propose an integrative research model that combines the cognitive mechanisms of political image formation, discursive strategies for legitimizing meanings, the network topology of influence distribution, and the algorithmic logic of the platform environment. The resulting interdisciplinary framework includes four interconnected analytical contours: cognitive-political, discursive, network, and computational. The operationalization of youth political preferences is conceptualized as a process of reconstructing a latent construct through a multidimensional system of empirical indicators: the emotional modality of perceiving government institutions, the argumentation schemes used, legitimacy modes, symbolic codes of group identity boundaries, and the structural characteristics of network interactions (connection density, clustering, environmental homogeneity, etc.). Semantic and structural elements are verified through behavioral patterns of digital activity manifested as engagement intensity and media consumption patterns. The model ensures valid measurements through the cross-verification of semantic and structural data, minimizing the distortions inherent in both purely qualitative and formal quantitative methods. This instrumental basis makes it possible to monitor and forecast the socio-political dynamics of the macroregion, timely identifying new ideological contours and potential zones of tension.

Keywords: political preferences, political socialization, political perception, digital sociology, network analysis, social media, youth, North Caucasus

Citation: Gapich A. E., Shapovalov A. V., Litvinova E. Yu., Shapovalova E. A. Political Preferences of North Caucasus Youth on Social Media: An Interdisciplinary Approach. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(3): 356–364. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-356-364>

Received 17 Dec 2025. Accepted after review 26 Feb 2026. Accepted for publication 2 Mar 2026.

Введение

Цель статьи – теоретически обосновать, методологически спроектировать и эмпирически верифицировать междисциплинарный подход к анализу политических предпочтений молодежи Северного Кавказа в социальных медиа, реконструируемых по распределенным цифровым следам. Исходная

постановка проблемы определяется тем, что цифровые платформы выступают не только каналами трансляции политической информации, но также и средой, в которой воспроизводятся и трансформируются идентичности, нормы и способы артикуляции политического и социального будущего.

При этом политические предпочтения молодых людей в социальных медиа проявляются преимущественно не в форме прямых деклараций, а в виде распределенных индикаторов, зачастую имеющих достаточно слабую проявленность. К таким индикаторам можно отнести подписки, репосты, реакции, комментарии и визуально-символические маркеры.

В условиях полиэтничности и сложной конфигурации идентичностей северокавказского макрорегиона, где пересекаются общероссийские, этнокультурные, конфессиональные и локально-территориальные основания самоописания, методологическая редукция политических предпочтений к одному измерению оказывается недостаточной [1]. В данном случае требуются модели, способные совместить индивидуальные когнитивные механизмы формирования установок, дискурсивное производство смыслов, сетевую организацию коммуникации и алгоритмическую медиацию видимости контента.

В современной политической науке и смежных дисциплинах анализ политических предпочтений молодежи понимается, во-первых, как исследование того, каким образом молодые люди формируют и выражают устойчивые или ситуативные ориентации в отношении политических акторов, институтов, идеологий, ценностей и конкретных политических решений, а во-вторых, как эти ориентации преобразуются в практики поддержки, участия или дистанцирования. При этом предпочтения молодежи не сводятся к единственному показателю, например электоральному выбору, а рассматриваются как многокомпонентная структура, которая включает ценностно-нормативные основания, идентичностные привязки, эмоциональные реакции и когнитивные схемы интерпретации событий. Именно по этой причине сосуществуют несколько крупных исследовательских традиций, каждая из которых предлагает собственный язык описания, набор индикаторов и методологию измерения исследуемого феномена.

Наиболее классическим подходом является парадигма политической социализации, в которой предпочтения трактуются как результат усвоения политических норм, образцов и установок в процессе взросления под воздействием институтов и агентов социализации. Эмпирически данный подход опирается на панельные и когортные исследования, позволяющие различать эффекты возраста, периода и поколения, а также анализировать устойчивость и изменчивость установок во времени [2]. В рамках этой традиции молодежные предпочтения объясняются, с одной стороны, «наследованием» политических диспозиций и культурных сценариев, а с другой – их модификацией под воздействием

образовательных и медиасредовых воздействий, жизненных шоков и политических событий, которые приходятся на период ранней социализации.

Центральное место в отечественной разработке проблематики политических предпочтений молодежи занимает политико-психологический подход, в рамках которого предпочтения трактуются как структурно организованные компоненты политического сознания и самосознания. В этой перспективе наиболее ценным является то, что молодежные предпочтения нередко являются лабильными, а потому лучше описываются не как фиксированные идеологические позиции, а как конфигурации представлений и эмоционально-нормативных оценок, меняющиеся под воздействием событий, коммуникации и группового окружения [3]. В русле этой же оптики активно развиваются исследования ценностно-символического пространства молодежной идентичности и его трансформаций в постсоветский период, где предпочтения рассматриваются как производные от того, какие символические ресурсы легитимности доступны молодежи и какие идентичностные матрицы становятся доминирующими [4].

Отдельный крупный сегмент аналогичных исследований строится вокруг аксиологического и поколенческого подходов. Здесь политические предпочтения интерпретируются через различия в базовых ценностях, жизненных целях, образах справедливости и ожидаемых правилах игры, задающих предрасположенность к поддержке определенных политических программ, типов лидерства и форм участия. Значимый вклад в эмпирическую типологизацию ценностей и их поколенческую динамику внесло исследование [5], которое демонстрирует различия в структуре базовых ценностей российских возрастных когорт и возможность интерпретировать указанные различия как результат социализационных условий и смены культурных контекстов. Поколенческий подход в отечественной социологии во многом опирается на концептуализацию поколений Ю. А. Левады и последующую методическую разработку поколенческих границ в определенные исторические периоды. В данной логике предпочтения молодежи рассматриваются как производные от исторического опыта взросления и от того, какие именно события и институциональные режимы стали нормой в момент формирования установок [6].

Коммуникационный подход в отечественной политической социологии характеризует влияние медиа как механизм актуализации повестки, закрепления интерпретационных рамок и перераспределения доверия. Политические предпочтения молодежи в русле коммуникационного подхода

описываются через то, какие источники признаются легитимными, какие сюжеты и оценки становятся доминирующими и как медийные форматы меняют когнитивные режимы восприятия. Российские работы по политической социализации подчеркивают, что медиатизация приводит к усилению конкуренции между агентами социализации и к возникновению гибридных траекторий формирования установок, когда традиционные институциональные каналы достраиваются или частично вытесняются цифровой средой [7].

С начала 2000-х гг. коммуникационная линия в России интенсивно развивается в направлении цифровой социологии и исследований онлайн-социализации. Социальные сети здесь понимаются как институциональная среда социализации, задающая нормы публичности, признания и репутационных санкций. Политические предпочтения начинают измеряться не только опросами, но и анализом цифровых практик. Отечественные авторы специально подчеркивают институциональную роль социальных сетей в социализации молодежи, а также необходимость учитывать их как самостоятельный социальный институт [8]. Прикладные исследования онлайн-социализации описывают механизмы вовлечения молодежи в политическое пространство через цифровые каналы, технологии и средства подобного вовлечения, переводящие анализ предпочтений в плоскость понимания цифровых механизмов политического участия молодежи [9].

Внутри цифрового направления выделяется подход, который ориентирован на анализ новых форм политического участия, фиксирующий предпочтение через выбор репертуаров участия. Здесь подчеркивается, что для поколения Z цифровые форматы становятся естественной инфраструктурой политической коммуникации, вследствие чего политические предпочтения проявляются как готовность поддерживать кампании, распространять сообщения, участвовать в обсуждениях и формировать сетевые идентичности. В отечественной цифровой социологии демонстрируется, что цифровые формы участия расширяют репертуар вовлеченности молодежи и создают специфические мотивы, отличные от традиционного партийно-электорального поведения [10]. Сюда же примыкают исследования коммуникации молодежи с политическими лидерами в социальных сетях, в которых предпочтения понимаются как результат взаимодействия ценностных ожиданий молодежи и стратегий публичной коммуникации политиков. При этом фиксируется разрыв в стилях коммуникации и языках легитимности, влияющих на доверие и готовность к поддержке [11].

Наконец, наиболее современный спектр отечественных концептуальных подходов связан с методологическим поворотом к сетевым и вычислительным исследованиям политических предпочтений, в которых политические предпочтения трактуются как латентные конструкторы, реконструируемые по цифровым следам и структурам взаимодействий, а затем проверяемые на независимых эмпирических основаниях. На уровне прикладной методологии наиболее важными представляются работы, систематизирующие инструментарий изучения молодежи в политике и подчеркивающие необходимость сочетать количественные и качественные дизайны с цифровыми источниками данных [12]. В рамках вычислительной оптики российские ученые все чаще используют сетевые метрики для объяснения особенностей формирования, устойчивых сегментов предпочтений и структуры сетевого окружения молодых людей. Например, исследования повестки в социальной сети ВКонтакте в периоды электоральных кампаний демонстрируют, что молодежно-ориентированные сегменты политического контента могут формировать специфические интерпретационные рамки и режимы внимания, что делает контентно-сетевой анализ важным измерительным контуром для реконструкции предпочтений [13].

Результаты

В российской науке сложилась относительно устойчивая схема понимания концептуальных подходов к анализу политических предпочтений молодежи. Подобная полипарадигмальность не является недостатком, напротив, она отражает реальную сложность молодежных предпочтений, одновременно укорененных в ценностях и идентичностях, которые проявляются в коммуникации и реализуются в цифровых практиках участия.

Вместе с тем анализ состояния отечественных исследований показывает методологический разрыв, имеющий принципиальное значение именно для контекста социальных медиа и для регионов со сложной идентичностной конфигурацией. Политико-психологические и аксиологические исследования, как правило, опираются на опросные измерения и качественные методы, обеспечивающие глубину интерпретации, но ограниченные в фиксации динамики и сетевой структуры цифровой коммуникации. Цифровая социология хорошо описывает новые репертуары участия, но не всегда связывает их с когнитивными механизмами формирования установок и с символическими ресурсами идентичности. Сетевой и вычислительный анализ, напротив, способен реконструировать структуру

коммуникаций, сообществ и циркуляцию контента. Следовательно, необходим переход от параллельного сосуществования подходов к интегративной рамке, позволяющей интерпретировать политические предпочтения молодежи в социальных медиа как результат совместного действия когнитивных механизмов, дискурсивных режимов легитимности, сетевой архитектуры коммуникаций и платформенной медиации.

Данный переход строится на трех исходных допущениях. Во-первых, политические предпочтения молодежи в цифровой среде следует понимать как латентный многокомпонентный конструкт, включающий когнитивные схемы восприятия политики, эмоционально-нормативные оценки, ценностно-идентификационные привязки, проявляющиеся в оставляемых пользователями социальных медиа цифровых следах [14]. Во-вторых, в социальных медиа предпочтения объективируются не только через смысл, но и через структуру. И тут важны одновременно дискурсивные стратегии, а также структурная позиция пользователя и сообществ, поскольку именно сетевое окружение задает режимы внимания и вероятность контакта с альтернативными рамками интерпретации [15]. В-третьих, цифровая среда не нейтральна по отношению к видимости и распространению политических смыслов. Медиа-платформы опосредуют коммуникацию алгоритмически, в силу чего измерение предпочтений должно учитывать не только производство контента, но и его циркуляцию, вовлеченность и потенциал распространения [16].

На этой основе предлагается междисциплинарная рамка, включающая четыре взаимосвязанных аналитических контура:

1. *Когнитивно-политический* – фиксирует механизмы формирования и актуализации политических установок молодыми людьми: восприятие власти и институтов, образы страны и будущего, эмоционально-нормативные оценки и когнитивные схемы интерпретации событий, проявляющиеся в цифровой среде через лексические маркеры, типовые аргументационные паттерны, эмоциональные модальности и устойчивые категории описания.

2. *Дискурсивный* – описывает способы конструирования смыслов и легитимации. В частности, какие нарративы и рамки доминируют в молодежных сегментах, как задаются границы *мы – они*, как оформляется представление о справедливости, безопасности, будущем и роли государства. В данном случае политические предпочтения молодежи понимаются как продукт не только индивидуальных установок, но и дискурсивных сообществ.

3. *Сетевой* – показывает, каким образом предпочтения закрепляются и воспроизводятся через структуру связей. Политические предпочтения интерпретируются как вероятностное свойство сети, проявляющееся в структурных паттернах взаимодействия.

4. *Вычислительный* – обеспечивает масштабируемую реконструкцию латентных предпочтений по цифровым следам и позволяет соединять содержание и структуру в единой измерительной модели. В рамках вычислительного контура осуществляется классификация политических текстов, тематическое моделирование, выявление маркеров публичной активности, анализ динамики вовлеченности и распространения, сопоставление дискурсивных и сетевых параметров на уровне сообществ и пользователей.

В предлагаемой методологической оптике операционализация политических предпочтений молодежи концептуализируется как процесс реконструкции латентного конструкта через многомерную систему эмпирических индикаторов. Данный подход позволяет синтезировать когнитивно-дискурсивные измерения, включая эмоциональную модальность восприятия институтов власти, используемые аргументационные схемы, режимы легитимности и символические коды, маркирующие *мы-границы*, со структурными характеристиками сетевого взаимодействия, такими как плотность связей, кластеризация и степень однородности окружения. Смысловые и структурные элементы верифицируются через поведенческие паттерны цифрового участия, которые проявляются в интенсивности вовлеченности и специфике медиапотребления. Применительно к северокавказскому контексту принципиально важно избегать этноконфессионального редукционизма [17]. Политические предпочтения в данном случае формируются в сложном переплетении локальных ресурсов идентичности с общероссийской динамикой ценностных сдвигов и эффектами сетевой сегментации внимания, что требует отказа от упрощенных объяснительных схем в пользу многофакторного анализа.

Архитектура эмпирической верификации предлагаемого междисциплинарного подхода базируется на строгом разграничении внутреннего и внешнего контуров валидации. Внутренняя логика исследования требует установления когерентности между результатами вычислительного и сетевого анализа, где принципиальным становится поиск однородности между структурными свойствами кластеров и их дискурсивно-тематическим наполнением, а также выявление взаимосвязи между

топологической позицией узла и спецификой воспроизводимых им стратегий легитимации и гибридных языковых форм.

Внешний контур предполагает социологическую валидацию реконструированных цифровых паттернов посредством методологической триангуляции с использованием традиционных исследовательских инструментов, что позволяет соотнести поведенческие метрики цифровой среды с рефлексивными самоописаниями и установками информантов [18]. Подобная двухуровневая процедура трансформирует исследовательскую рамку из механической совокупности методов в целостную аналитическую модель, в которой цифровые следы интерпретируются не как самодостаточные данные, а как эмпирический базис для реконструкции латентных предпочтений, верифицируемых через независимые источники.

Синтезируя теоретические основания, можно говорить о том, что предложенная аналитическая модель позволяет преодолеть методологический разрыв между изучением смысловых структур [19–21] и архитектуры социальных связей, интегрируя когнитивное и сетевое, индивидуальное и коллективное измерения в единую исследовательскую оптику. В рамках данного подхода политические предпочтения молодежи Северного Кавказа концептуализируются как сложный многомерный феномен, реконструируемый через совокупность «слабых сигналов» цифровой среды [22–24], требующих конвергенции инструментария когнитивной политологии, фокусирующейся на механизмах восприятия и цифровой социологии, анализирующей партиципаторные практики, что подтверждается результатами ранее проведенных исследований [25]. Применение вычислительных методов обеспечивает необходимую масштабируемость и верифицируемость выводов, трансформируя теоретическую рамку в надежный эпистемологический инструмент, пригодный не только для фиксации текущей конфигурации предпочтений молодежи Северного Кавказа, но и для отслеживания их динамической трансформации в условиях подвижной архитектуры современных цифровых платформ.

Заключение

Разработанная междисциплинарная модель преодолевает фрагментарность монодисциплинарных оптик, предлагая целостную архитектуру исследования политических предпочтений в цифровой среде. Ключевая эвристическая ценность предложенного подхода заключается в отказе от понимания политических предпочтений молодежи как статичных, декларативных установок в пользу

их концептуализации как динамических сетевых конструкторов, формирующихся на пересечении когнитивных схем, дискурсивных практик и алгоритмических режимов платформенной видимости.

Для специфических условий Северного Кавказа (высокая латентность политических процессов и сложное переплетение традиционалистских и модернистских паттернов) интеграция вычислительных методов с интерпретативными социологическими подходами открывает принципиально новые аналитические возможности. Переход от анализа прямых опросов к реконструкции распределенных цифровых следов позволяет фиксировать не только манифестируемые, но и скрытые уровни политической социализации, где этноконфессиональные маркеры идентичности трансформируются в новые формы гражданского и политического участия.

Представленная методологическая рамка решает две важные задачи:

- обеспечивает валидность измерений за счет перекрестной верификации смысловых и структурных данных, минимизируя искажения, свойственные как исключительно качественным, так и формально-количественным методам;
- создает инструментальный базис для мониторинга и прогнозирования социально-политической динамики макрорегиона, позволяя выявлять точки кристаллизации новых идеологических контуров и потенциальных зон напряжения на ранних стадиях их формирования в цифровом пространстве.

В перспективе именно апробация данной модели на эмпирических массивах данных позволит детально описать, как глобальные цифровые тренды преломляются сквозь призму региональной социокультурной специфики, формируя уникальный профиль политического будущего северокавказской молодежи.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания FSRN-2025-0010 «Маркирование и классификация политических ориентиров молодежи Северного Кавказа в социальных медиа» при поддержке Минобрнауки России.

Funding: The research was part of State Assignment FSRN-2025-0010, supported by the Russian Ministry of Education and Science: Labeling and classifying political attitudes of the youth in the North Caucasus on social media.

Литература / References

1. Авксентьев В. А., Аксумов Б. В., Гриценко Г. Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности. *Политическая наука*. 2020. № 3. С. 74–97. [Avksentev V. A., Aksiumov B. V., Gritsenko G. D. Ethnicity in political conflicts: Ethnicization of politics and politicization of ethnicity. *Political Science*, 2020, (3): 74–97. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>
2. Зуляр Ю. А., Зуляр Р. Ю. Политическая социализация, ее структура и модели. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2025. Т. 51. С. 43–59. [Zulyar Yu. A., Zulyar R. Yu. Political socialization, its structure and models. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*, 2025, 51: 43–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.51.43>
3. Селезнева А. В. Политико-психологические особенности политического сознания современной российской молодежи. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2013. № 3. С. 128–136. [Selezneva A. V. Psychological analysis of political values in contemporary Russian public: Generational aspect. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2013, (3): 128–136. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/raevhp>
4. Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2017. № 4. С. 48–64. [Evgenyeva T. V., Selezneva A. V. Transformation of the national-state identity of Russian youth in the post-Soviet period: Value foundations and symbolic representations. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 2017, (4): 48–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvoiqd>
5. Магун В. С., Руднев М. Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2008. № 1. С. 33–58. [Magun V. S., Rudnev M. G. Life values of the Russian population: Similarities and differences in comparison to other European countries. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2008, (1): 33–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jrhfxn>
6. Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования. In: Левада Ю. А., Шанин Т., Дубин Б. В. Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 39–61. [Levada Yu. A. Generations of the 20th century: Research possibilities. In: Levada Yu. A., Shanin T., Dubin B. V. *Fathers and children: A generational analysis of contemporary Russia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005, 39–61. (In Russ.)]
7. Самсонова Т. Н., Наумова Е. С. Роль СМИ в политической социализации современной российской молодежи. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2019. Т. 25. № 4. С. 247–264. [Samsonova T. N., Naumova E. S. The role of mass media in political socialization of modern Russian youth. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2019, 25(4): 247–264. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sajcyp>
8. Самыгин С. И., Попов М. Ю., Загутин Д. С. Социальные сети как социальный институт социализации молодежи. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015. № 5. С. 46–49. [Samygin S. I., Popov M. Yu., Zagutin D. S. Social networks as a social institution for youth socialization. *Gumanitarnye, socialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2015, (5): 46–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tvuavx>
9. Киселева Л. С., Семёнова А. А., Сидорова У. И., Киселева О. А. Исследование механизма онлайн-социализации молодежи в российском политическом пространстве. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2022. № 7-3. С. 170–174. [Kiseleva L. S., Semenova A. A., Sidorova U. I., Kiseleva O. A. Research of the mechanism of online socialization of youth in the Russian political space. *International Research Journal*, 2022, (7-3): 170–174. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.121.7.110>

10. Гришаева С. А., Лебедева А. А. Перспективы развития цифровых форм политического участия поколения Z в современной России. *Цифровая социология*. 2020. Т. 3. № 4. С. 12–18. [Grishaev S. A., Lebedeva A. A. Prospects for the development of digital forms of political participation of Generation Z in modern Russia. *Digital Sociology*, 2020, 3(4): 12–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/huwpav>
11. Комарова А. А. Политические лидеры и молодежь: взаимодействие в социальных сетях. *Цифровая социология*. 2021. Т. 4. № 1. С. 42–49. [Komarova A. A. Political leaders and young people: Interaction in social networks. *Digital Sociology*, 2021, 4(1): 42–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytavng>
12. Муртазин Р. А. Формы политического участия современной молодежи в политической жизни России. *Инновационная наука*. 2024. Т. 2. № 11-1. С. 140–142. [Murtazin R. A. Forms of political participation of modern youth in the political life of Russia. *Innovation Science*, 2024, 2(11-1): 140–142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kcltfv>
13. Соколов А. И., Гребенко Е. Д. Информационная повестка для молодежи в социальных сетях в период выборов депутатов Государственной думы Российской Федерации VIII созыва. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2022. Т. 23. № 1. С. 48–62. [Sokolov A. V., Grebenko E. D. Information agenda for young people on social network sites during the election of deputies of the State Duma of the Russian Federation of the VIII convocation. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2022, 23(1): 48–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vincf>
14. Шестопал Е. Б., Палитай И. С. Психологические особенности восприятия политических партий в современной России. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2014. № 4. С. 28–51. [Shestopal E. B., Palitai I. S. Psychological features of the perception of political parties in modern Russia. *Lomonosov Political Science Journal*, 2014, (4): 28–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tjaabz>
15. Попова О. В., Суслов С. И. Сетевой анализ политических интернет-сообществ: от формализованных к «ненаблюдаемым» группам. *Политическая наука*. 2021. № 1. С. 160–182. [Popova O. V., Suslov S. I. Network analysis of political Internet communities: From formalized to "unobservable" groups. *Political Science*, 2021, (1): 160–182. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.07>
16. Стукал Д. К., Беленков В. Е., Филиппов И. Б. Методы наук о данных в политических исследованиях: анализ протестной активности в социальных сетях. *Политическая наука*. 2021. № 1. С. 46–75. [Stukal D. K., Belenkov V. E., Philippov I. B. Data science methods in political research: Analyzing protest activity in social media. *Political Science*, 2021, (1): 46–75. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.02>
17. Авдеев Е. А., Ерохина М. Е. Ценностные основания идентичности молодежи Северного Кавказа. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2022. № 1. С. 56–65. [Avdeev E. A., Erokhina M. E. Value-semantic basis of the North Caucasus youth identity. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2022, (1): 56–65. (In Russ.)] https://doi.org/10.5245/2/18115942_2022_1_56
18. Попова О. В., Гришин Н. В., Суслов С. И. Политизация массового сознания российской молодежи в 2022 г.: возможности оценки на основе статистического анализа. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2023. Т. 25. № 2. С. 471–485. [Popova O. V., Grishin N. V., Suslov S. I. The politicization of the mass consciousness of the Russian youth in 2022: Possibilities of evaluation on the basis of statistical analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 2023, 25(2): 471–485. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-471-485>
19. Малик Е. Н., Мельников А. В. Становление политической субъектности российской молодежи в условиях современности. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2015. № 2. С. 70–75. [Malik E. N., Melnikov A. V. Formation of political subjectivity of Russian youth in modern conditions. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 2015, (2): 70–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tslxzd>
20. Елисеев А. Л., Малик Е. Н., Мельников А. В. Специфика социально-политического самоопределения современной российской молодежи. *Знание. Понимание. Умение*. 2015. № 3. С. 83–93. [Eliseev A. L., Malik E. N., Melnikov A. V. Specific features of social and political self-determination in contemporary Russian youth. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2015, (3): 83–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.3.7>
21. Лактионова Н. В. Политические предпочтения в молодежной среде. *Экономика и социум*. 2015. № 2-3. С. 15–18. [Laktionova N. V. Political preferences among young people. *Ekonomika i socium*, 2015, (2-3): 15–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vdcwth>
22. Зибя Я. Количественные и качественные методы в политологии. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2024. № 10-1. С. 104–106. [Ziba Ya. Quantitative and qualitative methods in political

- science. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2024, (10-1): 104–106. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-10-1-104-106>
23. Немчина В. И., Чурилов С. А. Инструменты защиты молодежи от негативного воздействия агрессивной цифровой среды. *Гуманитарий Юга России*. 2025. Т. 14. № 2. С. 163–172. [Nemchina V. I., Churilov S. A. Tools for protect young people from the negative effects of an aggressive digital environment. *Humanities of the South of Russia*, 2025, 14(2): 163–172. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2025.2.13>
24. Мороз О. Технологии конструирования смыслов в цифровых экосистемах: субъекты, платформы и этика. *Сканирование горизонтов: роль информационных технологий в будущем гражданского общества*. 2020. № 1. С. 50–75. [Moroz O. The technology of constructing meanings in digital ecosystems: Agents, platforms and ethics. *Skanirovanie gorizontov: Rol informacionnyh tekhnologii v budushchem grazhdanskogo obshchestva*, 2020, (1): 50–75. (In Russ.)]
25. Белинская Д. В. Формы партисипации молодежи в социокультурном пространстве. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2012. № 11. С. 300–303. [Belinskaya D. V. Participation forms of youth in socio-cultural space. *Tambov University Review: Series Humanities*, 2012, (11): 300–303. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pikuav>

оригинальная статья

eLibrary EDN: JPPOQA

Россия в международной системе освоения космоса: глобальное сотрудничество и конкуренция через призму XXI века

Кшов Арсений Сергеевич

Пятигорский государственный университет, Россия, Пятигорск

eLibrary Author SPIN: 3308-2856

<http://orcid.org/0009-0001-3392-4707>

Гребенькова Анна Александровна

Пятигорский государственный университет, Россия, Пятигорск

<http://orcid.org/0009-0009-3780-6730>

gr3benkovaa@yandex.ru

Аннотация: Цель – проанализировать и выявить геополитические вызовы и их влияние на текущие принципы, задачи и основные приоритеты государственной политики Российской Федерации в космической деятельности на международной арене, а также определить, как именно геополитическая нестабильность влияет на необходимость реконфигурации целей, задач и принципов России в космической политике. Применены качественный метод case study, позволяющий детально проанализировать конкретные кейсы международного космического сотрудничества России, а также системный, функциональный, сравнительный и прогностический методы, которые обеспечивают комплексное понимание взаимосвязи между внутренними и внешними факторами, влияющими на российскую космическую политику. Реконструированы исторические предпосылки формирования современной модели международного космического сотрудничества России, проведено ее сопоставление с текущими практиками взаимодействия с государствами Запада, Азии и Глобального Юга. Кроме того, определены ключевые вызовы и ограничения, влияющие на реализацию российских космических программ. Особое внимание уделено роли космоса как инструмента мягкой силы и элемента стратегического позиционирования государства на международной арене. На основе проведенного анализа обоснована необходимость трансформации принципов государственной космической политики России, включая усиление ориентации на технологический суверенитет, многостороннее партнерство с государствами Глобального Юга и выработку сбалансированной стратегии взаимодействия с Китайской Народной Республикой и Соединенными Штатами Америки. Практическая значимость статьи состоит в возможности использования ее выводов при формировании внешнеполитических и научно-технических стратегий Российской Федерации в космической сфере.

Ключевые слова: космическое сотрудничество, глобальная нестабильность, научно-техническое развитие, международная конкуренция, национальные интересы, космическая политика, мягкая сила

Цитирование: Кшов А. С., Гребенькова А. А. Россия в международной системе освоения космоса: глобальное сотрудничество и конкуренция через призму XXI века. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2026. Т. 11. № 3. С. 365–376. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-365-376>

Поступила в редакцию 30.12.2025. Принята после рецензирования 20.03.2026. Принята в печать 30.03.2026.

original article

Russia in the International Space Exploration System: Global Cooperation and Competition in the 21st Century

Arseny S. Kshov

Pyatigorsk State University, Russia, Pyatigorsk

eLibrary Author SPIN: 3308-2856

<http://orcid.org/0009-0001-3392-4707>

Anna A. Grebenkova

Pyatigorsk State University, Russia, Pyatigorsk

<http://orcid.org/0009-0009-3780-6730>

gr3benkovaa@yandex.ru

Abstract: Current geopolitical challenges impact the principles, objectives, and priorities of Russia's policy in international space exploration. Geopolitical instability necessitates a reconsideration of national goals and strategies in space policy. The authors applied a qualitative case study method to analyze specific instances of Russia's international space cooperation. A combination of systemic, functional, comparative, and predictive methods provided a comprehensive understanding of the interplay between internal and external factors driving

Russia's space policy. A thorough analysis of historical prerequisites made it possible to reconstruct the modern model of international space cooperation in Russia and compare it with current practices in the Global West, Global South, and Asia. While Russian space programs face certain challenges and constraints, space exploration remains an instrument of soft power and strategic positioning in the international arena. Russia must transform its national space policy, focusing on technological sovereignty, multilateral partnerships with the Global South, and a balanced strategy for cooperation with the People's Republic of China and the United States. The research results can be applied to reshape Russia's current foreign policy in the sphere of space science and technology.

Keywords: space cooperation, global instability, scientific and technical development, international competition, national interests, space policy, soft power

Citation: Kshov A. S., Grebenkova A. A. Russia in the International Space Exploration System: Global Cooperation and Competition in the 21st Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(3): 365–376. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-365-376>

Received 30 Dec 2025. Accepted after review 20 Mar 2026. Accepted for publication 30 Mar 2026.

Введение

Начиная с середины XX в. освоение космического пространства стало не только сферой научно-технического развития, но и важным элементом глобальной геополитической конкуренции. Космос превратился в стратегически значимую среду, определяющую возможности государств в области безопасности, коммуникаций, навигации и экономического развития. Для Российской Федерации космическая деятельность традиционно является одним из ключевых направлений государственной политики, тесно связанным с задачами технологического развития, обеспечения национальной безопасности и укрепления международного статуса страны.

На протяжении последнего времени вопрос международного сотрудничества в космической сфере приобретает большое значение. Возрастание роли космоса в международных отношениях обусловлено его функциональной значимостью для устойчивого развития государств. Космические технологии лежат в основе систем спутниковой связи, дистанционного зондирования Земли, глобальной навигации и мониторинга климатических изменений, что делает космическую сферу критически важной для экономики, безопасности и научного прогресса. В результате зависимость государств от космической инфраструктуры усиливает стратегическое значение космической политики и делает ее неотъемлемой частью внешнеполитической повестки.

В современной космической политике России, наряду с развитием национальных технологий и научных исследований, значимое место занимает и международное сотрудничество. Международная

космическая деятельность России в настоящее время заключается в сотрудничестве в области инвестиций, научно-технических разработок и реализации совместных международных космических программ, например таких, как проект по строительству Международной научной лунной станции¹. Однако в связи с геополитической нестабильностью возникает необходимость пересмотра не только целей и задач космической политики РФ, но и трансформации самих принципов, на которых основывается российская космическая деятельность и международное космическое сотрудничество.

Для выявления факторов, влияющих на необходимость пересмотра и изменения принципов российской космической политики, целесообразно рассмотреть направления международного сотрудничества России в космической сфере на данный момент, ее тенденции и процессы трансформации сотрудничества России с другими государствами в космической сфере за последнее время. Также следует учитывать и исторические факторы, предопределившие текущее состояние международного сотрудничества России с иностранными государствами.

Цель – проанализировать и выявить геополитические вызовы и их влияние на текущие принципы, задачи и основные приоритеты государственной политики России в космической деятельности на международной арене, а также определить, как именно геополитическая нестабильность влияет на необходимость реконфигурации целей, задач и принципов России в космической политике. Исследовательский вопрос данной работы формулируется

¹ International Lunar Research Station (ILRS) Guide for Partnership. *China National Space Administration*. 16 Jun 2021. URL: <https://www.cnsa.gov.cn/english/n6465652/n6465653/c6812150/content.html> (accessed 22 Aug 2025).

следующим образом: каким образом геополитическая нестабильность влияет на трансформацию целей, принципов и приоритетов российской космической политики в сфере международного сотрудничества. Оригинальной гипотезой является необходимость трансформации принципов государственной политики России в международном космическом сотрудничестве, а также выявление новых принципов космической политики РФ.

Применены качественный метод case study, позволяющий детально проанализировать конкретные кейсы международного космического сотрудничества России, а также системный, функциональный, сравнительный и прогностический методы, которые обеспечивают комплексное понимание взаимосвязи между внутренними и внешними факторами, влияющими на российскую космическую политику.

Теоретические проблемы освоения космического пространства, вопросы космической и международной безопасности всегда были в центре внимания научного сообщества. Так, ученые изучали:

- политическую и идеологическую составляющую конфронтации США и СССР, а также возможности советско-американского взаимодействия в космосе [1];
- роль международного сотрудничества в создании амбициозных космических программ, особенно в контексте развивающихся стран, на примере международного сотрудничества в таких космических проектах, как Международная космическая станция и китайская космическая станция «Тяньгун» [2];
- историю космической безопасности и главные направления освоения космического пространства [3];
- новейшие тенденции в области политического, военного, технологического и коммерческого китайско-американского соперничества в космосе с акцентом на современную конкуренцию США и Китайской Народной Республики в области космоса [4];
- различные аспекты освоения космоса, международного космического сотрудничества, например специфику мирополитической составляющей процесса освоения космического пространства в XXI в.; также уточнены концептуальные основы *космической политики и космической дипломатии*, подчеркнута главная задача современной международной космической политики – поиск новых, более эффективных путей и форм сотрудничества в космосе с учетом обеспечения национальной безопасности [5].

Однако следует отметить, что вопрос современного международного космического сотрудничества и влияния геополитической турбулентности на реконфигурацию базовых принципов, целей и задач России в космической деятельности в XXI в. остается недостаточно исследован.

Результаты

Истоки российской космической политики были заложены в середине 1950-х гг., когда в СССР начала формироваться институциональная база и идеологические предпосылки освоения космоса. На тот момент, помимо стремления к научно-техническому развитию и исследованию космоса, советская космическая политика приобрела по большей части геополитический и конфронтационный характер, взяв ориентир на противодействие США в сфере освоения космоса.

В 1957 г. состоялся первый в мире запуск спутника в космическое пространство, который осуществил СССР, что стало ключевым событием, обозначившим начало космической эры и закрепившим технологическое лидерство СССР [1]. В 1961 г. СССР стал первым государством в мире, которое отправило первого человека в космос и также смогло обеспечить его успешное возвращение на Землю. Так, запуск первого искусственного спутника Земли в 1957 г. и полет Ю. А. Гагарина в 1961 г. закрепили за СССР статус ведущей космической державы и существенно усилили его международный престиж. Эти достижения имели не только технологическое, но и геополитическое значение, поскольку демонстрировали способность Советского Союза конкурировать с США в ключевой сфере научно-технического прогресса. Одновременно они стимулировали дальнейшую эскалацию космического соперничества и способствовали институционализации космической политики как важного направления государственной стратегии.

Не менее важным событием стало отправление в космос первой женщины-космонавта – В. В. Терешковой – в 1963 г. Ее полет имел символическое значение, выходящее за рамки чисто научного достижения. Он служил инструментом идеологического позиционирования СССР на международной арене, демонстрируя приверженность принципам гендерного равенства и социального прогресса [6]. В этом контексте космическая политика выступала не только как средство научного развития, но и как инструмент мягкой силы в глобальном идеологическом противостоянии.

Таким образом, с самого начала советская (а впоследствии российская) космическая политика носила

двойственный характер: с одной стороны, она была ориентирована на научно-техническое развитие, а с другой – выполняла стратегические и геополитические функции. Эта двойственность сохраняется и в современной российской космической политике, где космос рассматривается одновременно как пространство международной конкуренции и как сфера научного сотрудничества [Там же]. Космическая политика отражала двойственную природу – исследовательскую и стратегическую одновременно. С точки зрения сравнительного анализа в текущее время РФ рассматривает космос не только как пространство международной конкуренции и как область для распространения собственного политического влияния, но и как зону для научно-технического развития. Позиция России в области космической политики в настоящее время является аналогичной позиции ее предшественника – СССР – во второй половине XX в. Она сочетает в себе как научно-исследовательский, так и стратегико-политический характер [7].

Тем не менее советская космическая политика не носила исключительно конфронтационный и агрессивный характер по отношению к США и его западным партнерам – присутствовали и прецеденты международного космического сотрудничества с государствами Запада. Например:

- совместный космический проект, получивший название «Союз-Аполлон», – миссия американского корабля «Аполлон» и советского корабля «Союз», запущенная в 1975 г. [8], стала кульминацией советско-американской дипломатии в то время;
- совместное строительство Международной космической станции (МКС), в организации которого принимало участие еще 12 государств (страны Евросоюза, Канада и Япония); оно привело к политическому сближению России и США, а также остальных западных государств не только в космосе, но и на международной арене [9].

В результате во второй половине XX в. международное космическое сотрудничество стало одним из ключевых инструментов распространения влияния и взаимодействия государств на мировой арене. Периоды конфронтации сменялись периодами

сотрудничества и разработки совместных проектов. Применяя сравнительный анализ и сопоставляя историческую основу исследования с текущей космической политикой России, можно сделать вывод, что конфронтационные периоды, а также периоды международного космического сотрудничества аналогичны периодам, которые происходят в международном космическом сотрудничестве и политике России и государств Запада в XXI в. С одной стороны, американская Стратегия национальной обороны 2018 г. твердо утверждает, что космос и киберпространство являются пространством боевых действий². Та же концепция прописана в военной доктрине России, разработанной в 2010 г.³ С другой – даже в условиях геополитической нестабильности, которая значительно обострилась с 2022 г., американская и российская стороны продолжают осуществлять перекрестные полеты, и также был продлен двусторонний договор о перекрестных полетах к МКС до 2027 г.⁴ В рамках договора агентства обмениваются местами на пилотируемых кораблях «Союз» и Crew Dragon, чтобы гарантировать присутствие своих космонавтов и астронавтов на орбитальной станции. Данные факты указывают на то, что политическая напряженность не исключает функционального взаимодействия России и США.

Итак, исторические предпосылки к двойственной международной космической политике России нашли отражение в современной модели международного сотрудничества РФ и США в космической сфере, которая сохраняет черты двустороннего характера. Следует уточнить, что исторические предпосылки не являются однозначным гарантом той или иной космической политики России на данный момент, но именно они способствовали формированию базы современной российской космической политики на международной арене, которая опирается в первую очередь на стратегический интерес РФ, который сочетает как элементы защиты национальных интересов, так и прагматический диалог для реализации совместных исследовательских и технологических проектов в космосе. Необходимо отметить, что современная космическая политика России демонстрирует сбалансированный характер, который опирается на исторические

² 2018 Department of Defense National Defense Strategy. *USNI News*. 19 Jan 2018. URL: <https://news.usni.org/2018/01/19/2018-department-defense-national-defense-strategy> (accessed 20 Apr 2025).

³ Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации. Указ Президента РФ от 21.04.2000 № 706 (утратил силу с 05.02.2010). СПС КонсультантПлюс.

⁴ Потапов И. НАСА и «Роскосмос» продлили соглашение о перекрестных полетах на МКС. *LENTA.RU*. 14.04.2025. URL: <https://lenta.ru/news/2025/04/14/nasa-i-roskosmos-prodlili-soglasenie-o-perekrestnyh-poletah-na-mks/> (дата обращения: 20.05.2025).

предпосылки, совмещая двойственный подход в международном космическом сотрудничестве.

Исторические предпосылки к формированию российской космической политики в XXI в. в регионах Латинской Америки, Азии и Африки, а именно в сфере Глобального Юга, также демонстрируют не менее приоритетное значение, чем история российской космической политики в отношениях с государствами Запада. С середины 1960-х гг. Советский Союз активно развивал международное сотрудничество в космической сфере со странами Азии и Африки, рассматривая его как инструмент укрепления политических позиций и распространения научно-технического влияния в контексте геополитического противостояния с государствами Запада [10]. Космос в советской внешней политике выступал не только символом технологического прогресса, но и эффективным механизмом формирования союзных связей с государствами, недавно получившими независимость. Одним из направлений такой политики стала реализация образовательных и технических программ в рамках Института космических исследований и Университета дружбы народов, где осуществлялась подготовка специалистов из Индии, Египта, Алжира, Сирии, Вьетнама и других стран. Создание данных учреждений обуславливалось не только необходимостью и стремлением оказать помощь странам, завоевавшим свободу от колониальной зависимости, но и политическим характером в целях укрепления собственных позиций в соответствующих регионах [2]. СССР предоставлял материально-техническую помощь, включая передачу технологий в области телекоммуникаций, радиолокации и спутниковой связи.

В 1970–1980-е гг. (начало проекта – 1967 г., продлилась до 1993 г.) ключевое значение приобрел проект «Интеркосмос», в рамках которого представители государств Азии и Латинской Америки (Вьетнам, Индия, Монголия, Куба) получили возможность участвовать в совместных исследованиях и пилотируемых полетах. Так, в 1980 г. в рамках этого проекта в космос отправился первый кубинский космонавт африканского происхождения – А. Т. Мендес, а позднее – представители Вьетнама, Монголии и Индии [4]. «Интеркосмос» стал важным инструментом советской космической дипломатии, позволяя СССР формировать долгосрочные партнерства с государствами Азии, Африки и Латинской Америки. Таким образом, происходило формирование ранней формы многостороннего космического сотрудничества, сочетающего элементы научного обмена и геополитического позиционирования [11].

Советская космическая политика в отношении Азии и Африки носила комплексный характер: она сочетала элементы научно-технического обмена, идеологической поддержки и инструментов мягкой силы в рамках глобального противостояния со странами Запада. Через космические проекты СССР стремился продемонстрировать преимущества социалистической модели модернизации и тем самым укрепить свое влияние в странах Глобального Юга и Азии. В результате к концу 1980-х гг. СССР сформировал устойчивую сеть партнерств в области космических исследований, телекоммуникаций и дистанционного зондирования Земли, которая частично сохранилась и в современной российской политике [12].

Таким образом, применяя метод сравнительного анализа и сопоставляя политику СССР в сфере международного космического сотрудничества со странами Латинской Америки, Азии и Африки с текущей российской космической политикой в отношении данных регионов, можно отметить, что она является аналогичной. Как и политика СССР, современное международное сотрудничество России со странами Глобального Юга и Азии в космосе сочетает комплексный подход: как развитие научно-исследовательского и технического совместного сотрудничества, так и укрепление политических позиций на международной арене. Следовательно, современная российская космическая политика рассматривает международное космическое сотрудничество в качестве инструмента мягкой силы, а это является прямым продолжением бывшей советской политики в отношении стран Глобального Юга и Азии и отражает сбалансированный характер текущей российской политики в космосе с данными регионами.

Рассмотренные исторические предпосылки к формированию российской космической политики в XXI в. являются аналогичными и несут идентичный характер. Современное российское международное космическое сотрудничество со странами Запада, Глобального Юга и Азии обуславливается как научно-исследовательским, так и политическим характером. В отношении Западных стран Россия проводит аналогичную Советскому Союзу политику, основанную на двойственном характере: совмещая стратегический подход в целях защиты национальных интересов и прагматический диалог для продолжения сотрудничества и реализации совместных научно-технических и исследовательских проектов в космосе. В отношении стран Глобального Юга и Азии Россия также придерживается идентичных комплексных мер, что и СССР: сочетает элементы

научно-исследовательского и технического сотрудничества, а также политические цели, основанные на стремлении укрепить свое влияние и присутствие в различных регионах мира в рамках международного космического сотрудничества, и рассматривает космос как инструмент мягкой силы.

В начале XXI в. реструктуризация внешней политики России привела к трансформации вопроса международного космического сотрудничества, придавая ему новый характер. Стратегический интерес России переориентировался с Запада на Восток, на развитие сотрудничества в космической сфере с ключевыми азиатскими партнерами, в частности с КНР и Индией [13]. Российско-китайское и российско-индийское сотрудничество в сфере космоса берет свое начало еще с советских времен, но по причине глобальной политической трансформации на международной арене с начала XXI в. РФ приняла решение укрепить характер постоянного и тесного взаимодействия со странами Азии. Особенно на динамике сотрудничества отразилось присоединение Россией в 2014 г. Крыма, когда российско-американское сотрудничество было минимизировано, а сама Россия оказалась в условиях санкций со стороны государств Запада. В этой ситуации стратегической целью РФ стало развитие более глубокого сотрудничества в космической сфере с Китаем, Индией и другими государствами, с которыми Россия находится в дружественных отношениях [14].

Знаковым этапом космического сотрудничества России со странами Азии стал проект по реализации совместного строительства Международной научной лунной станции (МНЛС), воплотивший переход России к новому формату международного космического сотрудничества. В настоящее время данный проект является ключевым аспектом, отражающим стремление РФ компенсировать ограничение доступа к западным космическим технологиям в условиях санкций и геополитической нестабильности за счет углубления партнерства со странами Азии. Это знаменует переориентацию стратегического интереса России к многоцентричной модели международного сотрудничества [3]. В марте 2021 г. был подписан меморандум о намерениях по совместному сотрудничеству в этом проекте [15]. По данным на 2024 г. в проекте участвуют 12 государств, такие как Азербайджан, Белоруссия, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Пакистан, Южно-Африканская

Республика (ЮАР), Венесуэла и др.⁵ Присоединение других государств к строительству МНЛС свидетельствует об успешных дипломатических контактах России с государствами Глобального Юга и Азии в сфере международного космического сотрудничества, даже в условиях геополитической турбулентности.

Российская Федерация также укрепляет международное космическое сотрудничество со странами Африки, например, на данный момент разрабатывается соглашение о мирном освоении космоса между Россией и Тунисом, а в мае 2024 г. на встрече глав космических агентств стран БРИКС РФ выступила с предложением создания Совета по космосу, которое одним из первых поддержала ЮАР [16]. В этом же году было подписано соглашение о приобретении и разворачивании трех орбитальных спутников российского производства по обеспечению связи, обороны государств и зондированию Земли, необходимых для укрепления суверенитета трех стран Сахеля – Нигера, Мали и Буркина-Фасо⁶.

В Латинской Америке в текущих геополитических условиях Россия также расширяет свое присутствие в вопросах международного космического сотрудничества. Так, в мае 2024 г. сообщалось, что АО «Терра Тех» (Роскосмос) заключила соглашение с бразильской компанией Shamal Space о продвижении продуктов и услуг дистанционного зондирования Земли на рынках Латинской Америки [17]. Помимо этого, на текущий момент в Бразилии находятся четыре квантово-оптические российские станции ГЛОНАСС, еще одна размещена на Кубе. Таким образом, международное космическое сотрудничество РФ со странами Глобального Юга и Азии продолжает развиваться даже в современной политической ситуации на международной арене, а позиция России в международном взаимодействии с данными регионами в сфере космоса носит прежде всего характер инструмента мягкой силы и содержит научно-технологический интерес.

Тем не менее важно отметить, что даже в текущих условиях геополитической нестабильности, санкционного давления и ограничения международных контактов с переориентацией внешнеполитического курса России с Запада на Восток международное космическое сотрудничество США и РФ сохраняется. Национальное космическое агентство США (Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства – НАСА)

⁵ К российско-китайскому проекту создания лунной базы присоединились 12 стран. *Интерфакс*. 28.05.2024. URL: <https://www.interfax.ru/russia/962676> (дата обращения: 04.06.2025).

⁶ Нигер приобрел три спутника у Роскосмоса. *TACC*. 02.11.2024. URL: <https://tass.ru/kosmos/22294213> (дата обращения: 04.06.2025).

и государственная корпорация России (Роскосмос) поддерживают прямой диалог. Летом 2025 г. состоялась встреча глав космических агентств России и США, Дмитрия Баканова и Шона Даффи. Стороны обсудили дальнейшую работу МКС, сотрудничество по лунным программам, совместное освоение дальнего космоса и продолжение взаимодействия по другим космическим проектам, также были подписаны дополнительные соглашения к договору о перекрестных полетах на МКС, внесены изменения в составы экипажей экспедиций в 2025–2026 гг.⁷ Данное событие свидетельствует о положительной динамике в вопросе двустороннего международного космического сотрудничества РФ и США в контексте напряженных международных отношений России и Запада. Сохранение диалога является следствием эффективной работы непрямого дипломатического канала со стороны России, которая придерживается двойственной стратегии, содержащей принципы прагматического диалога и оборонную инициативу с целью защиты и утверждения национальных интересов на международной арене.

В настоящее время сбалансированный подход к международному космическому сотрудничеству со странами Запада, а именно с США, приобретает растущую значимость. С одной стороны, ликвидация всяких контактов приведет к потере крупного партнера в сфере научно-исследовательских задач в освоении космоса, а с другой – необходим пересмотр целей и принципов международного космического сотрудничества для предотвращения утверждения США как главного гегемона в области космоса. Также ключевое значение имеет установление многоцентричной модели международного космического сотрудничества с целью создания противовеса США в космической сфере за счет международной кооперации со странами Азии и Глобального Юга в вопросах космического сотрудничества.

Администрация бывшего президента США Джо Байдена, а затем и Дональда Трампа выразила поддержку национальному проекту «Артемида» (при участии Европейского космического агентства, Японского агентства аэрокосмических исследований и Канадского космического агентства), целью которого является исследование поверхности Луны и создание постоянных исследовательских центров на ней [17]. В сентябре 2025 г. было заявлено, что НАСА планирует осуществить первую попытку запуска миссии «Артемида-2» в начале февраля 2026 г.⁸

Таким образом, проект «Артемида» является аналогом проекта МНЛС. В условиях нарастающей конкуренции с США одной из ключевых стратегических задач России является ускоренная реализация МНЛС. Это позволит не только укрепить технологическое присутствие РФ в космосе, но и создать альтернативный центр притяжения для государств, не участвующих в проекте «Артемида». Реализация МНЛС до или параллельно с американскими инициативами способна усилить позиции России в формирующейся архитектуре глобального космического управления. Космическая сфера также является инструментом мягкой силы, следовательно, скорейшая реализация проекта МНЛС не только станет значительным этапом в укреплении сотрудничества России со странами-участницами данного проекта, но и закрепит репутацию РФ как ключевого игрока на международной арене в космической сфере, что имеет особую значимость в условиях геополитической нестабильности [18].

Таким образом, строительство МНЛС можно назвать одной из приоритетных целей и задач России в области международного космического сотрудничества и политики. Тем не менее существует ряд задач и вызовов, которые необходимо разрешить для реализации проекта в ближайшем будущем:

1. В связи с дифференциацией финансово-экономического уровня стран-участниц проекта необходимо урегулировать вопросы по бюджетной стороне проекта, например распределить бюджет пропорционально уровню участия и объему значимости государства в реализации проекта, что отразится на дальнейшей эксплуатации станции. Так, если Россия станет одним из основных источников бюджетного обеспечения проекта, ее доля по вопросу эксплуатации лунной станции может значительно повыситься, что создаст предпосылки для укрепления роли страны в управлении и распоряжении станцией.

2. Несмотря на тесное взаимодействие с Китаем, что обусловлено политическим характером и геополитической нестабильностью, позиция КНР по вопросам международного космического сотрудничества представляется для РФ конкурентной. Следовательно, целесообразно выявить точки влияния, в которых российская позиция будет находиться на не менее выгодном положении относительно Китая или в более стратегически успешной позиции, не вступая при этом в фазу недружественных отношений с КНР. Условия для решения данного вопроса могут

⁷ Баканов обсудил с главой NASA сотрудничество по МКС. ТАСС. 31.07.2025. URL: <https://tass.ru/kosmos/24681487> (дата обращения: 30.08.2025).

⁸ Artemis II. NASA. URL: <https://www.nasa.gov/mission/artemis-ii/> (accessed 23 Sep 2025).

вытекать из рассмотренного ранее финансово-экономического вопроса, который занимает значимое место в реализации проекта Лунной станции. Так как проект в первую очередь российско-китайский, целесообразным является предположить выделение бюджетных средств на строительство станции в такой сумме, что будет соразмерна бюджетным вложениям самого Китая, либо будет превышать его. В результате степень участия РФ и КНР в управлении и распоряжении станцией будет идентичной либо с небольшим перевесом в сторону России.

Кооперация с Китаем в вопросах, связанных с научно-технической и даже финансово-экономической сферой, частично остается безальтернативной. Это обусловливается, во-первых, асимметрией экономического развития стран-участниц проекта, где Китай представляется как один из ключевых партнеров, способных обеспечивать реализацию МНЛС в финансово-экономическом плане после России, а во-вторых, тесной взаимосвязью с китайскими технологиями, которые занимают одно из центральных мест в строительстве станции. Следовательно, гипотетический отказ от сотрудничества с Китаем затрудняет дальнейшее развитие и реализацию проекта лунной станции. Также сам политическо-правовой каркас является точкой, где кооперация занимает ключевое место, т.к. сама идея проекта заключалась в российско-китайском сотрудничестве с формированием международной платформы в контексте альтернативы западному контуру. В случае прекращения сотрудничества сама политическая модель и идея теряют смысл.

Тем не менее необходимо отметить вопросы, в рамках которых конкуренция с Китаем наиболее вероятна. В первую очередь стратегический интерес КНР состоит в получении наиболее экономически и политически выгодного доступа к управлению МНЛС, к данным и к распределению технологических ресурсов. В таком случае Китай потенциально способен занимать приоритетную архитектурную и финансово-экономическую позицию в вопросах управления лунной станцией. Отдельные автоматические комплексы, научная аппаратура и в целом космическая инфраструктура МНЛС во многом определяют функционирование и производительность проекта. Однако использование собственных технологий и поставок может способствовать конкуренции с Китаем. В данном случае целесообразным для российской стороны является сохранять прагматический диалог с Китаем, однако при этом наращивать собственное технологическое присутствие, чтобы не оказаться в зависимом положении от китайского технологического сектора в рамках реализации

проекта МНЛС, а также в целях предотвращения потенциально возможной монопольной или преобладающей роли КНР в распоряжении станцией.

3. Еще одним вызовом является распределение функций и степени участия государств-участников проекта, утверждение и закрепление их роли на всех стадиях реализации проекта. Стоит отметить, что этот процесс может занять некоторое время.

4. Не менее важным вызовом является реализация аналогичного проекту МНЛС проекта США «Артемиды». В контексте геополитической турбулентности строительство лунной станции раньше реализации проекта «Артемиды» само по себе является вызовом для России, т.к. ставит перед собой задачу действовать оперативно для предотвращения распространения влияния США в космосе как основного игрока и также для избежания возможного усиления милитаризации космического пространства (поверхности Луны) со стороны США [8]. Более того, в случае реализации «Артемиды» раньше строительства МНЛС Россией и Китаем США потенциально могут огласить монопольное право и приватизацию определенной зоны на поверхности Луны, что утвердит их влияние и первенство в освоении лунной поверхности вопреки нормам международного права. В результате стратегическим и национальным интересом РФ в целях утверждения собственного влияния и укрепления позиций в сфере космоса и международного космического сотрудничества является опережение реализации проекта «Артемиды».

Методы системного и сравнительного анализа позволили проследить динамику и трансформацию приоритетов России в международные космические сотрудничества, а также сформировать актуальные цели, задачи и вызовы в российской космической политике в XXI в., которые можно разделить на финансово-экономические, организационно-правовые и политические аспекты. Было проанализировано международное космическое сотрудничество России с США и с Китаем, а также с остальными странами Глобального Юга и Азии. Установлено, что существует необходимость пересмотра принципов космической политики РФ и ее международного космического сотрудничества в сторону утверждения режима наибольшего благоприятствования для российской позиции на международной арене в условиях текущей геополитической нестабильности. Так, пересмотр принципов космической политики в сторону усиления российского влияния и наращивания присутствия в сфере международного космического сотрудничества сможет способствовать разрешению вызовов, упомянутых ранее, обеспечить сбалансированный характер взаимодействия со странами Азии,

в частности с Китаем, в космической сфере, а также закрепить принцип укрепления влияния России в космосе в дальнейших целях и задачах российской космической политики на международной арене. Принимая во внимание текущие геополитические условия, вопрос трансформации принципов международной космической политики приобретает все большую актуальность. Изменение характера данных принципов представляет растущую значимость в связи с интенсификацией глобальной конкуренции в космосе, в частности со стороны США [19]. В силу рассмотренных и проанализированных ранее вызовов в сфере международного космического сотрудничества рекомендуется пересмотр принципов космической политики.

Современная трансформация мировой системы международных отношений сопровождается усилением конкуренции за технологическое и стратегическое превосходство в космосе [20]. В этих условиях пересмотр принципов государственной космической политики РФ является необходимым условием адаптации к новым геополитическим реалиям, укрепления национального суверенитета и обеспечения долгосрочных стратегических интересов страны. В этой связи на основе функционально-системного и сравнительного анализа, а также по итогам проведенного исследования можно заключить, что изменение принципов международного космического сотрудничества и самой космической политики России является ключевым условием для реализации стратегических целей и защиты национальных интересов страны на геополитической арене для адаптации к новым реалиям мировой конкуренции и обеспечения собственного суверенитета и национальной безопасности. В качестве базовых принципов обновленной российской космической политики предлагается выделить следующие:

1) *принцип технологического суверенитета*, предполагающий развитие собственной космической инфраструктуры и снижение зависимости от иностранных технологий;

2) *принцип сбалансированного партнерства с Китаем*, направленный на углубление сотрудничества при одновременном предотвращении чрезмерной зависимости от китайских технологий и финансовых ресурсов;

3) *принцип многосторонности*, ориентированный на расширение взаимодействия с государствами Глобального Юга и Азии;

4) *принцип прагматического взаимодействия с Западом*, предполагающий сохранение научного диалога там, где это не противоречит национальным интересам России.

Следует уточнить, что общим структурным и фундаментальным принципом, необходимым в контексте перечисленных ранее положений, является принцип сохранения нейтралитета и научно-исследовательского характера в тех вопросах, которые не представляют прямую или косвенную угрозу российским национальным интересам. То есть целесообразно сохранять сбалансированный характер сотрудничества как с государствами Запада, так и с государствами Азии и Глобального Юга по направлениям научно-исследовательского освоения космоса и космических объектов в мирных целях. При этом по вопросам, прямо или косвенно затрагивающим национальный интерес России в сфере космоса (предстоящая реализация космической программы западных союзников под названием «Артемиды» или потенциальная угроза милитаризации и приватизации космического пространства иностранными государствами), следует предпринять комплекс мер, который будет направлен на обеспечение защиты национальных интересов и стратегической позиции России в космосе [21]. Одной из таких мер является, например, реализация проекта МНЛС раньше осуществления проекта «Артемиды» странами Запада.

На основе прогностического метода исследования было выявлено, что на краткосрочную перспективу до 2030 г. российская космическая политика и международное космическое сотрудничество имеют несколько векторных направлений в контексте текущей геополитической нестабильности:

1. *Сближение со странами Азии и Глобального Юга, в особенности с Китаем, Индией, ОАЭ и другими крупными союзными державами*, где предпочтение будет отдаваться сотрудничеству с азиатскими партнерами и с южными регионами, как на многосторонней основе посредством дипломатического диалога через неформальное объединение БРИКС, так и на двусторонней основе [22].

2. *Сохранение двойственной политики России в отношении США и других государств Запада* в условиях геополитической нестабильности с совмещением научно-исследовательского и оборонного характера в целях защиты национальных интересов и укрепления политического влияния в сфере международного космического сотрудничества. При этом в случае обострения геополитической напряженности характер международного сотрудничества также будет претерпевать изменения, склоняясь в сторону осуществления оборонной инициативы и противодействия позиции Запада. Кроме того, в условиях улучшения геополитической ситуации состояние международного космического сотрудничества России

и США балансирует в сторону поддержания прагматического диалога. Таким образом, двойственный характер политики России в отношении Запада сохранится и будет варьироваться в зависимости от характера геополитических условий.

3. *Позиция по укреплению собственного влияния и расширению присутствия в космосе за счет сбалансированного подхода к вопросам международного космического сотрудничества как с государствами Азии, Глобального Юга, так и с государствами Запада*, где приоритет будет отдаваться преимущественно текущим национальным интересам России с ориентацией на стратегические цели. Следовательно, акцент может сместиться на укрепление собственных позиций в космосе при сохранении прагматичного диалога с региональными партнерами.

Следует отметить, что все перечисленные потенциальные варианты развития политики России в космосе и на международной арене обуславливаются геополитическим характером. В долгосрочной перспективе возможен переход от национального присутствия к системе сфер влияния и интеграции, т.е. ориентация на создание не просто отдельных космических программ, таких как МНЛС или отечественный прототип Международной космической станции – Российская орбитальная станция, а комплексов космической и наземной инфраструктуры, охватывающих регионы Африки, Южной Америки и Азии, где Россия будет выступать в качестве ключевого партнера по инфраструктурным и технологическим проектам [23]. Кроме того, вероятно формирование России нового принципа космической политики, направленного не только на традиционные задачи по обеспечению защиты национальных интересов и суверенитета, но и на создание доступной космической инфраструктуры, выступая в роли технологического лидера и таким образом формируя комплементарную модель, в которой Россия будет обеспечивать устойчивое и масштабное технологическое и политическое присутствие в космосе. Тем самым она создает условия мультиполярности и технологического суверенитета в контексте противодействия Западу в случае геополитической нестабильности и потенциального обострения состояния международных отношений.

Заключение

Российская космическая политика сохраняет преемственность с советской традицией, но одновременно претерпевает существенные изменения под влиянием современной геополитической динамики. Россия продолжает сочетать элементы научно-технического сотрудничества и стратегической

конкуренции, адаптируя свою космическую стратегию к условиям многополярного мира. Международное космическое сотрудничество с США обуславливается двойственным характером: с одной стороны, сохранением прагматического диалога в целях развития научно-технического и исследовательского сотрудничества, а с другой – включает элементы конкурентного противостояния. Сотрудничество в сфере космоса со странами Азии и Глобального Юга построено на принципах совместного научно-исследовательского развития, однако акцентируется внимание на роли мягкой силы в международном космическом сотрудничестве со странами данных регионов.

На современном этапе Россия сталкивается с рядом вызовов в космическом сотрудничестве, связанных с финансово-экономическими, организационно-правовыми и политическими аспектами. Существует необходимость трансформации принципов космической политики РФ в текущих геополитических условиях. Выявлено, что ключевым должен стать принцип, который ориентирован на защиту государственных интересов России в космосе с целью предотвращения расширения присутствия США в космосе. При этом существует необходимость нивелирования и предотвращения чрезмерного политико-экономического и научно-технического усиления влияния Китая в космосе как второго ключевого конкурента РФ на международной арене в космосе после США [24]. Таким образом, целесообразно придерживаться принципа сбалансированного подхода в отношении Китая: укрепление научно-технического сотрудничества и предотвращение китайской экспансии в космической сфере.

На основе прогностического метода были определены несколько направлений развития международного космического сотрудничества России и ее позиции в космосе. В краткосрочной перспективе основное направление ориентировано на укрепление и расширение собственного присутствия в космосе, а также в долгосрочной перспективе возможно формирование комплементарной архитектуры международного космического сотрудничества, обеспечивающей сохранение многополярности и баланса интересов в глобальной космической сфере. Научная новизна проведенного исследования заключается в систематизации подходов России к международному космическому сотрудничеству в условиях геополитической конфигурации и в выработке новых принципов российской космической политики. Результаты и практическая значимость исследования могут представлять практическую ценность для анализа внешнеполитической

стратегии России и разработки подходов к международному космическому сотрудничеству, а также для формирования новых внешнеполитических и научно-технических стратегий РФ в космической сфере в области международных отношений.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

1. Хозин Г. С. СССР – США: орбиты космического сотрудничества. М.: Междунар. отношения, 1976. 160 с. [Khozin G. S. USSR – USA: Orbits of space cooperation. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 1976, 160. (In Russ.)]
2. Жданов В. Л., Антрушина К. Т. Политические аспекты международного сотрудничества в космосе. *Управленческое консультирование*. 2022. № 11. С. 10–19. [Zhdanov V. L., Antrushina K. T. Political aspects of international cooperation in space. *Administrative Consulting*, 2022, (11): 10–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/azjkw>
3. Moltz J. C. *The politics of space security: Strategic restraint and the pursuit of national interests*. 3rd ed. Stanford: Stanford University, 2019, 400. <https://doi.org/10.1515/9781503609402>
4. Орбиты сотрудничества: международные связи СССР в исследовании и использовании космического пространства, ред. Б. Н. Петров. М.: Машиностроение, 1975. 120 с. [Orbits of cooperation: International relations of the USSR in the exploration and use of outer space, ed. Petrov B. N. Moscow: Mashinostroyeniye, 1975, 120. (In Russ.)]
5. Павловский А. И. Мировые политические аспекты освоения космического пространства: дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 179 с. [Pavlovsky A. I. *Global political aspects of space exploration*. Cand. Polit. Sci. Diss. Moscow, 2011, 179. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qfhayh>
6. Попова А. В. Роль женщины в освоении космоса (на примере В. В. Терешковой). *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. 2016. Т. 2. № 12. С. 564–566. [Popova A. V. Women's role in space exploration (on the example of V. V. Tereshkova). *Aktualnye problemy aviatsii i kosmonavтики*, 2016, 2(12): 564–566. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xrydxt>
7. Ершов Б. А., Голышкин Н. Н. Запуск первого искусственного спутника Земли в годы холодной войны и его роль в стимулировании освоения космоса в СССР. *Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований*. 2025. № 27. С. 62–70. [Ershov B. A., Golyshkin N. N. The launch of the first artificial earth satellite during the cold war and its role in stimulating space exploration in the USSR. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*, 2025, (27): 62–70. (In Russ.)] <https://doi.org/10.5281/zenodo.17415623>
8. Нечепоренко А. А. Сотрудничество Китая и России в космосе. *Русская политология*. 2024. № 1. С. 11–19. [Necheporenko A. A. Cooperation between China and Russia in space. *Russian Political Science*, 2024, (1): 11–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kjzgx>
9. Гребенченко И. В. Становление советской космонавтики глазами ее создателей: историография и источники. *Исторический журнал: научные исследования*. 2021. № 6. С. 57–75. [Grebchenko I. V. The establishment of soviet cosmonautics through the prism of its founders: Historiography and sources. *History Magazine: Researches*, 2021, (6): 57–75. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2021.6.36762>
10. Иванченко Е. С. Полет ради мира: международный проект «Союз» – «Аполлон» в документах Российского государственного архива научно-технической документации. *Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники*. 2025. Т. 3. № 1. С. 138–164. [Ivanchenko E. S. A Flight for the Sake of Peace: International Apollo-Soyuz Project in the Documents from the Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation. *Journal of the Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology*, 2025, 3(1): 138–164. (In Russ.)] <https://doi.org/10.62139/2949-608X-2025-3-1-138-164>
11. Освоение космического пространства в СССР, 1985, ред. Р. З. Сагдеев. М.: Наука, 1987. 200 с. [Space exploration in the USSR, 1985, ed. Sagdeev R. Z. Moscow: Nauka, 1987, 200. (In Russ.)]

12. Иларионова Т. С. Космическая программа СССР: система управления. *Государственная служба*. 2026. Т. 28. № 3. С. 104–118. [Ilarionova T. S. The Soviet Union's space program: The management system. *Public Administration*, 2026, 28(3): 104–118. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zeutbc>
13. Деречин А. Г., Жарова Л. Н., Синявский В. В., Солнцев В. Л., Сорокин И. В. Международное сотрудничество в сфере пилотируемых полетов. Часть 1. Исторический обзор. *Космическая техника и технологии*. 2017. № 1. С. 12–31. [Derechin A. G., Zharova L. N., Sinyavskiy V. V., Solntsev V. L., Sorokin I. V. International cooperation in manned spaceflight. Part 1. Historical background. *Kosmicheskaya tekhnika i tekhnologii*, 2017, (1): 12–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytwbbr>
14. Ельникова Ю. В. Российский поворот на восток: достижения, проблемы и перспективы. *Мировая политика*. 2024. № 3. С. 9–20. [Elnikova Yu. V. Russia's turn to the East: Achievements, problems and prospects. *World Politics*, 2024, (3): 9–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2024.3.71764>
15. Данилин И. В., Устюжанцева О. В. Российско-индийское сотрудничество в сфере науки и высоких технологий: ретроспектива и анализ. *Инновации*. 2024. № 4. С. 73–80. [Danilin I. V., Ustyuzhantseva O. V. Russian-Indian cooperation in science and high technology: Retrospective and analysis. *Innovations*, 2024, (4): 73–80. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/roxlkc>
16. Котляков С. А. Российское государство и многополярное мироустройство. *Наука и реальность*. 2023. № 3. С. 31–35. [Kotlyakov S. A. The Russian state and the multipolar world order. *Nauka i realnost*, 2023, (3): 31–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ogwbjm>
17. Harvey B. *Russia in space: The failed frontier?* Springer Science & Business Media, 2000, 330.
18. Попова С. М., Уваров В. Б., Яник А. А. Регулирование дистанционного зондирования Земли из космоса: международный опыт. *Международное право*. 2022. № 3. С. 1–27. [Popova S. M., Uvarov V. B., Yanik A. A. Regulation of remote sensing of the earth from space: International practice. *International Law*, 2022, (3): 1–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2644-5514.2022.3.38577>
19. Томашевский К. Международное сотрудничество России и США в космосе: куда мы направляемся? *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2020. № 1. С. 135–146. [Tomaszewski K. International cooperation between Russia and USA regarding space exploration. Where are we headed? *RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations*, 2020, (1): 135–146. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qsdkdz>
20. Костючек С. В., Власов С., Васин А. А., Фокина А. А. «Космическая гонка» в стратегическом треугольнике США – РФ – КНР: сравнительный анализ. *Конфликтология / Nota Bene*. 2021. № 3. С. 64–77. [Kostyuchek S. V., Vlasov S., Vasin A. A., Fokina A. A. "Space race" in the strategic triangle of the United States – Russian Federation – People's Republic Of China: Comparative analysis. *Conflict Studies / Nota Bene*, 2021, (3): 64–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0617.2021.3.36886>
21. Супян В. Позиции США в мировой экономике: состояние и перспективы. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2023. Т. 16. № 3. С. 226–239. [Supyan V. US positions in world economy: Current conditions and prospects. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2023, 16(3): 226–239. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.302>
22. Тихомирова К. С., Ручина В. М., Медонова А. А. Международное космическое право в контексте регулирования деятельности частных космических компаний на примере США. *Мировая политика*. 2025. № 3. С. 32–54. [Tikhomirova K. S., Ruchina V. M., Medonova A. A. International space law in the context of regulating the activities of private space companies, using the example of the united states. *World Politics*, 2025, (3): 32–54. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2025.3.75433EDN:MKKUYY>
23. Погодин С. Н., Ягья Т. С. Торгово-экономическое сотрудничество в рамках БРИКС. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2021. № 3. С. 44–54. [Pogodin S. N., Yagya T. S. Trade and economic cooperation within the framework of BRICS. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 2021, (3): 44–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gskzyy>
24. Старинец А. Д. Обзор эволюции российских космических станций и перспектив их развития. *Космические аппараты и технологии*. 2024. Т. 8. № 3. С. 145–155. [Starinets A. D. An overview of the evolution of Russian space stations and its development prospects. *Spacecrafts and Technologies*, 2024, 8(3): 145–155. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xjfsbj>

оригинальная статья

eLibrary EDN: JWMJTF

Социологический анализ адаптации иностранных студентов и их интеграции в процесс получения высшего образования в российских университетах

Лутова Юлия Алексеевна

Пензенский государственный университет, Россия, Пенза

eLibrary Author SPIN: 8334-0311

<https://orcid.org/0009-0007-7898-5080>

svechnikova.psu@yandex.ru

Щанина Екатерина Владимировна

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 5610-2036

<https://orcid.org/0000-0002-6834-1886>

Аннотация: Экспорт российского образования приобретает все большее значение в современных условиях глобализации и интеграции стран. В условиях растущей конкуренции на глобальном рынке образования важно, чтобы Россия продолжала развивать свои предложения, адаптируя их к запросам иностранных студентов и поддерживая высокий уровень качества обучения. Однако вхождение в иноязычную среду всегда сопровождается стрессом, что влечет адаптационные трудности. Цель статьи – проанализировать факторы, влияющие на адаптацию и интеграцию иностранных студентов в процесс получения высшего образования в российских университетах. Эмпирической базой послужили результаты анкетного опроса на тему «Социальная адаптация и профессиональная социализация иностранных студентов в условиях российских вузов», проведенного в январе – марте 2025 г. В исследовании приняли участие 850 иностранных студентов, обучающихся в Пензенском государственном университете, Санкт-Петербургском университете телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича и Санкт-Петербургском государственном университете. В результате определено, что основными причинами выбора иностранными студентами конкретного вуза являются качественное образование, советы близких и друзей, собственное желание, доступность цен. Среди ключевых трудностей, которые могут существенно влиять на академическую успеваемость, социальную адаптацию и общее благополучие студентов-иностранцев, отмечаются языковой барьер, финансовые и бытовые проблемы, культурные различия, психологическая составляющая и др. Выявлена необходимость совершенствования процесса адаптации и интеграции иностранных студентов с применением комплексного подхода, включая меры со стороны вузов, государственных организаций и самих студентов.

Ключевые слова: экспорт образования, высшее образование, иностранные студенты, социализация, социальная адаптация, факторы

Цитирование: Лутова Ю. А., Щанина Е. В. Социологический анализ адаптации иностранных студентов и их интеграции в процесс получения высшего образования в российских университетах. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2026. Т. 11. № 3. С. 377–386. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-377-386>

Поступила в редакцию 19.02.2026. Принята после рецензирования 19.04.2026. Принята в печать 08.06.2026.

original article

Adaptation and Integration of International Students in Russian Higher Education: A Sociological Analysis

Yuliya A. Lutova

Penza State University, Russia, Penza

eLibrary Author SPIN: 8334-0311

<https://orcid.org/0009-0007-7898-5080>

svechnikova.psu@yandex.ru

Ekaterina V. Shchanina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 5610-2036

<https://orcid.org/0000-0002-6834-1886>

Abstract: Russian higher education has become a key component of academic export during globalization and interstate integration. The growing competition in the global education market requires new offerings adapted to the needs of international students while maintaining a high quality of education. Entering a foreign linguistic and

cultural environment often leads to adaptation difficulties and stress. This analysis of adaptation and integration factors relied on the Questionnaire of Social Adaptation and Professional Socialization of International Students in Russian Universities (March 2025). The study involved 850 international students from Penza State University, the St. Petersburg State University of Telecommunications, and St. Petersburg State University. When choosing a university, foreign students prioritized the quality of education, recommendations from family and friends, personal preferences, and affordable tuition fees. The key difficulties affecting academic performance, social adaptation, and overall well-being included language barriers, financial constraints, household issues, cultural gaps, and psychological coping mechanisms. Therefore, the successful adaptation and integration of international students require an integrated approach from universities, the government, and the student community.

Keywords: export of education, higher education, foreign students, socialization, social adaptation, factors

Citation: Lutova Yu. A., Shchanina E. V. Adaptation and Integration of International Students in Russian Higher Education: A Sociological Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(3): 377–386. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-377-386>

Received 19 Feb 2026. Accepted after review 19 Apr 2026. Accepted for publication 8 Jun 2026.

Введение

В современном мире исследование процессов обучения и адаптации иностранных студентов в российских высших учебных заведениях становится особенно актуальным по нескольким важным причинам:

1. Одним из основных направлений, которые реализуются в рамках действующих государственных программ, является стремление повысить конкурентоспособность Российской Федерации на международной арене в области образовательного экспорта [1, с. 19–20]. Это означает, что Россия активно работает над тем, чтобы привлечь студентов из других стран, предоставляя им качественное образование и создавая комфортные условия для учебы.

2. Наблюдается стабильный рост числа иностранных студентов, что может оказать положительное влияние на экономическое развитие страны в целом [2]. Привлечение студентов из-за границы способствует не только увеличению числа обучающихся, но и формированию более многообразной и конкурентоспособной образовательной среды, что может привести к росту инвестиций и повышению уровня жизни в стране.

3. Эффективный механизм адаптации и интеграции иностранных студентов в российское общество может значительно увеличить приток высококвалифицированного человеческого капитала [3]. Государство заинтересовано в том, чтобы иностранные студенты, завершившие обучение в российских вузах, оставались в стране и вносили свой вклад в развитие различных секторов экономики [4]. Это создает взаимовыгодные условия как для студентов, так и для государства.

4. Иностранные студенты, которые удовлетворены условиями своего обучения и проживания в России, могут стать надежными представителями и проводниками знаний о русском языке, а также о культурных и духовных ценностях нашей страны после возвращения на родину [5]. Это не только способствует формированию положительного имиджа России за пределами ее границ, но и создает устойчивые связи между народами, что особенно важно в условиях глобализации и межкультурного взаимодействия [6].

Таким образом, исследование феноменов обучения и адаптации иностранных студентов в России является важным шагом к укреплению международного сотрудничества и развитию образовательной системы страны.

Теоретическую основу исследования составляют различные концепции социальной адаптации и профессиональной социализации, разработанные в рамках:

- *социологической науки*: социальная адаптация – активный процесс взаимодействия личности с социальной средой, предполагающий изменение как личностных характеристик, так и окружающей среды для достижения гармонии и успешной интеграции (работы);
- *психологической науки*: социальная адаптация – результат взаимодействия субъекта и среды, при этом основной акцент делается на внутреннем процессе усвоения социальных ролей и ценностей, что характерно для подходов, представленных в трудах [2–5].

Большинство эмпирических исследований (например, [6–9]) свидетельствуют о высокой значимости

поддержки социального окружения и условий обучения для успешной адаптации студентов и молодых специалистов. В то же время некоторые авторы фиксируют наличие трудностей и отклонений в процессе адаптации [10], необходимость индивидуализированных подходов в обучении и профориентации и важность формирования мотивации и профессиональных ценностей [7; 8]. Помимо этого, одни ученые отмечают, что социальная адаптация связана с личностными особенностями, такими как стрессоустойчивость, коммуникативные навыки и уровень мотивации к обучению [9], а другие утверждают, что успешность профессиональной социализации во многом зависит от условий образовательных учреждений, программ профессиональной ориентации и межличностных взаимодействий [10]. Также исследователями фиксируются как наличие системных проблем и недостаточность программ поддержки адаптации студентов в отечественных вузах [11], так и внедрение успешных моделей и положительных практик [12]. Таким образом, с помощью анализа научной литературы установлена существенная роль социально-психологических и образовательных факторов в обеспечении успешной адаптации и профессиональной социализации.

Процесс социальной адаптации для иностранных студентов – это сложный и индивидуальный путь, который может протекать по-разному в зависимости от множества факторов. Для одних обучающихся, обладающих природной коммуникабельностью и легкостью в установлении контактов, вхождение в новую социокультурную среду происходит относительно быстро и безболезненно [13]. Такие студенты легко находят общий язык с окружающими, быстро осваивают непривычные правила и нормы поведения, успешно интегрируются в студенческую жизнь и без проблем справляются с учебной программой. Однако для других обучающихся адаптационный период затягивается, превращаясь в длительный и порой мучительный процесс: они сталкиваются с трудностями в общении, испытывают чувство изолированности и непонимания. Указанное негативно сказывается на их успеваемости и общем психологическом состоянии [14].

Затруднения в коммуникации могут привести к академической неуспеваемости, а чувство тревоги и неуверенности – к социальной изоляции и даже к мысли об отказе от обучения за рубежом. Для таких студентов даже обыденные дела, вроде посещения магазина или общения с преподавателями, становятся настоящим испытанием. Они могут испытывать чувство подавленности, тоски

по дому и ощущение полной беспомощности перед лицом незнакомой культуры и языка. В итоге неспособность вовремя адаптироваться может привести к серьезным психологическим проблемам и даже к преждевременному возвращению на родину.

Однако существует целый ряд факторов, способствующих ускорению процесса адаптации, например:

1. *Люди, окружающие иностранного студента.* Это сотрудники деканата, которые помогают с оформлением документов и решают организационные вопросы, преподаватели, готовые оказать помощь в освоении учебного материала, работники общежития, создающие уютную и дружественную атмосферу, и, конечно же, кураторы, которые оказывают индивидуальную поддержку и направляют студентов в сложных ситуациях. Их помощь неоценима, ведь они являются своеобразными мостами между новым окружением и иностранцем, помогая ему ориентироваться в новой реальности.

2. *Личностные качества самого студента.* Высокий уровень коммуникабельности, активная жизненная позиция, толерантность к чужим культурам и традициям, самостоятельность в принятии решений и чувство ответственности – все это значительно упрощает процесс адаптации [15]. Студенты, обладающие этими качествами, более открыты к новым знакомствам, легче преодолевают языковой барьер и быстрее включаются в учебный процесс. Они активнее ищут способы интеграции в новую среду, участвуют в студенческих мероприятиях и общаются с ровесниками, что способствует более быстрой и эффективной адаптации [16].

3. *Языковая подготовка студента.* Чем лучше иностранец владеет языком обучения, тем легче ему будет ориентироваться в новой среде, общаться с преподавателями и однокурсниками, понимать учебный материал. Более интенсивное и раннее изучение языка дает существенные лингвистические преимущества и позволяет быстрее адаптироваться к учебному процессу, что в итоге положительно сказывается на качестве получаемого образования и достижении академических целей [17].

В целом успешная адаптация – это результат взаимодействия множества факторов, и понимание этих факторов поможет создать более благоприятные условия для иностранных студентов, способствуя их успешной профессиональной социализации и достижению академических и личностных целей [18]. Данный факт приобретает особую актуальность, а также теоретическую и практическую значимость, что и обуславливает выбор темы исследования.

Федеральный проект «Экспорт образования», запущенный в России в 2018 г., представляет собой масштабную государственную инициативу, призванную вывести российскую систему образования на новый уровень международной конкурентоспособности. Суть проекта заключается в комплексном подходе к развитию экспорта образовательных услуг, преследующем несколько взаимосвязанных стратегических задач:

1. Обеспечение российской экономики высококвалифицированными специалистами, особенно в отраслях, ориентированных на экспорт [19]. Это означает не только подготовку кадров для внутреннего рынка, но и целенаправленное обучение иностранных граждан, которые впоследствии смогут внести свой вклад в развитие как российских, так и зарубежных компаний. Проект ставит перед собой амбициозную цель – увеличить приток иностранных студентов и специалистов в российские вузы и образовательные учреждения, что положительно скажется на экономическом развитии страны.

2. Повышение глобальной узнаваемости и привлекательности российского образования [20]. Для этого предполагается комплекс мер по продвижению российских образовательных программ и учреждений на международной арене, включая усиление маркетинговых кампаний, развитие международного сотрудничества с ведущими университетами и исследовательскими центрами, а также создание привлекательной инфраструктуры для иностранных студентов. Это не только расширит географию образовательных связей России, но и повысит престиж российского образования в глазах международного сообщества.

3. Существенное увеличение доходов от экспорта образовательных услуг [21], что предполагает не только увеличение количества иностранных студентов, но и диверсификацию предлагаемых образовательных программ, разработку конкурентных цен, а также повышение качества образовательных услуг для обеспечения высокого уровня удовлетворенности клиентов.

Таким образом, федеральный проект «Экспорт образования» – это долгосрочная инвестиция в будущее РФ, направленная на укрепление ее экономического и научного потенциала через развитие международного сотрудничества в сфере образования. В рамках проекта реализуются многочисленные программы по стимулированию мобильности студентов и преподавателей, поддержке совместных

научно-исследовательских проектов и обмену опытом между российскими и зарубежными образовательными учреждениями. Так, количество иностранных студентов, обучающихся в российских вузах по очной форме, должно вырасти с 220 тыс. человек в 2017 г. до 710 тыс. человек к концу 2025 г.; количество иностранных слушателей онлайн-курсов – с 1 млн 100 тыс. человек до 3 млн 500 тыс. человек; объемы средств, полученных от экспорта российского образования, должны вырасти более чем в 5 раз (до 373 млрд руб. в 2025 г.)¹.

«Учитывая возрастающий интерес иностранных студентов к обучению в региональных вузах, создание благоприятных условий для них является приоритетным направлением, способствующим успешной адаптации иностранных студентов» [18, с. 16; 19; 20; 22]. Цель статьи – проанализировать факторы, влияющие на адаптацию и интеграцию иностранных студентов в процесс получения высшего образования в российских университетах.

Методы и материалы

Для выявления факторов и условий успешной адаптации иностранных студентов в российских вузах в январе – марте 2025 г. был проведен анкетный опрос на тему «Социальная адаптация и профессиональная социализация иностранных студентов в условиях российских вузов». В исследовании приняли участие 850 иностранных студентов, обучающихся в Пензенском государственном университете (ПГУ), Санкт-Петербургском университете телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (СПбГУТ) и Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ). Анкета была составлена на русском языке с параллельным переводом на английский для обеспечения доступности и корректного понимания вопросов всеми респондентами. Опрос проводился в смешанном формате: учащиеся могли выбрать русскоязычную или англоязычную версию анкеты в зависимости от уровня владения русским языком. Это позволило минимизировать возможные искажения в ответах, связанные с языковым барьером, и обеспечить более точные результаты исследования.

Среди респондентов были 142 иностранных студента (16,7 %) из СПбГУТ, 322 иностранных студента (37,9 %) из СПбГУ и 386 иностранных студентов (45,4 %) из ПГУ. Возраст учащихся составил 18–35 лет. В структуре выборки по полу опрошено 54,4 % мужчин и 45,6 % женщин. 76,7 % респондентов

¹ О приоритетном проекте «Экспорт образования». Правительство России. URL: <http://government.ru/info/27864/> (дата обращения: 21.04.2025).

обучаются на направлениях бакалавриата, 12,7 % – на программах магистратуры, 9,6 % – на программах специалитета и всего 1,0 % – на программах аспирантуры. Был проведен сравнительный анализ ответов респондентов из разных городов (Санкт-Петербург и Пенза) и вузов (СПбГУТ, СПбГУ и ПГУ). Статистически значимых различий в ответах на ключевые вопросы исследования (причины выбора вуза, основные трудности адаптации, способы решения проблем, желаемые улучшения учебного процесса) между вузами и городами обнаружено не было ($p > 0,05$). Это позволяет говорить о типичности выявленных проблем и потребностей иностранных студентов независимо от конкретного учебного заведения или города обучения, что подтверждает возможность обобщения полученных результатов на более широкую совокупность российских вузов, принимающих иностранных студентов.

Результаты

Доминирующей причиной выбора иностранными студентами российских вузов для обучения является высокое качество образования (рис.), предлагаемое университетами (51,8 % ответов). Данный факт свидетельствует о сильной репутации российских учебных заведений в международном образовательном пространстве и о признании их академического уровня [22].

Анализ географической структуры респондентов показал, что среди выбравших российские вузы из-за высокого качества образования преобладают представители следующих стран: Китай (28,3 %), страны Центральной Азии – Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и Туркменистан (31,7), страны Африки – Нигерия, Египет, Марокко (18,4), страны Ближнего Востока – Сирия, Иордания, Ирак (12,9), а также Индия и страны Юго-Восточной Азии (8,7). Это подтверждает широкий географический охват и признание качества российского образования в различных регионах мира.

О положительной репутации российских вузов свидетельствует и тот факт, что при выборе вуза каждый третий прислушался к совету друзей, уже обучающихся в российских вузах или имеющих опыт обучения в России (33,4 % ответов). Важно также отметить, что так называемое «сарафанное радио» имеет колоссальное значение при выборе вуза. При этом около четверти иностранных студентов при выборе вуза ориентировались исключительно на собственное желание и анализ возможностей, предлагаемых российскими университетами (24,0 % ответов).

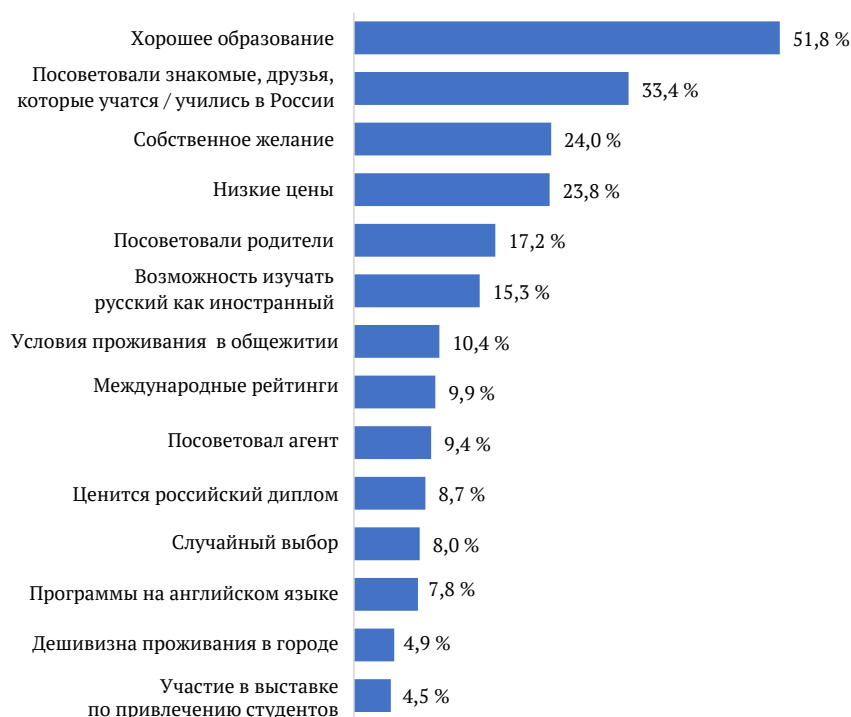
Доступная стоимость обучения также играет важную роль, о чем свидетельствуют 23,8 % ответов респондентов. Низкие цены на обучение в сравнении с другими странами делают российские вузы привлекательным вариантом для студентов с ограниченным бюджетом. Кроме того, 17,2 % респондентов указали, что их выбор был обусловлен рекомендацией родителей. Это показывает, что семейные советы и поддержка остаются важными при принятии решения о столь значительном шаге, как обучение за рубежом.

Наконец, 15,3 % студентов выбрали российские вузы из-за возможности изучения русского языка как иностранного. Это указывает на то, что для части иностранных студентов изучение русского языка является одной из основных целей обучения в России, и такие вузы привлекательны благодаря предоставлению качественных программ обучения русскому языку [23].

Успешная адаптация иностранного студента – ключ к его интеграции в образовательную среду. Переезд в новую страну сопряжен со множеством трудностей: культурные различия, языковой барьер, непривычный климат и быт. Для преодоления этих трудностей необходима поддержка: наставничество, языковые курсы, культурные программы, помощь в решении бытовых вопросов [24]. Это улучшит качество жизни студента, создаст более толерантную атмосферу в учебном заведении и повысит его академическую успеваемость. Поэтому вторичные агенты социализации (высшие учебные заведения, Управление международного сотрудничества университета, преподаватели, студенты) должны активно способствовать адаптации иностранных учащихся.

Прибывшие на территорию РФ иностранные студенты испытывают определенные трудности. Так, значительная часть респондентов (16,7 %) указала на проблемы с получением российской визы. Это может включать в себя длительное ожидание, сложные процедуры, необходимость предоставления большого количества документов, непонятные требования или отказы без объяснения причин. Процесс регистрации по месту жительства после прибытия в Россию (12,0 % респондентов) также вызвал сложности. Получение и оформление медицинского страхового полиса (14,6 % респондентов) стало еще одной проблемой.

Если обращаться к языковым барьерам коммуникации, то в данном случае недостаточное владение русским языком (36,9 % респондентов) – это самая распространенная трудность, с которой столкнулись иностранные студенты. Она существенно осложняет повседневную жизнь, учебу, общение с преподавателями, сотрудниками университета и местным

Прим.: сумма процентов > 100, т. к. респондентам предлагалось выбрать несколько вариантов ответа.

Рис. Причины выбора иностранными студентами российских вузов

Fig. Reasons why international students choose Russian universities

населением. 16,7 % респондентов отметили, что отсутствие достаточного количества информации на английском языке создает дополнительные трудности в освоении учебного материала, поиске жилья, решении административных вопросов и ориентировании в городе. 6,4 % иностранных студентов указали на такую трудность, как общение с сотрудниками вуза. Некоторые учащиеся отметили отсутствие помощи или поддержки со стороны сотрудников университета. Это может быть связано с языковым барьером, некомпетентностью сотрудников или недостатком информации, предоставляемой университетом.

Значительная часть респондентов поделилась бытовыми и финансовыми проблемами. 15,8 % опрошенных отметили сложности в поиске места для проживания, связанные с высокой стоимостью аренды, непосредственно с поиском подходящих вариантов, непониманием условий договора аренды или проблемами с владельцами жилья. На финансовые трудности, такие как высокая стоимость жизни в России, нехватка стипендии или финансовой поддержки, невозможность подрабатывать из-за языковых или других барьеров [25], указали 23,8 % иностранных студентов. Учащиеся сталкиваются с неудобствами, связанными с качеством жилья, коммунальными услугами, доступом к необходимым ресурсам и инфраструктуре (30,8 % ответов). Также проблему для некоторых

иностранцев представляют приспособление к особенностям российского питания и поиск привычных продуктов (20,0 %).

Таким образом, необходимо улучшение поддержки иностранных студентов в России, включая упрощение визовых процедур, предоставление более качественной информации на английском языке, усиление языковой подготовки, помощь в поиске жилья и решении финансовых вопросов, а также улучшение коммуникации между студентами и сотрудниками вузов и Управления международного сотрудничества университета.

В ходе исследования было обнаружено разнообразие источников поддержки, к которым обращались респонденты для преодоления трудностей. 45,2 % иностранных студентов отметили, что могли справиться с проблемами самостоятельно, без привлечения внешней помощи. Это может свидетельствовать о высоком уровне самодостаточности и уверенности в своих силах, а также о наличии необходимых навыков и ресурсов для решения возникающих трудностей. Почти четверть респондентов (23,5 %) обратились за поддержкой к своим родственникам и друзьям, что подчеркивает важность социальной сети и взаимопомощи в сложных ситуациях. Близкие люди могут предоставить эмоциональную поддержку, советы и практическую помощь, что значительно облегчает процесс решения проблем.

При этом более 15,0 % учащихся воспользовались помощью Управления международного сотрудничества университета. Это указывает на то, что респонденты обращались к профессиональной институциональной поддержке через официальные университетские структуры, что может быть особенно актуально при решении административных или специфических проблем, связанных с пребыванием в стране и обучением. 12,5 % респондентов решили обратиться к своим агентам (образовательным или миграционным), через которых они поступали в российские вузы, как для консультационной поддержки, так и практической помощи в решении визовых, документальных и других вопросов. Небольшая доля иностранных студентов (3,8 %) признала, что не смогла справиться с возникшими трудностями. Это может указывать на наличие серьезных препятствий или недостаток доступных ресурсов и поддержки, необходимых для решения проблем, что требует особого внимания со стороны администрации вузов.

Итак, большинство респондентов предпочитают решать свои проблемы самостоятельно, однако значительная часть все же обращается за помощью к близким или профессиональным структурам. Это подчеркивает важность как индивидуальных усилий, так и социальной поддержки в процессе преодоления трудностей.

Для преодоления трудностей (языковой барьер, финансовые и бытовые проблемы, культурные различия, психологическая составляющая), которые могут существенно влиять на академическую успеваемость, социальную адаптацию и общее благополучие иностранных студентов, необходимо комплексное воздействие, включающее меры со стороны вузов, государственных организаций и самих студентов. Так, среди желаемых улучшений в учебном процессе университета 40,0 % респондентов указали на добавление дополнительных курсов по русскому языку, что связано со значительным спросом на углубленное изучение русского языка среди студентов. Следующим по популярности предложением стало продление курсов подготовительного отделения (22,4 % ответов). Указанное свидетельствует о необходимости более длительного периода подготовки для части студентов перед поступлением на основные образовательные программы вуза. Запуск онлайн-курсов по русскому языку также получил значительную поддержку (26,4 % ответов). Это демонстрирует растущую потребность в гибких и удобных формах обучения, доступных в любое время и в любом месте. Улучшение работы кураторов выбрали

34,1 % респондентов, что подчеркивает важность качественного взаимодействия студентов с кураторским составом и необходимость совершенствования системы кураторства. Например, посредством повышения их квалификации и / или изменения системы их работы. Наконец, 20,9 % респондентов указали на необходимость наличия учебных материалов на родном языке. Данный результат свидетельствует о значительном количестве студентов, для которых родной язык отличается от русского, и подчеркивает потребность в адаптированных учебных материалах для обеспечения инклюзивности и доступности образования.

Таким образом, для улучшения учебного процесса иностранных студентов в университете необходимо провести работу по следующим ключевым направлениям: укрепление языковой подготовки (как через дополнительные очные и онлайн-курсы, так и через предоставление материалов на родном языке), совершенствование работы подготовительного отделения и повышение качества кураторской работы. Эти данные могут служить основой для разработки и реализации целенаправленных мероприятий по оптимизации образовательного процесса и повышения удовлетворенности студентов.

Также важно отметить культурную сторону адаптации, например организацию ознакомительных мероприятий, программы менторства (поиск наставников среди местных студентов), культурные обмены и интеграционные программы, создание условий для общения с представителями местной культуры. Также большое значение имеет поддержка в бытовых вопросах, а именно создание специализированных служб поддержки иностранных студентов, помощь в поиске жилья, информирование о медицинском обслуживании и финансовых программах.

Только комплексный подход, включающий активное участие вузов, государственных структур и самих студентов, позволит эффективно преодолевать трудности, с которыми сталкиваются иностранные учащиеся, и обеспечить им полноценное и успешное обучение за рубежом. Необходимо постоянное совершенствование программ поддержки и адаптации, а также мониторинг их эффективности для достижения наилучших результатов.

Заключение

Выявлен комплекс взаимосвязанных факторов адаптации, которые формируют единую систему интеграции иностранных студентов. Каждый фактор требует специфического управленческого решения. Установлено, что языковой барьер затрудняет учебу

для каждого третьего студента. В связи с этим вузам необходимо внедрить интенсивные курсы русского языка. При этом они должны начинаться до приезда студента, чему могут способствовать онлайн-платформы (дистанционное изучение). Продление подготовительного отделения даст дополнительное время для освоения языка. Кроме того, выявлено, что административные процедуры создают стресс для иностранных студентов на начальном этапе (например, визовые формальности усложняют въезд в страну), также регистрация и оформление медицинского страхования требуют упрощения. Помимо этого, вузы должны создать специализированные службы поддержки. Сопровождение студента на всех этапах снизит бюрократическую нагрузку. Следует отметить, что информация на английском языке должна быть доступна постоянно. Выявлено, что финансовые трудности испытывает каждый четвертый иностранный студент. Для их решения нужно, например, расширить стипендиальные программы, организовать возможность подработки. Важно уточнить, что консультирование по финансовому планированию поможет иностранным студентам управлять своим бюджетом. Таким образом, прозрачная информация о расходах необходима еще до приезда.

Обнаружено, что бытовые проблемы замедляют адаптацию значительной части студентов. В связи с этим необходимы системность в помощи при поиске жилья, а также улучшение условий проживания в общежитии. Кроме того, информация о коммунальных услугах и инфраструктуре города упростит быт, а адаптация питания к культурным особенностям студентов-иностранцев повысит их комфорт. Установлено, что культурные различия пагубно влияют на их психологическое состояние. Избежать этого возможно благодаря реализации менторских программ, направленных на создание связи с местными студентами, и культурным мероприятиям, которые познакомят с российскими традициями. Важно уточнить, что психологическая поддержка должна быть доступна постоянно. Интеграционные программы ускорят вхождение в новую среду. Следует отметить, что качество кураторской работы нуждается в совершенствовании: кураторы должны получить специальную подготовку, т.к. их роль выходит за рамки административной поддержки. Регулярный контакт со студентами выявит проблемы на ранней стадии.

Выявлена иерархия факторов адаптации: языковая подготовка (первичное условие успешной интеграции); административная поддержка (формирование базы для дальнейшей адаптации); бытовая стабильность (создание основы для академических

достижений). Также установлена связь между самостоятельностью студентов и успехом адаптации. Так, почти половина респондентов решала проблемы без внешней помощи, что указывает на недостаточность институциональной поддержки. Как следствие, вузы должны создать проактивные системы помощи, т.к. ожидание обращения иностранного студента неэффективно.

Предложенная система рекомендаций охватывает весь цикл обучения и начинается до приезда учащегося в Россию. Следует отметить, что дистанционная подготовка снижает первичный стресс. Помимо этого, сопровождение иностранного студента в первые месяцы необходимо для его успешной адаптации. В дальнейшем его постоянная поддержка обеспечивает академический успех.

Таким образом, в исследовании подтверждена необходимость комплексного подхода, т.к. изолированные меры не дают устойчивого эффекта. Координация между подразделениями вуза усилит результат. Обратная связь от студентов позволяет корректировать программы. Мониторинг эффективности должен быть системным. Успешная реализация рекомендаций повысит конкурентоспособность российского образования. Удовлетворенные студенты станут амбассадорами российских вузов. Положительный опыт формирует устойчивый имидж страны. Достижение целей проекта экспорта образования становится реалистичным.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and /or publication of this article.

Критерии авторства: Ю. А. Лутова – анализ литературы и интернет-источников по теме исследования, методологический и концептуальный анализ, структурирование результатов, формулирование выводов. Е. В. Щанина – разработка концепции и основной идеи статьи, постановка научной проблемы, обоснование актуальности, формулирование цели, практической значимости исследования и выводов.

Contribution: Yu. A. Lutova wrote the review, conducted the methodological and conceptual analysis; structured the results, and formulated the conclusions. E. V. Shchanina developed the research concept, formulated the scientific problem, and wrote the parts about the relevance, purpose, practical significance, and conclusions.

Литература / References

1. Кузнецова О. В., Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Кремнёв Е. В. Особенности адаптации китайских студентов в российских вузах: история и современность. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*. 2025. Т. 50. № 1. С. 18–31. [Kuznetsova O. V., Deryugin P. P., Lebedintseva L. A., Kremnyov E. V. Some peculiarities of Chinese students' adaptation in Russian universities: History and modernity. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 2025, 50(1): 18–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2025-50-1-18-31>
2. Георгиевский А. Б. Эволюция адаптаций (историко-методологическое исследование). Л.: Наука, 1989. 189 с. [Georgievskii A. B. *Evolution of adaptations (historical and methodological research)*. Leningrad: Nauka, 1989, 189. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rveait>
3. Завадский К. М. Вид и видообразование. Л.: Наука, 1967. 396 с. [Zavadskii K. M. *Species and speciation*. Leningrad: Nauka, 1967, 396. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rtqstz>
4. Ухтомский А. А. Доминанта. Л.: Наука, 1966. 274 с. [Uhtomskii A. A. *The dominant*. Leningrad: Nauka, 1966, 274. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kbccej>
5. Милославова И. А. Адаптация как социально-психологическое явление. *Социальная психология и философия*, ред. Б. Д. Парыгин. Л., 1973. Вып. 2. С. 111–120. [Miloslavova I. A. Adaptation as a socio-psychological phenomenon. *Social psychology and philosophy*, ed. Parygin B. D. Leningrad, 1973, iss. 2, 111–120. (In Russ.)]
6. Соловцова И. А., Малахова В. Г. Нормативная модель процесса профессиональной социализации иностранных студентов в региональном вузе. *Концепт*. 2021. № 9. С. 63–77. [Solovczova I. A., Malahova V. G. Normative model of foreign students' professional socialization in regional university. *Concept*, 2021, (9): 63–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2021-11062>
7. Терещенко Т. М., Федотова Л. А. Академическая адаптация иностранных студентов в образовательном пространстве педагогического вуза. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2020. № 3. С. 68–73. [Tereshchenko T. M., Fedotova L. A. Academic adaptation of foreign students in the educational environment of the pedagogical university. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2020, (3): 68–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cybpxp>
8. Фролов С. С. Социология. М.: Наука, 1994. 256 с. [Frolov S. S. *Sociology*. Moscow: Nauka, 1994, 256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wqrthd>
9. Хайруллина Ю. Р. Социализация личности: теоретико-методологические подходы. Казань: КГЭУ, 2003. 355 с. [Hairullina Yu. R. *Personality socialization: Theoretical and methodological approaches*. Kazan: KSPEU, 2003, 355. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qochwn>
10. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. 4-е изд. М.: Омега-Л, 2009. 567 с. [Yadov V. A. *The strategy of sociological research: Description, explanation, and understanding of social reality*. 4th ed. Moscow: Omega-L, 2009, 567. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qojert>
11. Салихова Н. Р., Фахрутдинова А. Р. Трудности адаптации первокурсников к обучению в вузе. *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*. 2021. № 1. С. 97–113. [Salikhova N. R., Fakhrutdinova A. R. A first-year students' adaptation to difficulties at high educational establishments. *RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education Series*, 2021, (1): 97–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lvroir>
12. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е., Никольский В. С., Шаброва Н. В. Академическая и социокультурная адаптация студентов в вузах России. *Высшее образование в России*. 2022. Т. 31. № 12. С. 9–30. [Ambarova P. A., Zborovskiy G. E., Nikolskiy V. S., Shabrova N. V. Academic and sociocultural adaptation of students in Russian universities. *Higher Education in Russia*, 2022, 31(12): 9–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jegvwy>
13. Айбазова М. Ю. Социокультурная адаптация иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2022. № 1. С. 117–121. [Aibazova M. Yu. Sociocultural adaptation of foreign students to the study conditions at Russian universities. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 2022, (1): 117–121. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-34-117-121>
14. Архангельский В. Н., Рыбаковский Л. Л., Рязанцев С. В., Иванова А. Е. Практическая демография. М.: Центр социального прогнозирования, 2005. 199 с. [Arhangelskii V. N., Rybakovskii L. L., Ryazancev S. V., Ivanova A. E. *Practical demographics*. Moscow: Centr socialnogo prognozirovaniya, 2005, 199. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qopaef>

15. Письменная Е. Е. Тенденции учебной иммиграции в Россию: современные тенденции. М.: Экономическое образование, 2008. 160 с. [Pismennaya E. E. *Trends in educational immigration to Russia: Current trends*. Moscow: Ekonomicheskoe obrazovanie, 2008, 160. (In Russ.)]
16. Юдина Т. Н. Социология миграции. М.: Академический Проект, 2006. 272 с. [Yudina T. N. *Sociology of migration*. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2006, 272. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sumaef>
17. Анисимова Т. В., Синельникова Е. А. Экспорт и продвижение российского образовательного продукта на зарубежном рынке. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2025. № 4. С. 33–42. [Anisimova T. V., Sinelnikova E. A. Export and promotion of Russian educational services on foreign markets. *Russian Foreign Economic Journal*, 2025, (4): 33–42. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2025-4-33-42>
18. Лутова Ю. А., Щанина Е. В. Социальная адаптация иностранных студентов, обучающихся в региональных вузах (на примере Пензенской области). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 1. С. 11–18. [Lutova Yu. A., Shchanina E. V. Social adaptation of foreign students in regional universities (case study of the Penza Region). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 11–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-11-18>
19. Хасанова Л. И. Адаптация иностранных студентов к российской системе образования. *Многоязычие в образовательном пространстве*. 2025. Т. 17. № 2. С. 132–142. [Khasanova L. I. Adaptation of international students to the Russian educational system. *Russian Journal of Multilingualism and Education*, 2025, 17(2): 132–142. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2025-17-2-132-142>
20. Гизатов А. Я., Низамов С. С. Проблемы социализации иностранных студентов в высших учебных заведениях. *Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива*. 2025. № 1. С. 98–104. [Gizatov A. Ya., Nizamov S. S. Problems of socialization of foreign students in higher education institutions. *Society, Law, Statehood: Retrospective and Perspective*, 2025, (1): 98–104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qdiqyn>
21. Лутова Ю. А., Щанина Е. В. Социальная адаптация и профессиональная социализация иностранных студентов: структурная и факторная элементы. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2025. № 4. С. 29–36. [Lutova Yu. A., Shchanina E. V. Social adaptation and professional socialization of international students: Structural and factor elements. *Gumanitarnye, socialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2025, (4): 29–36. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-15>
22. Понявина М. Б., Селезнев П. С. Увеличение количества иностранных студентов в российских вузах как элемент государственной политики в сфере образования. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020. Т. 10. № 1. С. 104–108. [Ponyavina M. B., Seleznev P. S. Increase of the number of international students in Russian universities as a component of the state education policy. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2020, 10(1): 104–108. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-1-104-108>
23. Танина М. А., Юдина В. А., Зябликова О. А. Социологический мониторинг особенностей работы с иностранными студентами в университетской среде в условиях цифровых и культурологических изменений. *Вестник университета*. 2025. № 6. С. 229–240. [Tanina M. A., Yudina V. A., Zyablikova O. A. Sociological monitoring of the features of work with international students in university environment under digital and cultural changes. *Vestnik universiteta*, 2025, (6): 229–240. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gphini>
24. Гришина Г. В. Университетская среда как фактор адаптации иностранных студентов в российском вузе. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Т. 15. № 5. С. 449–465. [Grishina G. V. University environment as an adaptation factor of international students in Russia. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2024, 15(5): 449–465. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2024-15-5SE-650>
25. Боброва Н. Е. К проблеме адаптации иностранных студентов в российском вузе. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2025. № 1. [Bobrova N. E. To the problem of adaptation of foreign students in Russian universities. *International Research Journal*, 2025, (1). (In Russ.)] <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.151.105>

оригинальная статья

eLibrary EDN: LRZZRG

Цифровизация управления бизнес-процессами: отечественные практики и инструменты

Франциско Ольга Юрьевна

Краснодарский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, Россия, Краснодар
eLibrary Author SPIN: 2556-8270
<https://orcid.org/0000-0002-3802-1988>
oyfrantsisko@fa.ru

Молчан Алексей Сергеевич

Краснодарский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, Россия, Краснодар
eLibrary Author SPIN: 1627-9142
<https://orcid.org/0000-0003-3841-3743>

Паймерова Анастасия Олеговна

Краснодарский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, Россия, Краснодар

Аннотация: В современных условиях экономики и роста неопределенности внешней среды вопросы цифровизации управления бизнес-процессами приобретают особую актуальность для российских организаций. Увеличение объемов обрабатываемых данных, усложнение организационных структур и усиление санкционных ограничений требуют внедрения эффективных информационных технологий, обеспечивающих поддержку решений на всех уровнях управления. Несмотря на активное развитие цифровых решений, многие организации сталкиваются с трудностями интеграции ИТ-продуктов в существующие бизнес-процессы, особенно в сегменте малого и среднего бизнеса. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа отечественных практик цифровизации управления бизнес-процессами в условиях политики импортозамещения и ограничения доступа к зарубежным программным продуктам. Научная новизна работы заключается в систематизации российских программных решений с учетом их функциональной применимости на оперативном, тактическом и стратегическом уровнях управления. Цель – проанализировать особенности цифровизации управления бизнес-процессами российских организаций и провести оценку потенциала отечественных информационных технологий для повышения эффективности управленческих решений. Применены анализ, синтез и обобщение научных публикаций, сравнительный анализ программных продуктов, классификация и систематизация практик цифровизации бизнеса. В результате выявлены ключевые тенденции цифровизации управления, определены сильные и слабые стороны отечественных ИТ-решений, а также обозначены барьеры и перспективы их внедрения в деятельность организаций различного масштаба. Сделан вывод о необходимости гибкой адаптации цифровых инструментов под уникальные бизнес-процессы организаций как условия повышения их устойчивости и конкурентоспособности.

Ключевые слова: цифровизация бизнеса, управление организацией, информационные технологии, ERP-системы, BI-системы, отечественные программные продукты, проектное управление, импортозамещение, субъекты малого и среднего предпринимательства

Цитирование: Франциско О. Ю., Молчан А. С., Паймерова А. О. Цифровизация управления бизнес-процессами: отечественные практики и инструменты. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2026. Т. 11. № 3. С. 387–398. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-387-398>

Поступила в редакцию 23.12.2025. Принята после рецензирования 19.03.2026. Принята в печать 30.03.2026.

original article

Digitalization of Business Process Management: Domestic Practices and Tools

Olga Yu. Frantsisko

Krasnodar Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Krasnodar

eLibrary Author SPIN: 2556-8270

<https://orcid.org/0000-0002-3802-1988>

oyfrantsisko@fa.ru

Alexey S. Molchan

Krasnodar Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Krasnodar

eLibrary Author SPIN: 1627-9142

<https://orcid.org/0000-0003-3841-3743>

Anastasia O. Paimerova

Krasnodar Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Krasnodar

Abstract: The digitalization of business process management is becoming particularly relevant for Russian enterprises in the current economic environment amid the increasing external uncertainty. The growing volume of processed data, the rising complexity of organizational structures, and sanction-related require effective information technologies that ensure decision support at all management levels. Despite the active development of digital solutions, small and medium-sized companies face difficulties in integrating IT products into their daily business routines. This article describes domestic practices of business process management digitalization within the framework of import substitution policies and restricted access to foreign software. It systematizes Russian software solutions at the operational, tactical, and strategic levels of management while assessing the potential of domestic information technologies to improve the effectiveness of management decisions. The key trends in management digitalization revealed the strengths and weaknesses of domestic IT solutions, as well as barriers and prospects for businesses of various sizes. The flexible adaptation of digital tools to each specific organization is a necessary condition for resilience and competitiveness.

Keywords: business digitalization, organizational management, information technologies, ERP systems, BI systems, Russian software, project management, import substitution, small and medium-sized enterprises

Citation: Frantsisko O. Yu., Molchan A. S., Paimerova A. O. Digitalization of Business Process Management: Domestic Practices and Tools. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(3): 387–398. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-387-398>

Received 23 Dec 2025. Accepted after review 19 Mar 2026. Accepted for publication 30 Mar 2026.

Введение

Современная рыночная экономика развивается в условиях высокой динамичности и все возрастающей неопределенности. Технологические инновации, изменения в потребительских предпочтениях, процессы глобализации, геополитические и макроэкономические факторы формируют среду, в которой организации вынуждены оперативно адаптировать свои бизнес-процессы и управленческие модели для сохранения конкурентоспособности. В этих условиях цифровизация управления становится неотъемлемым элементом устойчивого развития организаций, обеспечивая повышение прозрачности, управляемости и эффективности хозяйственной деятельности.

Управление организацией предполагает координацию и контроль бизнес-процессов на оперативном, тактическом и стратегическом уровнях. Эффективность управленческих решений напрямую зависит от качества, полноты и своевременности

информации, используемой в процессе анализа и планирования. Однако, учитывая рост объемов данных и усложнение внутренних и внешних связей, традиционные методы обработки информации оказываются недостаточными. Это особенно актуально при принятии решений в условиях неопределенности, когда управленцы вынуждены опираться на ограниченные данные, экспертные оценки и собственный опыт, что повышает риск ошибок и снижает качество управления [1].

Актуальность исследования обусловлена усилением процессов цифровизации экономики и одновременным изменением условий функционирования российских организаций, связанным с политикой импортозамещения и ограничением доступа к зарубежным информационным технологиям. При таких обстоятельствах возрастает значимость отечественных программных продуктов,

способных обеспечить автоматизацию и цифровую поддержку бизнес-процессов на различных уровнях управления. Несмотря на наличие широкого спектра российских ИТ-решений, на практике многие организации сталкиваются с проблемами их выбора, внедрения и интеграции в существующие управленческие структуры, особенно в секторе субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП).

В научных исследованиях вопросы цифровизации управления и внедрения информационных технологий рассматриваются достаточно широко:

- подчеркивается роль автоматизации и информационной поддержки в повышении эффективности управленческих решений [Там же];
- акцентируется внимание на трансформации процесса принятия управленческих решений в условиях цифровой экономики [2];
- анализируются управленческий учет и факторы эффективности управленческих решений [3; 4].

Вместе с тем, несмотря на значительное количество публикаций, недостаточно систематизированы отечественные практики применения конкретных программных продуктов для управления бизнес-процессами с учетом их функциональной применимости на различных уровнях управления и особенностей использования при импортозамещении. Это определяет научную значимость исследования, заключающуюся в систематизации отечественных программных решений для управления бизнес-процессами с учетом уровней управления и специфики их применения в условиях цифровизации экономики и политики импортозамещения.

Цель – проанализировать особенности цифровизации управления бизнес-процессами российских организаций и провести оценку потенциала отечественных информационных технологий для повышения эффективности управленческих решений. Задачи: анализ роли информации в управлении организацией; систематизация информационных систем в разрезе уровней управления; обзор и сравнительный анализ отечественных программных продуктов для управления проектами и бизнес-процессами; выявление ключевых проблем, рисков и перспектив цифровизации в современных условиях.

Теоретическая база статьи – труды российских исследователей, посвященные вопросам цифровизации экономики, управленческих решений, внедрения информационных технологий и автоматизации бизнес-процессов. Методологической

основой послужил системный подход, позволяющий рассматривать управление организацией как совокупность взаимосвязанных бизнес-процессов, реализуемых на оперативном, тактическом и стратегическом уровнях управления. В рамках данного подхода информационные технологии анализируются как инструмент интеграции данных, поддержки управленческих решений и повышения эффективности деятельности организаций.

Применены следующие методы научного познания: анализ и синтез – для изучения сущности цифровизации управления и классификации информационных систем; сравнительный анализ – для сопоставления функциональных возможностей отечественных программных продуктов, используемых для управления проектами и бизнес-процессами; классификация и систематизация – для группировки ИТ-решений в соответствии с уровнями управления и масштабами деятельности организаций; абстрагирование и обобщение – для выявления ключевых тенденций, проблем и перспектив цифровизации управления в условиях импортозамещения.

Информационная база – данные официальных отчетов и аналитических обзоров, материалы профильных научных журналов, нормативно-правовые документы, а также открытые сведения разработчиков отечественного программного обеспечения. Сравнительный анализ программных продуктов выполнен на основе изучения их функциональных характеристик, сложности внедрения, ценовой политики и возможностей адаптации к бизнес-процессам организаций различного масштаба.

Применение указанных методов позволило выявить особенности цифровизации управления бизнес-процессами, определить сильные и слабые стороны отечественных ИТ-решений и сформулировать выводы о направлениях их дальнейшего развития и практического использования.

Результаты

С развитием современных технологий и цифровизацией экономики объемы данных стремительно растут. Только за 2024–2025 гг. было создано около 90 % всех мировых данных. В сравнении с 2010 г. объем данных увеличился в 66 раз. В 2023 г. их объем составил 120 Збайт, или 1073741824 Тбайт, а в 2024 г. – уже 147 Збайт, что на 22,5 % больше. В среднем в 2024 г. ежедневно создавалось 328,77 млн Тбайт данных. К 2025 г. прогнозируется рост до 181 Збайта (рис. 1¹).

¹ Сост. по: Большие данные на ВЭФ – 2024. *Технологический суверенитет*. 12.09.2024. URL: <https://technosuveren.ru/bolshie-dannye-na-vjef-2024/> (дата обращения: 25.06.2025).

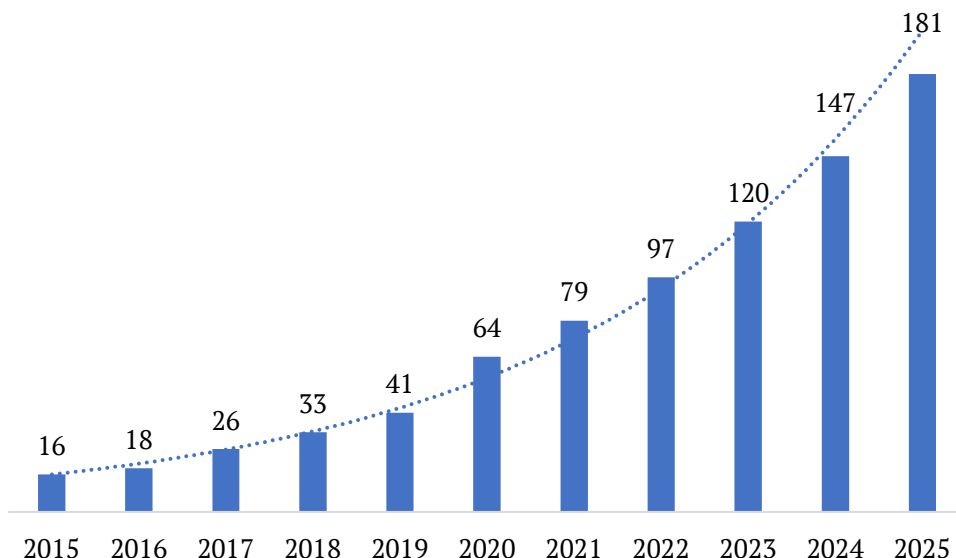

Рис. 1. Рост объема данных в мире, Збайт
Fig. 1. Global data growth, Zbyte

Такое количество информации требует новых подходов к ее обработке. Поскольку только человеческими ресурсами справиться с этим уже невозможно, информационные технологии становятся неотъемлемой частью внутренних процессов компаний: они ускоряют обработку данных, снижают вероятность ошибок и минимизируют влияние человеческого фактора на качество управленческих решений.

Однако для осуществления успешной цифровизации важно, чтобы информационные технологии органично интегрировались в бизнес-процессы организации на всех уровнях управления, не создавали излишних бюрократических барьеров и не снижали его эффективности [2].

Управление организацией традиционно делится на три уровня:

1) *стратегический*: ключевую роль играет интегрированная информация, которая включает как внутренние показатели деятельности организации, так и данные о внешней среде (рыночных тенденциях, действиях конкурентов, макроэкономических условиях и технологических изменениях);

2) *тактический*: более значимыми становятся агрегированные данные и аналитическая информация, позволяющая оценивать эффективность подразделений, анализировать динамику показателей и планировать распределение ресурсов;

3) *оперативный*: управленческие решения опираются преимущественно на текущую операционную информацию (данные о выполнении заказов,

состоянии запасов, загрузке производственных мощностей, взаимодействии с клиентами и финансовых транзакциях).

Таким образом, качество, полнота и своевременность информации непосредственно определяют эффективность управленческих решений на каждом уровне управления [3]. Так, на **оперативном уровне** решаются ежедневные, рутинные задачи, непосредственно связанные с производством и обслуживанием. Здесь решения принимаются быстро, часто автоматически (рис. 2²). На этом уровне важны системы, которые автоматизируют рутинные операции, снижают вероятность ошибок и обеспечивают текущий контроль за ресурсами [4]. К системам автоматизации бизнес-процессов на данном уровне управления относятся, например, системы управления взаимоотношениями с клиентами (CRM-системы), где идет обработка заказов, поддержка клиентов, ведение клиентской базы; системы планирования управления ресурсами (ERP-системы), которые помогают в управлении запасами, производством, персоналом; системы управления складом и т.д. Среди программных продуктов таких систем, актуальных на отечественном рынке в текущих политических условиях, можно выделить отечественную систему управления организацией «Галактика ERP» [5], обладающую функциональными возможностями управления финансами, логистикой, производством, персоналом и др., систему ЕКАМ – CRM [6], ориентированную на автоматизацию отделов продаж и маркетинга, систему «МойСклад» [7] и др.

² Сост. по: Большие данные...

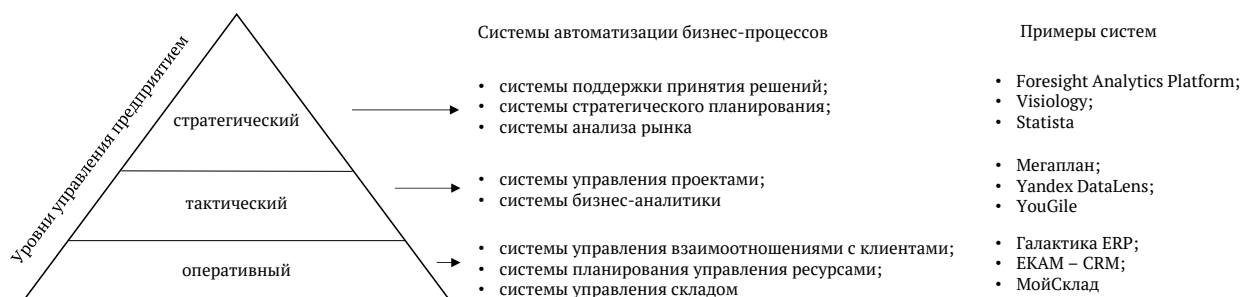

Рис. 2. Управленческая пирамида и информационные системы

Fig. 2. Management pyramid and information systems

Тактический уровень отвечает за планирование и координацию деятельности отдельных подразделений, распределение ресурсов и контроль выполнения планов. Решения здесь принимаются на основе анализа данных, поступающих с оперативного уровня, поэтому востребованы системы управления проектами (Project Management Systems) и бизнес-аналитики (BI-системы), которые помогают анализировать данные, формировать отчеты и выявлять тенденции для принятия решений по оптимизации процессов, управлению проектами и разработке маркетинговых кампаний. К программным продуктам, реализующим поддержку управленческих решений на данном уровне, можно отнести Мераплан – систему управления проектами и задачами, совмещающую элементы CRM- и HR-функциональности [8]; Elma365 – платформу управления бизнес-процессами, ориентированную на автоматизацию и оптимизацию операций [9]; Power BI [10], Projecto, Yandex DataLens [11], YouGile – сервисы бизнес-аналитики. Использование данных инструментов позволяет организации выявлять «узкие места» в бизнес-процессах, анализировать эффективность отдельных подразделений и формировать решения, опираясь на актуальные и структурированные данные.

На **стратегическом уровне**, который ориентирован на постановку долгосрочных целей и развитие организации (включая инвестиционную активность, стратегическое партнерство, выход на новые рынки), применяются специализированные информационные системы. Среди них можно выделить системы поддержки принятия решений, стратегического планирования и анализа рынка. Например, Foresight Analytics Platform, разработанная российской компанией «Форсайт», применяется для прогнозирования ключевых показателей деятельности (таких как объем продаж, выручка, прибыль) на основе совокупности исторических данных и внешних макроэкономических факторов. BI-платформа Visiology

также демонстрирует потенциал для выявления устойчивых трендов и закономерностей, предоставляя возможности построения краткосрочных и среднесрочных прогнозов на основе накопленных данных [12; 13].

Следует подчеркнуть, что представленный подход к разделению программных решений по уровням управления носит обобщающий характер. На практике организационная структура управления и, соответственно, архитектура информационной поддержки могут существенно различаться в зависимости от размера организации, отраслевой специфики, особенностей бизнес-модели, корпоративной культуры и степени цифровой зрелости [14]. Так, в малом бизнесе нередко отсутствует четкая иерархия между стратегическим и тактическим уровнями управления: один и тот же руководитель может одновременно осуществлять функции оперативного управления и стратегического планирования. В таких условиях программные решения, ориентированные на конкретный уровень, зачастую используются мультифункционально – для решения задач различной управленческой глубины [15].

Дополнительную гибкость использования информационных технологий обеспечивает развитие ERP-систем и систем бизнес-аналитики. Например, ERP-платформы, первоначально направленные на автоматизацию текущих операций, могут быть дополнены модулями планирования, анализа и бюджетирования, что позволяет им выполнять задачи тактического и частично стратегического уровня. BI-системы, в свою очередь, благодаря встроенным механизмам прогнозирования и сценарного моделирования, эффективно используются в процессе стратегического управления.

Важно понимать, что классификация программных продуктов по уровням управления выступает аналитическим инструментом, упрощающим подбор и внедрение соответствующих ИТ-решений. В реальной практике границы между уровнями

управления, а также между соответствующими информационными системами, как правило, размыты. При этом на первый план выходит способность программного обеспечения адаптироваться к уникальным условиям и бизнес-процессам конкретной организации.

Таким образом, при выборе и внедрении информационных систем необходимо учитывать не только их функциональность и соответствие требованиям конкретного уровня управления, но и гибкость, масштабируемость и возможность интеграции с другими системами. Ключевым принципом цифровизации является адаптация программных решений под уникальные бизнес-процессы организации, а не унификация бизнес-процессов под возможности ИТ-продукта.

На российском рынке наблюдается устойчивый тренд на углубленную интеграцию ИТ-инфраструктур различного уровня с целью оптимизации всех аспектов хозяйственной деятельности. Цифровизация охватывает как крупные, так и малые и средние организации, обеспечивая рост эффективности, прозрачности и управляемости бизнес-процессов. Так, по данным отчета Network Readiness Index (NRI) за 2024 г., отражающего состояние сетевой готовности 133 экономик мира на основе показателей в четырех категориях – *Технологии*, *Человеческий капитал*, *Управление* и *Влияние* – РФ занимает 41 место. Это свидетельствует о поступательной динамике развития цифровых компетенций и внедрения современных ИТ-технологий в управленческую практику отечественных организаций. Наиболее сильным направлением для России выступает категория *Человеческий капитал* (22 место в глобальном рейтинге). Кроме того, Россия лидирует среди стран СНГ и превосходит региональные показатели по всем четырем категориям (*Технологии* – 47 место, *Управление* – 49, *Влияние* – 69). В то же время выявлены отдельные слабые стороны, среди которых выделяются недостаточная защита конфиденциальности данных, несовершенство нормативно-правовой среды в сфере информационно-коммуникационных технологий, а также проблемы в обеспечении доступной и экологически чистой энергией³.

В условиях усложняющейся геополитической обстановки и усиления санкционного давления российские организации все чаще ориентируются на использование отечественных программных продуктов для управления бизнес-процессами.

Этот тренд обусловлен не только политикой импортозамещения и стремлением к обеспечению бесперебойности деятельности, но и необходимостью усиления контроля над данными и независимости от иностранных вендоров. В этой связи особую актуальность приобретает анализ сильных и слабых сторон отечественного программного обеспечения, а также оценка возможностей и угроз, влияющих на его конкурентоспособность и перспективы развития на внутреннем рынке:

1. Сильные стороны: соответствие российскому законодательству и бизнес-практикам, т.к. решения изначально разработаны с учетом требований бухгалтерского учета, налогообложения, кадрового учета и т.д.; локализация в виде поддержки русского языка, российской валюты и интеграция с российскими сервисами, включая банковские системы; более низкая стоимость по сравнению с зарубежными аналогами; поддержка со стороны государства; риск прекращения их обслуживания в связи с санкциями сведен к минимуму.

2. Слабые стороны: ограниченная функциональность продуктов, т.к. в ряде случаев российские продукты уступают западным аналогам в плане развитых функций, аналитических возможностей и интеграции с современными технологиями; менее современный и удобный пользовательский интерфейс; возникновение трудностей при применении программных комплексов в масштабах крупных организаций с большим числом пользователей; предложение меньших отраслевых специализированных решений по сравнению с глобальными производителями.

К числу внешних угроз, способных повлиять на развитие российского рынка программных продуктов, относятся возможное возвращение зарубежных вендоров, экономическая нестабильность, снижение инвестиционной активности в ИТ-сфере, а также потенциальные изменения законодательства, требующие оперативной доработки программного обеспечения.

В то же время наблюдаются и значительные возможности для развития. В условиях растущего спроса на решения в рамках политики импортозамещения и при наличии государственной поддержки отечественные компании получают стимулы для внедрения современных технологических подходов, включая искусственный интеллект (ИИ), машинное обучение и аналитику больших данных, что открывает перспективы повышения

³ Network Readiness Index 2024, eds. Dutta S., Lanvin B. Portulans Institute; University of Oxford, 2024. URL: <https://networkreadinessindex.org/nri-2024-edition-press-release/> (accessed 15 Jun 2025).

конкурентоспособности российских решений на внутреннем рынке. Так, одним из стратегических приоритетов РФ в области цифрового развития является создание и расширение экосистемы ИИ. С 2019 г. на государственном уровне ведется работа по формированию инфраструктуры поддержки ИИ, развитию научных школ и стимулированию внедрения технологий ИИ в реальный сектор экономики.

Российский рынок ИИ-решений демонстрирует существенное развитие: технологии видеоаналитики позволяют выявлять до 95 % дефектов продукции; предиктивные системы анализа применяются для мониторинга выполнения строительно-монтажных работ; использование сельскохозяйственной техники с элементами ИИ способствует увеличению урожайности на 15 %; цифровизация логистических процессов позволяет сократить сроки доставки грузов на треть [16].

Ключевыми факторами успеха в развитии ИИ в России, как правило, выступают наличие сильных лидеров в сфере ИИ, высокий уровень подготовки кадров, быстро развивающаяся научная школа и высококонкурентный уровень базового физико-математического образования. На российском рынке лидерами по внедрению ИИ являются крупные кредитно-финансовые организации (ПАО «Сбербанк», ПАО «ВТБ»), а также компании сырьевого и энергетического сектора. Для аналитики в крупных организациях используют классические бизнес-решения и передовые прикладные системы аналитики больших данных и облачные вычисления [2].

Однако имеется существенное различие в уровне цифровизации между крупными организациями и субъектами МСП. Последние в меньшей степени используют передовые цифровые технологии вследствие ограниченных финансовых ресурсов; повышенных рисков кибербезопасности; трудностей интеграции новых технологий в существующие бизнес-процессы; высокой чувствительности к экономическим колебаниям и внешнеэкономическим угрозам. К факторам, повлиявшим на динамику цифровизации субъектов малого и среднего предпринимательства, следует отнести последствия пандемии COVID-19, наиболее остро проявившиеся в 2020–2021 гг. В этот период пандемия привела к снижению оборотов, сокращению занятости и повышению уровня неопределенности, особенно это коснулось сферы услуг и розничной торговли. В последующие годы значительная часть негативных экономических последствий была преодолена, однако структурные изменения в модели ведения бизнеса сохранились. Вместе с тем пандемия

выступила катализатором ускоренной цифровизации. Организации были вынуждены оперативно внедрять дистанционные форматы работы, онлайн-продажи, электронный документооборот и инструменты цифровой коммуникации. Все это способствовало росту спроса на программные продукты и развитию облачных сервисов, что оказало стимулирующее воздействие на рынок цифровых технологий [3]. В ответ на эти вызовы государственная политика России направлена на стимулирование цифровизации субъектов МСП, поддержку отечественных разработчиков программного обеспечения и развитие цифровых платформ, ориентированных на потребности бизнеса.

На современном этапе развития цифровой экономики субъекты МСП демонстрируют умеренные темпы цифровизации [17]. Несмотря на наличие государственной поддержки и возрастающую потребность в цифровых решениях, в практике большинства субъектов МСП преобладает использование базового программного обеспечения. Наибольшее распространение получили системы электронного документооборота, бухгалтерские и кадровые программы, а также CRM-системы, обеспечивающие минимальный уровень цифровизации управленческих процессов. Внедрение более сложных цифровых технологий, таких как системы на базе ИИ или обработки больших данных, в секторе МСП пока остается ограниченным. Основными барьерами для применения данных решений являются высокая стоимость разработки и внедрения, неопределенность в оценке рентабельности инвестиций в технологии, недостаточный масштаб деятельности компаний для получения ощутимого экономического эффекта, низкий уровень цифровой компетентности руководителей и сотрудников.

В связи с растущим интересом к повышению эффективности оперативного управления [18] субъекты МСП все чаще рассматривают специализированные программные продукты для управления проектной деятельностью. На отечественном рынке появляются актуальные и доступные решения, разработанные с учетом специфики малого и среднего бизнеса и позволяющие оптимизировать планирование, исполнение и контроль проектов, улучшить коммуникацию внутри команд. Эти решения предлагают функционал, направленный на повышение прозрачности процессов, соблюдение сроков и бюджетов, что в итоге способствует росту конкурентоспособности субъектов МСП.

Проведем сравнительный анализ программных продуктов, применяемых для управления проектной

деятельностью (табл.⁴). При этом из рассмотрения исключим иностранные продукты (Trello [19], Jira [20], Asana [16], Microsoft Project [21]) и возьмем отечественные решения, которые заменяют западные аналоги, такие как YouGile, TeamStorm, Projecto, Битрикс24, Мегатлан.

На основе проведенного анализа отечественных программных продуктов можно выделить ряд особенностей цифровизации управления бизнес-процессами в российских организациях:

1) наблюдается активное развитие отечественных программных решений, направленных на автоматизацию основных управленческих функций: управление проектами, взаимодействие с клиентами, анализ данных и планирование ресурсов. Многие современные платформы обладают модульной архитектурой и возможностью интеграции с другими информационными системами, что позволяет адаптировать их к функционированию различных организаций, обладающих спецификой деятельности.

2) потенциал отечественных ИТ-решений во многом определяется их доступностью для субъектов МСП, а также возможностью масштабирования для использования в крупных организациях. Развитие облачных технологий и платформ low-code способствует снижению барьеров внедрения и упрощает интеграцию цифровых инструментов в существующие бизнес-процессы.

3) важной особенностью цифровизации управления в России является усиление роли отечественных разработчиков программного обеспечения в условиях политики импортозамещения. Это создает дополнительные стимулы для развития национального ИТ-рынка и расширения функциональности программных решений.

Таким образом, потенциал отечественных информационных технологий заключается в возможности формирования комплексной цифровой инфраструктуры управления, обеспечивающей повышение прозрачности бизнес-процессов, улучшение качества управленческих решений и повышение устойчивости организаций в условиях изменяющейся внешней среды.

Представленные программные продукты демонстрируют широкий спектр возможностей для управления проектами и бизнес-процессами с ориентацией на различные потребности и масштабы отечественных организаций:

1. Для малого бизнеса и стартапов, где на первый план выходят гибкость, скорость запуска и простота использования, оптимальным выбором может стать Projecto. Этот инструмент отличается легкостью внедрения благодаря интуитивно понятному интерфейсу и доступной ценой. YouGile, в свою очередь, привлекает внимание пользователей удобной навигацией и ориентацией на принципы Agile-управления проектами, однако его настройка под специфику отдельных бизнес-процессов может потребовать больше времени.

2. Для организаций, которым важен учет времени и аналитика, TeamStorm может быть подходящим вариантом, предлагая инструменты для мониторинга работы команд и отделов. Однако стоит учесть, что стоимость лицензии на одного пользователя выше, чем у других решений.

3. Для среднего и крупного бизнеса, которым требуется комплексное решение, включающее CRM, управление задачами и проектами, документооборот и другие функции, следует рассмотреть Битрикс24 и Мегатлан. Оба продукта предлагают широкий спектр возможностей, однако Битрикс24 отличается более высокой сложностью внедрения, требующей привлечения квалифицированных специалистов. Мегатлан представляется более сбалансированным решением, сочетающим широкий функционал и относительно невысокую сложность внедрения.

Таким образом, анализ отечественных программных продуктов показывает, что российский рынок программного обеспечения обладает значительным потенциалом для обеспечения цифровой поддержки управленческих процессов. При этом эффективность использования данных решений во многом определяется степенью их адаптации к специфике бизнес-процессов организаций, уровнем цифровой компетентности персонала и готовностью руководства к внедрению цифровых инструментов управления.

Заключение

В результате установлено, что эффективность управленческих решений в современных организациях во многом определяется уровнем цифровизации бизнес-процессов и качеством используемой информационной поддержки. Выявлено, что отечественные программные продукты способны обеспечивать автоматизацию и координацию процессов на оперативном, тактическом и стратегическом

⁴ Сост. по: [22–25].

Табл. Сравнительный анализ отечественных программных продуктов, используемых для управления проектной деятельностью

Tab. Russian project management software: comparative analysis

Описание программного решения	Внутренний функционал	Сложность внедрения	Наличие коробочной версии	Стоимость
YouGile позволяет всем отделам компании работать в едином информационном пространстве, передавать задачи между направлениями, контролировать сроки и видеть ответственных за выполнение	• управление задачами; • канбан-доски; • диаграммы Ганта; • учет времени; • создание отчетов; • роли и доступы	Средняя (интуитивно понятный интерфейс, требует настройки рабочих процессов и интеграций)	+	• бесплатно для 10 человек; • более 11 человек – 333 руб. в месяц; • коробочная версия – 579 руб. в месяц
TeamStorm – инструмент для планирования, организации и мониторинга работы команд и отделов	• управление задачами; • канбан-доски; • диаграммы Ганта; • учет времени; • создание отчетов; • роли и доступы; • персональная настройка	Средняя (простой в освоении, но настройка аналитики и интеграция с системами учета времени может потребовать определенных знаний)	+	• бесплатно первые 25 дней; • 1 пользователь – 667 руб. в месяц
Projecto – инструмент управления задачами, событиями, проектами и документами	• управление задачами; • диаграммы Ганта; • календарь; • отчетность; • онлайн-совещания и др.	Низкая (простой интерфейс и ограниченный функционал)	–	• бесплатно первые 30 дней; • 1 пользователь – от 288 до 400 руб. в месяц
Битрикс24 – платформа для управления бизнес-процессами и задачами в компании	• создание корпоративной сети; • мониторинг выполнения заданий со статистикой; • облачное хранилище для файлов; • инструменты для создания корпоративных сайтов; • IP-телефония для звонков; • чаты, календарь, закрытая социальная сеть	Высокая (широкий функционал CRM, бизнес-процессов, интеграций усложняет внедрение)	+	• 1 пользователь (базовый тариф) – 349 руб. в месяц; • коробочная версия – 9083 руб. в месяц
Мегаплан – инструмент для управления отделами, проектами, документооборотом	• управление задачами и проектами; • CRM; • хранение и совместная работа с документами; • финансы, отчетность	Средняя (широкий функционал, но менее сложный)	+	• бесплатно первые 14 дней; • 1 пользователь – от 454 руб. в месяц; • коробочная версия – от 3750 руб. в месяц

уровнях управления, однако их практическое внедрение зачастую сопровождается рядом ограничений, которые связаны с недостаточной адаптацией к специфике деятельности организаций, дефицитом квалифицированных кадров и сопротивлением изменениям со стороны персонала. Полученные результаты в целом соответствуют поставленным задачам и дополняют существующие научные выводы о роли цифровых технологий в управлении, уточняя их применительно к российским условиям.

Научная новизна исследования заключается в систематизации отечественных информационных технологий управления бизнес-процессами с учетом уровней управления и масштабов деятельности организаций, а также в выявлении ключевых барьеров и факторов, влияющих на эффективность их использования в современных условиях. В отличие от ранее проведенных исследований, акцент сделан на практической применимости российских программных решений в условиях ограниченного доступа к зарубежным ИТ-продуктам.

В качестве рекомендаций предлагается применять поэтапный подход к внедрению информационных технологий, учитывать специфику бизнес-процессов конкретной организации и уделять внимание подготовке персонала и развитию цифровых компетенций. При реализации процессов цифровизации управления необходимо также учитывать размер и организационную структуру организации. Для субъектов малого и среднего бизнеса приоритетным направлением является внедрение доступных облачных решений с минимальными затратами на интеграцию и сопровождение, а также использование мультифункциональных платформ, совмещающих элементы CRM, управления проектами и базовой аналитики. Здесь наиболее предпочтительным будет поэтапный переход от автоматизации отдельных операций к комплексной цифровой поддержке управленческих процессов.

Для средних организаций особую актуальность приобретает развитие интеграции различных информационных систем и расширение аналитических инструментов, включая BI-платформы и модули

планирования в составе ERP-систем, формирование единой информационной среды управления. В крупных компаниях приоритетом является не только автоматизация процессов, но и повышение управленческой гибкости и устойчивости бизнеса в долгосрочной перспективе, поэтому цифровизация управления должна сопровождаться стратегическим выстраиванием ИТ-архитектуры, внедрением систем прогнозной аналитики и элементов ИИ, а также созданием центров компетенций в области цифрового развития.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных выводов и рекомендаций руководителями и специалистами организаций при выборе и внедрении информационных технологий для управления бизнес-процессами. Отметим, что то представленные результаты могут быть полезны при разработке программ цифровизации, при формировании требований к функционалу программных продуктов и оценке рисков цифровизации.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются разработка методик оценки эффективности внедрения отечественных ИТ-решений, проведение эмпирических исследований на основе данных конкретных организаций, а также анализ влияния цифровизации на устойчивость и конкурентоспособность организаций в долгосрочной перспективе.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

1. Франциско О. Ю., Молчан А. С. Автоматизация уровневой оценки экономической безопасности. Краснодар: КубГАУ, 2022. 175. [Frantsisko O. Yu., Molchan A. S. *Automation of the level assessment of economic security*. Krasnodar: KubSAU, 2022, 175. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ibnuxz>
2. Юсупова С. М. Процесс принятия управленческих решений в организации в условиях развития цифровой экономики. *Гуманитарный научный журнал*. 2023. № 3-1. С. 28–37. [Yusupova S. M. The process

- of making management decisions in an organization in the context of the development of the digital economy. *Gumanitarnyi nauchnyi zhurnal*, 2023, (3-1): 28–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wqntwi>
3. Зарипова С. Р. Роль управленческого учета в управлении организацией. *Экономика и социум*. 2022. № 4-1. С. 278–286. [Zaripova S. R. The role of management accounting in the management of an organization. *Ekonomika i socium*, 2022, (4-1): 278–286. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qnryfa>
 4. Коник Е. С., Бирюкова Ю. Н. Факторы, определяющие эффективность принятого управленческого решения. *Экономика и управление: актуальные вопросы теории и практики: XXI Междунар. науч.-практ. конф.* (Краснодар, 31 октября 2023 г.) Краснодар: Краснодарский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2023. С. 256–261. [Konik E. S., Biryukova Yu. N. Factors determining the effectiveness of the adopted managerial decision. *Economics and management: Topical issues of theory and practice: Proc. XXI Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Krasnodar, 31 Oct 2023. Krasnodar: Krasnodar Center for Scientific and Technical Information, Russian Energy Agency, Ministry of Energy of the Russian Federation, 2023, 256–261. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eceges>
 5. Дорохов Г. Ю. Анализ современных программ и приложений, используемых для принятия управленческих решений в производственных предприятиях. *Вестник Московской международной академии*. 2022. № 2. С. 99–102. [Dorokhov G. Yu. Analysis of modern programs and applications used for management decision-making in production enterprises. *Vestnik Moskovskoi mezhdunarodnoi akademii*, 2022, (2): 99–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/stxlp1>
 6. Юрков И. Б. Автоматизация управления ремонтными работами склада вычислительной техники. *Экономика и качество систем связи*. 2021. № 3. С. 101–113. [Yurkov I. B. Automation of management of repair work of a computer warehouse. *Ekonomika i kachestvo sistem svyazi*, 2021, (3): 101–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mcuasu>
 7. Бугасов А. В. Преимущества и недостатки облачных решений для стратегического планирования. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2025. № 2-1. С. 29–31. [Bugasov A. V. Advantages and disadvantages of cloud solutions for strategic planning. *Economy and Business: Theory and practice*, 2025, (2-1): 29–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sdncpk>
 8. Тюрина Д. А., Крюкова А. А. Платформа low-code как основное решение для разработки самостоятельного программного продукта. *Индустриальная экономика*. 2023. № 4. С. 56–60. [Tyurina D. A., Kryukova A. A. The low-code platform as the main solution for the development of an independent software product. *Industrial Economics*, 2023, (4): 56–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ugt1zz>
 9. Пальмов С. В., Абашин М. П., Гулынин Н. А. Low-code и no-code платформы в Российской Федерации. *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы*. 2024. № 6. С. 107–114. [Palmov S. V., Abashin M. P., Gulynin N. A. Low-code and no-code platforms in the Russian Federation. *Innovative Economy: Information, Analytics, Forecasts*, 2024, (6): 107–114. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47576/2949-1894.2024.6.6.015>
 10. Дмитриева Н. Ю. Power BI как вспомогательный инструмент биостатистика. *Реальная клиническая практика: данные и доказательства*. 2022. Т. 2. № 1. С. 36–39. [Dmitrieva N. Yu. Power BI as an auxiliary tool of biostatistics. *Real-World Data & Evidence*, 2022, 2(1): 36–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mqtikg>
 11. Соколова М. А., Зотова А. А. Характеристика современных BI-систем. *Финансовые рынки и банки*. 2022. № 11. С. 44–48. [Sokolova M. A., Zotova A. A. Characteristics of modern BI-systems. *Financial Markets and Banks*, 2022, (11): 44–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lbqifu>
 12. Гриненко Ю. К., Матов М. Б. Особенности применения BI-технологий в условиях развития цифровой экономики. *Московский экономический журнал*. 2022. Т. 7. № 6. [Grinenko Yu. K., Matov M. B. Features of the use of BI-technologies in the context of the development of the digital economy. *Moscow Economic Journal*, 2022, 7(6). (In Russ.)] https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_6_381
 13. Петровская А. В., Раевский К. Э. Инструменты бизнес-аналитики для малого и среднего бизнеса в России. *Естественно-гуманитарные исследования*. 2025. № 3. С. 905–909. [Petrovskaya A. V., Raevsky K. E. Business analytics tools for small and medium businesses in Russia. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*, 2025, (3): 905–909. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vmulkh>
 14. Владимирова И. Г., Полевая Е. В. Методический подход к оценке уровня адаптивности организационных структур управления компаниями. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2023. Т. 14. № 2. С. 242–261. [Vladimirova I. G., Polevaya E. V. Methodological approach to assessing the level of adaptability of organizational management structures of companies. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 2023, 14(2): 242–261. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/furnmi>

15. Щербов В. О., Фоменко Н. М. Трансформация процессов управления организацией в современных условиях. *Вестник Евразийской науки*. 2023. Т. 15. № S1. [Shcherbov V. O., Fomenko N. M. Transformation of organization management processes in modern conditions. *The Eurasian Scientific Journal*, 2023, 15(S1). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cwbaut>
16. Ахмадуллин Д. Ф. Системы управления проектами: анализ существующих программных решений. *StudNet*. 2020. Т. 3. № 9. С. 894–901. [Akhmadullin D. F. Project management systems: Analysis of existing software solutions. *StudNet*, 2020, 3(9): 894–901. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gpfean>
17. Пташкина Е. С., Волкова Е. А., Гребенюк И. Д. ESG-трансформация малого и среднего предпринимательства в условиях глобальных вызовов устойчивого развития. *Вестник Академии знаний*. 2025. № 3. С. 918–923. [Ptashkina E. S., Volkova E. A., Grebenyuk I. D. ESG-transformation of small and medium-sized businesses in the context of global challenges of sustainable development. *Vestnik Akademii znaniy*, 2025, (3): 918–923. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wqlxrq>
18. Зубкова О. В., Артемова А. Н. Проблема соответствия показателей оперативного управления предприятием его текущей стратегии. *Экономический анализ: теория и практика*. 2011. № 23. С. 23–33. [Zubkova O. V., Artemova A. N. Compliance of operational management indicators with current corporate strategy. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2011, (23): 23–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nukcaj>
19. Коркин С. А. Процессы, методы, модели и инструменты управления проектами. *Региональная и отраслевая экономика*. 2024. № S1. С. 32–39. [Korkin S. A. Project management processes, methods, models and tools. *Regional and Branch Economy*, 2024, (S1): 32–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aegcwn>
20. Короходкин Д. В., Гагарина С. Н. Сравнительный анализ информационных систем менеджмента. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2021. № 10-1. С. 174–177. [Korokhodkin D. V., Gagarina S. N. Comparative analysis of management information systems. *Economy and Business: Theory and practice*, 2021, (10-1): 174–177. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-10-1-174-177>
21. Рахимов С. К. Использование автоматизированных систем и искусственного интеллекта в управлении проектами. *Journal of Marketing, Business and Management*. 2024. Т. 3. № 6. С. 1–19. [Rakhimov S. K. The use of automated systems and artificial intelligence in project management. *Journal of Marketing, Business and Management*, 2024, 3(6): 1–19. (In Russ.)]
22. Сахнюк Т. И., Коршикова М. В., Сахнюк П. А. Российские системы управления проектами. *Наука Красноярья*. 2022. Т. 11. № 4-1. С. 24–36. [Sakhnyuk T. I., Korshikova M. V., Sakhnyuk P. A. Russian project management systems. *Krasnoyarsk Science*, 2022, 11(4-1): 24–36. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12731/2070-7568-2022-11-4-24-36>
23. Баландин В. А. Основные представители CRM-систем на российском рынке. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2024. № 6-1. С. 58–61. [Balandin V. A. The main representatives of CRM systems in the Russian market. *Economy and Business: Theory and practice*, 2024, (6-1): 58–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pfyfmf>
24. Блинов А. О., Якимец Ю. В. Оценка эффективности развития CRM-системы «Мегаплан». *Вестник науки и образования*. 2018. № 17-1. С. 57–60. [Blinov A. O., Yakimets Yu. V. Assessing of the effectiveness of the Megaplan CRM system development. *Vestnik nauki i obrazovaniya*, 2018, (17-1): 57–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypwvvr>
25. Прокина Е. Ю., Стенина Т. В. Обзор CRM-систем на рынке ИКТ. *Огарёв-Online*. 2020. Т. 8. № 5. С. 27–32. [Prokina E. Yu., Stenina T. V. Overview of CRM systems in the ICT market. *Ogarev-Online*, 2020, 8(5): 27–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vjnxxt>

оригинальная статья

eLibrary EDN: NAXMOV

Особенности инструментов цифровой трансформации региональной экономики (обзор программно-целевых документов)

Алетдинова Анна Александровна

Российский государственный университет нефти и газа (НИУ)

имени И. М. Губкина, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 4508-6876

<https://orcid.org/0000-0002-9257-4735>aletdinova@asugubkin.ru

Волохович Анна Михайловна

Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси,

Беларусь, Минск

eLibrary Author SPIN: 1585-9699

<https://orcid.org/0009-0004-5342-4381>

Поллер Анна Борисовна

Сибирский государственный университет инженерии

и биотехнологий, Россия, Новосибирск

eLibrary Author SPIN: 6815-7590

<https://orcid.org/0009-0004-3450-5637>

Аннотация: В статье исследованы теоретические и прикладные аспекты цифровой трансформации региональной экономики в условиях структурных сдвигов и роста неопределенности внешней среды. Актуальность работы обусловлена возрастанием роли регионов как ключевых субъектов социально-экономического развития и центров формирования цифрового суверенитета. Цель – выделить особенности инструментов цифровой трансформации экономики субъектов Российской Федерации. Применены системный и институциональный подходы, методы сравнительного анализа, структурно-функционального и логического обобщения. Цифровую трансформацию экономики региона можно рассматривать как технологические инновации и стратегический катализатор устойчивого развития. В реализации цифровой трансформации в рамках устойчивого развития регионов учеными применяются техноцентрический, информационно-аналитический, стратегический, ресурсно-базовый, процессно-ориентированный, социотехнический, ценностно-ориентированный, институциональный и экосистемный подходы. Они, в свою очередь, делятся на следующие группы: инструментальную, организационную и институциональную. Проанализированы налогово-финансовые, институциональные, отраслевые, инфраструктурные и кадровые инструменты цифровой трансформации, применяемые в российских регионах, а также выполнено сопоставление со схемой цифрового развития Республики Беларусь. Инструменты цифровой трансформации экономики российских регионов разделены на такие категории, как налоговые и финансовые механизмы стимулирования и поддержки ИТ-сектора; инструменты стратегического планирования и институционального строительства; программы цифровой отраслевой акселерации; инфраструктурные и сетевые технологические решения; механизмы развития кадрового потенциала и научно-образовательной экосистемы. Показаны сходства и различия в моделях реализации цифровой трансформации в регионах России и Беларуси. Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных выводов при разработке и корректировке стратегий цифрового развития регионов.

Ключевые слова: цифровая трансформация, региональная экономика, цифровая зрелость, инструменты развития, устойчивое развитие, Россия, Беларусь

Цитирование: Алетдинова А. А., Поллер А. Б., Волохович А. М. Особенности инструментов цифровой трансформации региональной экономики (обзор программно-целевых документов). *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2026. Т. 11. № 3. С. 399–410. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-399-410>

Поступила в редакцию 04.03.2026. Принята после рецензирования 05.05.2026. Принята в печать 06.05.2026.

original article

Digital Transformation Tools in Regional Economy: A Review of Program and Target Documents

Anna A. Aletdinova

Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 4508-6876

<https://orcid.org/0000-0002-9257-4735>

aletdinova@asugubkin.ru

Anna M. Volokhov

Institute of System Research in Agriculture of the National Academy
of Sciences of Belarus, Belarus, Minsk

eLibrary Author SPIN: 1585-9699

<https://orcid.org/0009-0004-5342-4381>

Anna B. Poller

Siberian State University of Engineering and Biotechnology,

Russia, Novosibirsk

eLibrary Author SPIN: 6815-7590

<https://orcid.org/0009-0004-3450-5637>

Abstract: Regional economies are undergoing digital transformation amid structural changes and increasing external uncertainty. Regions are turning into key actors of socio-economic development and centers of digital sovereignty. This article describes the tools driving the digital economic shift across Russian regions. The digital transformation of a regional economy can serve as both a technological innovation and a strategic catalyst for sustainable development. Sustainable digital transformation can be analyzed through technocentric, information-analytical, strategic, resource-based, process-oriented, sociotechnical, value-oriented, institutional, and ecosystem approaches. These approaches can be grouped into instrumental, organizational, and institutional categories. This article describes the tax, financial, institutional, sectoral, infrastructural, and personnel tools of digital transformation used in Russian regions, comparing them with the digital development scheme implemented in the Republic of Belarus. The digital tools of economic transformation are divided into tax and financial mechanisms for stimulating and supporting the IT sector; strategic planning and institution-building tools; digital industry acceleration programs; infrastructural and network technological solutions; and mechanisms for developing human resources, science, and education. The findings can be used to adjust current digital development strategies in Russian regions to the actual economic environment.

Keywords: digital transformation, regional economy, digital maturity, development tools, sustainable development, Russia, Belarus

Citation: Aletdinova A. A., Poller A. B., Volokhov A. M. Digital Transformation Tools in Regional Economy: A Review of Program and Target Documents. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(3): 399–410. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-399-410>

Received 4 Mar 2026. Accepted after review 5 May 2026. Accepted for publication 6 May 2026.

Введение

Внедрение информационно-коммуникационных технологий существенно ускорило развитие региональной экономики. Цифровая трансформация в современных условиях выступает не как изолированный технологический процесс, а как фундаментальное направление структурной перестройки социально-экономических систем [1]. В условиях глобальной нестабильности и санкционных ограничений именно регионы становятся ключевыми центрами формирования цифрового суверенитета, инновационной устойчивости и долгосрочного экономического роста. Расширенное внедрение

искусственного интеллекта (ИИ), Интернета вещей (*Internet of Things* – IoT), больших данных и цифровых двойников приводит к трансформации традиционных отраслей экономики в интеллектуальные экосистемы, основанные на данных и знаниях [2].

Цифровая трансформация рассматривается в научных исследованиях как процесс глубоких изменений социально-экономических систем, затрагивающий институциональную среду, производственные цепочки и модели создания стоимости [3–5]. В региональном аспекте данный процесс направлен на снижение пространственных ограничений, повышение

производительности труда и формирование новых источников экономического роста.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного осмысления инструментов цифровой трансформации на региональном уровне, т. к. их эффективность в значительной степени определяется спецификой территориального развития, отраслевой структуры и человеческого капитала. Цель статьи – выделить особенности инструментов цифровой трансформации экономики субъектов РФ. Задачи: выделить особенности трактовки понятия *цифровая трансформация региональных систем*; определить подходы ученых к исследованию цифровизации экономического развития регионов; предложить классификацию региональных инструментов цифровой трансформации и рассмотреть примеры особенностей их реализации; сравнить особенности моделей цифровой трансформации экономики регионов России и Республики Беларусь.

Научная новизна заключается в систематизации подходов формирования и инструментов цифровизации региональной экономики России и Беларуси. Применены методы системного анализа, институционального подхода, сравнительного и логического анализа. Информационную базу составили нормативно-правовые акты, региональные стратегии цифровой трансформации, официальные статистические данные и материалы органов государственной власти РФ и Беларуси, литературные источники.

Результаты

Цифровая трансформация в современных условиях выступает не просто как технологическое обновление, а как фундаментальный процесс переосмысления способов создания стоимости, взаимодействия экономических агентов и функционирования государственных институтов на региональном уровне [1]. В условиях глобальной нестабильности регионы становятся первичными узлами формирования цифрового суверенитета и инновационной устойчивости. Данный процесс характеризуется широким внедрением конвергентных технологий, таких как ИИ, IoT, большие данные и цифровые двойники, которые трансформируют традиционные отрасли в интеллектуальные экосистемы [2].

Цифровая трансформация региональных систем выступает стратегическим катализатором устойчивого развития, обеспечивая переход от материало-модельных к экономике знаний и данных.

Она проявляется через реализацию технологических инноваций во взаимосвязи с экологическими, социальными и управленческими решениями. Выделим применяемые учеными подходы в реализации цифровой трансформации в рамках устойчивого развития регионов РФ (табл. 1¹).

Техноцентрический и информационно-аналитический подходы закладывают инфраструктурный фундамент и механизмы управления на основе данных [6; 7], что через инструменты цифровых двойников позволяет прецизионно оптимизировать ресурсопотребление, способствуя экологической устойчивости. Стратегический и ресурсно-базовый подходы направлены на переориентацию региональных активов на создание уникальных цифровых компетенций [8; 9], в то время как процессно-ориентированный подход обеспечивает радикальное повышение эффективности логистических и производственных цепочек [10]. Социотехнический и ценностно-ориентированный подходы фокусируются на социальном аспекте устойчивости, работая над развитием человеческого капитала, преодолением цифрового разрыва и ростом качества жизни населения через инклюзивные сервисы [11; 12].

Институциональный и экосистемный подходы формируют адаптивные регуляторные рамки и сетевые кластеры [13], а пространственно-сетевой подход трансформирует механизмы агломерирования, снижая транспортную нагрузку и углеродный след за счет виртуальной мобильности акторов [14]. Например, сокращение количества поездок на работу, командировок за счет перехода к онлайн-взаимодействию (удаленная работа, вебинары, онлайн-конференции, виртуальные платформы и т. п.) снижает транспортные расходы, выбросы CO₂ [15; 16]. Кроме того, продление жизни компьютерной техники можно рассматривать в качестве мер по снижению углеродного следа и в качестве признаков виртуализации и сетевых кластеров, таких как уменьшение зависимости от физического пространства [17], формирование коллаборации участников проектов (в том числе и временных) [18], организация открытых данных, пространств для общения и обучения [19].

Динамический потенциал и подрывные инновации (*disruptive approach*) обеспечивают экономическую резильентность – способность региональных систем гибко адаптироваться к внешним шокам и проводить созидательное замещение устаревших индустриальных моделей [20; 21]. Современная

¹ Сост. по: Минцифры. URL: <https://digital.gov.ru/> (дата обращения: 01.02.2026).

Табл. 1. Подходы и инструменты цифровой трансформации в регионах России

Tab. 1. Approaches and tools of digital transformation across Russia

Группы подходов	Подходы	Основные характеристики	Инструменты цифровой трансформации	Примеры реализации
Инструментальная	- техноцентрический; - информационно-аналитический; - процессно-ориентированный	- технологии; - данные; - автоматизация процессов; - инфраструктура	- инфраструктурные и цифровые решения; - программы отраслевой акселерации (IoT, беспилотные авиационные системы (БАС), цифровые двойники)	- в 2026 г. Челябинская область входит в топ-3 по количеству ИИ-решений; - подключено 65 тыс. жителей малых населенных пунктов к Интернету; - в 2026 г. Сахалинская область – лидер рейтинга цифровой трансформации; - Умное ЖКХ (снижение потерь энергии до 15 %); - в 2026 г. Санкт-Петербург имеет рост производительности труда на предприятиях за счет цифровизации, входит в топ-10 рейтинга цифровой трансформации
Организационная	- стратегический; - ресурсно-базовый; - социотехнический; - ценностно-ориентированный	- умная специализация; - формирование человеческого капитала; - ценностные модели	- механизмы развития кадрового потенциала и научно-образовательной экосистемы; - программы отраслевой акселерации	- в 2026 г. Томская область входит в топ-10 рейтинга цифровой трансформации, имеет высокий уровень цифровой грамотности; - Республика Татарстан имеет ИТ-кластер, центр компетенций по ИИ; - Белгородская область – лидер рейтинга цифровой трансформации 2024–2025 гг., демонстрирует успешную цифровизацию агропромышленного комплекса (АПК)
Институционально-экосистемная	- институциональный; - экосистемный; - пространственно-сетевой	создание и совершенствование правил, институтов, сетевых взаимодействий и адаптивности систем	- инструменты стратегического планирования и создания институциональной среды; - налоговые и финансовые механизмы	- реализация в Москве проекта «Умный город – 2030»; - в 2025 г. Республика Татарстан входит в топ-3 в рейтинге цифровой трансформации; - лидер по реализации программы «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (включая систему налоговых преференций)

классификация этих подходов позволяет выделить инструментальную группу, нацеленную на создание современной инфраструктуры, организационную – для реализации стратегий «умной специализации» [11] и социально-институциональную, рассматривающую регион как самодостаточную экосистему тесных цифровых взаимодействий. Таким образом, цифровая трансформация в региональном контексте эволюционирует от технической оцифровки к системному качественному преобразованию, становясь фундаментом для долгосрочного устойчивого процветания территорий.

На уровне субъектов РФ успех цифровой трансформации зависит не только от объема инвестиций в ИКТ-инфраструктуру, но и от наличия комплексного инструментария управления. Он включает в себя комплекс нормативно-правовых, организационно-экономических и технологических механизмов, позволяющих синхронизировать усилия власти и бизнеса для достижения показателей цифровой зрелости. Важнейшей чертой современного этапа является переход к человекоцентричной модели, где приоритетом становится благополучие граждан и доступность социальных услуг. Примеры

реализации инструментов цифровой трансформации экономики российских регионов, представленные в таблице 1, показывают их несомненную результативность.

Региональный аспект цифровой трансформации накладывает свои ограничения: инструменты, эффективные для мегаполисов, требуют адаптации для индустриальных или аграрных территорий. В России этот процесс жестко регламентирован системой национальных целей, где субъекты обязаны достигать установленных показателей зрелости в ключевых отраслях. Переходя к детальному анализу, рассмотрим конкретные примеры инструментов, их нормативную базу и прогнозируемые эффекты в российском правовом и экономическом поле:

1. *Налоговые и финансовые механизмы стимулирования и поддержки ИТ-сектора.* Данный аналитический блок инструментов ориентирован прежде всего на существенное снижение входного барьера для новых игроков и нивелирование высоких операционных издержек, которые традиционно характерны для технологического предпринимательства на ранних стадиях. В научно-практическом плане этот инструмент реализуется через комплекс мер фискального стимулирования. Например, через планомерное снижение налоговых ставок по упрощенной системе налогообложения, предоставление льгот по налогу на имущество организаций, а также применение механизмов инвестиционных налоговых вычетов.

Ярким примером успешной апробации данных мер являются Пермский край и Челябинская область,

где за счет гибкой налоговой политики удалось сформировать уникальный инвестиционный климат². С точки зрения экономической теории существенное снижение налогового бремени позволяет компаниям высвободить значительные объемы оборотных средств. Эти ресурсы не «проедаются», а реинвестируются в сферу научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также направляются на масштабирование бизнеса и расширение кадрового состава. Важно понимать, что, несмотря на неизбежные краткосрочные кассовые разрывы и локальные потери региональных бюджетов, в стратегической перспективе данный инструмент гарантирует устойчивый приток ИТ-капитала и кратное расширение налогооблагаемой базы за счет появления множества новых прибыльных резидентов.

2. *Инструменты стратегического планирования и создания институциональной среды.* Инструментарий данной группы, включающий в себя разработку долгосрочных стратегий, региональных программ и создание специализированных органов управления (министерств цифрового развития), формирует своего рода нормативный фундамент всей трансформации. По сути, речь идет о создании легитимных и понятных правил функционирования цифровой среды. Анализ опыта Москвы (в рамках мегапроекта «Умный город – 2030») и Татарстана наглядно демонстрирует, что наличие детально проработанной и публично зафиксированной «дорожной карты» позволяет эффективно синхронизировать интересы органов власти и частного бизнеса³.

² О внесении изменений в Закон Пермского края «Об установлении налоговых ставок для отдельных категорий налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения, и о внесении изменений в Закон Пермской области "О налогообложении в Пермском крае"». Закон Пермского края от 29.11.2021 № 25-ПК; О внесении изменений в Закон Пермского края «Об инвестиционном налоговом вычете по налогу на прибыль организаций в Пермском крае». Закон Пермского края от 29.11.2021 № 24-ПК; О налогах и особенностях налогообложения отдельных категорий налогоплательщиков в Новосибирской области. Закон Новосибирской области от 16.10.2003 № 142-ОЗ (с изм. на 02.07.2026); Об утверждении государственной программы Новосибирской области «Цифровая трансформация Новосибирской области». Постановление Правительства Новосибирской области от 31.12.2019 № 515-п (с изм. на 09.06.2026); О налоге на имущество организаций. Закон Челябинской области от 27.11.2003 № 189-ЗО (в ред. от 05.10.2016) (утр. силу с 01.01.2017); Об установлении налоговых ставок для налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения. Закон Челябинской области от 28.01.2015 № 101-ЗО (в ред. от 02.09.2025) (утр. силу на основании Закона Челябинской области от 28.11.2025 № 186-ЗО); Об установлении налоговых ставок налогоплательщикам при применении упрощенной системы налогообложения. Закон Удмуртской Республики от 29.11.2017 № 66-РЗ (в ред. от 26.12.2024) (утр. силу с 01.01.2026). *СПС Кодекс*.

³ Об утверждении Стратегии цифровой трансформации в Удмуртской Республике на период до 2030 г. Указ Главы Удмуртской Республики от 31.03.2020 № 74 (в ред. от 31.08.2022); О Государственной программе города Москвы «Развитие цифровой среды и инноваций». Постановление Правительства Москвы от 09.08.2011 № 349-ПП (с изм. на 23.06.2026); О преобразовании Министерства информатизации и связи Республики Татарстан. Указ Президента Республики Татарстан от 25.09.2019 № УП-574 (с изм. на 04.05.2023); Об инновационном и цифровом развитии Республики Саха (Якутия). Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 06.11.2018 № 149 (утр. силу от 27.04.2024); Об утверждении Стратегии цифровой трансформации отраслей экономики и социальной сферы Республики Саха (Якутия) на 2020 – 2030 гг. Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 31.12.2020 № 1639 (утр. силу от 14.03.2022). *СПС Кодекс*; Об утверждении Программы цифровой трансформации Республики Татарстан. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 29.12.2021 № 1314; Об утверждении Порядка предоставления из областного бюджета субсидии на финансовое обеспечение уставной деятельности автономной некоммерческой организации «Региональный центр поддержки и координации отечественных цифровых технологий и разработчиков "Горький Тех"». Постановление Правительства Нижегородской области от 03.09.2021 № 692. *ИППП Гарант*; Стратегия «Умный город – 2030». Правительство Москвы, 2018. URL: <https://storage.strategy24.ru/files/strategy/201903/724ca9541151bd969b96ed594f37a103.pdf>; Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Нижегородской области. Н. Новгород, 2021. URL: https://www.tadviser.ru/images/c/ca/Скан_стратегии_в_Нижегородской_области.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

Процесс институционализации резко снижает уровень неопределенности для потенциальных инвесторов. Это позволяет государству переходить к модели управления на основе данных, что ведет к радикальному повышению качества государственного управления, прозрачности госсектора и оптимизации каждой единицы бюджетных расходов.

3. *Программы отраслевой цифровой акселерации (в сегментах АПК, промышленности и туризма)* нацелены на прямую имплементацию цифровых достижений в реальный сектор экономики региона. Это не просто «оцифровка» документов, а физический перенос высокотехнологичных решений, таких как промышленный IoT, технология цифровых двойников и использование БАС, в традиционные отрасли.

Практические кейсы на примере Белгородской области (в части цифровизации АПК) и Санкт-Петербурга (в области высокотехнологичного промышленного производства) позволяют выявить четкую отраслевую специфику этих преобразований. Ключевой научно-экономический эффект здесь заключается в экспоненциальном росте производительности труда и существенном снижении себестоимости конечной продукции. Так, внедрение систем «умного земледелия» или использование технологий виртуального моделирования в судостроении позволяюткратно сократить

производственные циклы и минимизировать количество ошибок⁴. Конечным итогом реализации этого инструмента становится качественное повышение глобальной конкурентоспособности товаров, произведенных в регионе.

4. *Инфраструктурные и сетевые технологические решения.* Рассматриваемый инструмент призван обеспечить базовую, физическую возможность самого существования цифровой экономики на территории. Речь идет о развертывании широкополосных сетей связи нового поколения, создании дата-центров и внедрении комплексных систем интеллектуального мониторинга.

Особую актуальность данный инструментарий приобретает для территорий со сложной географией – например, Сахалина, Приморского края и арктических субъектов (Мурманская область). В рамках научного дискурса такая инфраструктура рассматривается как *общественное благо*, создающее надежную платформу для последующего наложения частных коммерческих сервисов. Активное привлечение механизмов государственно-частного партнерства, как это успешно реализовано в Приморье, позволяет возводить самые сложные объекты, не перегружая при этом муниципальные бюджеты⁵. В результате достигается беспрецедентная связность территорий и ликвидация избыточных потерь в секторах логистики и ЖКХ.

⁴ Об утверждении государственной программы Белгородской области «Развитие информационного общества в Белгородской области». Постановление Правительства Белгородской области от 18.12.2023 № 731-пп (с изм. на 04.05.2026); О мерах государственной поддержки внедрения в производство инновационных технологий в рамках технологических проектов полного цикла. Постановление Правительства Белгородской области от 02.12.2019 № 520-пп (с изм. на 29.04.2024); О государственной программе Санкт-Петербурга «Развитие промышленности, инновационной деятельности и агропромышленного комплекса в Санкт-Петербурге». Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 23.06.2014 № 495 (с изм. на 14.04.2026); О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 г. Закон Санкт-Петербурга от 19.12.2018 № 771-164; Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Развитие санаторно-курортного и туристского комплекса» и о внесении изменения в постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 04.10.2011 № 1129 «О предоставлении и распределении субсидий из краевого бюджета местным бюджетам муниципальных образований Краснодарского края». Постановление Главы Администрации (Губернатора) Краснодарского края от 05.11.2015 № 1007 (с изм. на 21.05.2026); Об утверждении Стратегии развития информационного общества в Свердловской области на период до 2035 г. Постановление Правительства Свердловской области от 28.06.2019 № 400-ПП. *СПС Кодекс*; Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Краснодарского края. Краснодар, 2022. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/krasnodarskij-kraj_78jj2c4.pdf; Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Свердловской области. Екатеринбург, 2021. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/strategiya-sverdlovskaya-obl-skan.pdf> (дата обращения: 12.01.2026).

⁵ Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 2021. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/d45483981.pdf>; Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Самарской области. Самара, 2023. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/samarskaya-oblast_2d9yWTt.pdf; «Цифровое Приморье» запустило единый цифровой портал. Администрация Кировского муниципального округа. 10.11.2025. URL: https://kirovskij-r25.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_255.html; Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Мурманской области. Распоряжение Губернатора Мурманской области от 12.09.2022 № 276-РГ. Министерство цифрового развития Мурманской области. URL: <https://it.gov-murman.ru/activities/rio/strategy/> (дата обращения: 12.01.2026); Об организации и выполнении мероприятий по построению (развитию), внедрению и эксплуатации аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» на территории Сахалинской области. Постановление Правительства Сахалинской области от 04.03.2016 № 96 (с изм. на 20.06.2022); Об утверждении методик формирования плановых и расчета фактических значений показателей региональной составляющей национального проекта «Здравоохранение» и региональной составляющей национального проекта «Демография» на территории Самарской области, декомпозированных на муниципальные образования Самарской области. Приказ Министерства здравоохранения Самарской области от 28.09.2021 № 1263 (с изм. на 24.05.2024) (утр. силу от 27.02.2025); Об утверждении государственной программы Приморского края «Информационное общество». Постановление Администрации Приморского края от 02.07.2019 № 418-па (с изм. на 17.04.2026); Об утверждении государственной программы Мурманской области «Информационное общество». Постановление Правительства Мурманской области от 11.11.2020 № 785-ПП (с изм. на 01.07.2026). *СПС Кодекс*.

5. *Механизмы развития кадрового потенциала и научно-образовательной экосистемы.* Замыкающим, но при этом фундаментальным элементом системы выступает инструментарий, ориентированный на воспроизводство и преумножение человеческого капитала – признанного главного актива цифровой эпохи. Практическая реализация этого направления идет через создание мощных ИТ-кластеров, реализацию концепций «больших университетов» (как в Томской области) и запуск масштабных региональных программ переподготовки кадров (опыт Воронежской и Тюменской областей)⁶.

С точки зрения макроэкономики именно инвестиции в образовательную сферу обладают самым мощным мультипликативным эффектом. Выстраивание системы подготовки профильных кадров буквально «со школьной скамьи» (что практикуется в Удмуртии) не только закладывает основы кадрового суверенитета региона, но и эффективно предотвращает «утечку мозгов» и миграцию талантливой молодежи в мегаполисы. Итоговым результатом работы этого инструмента является переход региона к полноценной экономике знаний. В такой системе основным драйвером роста и источником доходов бюджета становится не экспорт сырьевых ресурсов, а интеллектуальная рента и высокая добавленная стоимость высокотехнологичных продуктов.

Важно уточнить, что в современной архитектуре мезоэкономического развития ни один из представленных инструментов цифровой трансформации не обладает свойством абсолютной самодостаточности или функциональной автономности. Практика показывает, что изолированное применение даже самых прогрессивных мер неизбежно сталкивается с проблемой низкой результативности, если они не встроены в общую систему координат региональной политики.

Рассматривая данную проблему более детально, следует отметить глубокую диалектическую взаимосвязь между всеми компонентами трансформационного процесса. Так, внедрение максимально лояльных налоговых режимов и предоставление широких финансовых преференций для ИТ-сектора

теряет свой изначальный инвестиционный смысл, если в регионе не сформирована критическая масса высококвалифицированных специалистов. Без адекватного кадрового обеспечения, способного генерировать интеллектуальную ренту, финансовые льготы остаются лишь неиспользованным потенциалом на бумаге.

Аналогичным образом проектирование и запуск сложнейших отраслевых программных платформ, систем ИИ или передовых облачных ИТ-сервисов лишены всякой практической ценности в случае отсутствия базовой технологической инфраструктуры. Если на территории субъекта не создана надежная сеть передачи данных, не развернуты мощности центров обработки данных и не обеспечена физическая связность удаленных районов, то любые попытки цифровизации управления или производства будут фрагментарными и неэффективными.

Таким образом, наиболее жизнеспособная и эффективная схема качественного преобразования региональной экономики представляет собой не механический набор отдельных мероприятий, а сложную синергетическую систему. Данная синергия предполагает взаимное качественное усиление всех пяти ранее выделенных групп инструментов, где каждый элемент выступает одновременно и условием, и следствием развития другого. В такой системе налоговое стимулирование катализирует приток инвестиций, которые направляются на развитие инфраструктуры и кадрового потенциала, что, в свою очередь, создает базу для появления новых технологических решений.

Критически важным условием реализации подобной схемы является ее глубокая адаптивность. Оптимальный инструментарий не может быть универсальным шаблоном для всех территорий без исключения. Напротив, он требует тонкой настройки под уникальный экономический профиль, исторически сложившуюся специализацию и специфические конкурентные преимущества конкретного субъекта Российской Федерации. Только через призму учета региональной идентичности – будь то индустриальное ядро, аграрный

⁶ Об утверждении государственной программы «Развитие информационного общества в Томской области». Постановление Администрации Томской области от 24.09.2019 № 335а (с изм. на 30.01.2026); О создании Совета инновационного территориального кластера «Инновационного территориального кластера Томской области». Распоряжение Администрации Томской области от 24.11.2017 № 742-ра (с изм. на 04.05.2026). *СПС Кодекс*; Об утверждении государственной программы Калужской области «Экономическое развитие в Калужской области». Постановление Правительства Калужской области от 10.01.2024 № 27. *ИПП Гарант*; О внесении изменений в Закон Воронежской области «О налоге на имущество организаций». Закон Воронежской области от 26.11.2015 № 157-ОЗ. *Федеральная налоговая служба*. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn36/about_fts/docs/5816888/; Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Воронежской области. Воронеж, 2023. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/voronezhskaya-oblast_haeETiE.pdf; Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Калужской области. Калуга, 2021. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/kaluzhskaya-oblast_Bself9v.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

сектор или рекреационный потенциал – комплексное использование цифровых инструментов способно превратиться из декларативной цели в реальный, осязаемый фактор устойчивого социально-экономического прогресса и долгосрочного процветания региональной системы.

По результатам анализа подходов и инструментов цифровизации в Беларуси в рамках реализации проекта Союзного государства, представленных таблице 2⁷, можно выделить следующие особенности цифровой трансформации в регионах Беларуси:

1. *Специфика национальной модели – жесткая управленческая вертикаль.* В отличие от российской национальной модели, где стратегия цифровизации характеризуется высокой степенью децентрализации и опорой на региональные компетенции (что обусловлено федеративным устройством и значительным разрывом в бюджетной обеспеченности субъектов), беларусская национальная модель базируется на принципе строгой централизации.

Ключевым звеном здесь выступает Министерство связи и информатизации, наделенное расширенными полномочиями согласно Указу Президента Республики Беларусь от 07.04.2022 № 136. Создание специализированного «Центра цифрового развития» как государственного регулятора и «архитектора» процессов позволяет избежать технологической фрагментации. Указанное обеспечивает единство стандартов, протоколов обмена данными и совместимость государственных информационных систем на всех уровнях. Это означает, что эффективность трансформации в Беларуси напрямую зависит от качества принимаемых решений в едином центре управления, что минимизирует риски дублирования функций, характерные для децентрализованных систем.

2. *Смена парадигмы: от экспортного ИТ-аутсорсинга к внутренней модернизации.* На протяжении последнего десятилетия ИТ-сектор Беларуси функционировал как автономный кластер, ориентированный на внешний рынок. Однако в 2024–2026 гг. наблюдается стратегический разворот: приоритетом

становится цифровизация реального сектора экономики и госуправления.

Сегодня акцент смещен на решение прикладных задач национального масштаба:

- в промышленности: внедрение систем управления жизненным циклом изделия и автоматизация крупных производств (промышленный IoT);
- в госуправлении: переход от разрозненных электронных услуг к комплексным платформенным.

Этот сдвиг свидетельствует о зрелости системы: государство стремится конвертировать накопленный ИТ-потенциал в рост производительности труда и конкурентоспособность отечественных предприятий. Принятие такого решения со стороны государства является критически важным в условиях санкционного давления и необходимости импортозамещения программного обеспечения.

Обсуждение

Налогово-финансовые инструменты способствуют формированию благоприятного инвестиционного климата и развитию ИТ-кластеров. Институциональные механизмы обеспечивают координацию цифровых инициатив и снижение управленческой неопределенности. Отраслевая цифровая акселерация приводит к росту производительности труда и снижению себестоимости продукции, а развитие инфраструктуры формирует базовые условия функционирования цифровой экономики. Кадровые инструменты обеспечивают воспроизводство человеческого капитала как ключевого ресурса цифрового развития.

Полученные результаты согласуются с выводами исследований [6–19], которые подтверждают системный характер цифровой трансформации. В отличие от централизованной модели Беларуси, российский подход характеризуется высокой адаптивностью и учетом региональной специфики, что повышает устойчивость социально-экономического развития (рис.).

⁷ Сост. по: О развитии цифровой экономики. Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8. *Президент Республики Беларусь*. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716>; О развитии Парка высоких технологий. Указ Президента Республики Беларусь от 12.04.2023 № 102. *Президент Республики Беларусь*. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-102-ot-12-aprelya-2023-g>; Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации. Указ Президента Республики Беларусь от 07.04.2022 № 136. *Президент Республики Беларусь*. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-136-ot-7-aprelya-2022-g>; О цифровом развитии. Указ Президента Республики Беларусь от 29.11.2023 № 381. *Президент Республики Беларусь*. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-381-ot-29-noyabrya-2023-g>; О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. Постановление Совета министров Республики Беларусь от 02.02.2021 № 66. *Pravo.by*. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100066>; Об использовании государственными органами и иными государственными организациями телекоммуникационных технологий. Указ Президента Республики Беларусь от 23.01.2014 № 46 (с изм. и доп. на 01.04.2025). *Pravo.by*. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31400046>; Пасяк О. Концепция цифровой трансформации процессов в системе образования: что изменится? *СБ. Беларусь сегодня*. 04.04.2019. URL: <https://www.sb.by/articles/chto-zapishem-v-elektronnyy-zhurnal.html> (дата обращения: 15.01.2026).

Табл. 2. Подходы и инструменты цифровой трансформации в регионах Беларуси

Tab. 2. Approaches and tools of digital transformation across Belarus

Группы подходов	Подходы	Основные характеристики	Инструменты цифровой трансформации	Примеры реализации
Инструментальная	- техноцентрический; - информационно-аналитический; - процессно-ориентированный	создание общей национальной цифровой инфраструктуры и платформенных решений	- развитие национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры и вычислительных мощностей; - подпрограмма «Экономика данных»; - внедрение IoT, цифровых двойников, PLM-систем в промышленности; - единая платформа «Умный город (регион)»	- госпрограммы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. и «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 гг.; - межведомственные системы (Национальный каталог товаров и др.)
Организационная	- стратегический; - ресурсно-базовый; - социотехнический; - ценностно-ориентированный	переход от ИТ-аутсорсинга к внутренней цифровизации реального сектора и государственного управления	- отраслевые цифровые платформы и акселерация (промышленность, АПК, здравоохранение); - развитие кадрового потенциала (образование, переподготовка); - парк высоких технологий как драйвер компетенций	- более 1000 резидентов парка высоких технологий; - стандартизация ИИ; - программы цифровизации отраслей; - электронное правительство
Институционально-экосистемная	- институциональный; - экосистемный; - пространственно-сетевой	жесткая централизация и обеспечение цифрового суверенитета	- Указ Президента Республики Беларусь от 07.04.2022 № 136 и расширение полномочий Министерства связи и информатизации (Минсвязи) Республики Беларусь; - республиканское унитарное предприятие «Центр цифрового развития» (ЦЦР) как головной регулятор; - подпрограмма «Цифровой суверенитет»; - единые стандарты и нормативная база	- концепция цифрового суверенитета до 2030 г.; - унификация систем на всей территории регионов; - интеграция с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Союзным государством

Также в России преобладает адаптивность и региональная дифференциация, а в Беларуси – централизация и акцент на цифровой суверенитет. Цифровая трансформация российской региональной экономики носит комплексный и синергетический характер и не может быть реализована посредством изолированного внедрения отдельных инструментов. Отличие наблюдается и в инструментах цифровой

трансформации. Синергия подходов и инструментов цифровизации регионов двух государств позволит создавать общие стандарты, совместные трансграничные двойники, общую облачную структуру, образовательные программы и стажировки, единую систему цифрового суверенитета, а также не только отдельные проекты, но и глобальную цифровую экосистему.

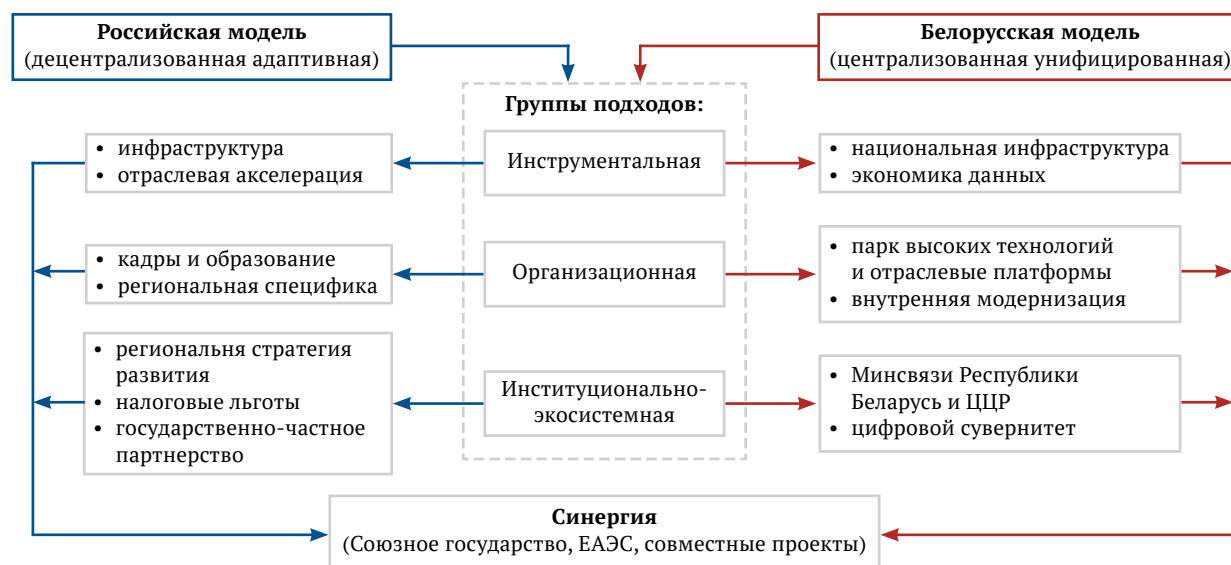

Рис. Особенности региональной цифровой трансформации экономики России и Беларуси

Fig. Digital economic transformation across regions: Russia vs. Belarus

Заключение

Цифровая трансформация региональной экономики представляет собой системный и многоуровневый процесс, не сводимый к изолированному внедрению отдельных технологий. Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных выводов при разработке и корректировке стратегий цифрового развития регионов. Эффективность трансформации возможна исключительно при синергетическом взаимодействии финансовых, институциональных, отраслевых, инфраструктурных и кадровых инструментов.

Таким образом, для Российской Федерации ключевым фактором успеха является адаптация инструментов цифрового развития к специфике каждого региона, тогда как в Беларуси приоритет отдан централизованному управлению и унификации стандартов. Общей тенденцией для обеих стран является переход от экспортной модели ИТ-развития к внутренней цифровой акселерации реального сектора экономики.

Итоговым результатом реализации комплексной цифровой политики выступает формирование экономики знаний, в которой основным источником устойчивого роста становится интеллектуальная рента и высокая добавленная стоимость цифровых продуктов.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

1. Шарно О. И. Устойчивое развитие и цифровая трансформация: формирование модели «зеленого» образования. *Роль права в обеспечении благополучия человека: XXII Междунар. науч.-практ. конф.* (Москва, 23–26 ноября 2021 г.) М.: МГЮА, 2022. Ч. 2. С. 411–414. [Sharno O. I. Sustainable development and digital transformation: Forming a green education model. *The role of law in ensuring human well-being: Proc. XXII Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Moscow, 23–26 Nov 2021. Moscow: MSAL, 2022, pt. 2, 411–414. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bmscva>

2. Кожевина О. В., Салиенко Н. В. Устойчивое развитие и цифровая трансформация промышленного сектора. *Вестник МИРБИС*. 2019. № 3. С. 6–13. [Kozhevina O. V., Salienko N. V. Sustainable development and digital transformation of the industrial sector. *Vestnik MIRBIS*, 2019, (3): 6–13. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25634/MIRBIS.2019.3.1>
3. Кузнецова Е. И., Русавская А. В., Сараджеева О. В. Институциональные факторы устойчивости региональных экономических систем и их влияние на обеспечение экономической безопасности. *Образование. Наука. Научные кадры*. 2024. № 1. С. 268–273. [Kuznetsova E. I., Rusavskaya A. V., Saradzheva O. V. Institutional factors of stability of regional economic systems and their impact on ensuring economic security. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*, 2024, (1): 268–273. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2073-3305-2024-1-268-273>
4. Ложкина С. Л., Новиков А. А., Новикова Е. В. Роль высокотехнологичных предприятий в цифровой трансформации региона. *Естественно-гуманитарные исследования*. 2024. № 5. С. 197–201. [Lozhkina S. L., Novikov A. A., Novikova E. V. The role of high-tech enterprises in the digital transformation of the region. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*, 2024, (5): 197–201. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jnvjux>
5. Милёхина О. В., Адова И. Б. Региональная цифровизация и отраслевые факторы роста производительности труда. *π-Economy*. 2025. Т. 18. № 3. С. 113–133. [Milekhina O. V., Adova I. B. Regional digitalization and industry factors of labor productivity growth. *π-Economy*, 2025, 18(3): 113–133. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18721/JE.18307>
6. Westerman G., Bonnet D., McAfee A. *Leading digital: Turning technology into business transformation*. Boston: Harvard Business Press, 2014, 292.
7. Meng S., Su H., Yu J. Digital transformation and corporate performance: How do board independence and institutional ownership matter? *Frontiers in Psychology*, 2022, (13). <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.915583>
8. Hess T., Matt C., Benlian A., Wiesböck F. Options for formulating a digital transformation strategy. *MIS Quarterly Executive*, 2016, 15(2): 103–119.
9. Barney J. Firm resources and sustained competitive advantage. *Journal of Management*, 1991, 17(1): 99–120. <https://elibrary.ru/ybvkyv>
10. Vial G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda. *The Journal of Strategic Information Systems*, 2019, 28(2): 118–144. <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.003>
11. Sony M., Naik S. Key ingredients for evaluating Industry 4.0 readiness for organizations: A literature review. *Benchmarking*, 2019, 27(7): 2213–2232. <https://doi.org/10.1108/BIJ-09-2018-0284>
12. Fitzgerald M., Kruschwitz N., Bonnet D., Welch M. Embracing digital technology: A new strategic imperative. *MIT Sloan Management Review*, 2014, 55(2): 1–12.
13. Бабкин А. В., Буркальцева Д. Д., Костень Д. Г., Воробьев Ю. Н. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2017. Т. 10. № 3. С. 9–25. [Babkin A. V., Burkaltseva D. D., Kosten D. G., Vorobyov Yu. N. Formation of digital economy in Russia: Essence, features, technical normalization, development problems. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki*, 2017, 10(3): 9–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytwgwn>
14. Capello R., Nijkamp P. Introduction: Regional growth and development theories in the twenty-first century – recent theoretical advances and future challenges. *Handbook of regional growth and development*, eds. Capello R., Nijkamp P. Edward Elgar Publishing, 2009. <https://doi.org/10.4337/9781848445987.00005>
15. Янченко Е. В. Роль цифровизации в устойчивом развитии экономики и ее углеродный след. *Вопросы инновационной экономики*. 2025. Т. 15. № 1. С. 155–172. [Yanchenko E. V. The role of digitalization in the sustainable development of the economy and its carbon footprint. *Russian Journal of Innovation Economics*, 2025, 15(1): 155–172. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/vinec.15.1.122720>
16. Янченко Е. В. Цифровой углеродный след как внешняя экстерналия цифровизации. *Вопросы инновационной экономики*. 2025. Т. 15. № 2. С. 449–468. [Yanchenko E. V. The digital carbon footprint as an external externality of digitalization. *Russian Journal of Innovation Economics*, 2025, 15(2): 449–468. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/vinec.15.2.122955>
17. Михайлова Е. В. Влияние цифровизации экономики на социально-экономические аспекты развития общественно-торговых центров с многоуровневыми подземными структурами в крупных и крупнейших городах. *Инновации и инвестиции*. 2022. № 4. С. 120–124. [Mikhaylova E. V. The impact of digitalization of the economy on the socio-economic aspects of the development of public shopping centers with multi-level

- underground structures in large and largest cities. *Innovation & Investment*, 2022, (4): 120–124. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hxmvvgm>
18. Панасенко С. В., Федюнин Д. В., Стар И. А. Влияние метавселенных на развитие бизнеса в цифровой экономике. *Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова*. 2024. Т. 21. № 4. С. 5–14. [Panasenko S. V., Fedyunin D. V., Star I. A. The impact of meta-universes on business development in digital economy. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2024, 21(4): 5–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qutzvb>
19. Челак И. П. Метавселенные в экономике и публичном управлении (экосистемный аспект). *Муниципалитет: экономика и управление*. 2025. № 3. С. 45–60. [Chelak I. P. Metaverses in economics and public administration (ecosystem aspect). *Municipality: Economics and Management*, 2025, (3): 45–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fcydpy>
20. Karimi J., Walter Z. The role of dynamic capabilities in responding to digital disruption: A factor-based study of the newspaper industry. *Journal of Management Information Systems*, 2015, 32(1): 39–81. <https://doi.org/10.1080/07421222.2015.1029380>
21. Christensen C. M., Verlinden M., Westerman G. Disruption, disintegration and the dissipation of differentiability. *Industrial and Corporate Change*, 2002, 11(5): 955–993. <https://doi.org/10.1093/icc/11.5.955>

оригинальная статья

eLibrary EDN: OTAGCL

Понятийно-категориальный аппарат и классификация экономики высшего образования

Дерен Иванна Ивановна

Владимирский юридический институт Федеральной службы
исполнения наказаний, Россия, ВладимирВладимирский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Россия, Владимир

eLibrary Author SPIN: 8693-5156

<https://orcid.org/0000-0001-9652-4092>

Соколова Алена Владимировна

Владимирский юридический институт Федеральной службы
исполнения наказаний, Россия, ВладимирВладимирский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Россия, Владимир

eLibrary Author SPIN: 8329-0872

<https://orcid.org/0000-0002-1580-4111>sokolova.alenka@mail.ru

Аннотация: Актуальность темы обусловлена трансформацией системы образования, которая проходит в течение последних десяти лет и направлена на повышение эффективности управления, финансирования и соответствия образовательных программ современным запросам общества, промышленности, рынка труда, то есть экономики государства в целом. Цель – уточнить понятийный аппарат, необходимый для понимания сущности системы образования в современном контексте, так как постоянно изменяющиеся социально-экономические и технологические условия требуют разработки новых системных моделей и классификаций. Применены общенаучные методы (теоретико-методологический анализ научных источников, анализ, метод графического моделирования), сравнительный анализ (анализ экономических показателей федерального бюджета страны и исследование категориального аппарата, который связан с системой образования) и диалектический метод (обоснование авторского определения *система образования* и уточнение классификации системы образования). Проанализированы существующие определения понятий *система*, *экономическая система*, а также *система управления* в контексте образования. Дано авторское определение понятия *система образования* и уточнена классификация современной системы образования. Разработана интегральная модель категориального аппарата, которая позволяет выявить ключевые функции и процессы, обеспечивающие устойчивость системы образования. Кроме этого, данная модель показывает способность системы адаптироваться к новым социально-экономическим условиям, что ведет к устойчивому развитию отрасли в целом. Статья имеет прикладную значимость для формирования стратегии развития системы образования и ее модернизации.

Ключевые слова: система, образование, экономика образования, высшее образование, классификация системы образования, интегральная модель, Российская Федерация

Цитирование: Дерен И. И., Соколова А. В. Понятийно-категориальный аппарат и классификация экономики высшего образования. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2026. Т. 11. № 3. С. 411–421. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-411-421>

Поступила в редакцию 27.11.2025. Принята после рецензирования 05.03.2026. Принята в печать 09.03.2026.

original article

Economics of Higher Education: Concepts, Categories, and Classification

Ivanna I. Deren

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service
of the Russian Federation, Russia, Vladimir
Vladimir Branch of the Russian Academy of Public Administration
under the President of the Russian Federation, Russia, Vladimir
eLibrary Author SPIN: 8693-5156
<https://orcid.org/0000-0001-9652-4092>

Alyona V. Sokolova

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service
of the Russian Federation, Russia, Vladimir
Vladimir Branch of the Russian Academy of Public Administration
under the President of the Russian Federation, Russia, Vladimir
eLibrary Author SPIN: 8329-0872
<https://orcid.org/0000-0002-1580-4111>
sokolova.alenka@mail.ru

Abstract: The last decade has seen a transformation of the national education system aimed at increasing the efficiency of management and financing, while adjusting university curricula to the social, economic, and labor market agendas. The conceptual framework of the education system has evolved alongside the shifting socio-economic and technological conditions. This research analyzes the categories and classifications of current concepts within the national educational landscape. Using a standard suite of research methods, including literature review, graphical modeling, and comparative analysis of the federal budget, the study employs a dialectical approach to substantiate the authors' definitions of the education system, its classification, and foundational concepts such as *system*, *economic system*, and *management system*. An integrated model of education-related categories outlines the key functions and processes driving the system's sustainability as it adapts to new socio-economic realities, ultimately contributing to the sustainable development of the sector as a whole. Crucially, the findings contribute to strategizing the long-term development and modernization of the national education system.

Keywords: system, education, economics of education, higher education, classification of the education system, integral model, Russian Federation

Citation: Deren I. I., Sokolova A. V. Economics of Higher Education: Concepts, Categories, and Classification. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(3): 411–421. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-411-421>

Received 27 Nov 2025. Accepted after review 5 Mar 2026. Accepted for publication 9 Mar 2026.

Введение

За последние десятилетия социально-экономический вектор остается главным во внутренней политике государства. Оно финансирует сферу образования, которая является социально значимой не только для граждан, но и для государства. Так, в России в 2024 г. статус *обучающийся* имели около 32,9 млн человек¹, что соответствовало 22,5 % всего населения страны². Важность данного направления подтверждается формированием федерального бюджета Российской Федерации. Отметим, что образование относится к первому приоритету – выполнению всех социальных обязательств.

В России расходы на образование сконцентрированы в рамках государственной программы «Развитие образования». В масштабах данного направления расходы на образование заложены в таких программных продуктах, как «Земский учитель», «Профессионалитет», «Наука и университет», «Приоритет – 2030» и др. Результаты анализа федерального бюджета РФ представлены в таблице 1³.

Во-первых, на трехлетнем этапе планирования бюджета страны наблюдается плановое увеличение расходов на образование в абсолютных цифрах. Однако следует отметить, что данный рост можно

¹ Варламова Т. А., Васильева О. Н., Гохберг Л. М., Зорина О. А., Озерова О. К., Шугаль Н. Б. Образование в цифрах: 2025: краткий стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2023. URL: <https://issek.hse.ru/news/1080237504.html> (дата обращения: 07.11.2025).

² Численность населения. *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 07.11.2025).

³ Сост. по: О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. от 30.11.2024 ФЗ № 419-ФЗ. СПС КонсультантПлюс.

Табл. 1. Ключевые показатели федерального бюджета России

Tab. 1. Key indicators of Russia's federal budget

Показатели \ Год	2025	2026	2027
Доходы, трлн руб.	40,296	41,841	43,154
Расходы, трлн руб.	41,469	44,022	45,915
Дефицит, % ВВП	0,5	0,9	1,1
Расходы на образование (по разделу функциональной классификации), млрд руб.	1597,0	1700,3	1775,4
Доля от общих расходов, %	4,22	4,14	4,12

назвать номинальным, т. к. при планировании на 2025 г. уровень инфляции был заложен в размере, не превышающем 4,5 %, на 2026 и 2027 гг. – не превышающем 4,0 %. В реальности уровень инфляции превышает заложенный уровень. Так, по состоянию на август 2025 г. Банк России показывает уровень годовой инфляции в размере 8,1 %⁴, следовательно, реальный рост расходов на обучение (за вычетом инфляции) может быть незначительным или нулевым.

Во-вторых, доля расходов на образование от общих расходов достаточно скромная – не превышает 5,0 %. При этом отметим, что объем национальных расходов на образование в зарубежных странах составляют разные доли⁵.

В-третьих, можно предположить, что доля расходов на образование в общем объеме будет оставаться стабильной (при позитивном экономическом сценарии) либо незначительно снижаться при ухудшении экономической ситуации в стране.

В качестве механизмов экономической защиты государство рассматривает интеграцию образования, науки и производственной деятельности, развитие технологий, а также создание и развитие системы непрерывного образования (различные модели интеграции образовательных учреждений разных уровней) [1, с. 68]. Данные стратегические направления прослеживаются в постановлении Совета Федерации Федерального Собрания РФ «О стратегических направлениях развития образования в Российской Федерации в условиях современных вызовов»⁶. Упор сделан на необходимость

совершенствования отечественной системы образования, которая должна стать сферой, позволяющей стране добиться экономического суверенитета и технологического лидерства.

Цель – уточнить понятийный аппарат, необходимый для понимания сущности системы образования в современном контексте, т. к. постоянно изменяющиеся социально-экономические и технологические условия требуют разработки новых системных моделей и классификаций. Применены следующие методы:

- общенаучные: теоретико-методологический анализ научных источников, анализ, метод графического моделирования (позволяющий учесть концепты работников образования и разработать интегральную модель образования);
- сравнительный анализ: анализ экономических показателей федерального бюджета страны, а также исследование категориального аппарата, который связан с объектом исследования (системой образования);
- диалектический метод: обоснование авторского определения *система образования* и уточнение классификации системы образования.

Результаты

Исходя из того, что система высшего образования в РФ – динамическая система, которая постоянно изменяется под действием внешних условий, то специфику взаимодействия всех элементов (субъектов и объектов) мы сможем понять лишь после того, как исследуем и уточним категориальный аппарат. Необходимость уточнения категориальной основы терминологического поля также обусловлена реализацией национальных проектов, связанных с образованием, которые включают в систему образования элементы КРП-ориентированности. На наш взгляд, анализ целесообразно начать с понятий *система* и *система управления* (табл. 2).

Таким образом, определения понятий *система* и *система управления* постоянно усложняются и трансформируются под влиянием современных тенденций в развитии общества, науки и техники.

Если родоначальники системного анализа рассматривали систему как совокупность частей (элементов) (при этом ученые допускали, что данные элементы могут представлять собой не только простые части, но и системы «низшего» порядка) [4, с. 23],

⁴ Инфляция в России. Информационно-аналитический комментарий. Банк России, 2025. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/57257/CPD_2025-8.pdf (дата обращения: 06.11.2025).

⁵ Варламова Т. А., Васильева О. Н...

⁶ О стратегических направлениях развития образования в Российской Федерации в условиях современных вызовов. Постановление СФ ФС РФ № 49-СФ от 14.03.2025. СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1215.

то с развитием техники и науки систему начинают рассматривать как динамическую модель, в которой все элементы взаимодействуют друг с другом [5, с. 41–43]. Данное взаимодействие может осуществляться как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости [6, с. 33–39].

Современные трактовки понятия *система* дополняют ее функционал новыми структурными компонентами, которые не только изменяют структуру системы, усложняя ее и добавляя критерии функционирования, но и влияют на ее качество, т.е. на управление ресурсным состоянием самой

системы. Исследователи закладывают в определение рассматриваемого понятия такие функции, как управление, контроль, принятие решений и др. [7, с. 76; 8, с. 73–74].

Включив в эволюционную цепочку терминов *система* и *система управления* современный контекст, можно объединить и классифицировать подходы ученых к исследованию данных объектов:

- структурно-функциональный: рассмотрение *системы* и *системы управления* как совокупности элементов (простых и / или сложных) и их функционального назначения;

Табл. 2. Определения понятий *система* и *система управления*
Tab. 2. Definitions of *system* and *management system*

Определение	Источник
<i>Система</i>	
«1. Определённый порядок в расположении и связи действий... 2. Форма организации чего-нибудь... 3. Нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей...» ⁷	Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений
«1. Определённый порядок элементов, устойчивая закономерность отдельных частей... 3. Совокупность каких-либо объектов, явлений, образованная классификационными группами с общими признаками, свойствами, характеристиками и т. п... 4. Форма, принцип, способ организации, общее устройство чего-либо... 5. Множество элементов, объединённых регулярными связями и отношениями в отдельную целостность... 8. Совокупность каких-либо элементов, единиц, частей, объединённых по общему признаку или назначению...» ⁸	Толковый словарь государственного языка Российской Федерации
«...совокупность объектов и ресурсов, выделенных на определенное время из общей среды и взаимодействующих между собой ради достижения определенной цели» [2, с. 10]	Оценка деятельности и система управления компанией на основе KPI
<i>Система управления</i>	
«...организационный комплекс, состоящий из целей, объектов, материальных ресурсов, информации, мероприятий и средств управления» [2, с. 10–11]	Оценка деятельности и система управления компанией на основе KPI
«...иерархически упорядоченный и целенаправленно действующий комплекс взаимосвязанных элементов, которым в совокупности присущи новые интегративные свойства...» [3, с. 18]	Определение понятий «система» и «система управления» на основе дескриптивного и конструктивного подходов
«...совокупность взаимосвязанных или взаимодействующих элементов организации для разработки политик, целей и процессов для достижения этих целей» ⁹	ISO 9000:2015

⁷ Система. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений, ред. Л. И. Скворцов. М.: Мир и образование, 2024. URL: <https://ozhegov.textologia.ru/definit/sistema/?q=742&n=203251> (дата обращения: 06.11.2025).

⁸ Система. Толковый словарь государственного языка Российской Федерации. Т. 2 (П–Я), ред. Н. М. Кропачев, С. А. Белов, С. А. Кузнецов. СПб.: СПбГУ, 2025. С. 386–387.

⁹ Quality management systems – Fundamentals and vocabulary. ISO. URL: <https://www.iso.org/obp/ui/ru/#iso:std:iso:9000:ed-4:v1:en> (дата обращения: 08.11.2025). Здесь и далее перевод выполнен авторами статьи.

- управленческий: рассмотрение *системы* и *системы управления* через взаимодействие (внутреннее и внешнее), т.е. через создаваемые связи и их эффективность;
- социокультурный: рассмотрение *системы* и *системы управления* через социальное назначение, достижение цели и роли в обществе.

Кроме того, данный содержательный аспект характерен для таких определений понятий, как *система образования*, *экономика образования* (табл. 3). Так, на начальном этапе развития РФ система образования рассматривалась законодателем как совокупность четырех элементов: образовательных программ; образовательных и научных организаций; органов, осуществляющих управление в данной сфере; различного рода объединений, осуществляющих деятельность в сфере образования¹⁰.

Сейчас мы наблюдаем, как дефиниция *система образования* видоизменяется не только в национальном, но и в мировом контексте, наполняется новыми экономическими и управляющими составляющими [11].

Итак, для качественного исследования любого объекта, который представляет собой сложную

конфигурацию элементов, необходимо выделить его объективную структуру, все многообразие внутренних и внешних связей. Именно это условие позволит провести качественный методологический анализ.

С целью проведения качественного методологического анализа в ноябре 2025 г. был организован авторский экспресс-опрос обучающихся третьего курса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по магистерской программе «Управление в высшем образовании» по направлению подготовки 38.04.02 «Менеджмент». В эмпирическом исследовании приняли участие 47 респондентов – сотрудников, которые занимали руководящие должности в 47 вузах РФ и являлись экспертами в области системы образования. Магистрам было предложено составить облако слов (задача – изучение смыслового аспекта) на два понятия *экономика образования* и *система образования* (рисунки 1, 2¹¹). Репрезентативность экспресс-опроса соответствует методологии качественных исследований [12].

Таким образом, экономика образования включает в себя не только процессы, связанные с организацией и функционированием системы образования,

Табл. 3. Определение понятий *система образования* и *экономика образования*

Tab. 3. Definitions of education system and education economy

Определение	Источник
<i>Экономика образования</i>	
Занимается исследованием и выявлением особенностей действия экономических законов и категорий в сфере обучения и воспитания подрастающего поколения, подготовки квалифицированной рабочей силы, повышения образовательного и культурно-технического уровня населения (как наука) [9, с. 20]	Экономика образования
Экономические отношения экономических агентов по поводу распределения, использования, обмена ограниченных ресурсов для достижения наилучшего результата [10, с. 9]	Экономика образования и образовательного учреждения
<i>Система образования</i>	
Совокупность преемственных образовательных программ и государственных образовательных стандартов, сеть реализующих их образовательных организаций, органов управления образованием [9, с. 20]	Экономика образования
Представляет собой совокупность институтов, действий и процессов, которые влияют на «образовательный статус» граждан в краткосрочной и долгосрочной перспективе	World Development Report 2018: Learning to Realize Education's Promise ¹²

¹⁰ Об образовании. Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1 (утр. силу с 01.09.2013). Ст. 8. Понятие системы образования. *СЗ РФ*. 1996. № 3. Ст. 150.

¹¹ Рисунки сгенерированы с помощью интерактивного программного обеспечения AhaSlides, которое позволяет добиться вовлеченности опрашиваемых в режиме реального времени и скрыть большой объем информации за тегами.

¹² World Development Report 2018: Learning to Realize Education's Promise. Washington, DC: The World Bank Group, 2018. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2018> (accessed 8 Nov 2025).

Рис. 1. Смысловое содержание определения понятия экономика образования

Fig. 1. Definition of education economics: tag cloud

но и дает комплексное представление об образовании как об услуге, включая спрос, финансирование, эффективность образовательных программ, а также как об образовательной политике.

Выбор проанализированных понятий обусловлен двумя критериями:

1. Нормативной значимостью, т.е. присутствием данных определений в законодательстве РФ и в паспортах национальных проектов, связанных с образованием, а также в стандарте системы менеджмента качества ISO 9000:2015.

2. Научной частотностью – семантическим охватом предметной области в научной электронной библиотеке eLibrary. Нами были проведен контент-анализ 127 научных публикаций, размещенных в eLibrary с 2020–2025 гг. Самыми распространенными терминами, используемыми в данной предметной области, являются *система, система образования, экономическая система, система управления, экономика образования*. Результаты экспресс-опроса подтвердили достаточность семантического ряда, т.к. установлено значительное пересечение понятий, представленных в таблицах 2, 3 и на рисунках 1, 2.

Анализ понятийного аппарата и результатов экспресс-опроса позволил сделать вывод, что система образования является структурным элементом системы более высокого порядка (экономики образования), с которым осуществляется внешнее взаимодействие. Кроме того, сама система образования представляет собой сложный объект, который включает различные элементы, взаимодействующие между собой внутри исследуемого объекта.

Следует отметить, что классические определения *системы образования* рассматривают ее как

Рис. 2. Смысловое содержание определения понятия система образования

Fig. 2. Definition of education system: tag cloud

закрытую, ориентированную на передачу знаний внутри себя (табл. 3). Данные подходы сфокусированы на педагогическом контексте, образовательном дизайне, инфраструктуре, но они не учитывают динамические KPI (*Key Performance Indicator* – ключевые показатели эффективности), которые предъявляются государством в качестве индикаторов эффективности современной системы образования в национальных проектах (далее – НП).

Так, в НП «Образование» в качестве динамических KPI были установлены KPI по конкурентоспособности, которые включали вхождение РФ в число 10 ведущих стран мира по качеству образования и в ТОП-500 стран мира по присутствию университетов в глобальных рейтингах. Также установлены KPI по цифровой модернизации (создание и внедрение современной и безопасной цифровой образовательной среды) и KPI, характеризующие глобальную конкурентоспособность высшего образования¹³.

Национальный проект «Наука» также содержит динамические KPI, выраженные в создании не менее 15 научно-образовательных центров мирового уровня на базе интеграции вузов, науки и экономического сектора, в росте научных публикаций и привлечении молодых ученых¹⁴. Национальный проект «Молодежь и дети» содержит KPI по численности иностранных граждан, задействованных в образовательных проектах и программах, количеству кампусов образовательных организаций высшего образования, количеству выпускников передовых инженерных школ¹⁵.

Анализ паспортов НП «Образование», «Наука», «Молодежь и дети», а также интерпретация результата экспресс-опроса смыслового наполнения

¹³ Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ Паспорт национального проекта «Наука» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). СПС КонсультантПлюс.

¹⁵ Паспорт национального проекта «Молодежь и дети». СПС КонсультантПлюс.

определения понятия *система образования* позволяют сделать вывод об адаптивности структуры системы образования и необходимости дополнения ее динамическими индикаторами устойчивости на основе интеграции KPI национальных проектов. Таким образом, современная система образования трансформируется в KPI-ориентированную экономическую структуру устойчивого развития.

Авторы сформулировали следующую классификацию существующих функций системы образования:

- *внутренний аспект (личность)*: личностно-развивающая функция; ценностно-ориентирующая функция; социально-ориентированная функция; профессионально-ориентационная функция;
- *внешний аспект (государство, экономика, общество, социальная группа)*: экономическая функция; социально-интегративная функция; культурная функция; политическая функция;
- *сохранение системы (стабильность)*: функция трансляции культурного кода; функция социального контроля; функция социальной интеграции; функция формирования социальных сетей; адаптационная функция;
- *модернизация системы (трансформация)*: коммуникационная функция; диагностическая и аналитическая функция; исследовательская функция; функции адаптации и обновления контекста; инновационная функция; функция управления и регулирования.

Система образования многофункциональна и одновременно взаимодействует с большим количеством объектов, т. е. обладает функциями, которые направлены на развитие самого человека (а именно его интеллекта, мягких и жестких навыков) и формирование его системы ценностей и жизненных ориентиров. Система образования влияет не только на личность, но и встроена в систему государственного управления. К таким функциям относятся формирование человеческого капитала, воспроизведение политической системы, социальная интеграция, распределение социальных ролей и т. д.

Система образования, как и любая другая система, стремится сохранить свою стабильность [13, с. 12]. В этом ей способствуют такие функции, как трансляция культурного кода, социального контроля (прививание необходимости следовать правилам и подчиняться авторитету), адаптационная. Вместе с тем системе образования свойственны функции, связанные с необходимостью ее постоянной модернизации и развития, т. к. она не может стабильно существовать в условиях с множеством переменных. К таким функциям относятся, например, диагностическая

и аналитическая, т. е. исследование обратной связи внутренних процессов (мониторинг образовательных результатов, эффективность применения инновационных методов преподавания и т. п.); функция адаптации, заключающаяся в достижении гибкости и актуализации образовательных программ; функция формирования междисциплинарности и модульности; коммуникационная функция, направленная на формирование образовательных экосистем, открытость данных.

На наш взгляд, система образования обладает большим количеством функций, которые могут даже противоречить друг другу. Это связано с высокой численностью стейкхолдеров, интересы, которых должна учитывать система образования [14]. Именно эта многосубъектность обеспечивает ей гибкость и адаптивность, превращая ее в динамический механизм, работу которого можно представить в виде замкнутого цикла *исследование → адаптация → эксперимент → обучение кадров → управление → коммуникация → исследование*.

В результате сформулировано авторское определение понятия *система образования*, которое позволяет устранить разрыв между устоявшимися научными подходами и современными реалиями с учетом актуальных на сегодняшний день экономических вызовов. Так, *система образования* – сложная динамическая модель, которая состоит из множества subsystemов эндогенного (например, обучающиеся, педагогический состав, в целом образовательные организации и др.) и экзогенного (например, министерства просвещения, министерства образования и науки, работодатели и т. п.) уровней, находящихся в постоянном взаимодействии друг с другом. При этом в своей совокупности система образования обеспечивает реализацию права граждан на образование и ориентирована на достижение стратегических целей государства, в том числе социально-экономического характера.

Уточнив дефиницию *система образования*, авторы составили интегральную модель категориального аппарата системы образования в современных экономических условиях (рис. 3). Она разработана по трем принципам: системности, адаптивности и функциональной полноты. Интеграция проведена для создания универсального инструментария оценки устойчивости системы образования в современных условиях.

Авторская интегральная модель концептуально представляет систему образования как динамическую систему, интегрированную в более широкий социально-экономический контекст. Базовые категории в данной схеме представлены ключевыми целями,

Рис. 3. Интегральная модель категориального аппарата системы образования в современных экономических условиях
Fig. 3. Education system in modern economic conditions: integral model

стратегическими ориентирами, а также исходными материалами, необходимыми для самого процесса обучения (знания, информация). Функциональный блок включает в себя процессы и механизмы, которые помогают получить результат. Ценностные категории направлены на обеспечение жизнеспособности системы, т. е. это принципы и фильтры, которые регулируют все процессы в системе.

Подчеркнем, что на рисунке 3 обозначены наиболее стабильные связи, но необходимо понимать, что существуют связи между категориями как в вертикальной, так и в горизонтальной плоскости. Как правило, связи между категориями нелинейны и двунаправленны, образуют петли обратной связи. Например, общество и экономическая ситуация регулируют рынок труда: социальные ценности, глобальные угрозы и состояние экономики напрямую определяют конъюнктуру рынка труда (какие направления обучения и профессии необходимы обществу). Рынок труда, в том числе работодатели в виде представителей профильных организаций, учреждений и органов, определяет набор компетенций выпускников по направлениям обучения.

Прикладная ценность авторской интегральной модели заключается в возможности использования

показателей в качестве векторов устойчивости при стратегическом планировании вузов, оценке эффективности ведомственных систем образования и разработке программ цифровизации. Целевыми пользователями данной модели могут выступать руководители вузов, профильные министерства и ведомства, региональные и муниципальные руководители и представители индустрии.

Данная модель иллюстрирует операционные инструменты устойчивого развития системы образования в условиях ее трансформации. Эта модель и анализ существующих классификаций системы образования позволяют уточнить авторский подход к классификации системы образования (табл. 4).

Обсуждение

Авторская классификация системы образования уточняет и дополняет классификации, представленные в работах [16–19] и др., а также в открытых источниках¹⁶. Предложенная классификация включает в себя основные критерии, присущие национальной образовательной системе. В том числе критерии классификации отражают экономическую повестку страны, а именно достижение поставленных перед обществом стратегических целей

¹⁶ Уровни образования Российской Федерации. Национальный информационный центр. URL: <https://nic.gov.ru/ru/inrussia/eduinfo/levels> (дата обращения: 16.11.2025); Ситуация: Какие существуют виды вузов? («Электронный журнал "Азбука права"», 2026). СПС КонсультантПлюс.

Табл. 4. Классификация системы образования

Tab. 4. Classification of education system

Критерий классификации	Классификация	Примечание
Тип финансирования	• бюджетное; • на основе коммерческого контракта; • целевое; • корпоративное	Классификация показывает реальную картину заказчиков образовательных услуг
Уровень образования	Классификация представлена в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» ¹⁷	
Форма обучения		
Направленность (профиль) программы	• теоретическая (академическая); • практическая (профессиональная); • общеразвивающая	Классификация отражает ориентацию системы на различные секторы экономики, культуры
Отраслевая специфика	• гуманитарное и социальное; • естественнонаучное; • медицинское; • педагогическое; • инженерно-техническое; • творческое; • узкоспециализированное	Классификация важна для кадровой и экономической политики страны
Типология университетов (на основе действующего законодательства)	Классификация представлена в работе [15]	
Уровень цифровизации	• флагманы (лидеры); • организации умеренного развития; • аутсайдеры	Классификация представляет собой шкалу цифровой зрелости образовательной организации, включая шкалу измерения наличия и эффективного использования инфраструктуры, цифрового образовательного контента, инновационные методики обучения, информатизацию ключевых процессов и т.д.
Степень вовлеченности в технологические инновации	• технологические лидеры; • организации со средним уровнем технологического развития; • организации с базовым уровнем технологической оснащенности (без ярко выраженного инновационного трека)	Классификация отражает способность образовательных организаций высшего образования генерировать, внедрять и масштабировать технологические инновации; готовность организаций поставлять на рынок высокотехнологические решения, востребованные научно-техническим прогрессом (участие в государственной программе поддержки высших учебных заведений «Приоритет-2030», в федеральном проекте «Передовые инженерные школы» и т.п.)

технологического лидерства и технологического суверенитета [20]. Именно качество образования напрямую влияет на развитие экономики РФ – некоторые исследователи рассматривают качество высшего образования как базовое условие развития экономики [21]. Следует понимать, что этих целей невозможно достичь без эффективной национальной системы образования.

Заключение

Образование всегда являлось и является ключевым государственным приоритетом в стране [22]. При этом система образования – составная часть экономики образования, которая является базисом стабильного развития государства. В постоянно изменяющихся условиях социально-экономического и технологического развития возникает необходимость

¹⁷ Об образовании в Российской Федерации. ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ. СПС КонсультантПлюс.

актуализации концептуальных и категориальных основ экономики образования, что приводит к разработке системных моделей и классификаций.

Разработанный авторами понятийно-категориальный аппарат и интегральная модель обеспечивают методологическую основу для оценки системы образования в современных экономических условиях. Авторская классификация функций системы образования – универсальный инструмент операционализации понятийного аппарата, который помогает осуществить переход от теоретических определений к конкретным показателям устойчивости (экономическим, социальным и др.).

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

1. Караман К. С., Лапыгин Ю. Н., Мурлейкин Н. С., Талов Р. К. Системы стратегического развития. М.: РАНХиГС, 2023. 183 с. [Karaman K. S., Lapygin Yu. N., Murleikin N. S., Talov R. K. *Strategic development systems*. Moscow: RANEP, 2023, 183. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/glibuz>
2. Панов М. М. Оценка деятельности и система управления компанией на основе KPI. М.: ИНФРА-М, 2022. 255 с. [Panov M. M. *Performance assessment and company management system based on KPIs*. Moscow: INFRA-M, 2022, 255. (In Russ.)]
3. Калюжная Н. Г. Определение понятий «система» и «система управления» на основе дескриптивного и конструктивного подходов. *Бизнес Информ*. 2015. № 2. С. 15–20. [Kaliuzhnaya N. G. Definitions of the concepts of "system" and "management system" on the basis of the descriptive and constructive approaches. *Business Inform*, 2015, (2): 15–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tnzdsv>
4. Малиновский А. А. Теория структур и ее место в системном подходе. *Системные исследования. Ежегодник 1970*, ред. Б. А. Костеловский. М.: Наука, 1970. С. 10–31. [Malinovskii A. A. The theory of structures and its place in the system approach. *Systems Research. Yearbook 1970*, ed. Kostelovskii B. A. Moscow: Nauka, 1970, 10–31. (In Russ.)]
5. Заграновская А. В., Эйсснер Ю. Н. Системный анализ. М.: Юрайт, 2021. 424 с. [Zagranovskaya A. V., Eissner Yu. N. *System analysis*. Moscow: Iurait, 2021, 424. (In Russ.)]
6. Исследования по общей теории систем: сборник переводов, ред. В. И. Садовский, Э. Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. 518 с. [Research on the general theory of systems: A collection of translations, eds. Sadovskii V. I., Yudina E. G. Moscow: Progress, 1969, 518. (In Russ.)]
7. Беликов В. А. Образование. Деятельность. Личность. М.: Академия Естествознания, 2010. 339 с. [Belikov V. A. *Education. Activity. Personality*. Moscow: Akademiia Estestvoznaniia, 2010, 339. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qaajcx>
8. Гавриш А. Ю. Системы управления: тренды и тенденции современного развития. *Наука и искусство управления*. 2024. № 1. С. 70–84. [Gavrish A. Yu. Management systems. Trends and tendencies of modern development. *Science and art of management*, 2024, (1): 70–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.28995/2782-2222-2024-1-70-84>
9. Новосельцева А. П., Эренценова М. А. Экономика образования. М.: Русайнс, 2023. 94 с. [Novoseltseva A. P., Erentsenova M. A. *Economics of education*. Moscow: Ruscience, 2023, 94. (In Russ.)]
10. Анисовец Т. А. Экономика образования и образовательного учреждения. СПб.: ВШЭ, 2012. 180 с. [Anisovets T. A. *Economics of education and educational institutions*. St. Petersburg: HSE, 2012, 180. (In Russ.)]
11. Ставринова Н. Н. О необходимости изменений в системе образования в контексте новой образовательной парадигмы. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2010. № 3. С. 5–11. [Stavrinova N. N. Need of educational system's changes in the context of a new educational paradigm. *The Surgut State Pedagogical University Bulletin*, 2010, (3): 5–11. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nltgby>
12. Белановский С. А. Репрезентативность качественных опросов. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2023. Т. 15. № 1. С. 69–94. [Belanovskiy S. A. Representativeness of qualitative surveys. *Interaction. Interview. Interpretation*, 2023, 15(1): 69–94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.4>

13. Быкова А. В., Мандыч И. А. Управление бизнес-процессами в организации. М.: РТУ МИРЭА, 2022. 68 с. [Bykova A. V., Mandych I. A. *Business process management in an organization*. Moscow: RTU MIREA, 2022, 68. (In Russ.)]
14. Глухова Л. В., Корнеева Е. Н., Крайнева Р. К. Развитие маркетинга отношений стейкхолдеров в образовательной деятельности. *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2020. Т. 2. № 1. С. 41–49. [Glukhova L. V., Korneeva E. N., Krayneva R. K. Development of marketing of stakeholder relations in educational activities. *Vestnik Volzhskogo universiteta im V. N. Tatishcheva*, 2020, 2(1): 41–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hvliwo>
15. Абрамова Н. М. Типология современных российских университетов как многофункциональных научно-образовательных комплексов. *Экономические науки*. 2025. № 248. С. 349–362. [Abramova N. M. Typology of the modern Russian universities as multifunctional scientific and educational complexes. *Ekonomicheskie nauki*, 2025, (248): 349–362. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14451/1.248.349>
16. Грудцына Л. Ю., Молчанов С. В. Система образования в Российской Федерации. *Образование и право*. 2017. № 5. С. 223–231. [Grudtsina L. Yu., Molchanov S. V. The education system in the Russian Federation. *Education and Law*, 2017, (5): 223–231. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yurxfx>
17. Матюшева Т. Н. Классификация правовых статусов субъектов сферы образования: критерии и ориентиры. *Право и образование*. 2008. № 8. С. 4–13. [Matyusheva T. N. Classification of legal statuses of subjects within education system: Criteria and guidelines. *Law and Education*, 2008, (8): 4–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jkesbh>
18. Типология университетов, модели и инструменты организационного развития, ред. В. С. Ефимов. Красноярск: СФУ, 2018. 61 с. [Typology of universities, models, and tools of organizational development, ed. Efimova V. S. Krasnoyarsk: SibFU, 2018, 61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ymnkk>
19. Горбунова Е. М., Ларионова Н. М., Мешкова Т. А., Перфильева О. В., Шадрикова А. П., Шумилов В. М. Классификация секторов услуг и подсекторов образовательных услуг, сопоставление ее с классификациями, отвечающими законодательной и нормативно-правой базе системы образования РФ и МСКО. *Экономика образования*. 2009. № 3. С. 59–64. [Gorbunova E. M., Larionova N. M., Meshkova T. A., Perfileva O. V., Shadrikova A. P., Shumilov V. M. Classification of sectors of services and subsectors of educational services, comparison her with classifications adequate legislative and normative-right base of system of education of Russian Federation and ISCED. *Ekonomika obrazovaniya*, 2009, (3): 59–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mthyyx>
20. Тугускина Г. Н. Роль интеллектуального капитала вузов в обеспечении технологического лидерства России. *Экономика образования*. 2025. № 4. С. 34–43. [Tuguskina G. N. The role of intellectual capital of universities in ensuring technological leadership of Russia. *Ekonomika obrazovaniya*, 2025, (4): 34–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nhyppk>
21. Дерен И. И., Кузнецов Ю. В. Качество высшего образования как одно из условий развития современной экономики. *Экономика образования*. 2024. № 5. С. 27–36. [Deren I. I., Kuznetsov Yu. V. The quality of higher education as one of the conditions for the development of the modern economy. *Ekonomika obrazovaniya*, 2024, (5): 27–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/akgyul>
22. Тренина Е. Г. Признание приоритетности образования как принцип государственной политики Российской Федерации. *Университет XXI века: научное измерение*: науч. конф. (Тула, 20–29 октября 2021 г.) Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2021. С. 243–245. [Tronina E. G. Priority of education as a state policy principle in the Russian Federation. *21st Century University: Scientific Dimension*: Proc. Sci. Conf., Tula, 20–29 Oct 2021. Tula: TSPU named after L. N. Tolstoy, 2021, 243–245. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ogeede>

оригинальная статья

eLibrary EDN: RTVLAK

Особенности структуры себестоимости продукции ликеро-водочной промышленности

Кирюхина Анжелика Николаевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 7436-5239

<https://orcid.org/0000-0001-8605-1332>

anzhenk@yandex.ru

Секлецова Ольга Вячеславовна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 4195-4193

<https://orcid.org/0000-0002-8209-1852>

Ионова Валерия Евгеньевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Аннотация: В отечественной литературе достаточно много внимания уделено управлению затратами предприятия, однако отраслевые инструкции и методические рекомендации по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции, разработанные еще в СССР, устарели. Данный факт не позволяет правильно обосновать себестоимость конечного продукта. Цель – определить структуру себестоимости ликеро-водочной продукции по статьям калькуляции. В результате рассчитан удельный вес затрат по статьям фактической калькуляции себестоимости продукции разной рецептуры одного из ведущих предприятий в Кемеровской области – Кузбассе АО «Мариинский ликеро-водочный завод». На основании этого определена фактическая структура себестоимости водки «Ортодокс», водки «Медвежий угол», настойки «Северное золото» в калькуляционном разрезе. За 2021–2023 гг. выявлено снижение удельного веса затрат на сырье и основные материалы и рост удельного веса общепроизводственных, общехозяйственных и внепроизводственных расходов. Другие затраты занимают относительно небольшой удельный вес и изменяются незначительно. При группировке затрат на основные и накладные последние составили порядка 20 % от полной себестоимости. При этом еще в конце XX в. их доля в отрасли пищевой промышленности была на уровне 5–7 %. Этот сдвиг объясняется разгосударствлением экономики и изменением форм хозяйствования предприятий, ростом затрат на корпоративное управление. В дальнейшем интерес представляет изучение количественного состава и структуры данных издержек корпоративного управления.

Ключевые слова: калькуляция, себестоимость, затраты, расходы, классификация затрат, предприятие, управление затратами, удельный вес затрат, структура затрат

Цитирование: Кирюхина А. Н., Секлецова О. В., Ионова В. Е. Особенности структуры себестоимости продукции ликеро-водочной промышленности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2026. Т. 11. № 3. С. 422–433. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-422-433>

Поступила в редакцию 29.11.2025. Принята после рецензирования 23.01.2026. Принята в печать 26.01.2026.

original article

Alcoholic Beverage Industry: Cost Structure

Anzhelika N. Kiryuhina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 7436-5239

<https://orcid.org/0000-0001-8605-1332>

anzhenk@yandex.ru

Olga V. Seklecova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 4195-4193

<https://orcid.org/0000-0002-8209-1852>

Valeria E. Ionova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Abstract: Cost management remains a prominent research topic. However, many industry-specific instructions and guidelines for planning, accounting, and cost calculation currently used in Russia were developed during the Soviet era. Their outdated nature hinders accurate product cost evaluation. This article analyzes the cost structure of alcoholic beverages by costing items, focusing on the Mariinsk Distillery in the Kemerovo Region

and three of its vodka brands. Between 2021 and 2023, the share of raw and basic material costs decreased, while the shares of manufacturing overhead, general, and administrative expenses, and non-manufacturing costs increased. Other costs accounted for a relatively small share and remained stable. When categorized into direct and overhead costs, the latter constituted about 20% of the total cost, contrasting with the 5–7% average observed in the food industry in the late 20th century. This shift is driven by economic privatization, changing business models, and rising corporate governance costs. The quantitative composition and structure of these corporate governance costs present promising avenues for further research.

Keywords: calculation, cost, costs, expenses, cost classification, enterprise, cost management, cost share, cost structure

Citation: Kiryuhina A. N., Seklecova O. V., Ionova V. E. Alcoholic Beverage Industry: Cost Structure. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(3): 422–433. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-422-433>

Received 29 Nov 2025. Accepted after review 23 Jan 2026. Accepted for publication 26 Jan 2026.

Введение

В системе показателей, характеризующих эффективность производства и реализации продукции, одно из ведущих мест принадлежит себестоимости. В отечественной экономической литературе [1–4] под себестоимостью понимают выраженные в денежной форме затраты на производство и реализацию продукции, работ или услуг. В разных источниках определение себестоимости несколько отличается, но в каждом из них за основу взят термин из Положений, разработанных еще в СССР¹: *себестоимость промышленной продукции* – это выраженные в денежной форме текущие затраты предприятия (объединений) на ее производство и сбыт.

Анализ себестоимости продукции позволяет изучить тенденции изменения ее уровня, установить отклонение фактических затрат от плановых (нормативных), выявить резервы снижения себестоимости продукции и дать оценку работы предприятия по использованию возможностей снижения себестоимости продукции [5]. В процессе анализа выявляют, по каким статьям затрат произошел наибольший перерасход и как это изменение повлияло на изменение общей суммы затрат [6]. При планировании, учете и анализе себестоимости составляющие ее затраты группируют по какому-либо общему признаку. В зависимости от целей управления различают несколько способов классификации затрат (табл. 1).

Наиболее важными видами затрат для нас являются *экономические элементы затрат* и *статьи калькуляции*. Так, по **экономическим элементам**

объединяются экономически однородные виды затрат, которые являются едиными для всех организаций. В бухгалтерском и налоговом учете также широко используется понятие *расходы*. В отечественной практике оно изложено в ПБУ 10/99 «Расходы организации», в соответствии с которым под «расходами организации признается уменьшение экономических выгод в результате выбытия активов (денежных средств, иного имущества)

Табл. 1. Классификация затрат на производство продукции, работ, услуг

Tab. 1. Classification of costs for manufacturing, works, and services

Признак	Вид
По экономическому содержанию ²	Экономические элементы затрат
По месту возникновения затрат	Статьи калькуляции
По отношению к производственному процессу	Основные, накладные
По составу	Простые, комплексные
По способу отнесения (включения) на себестоимость продукции [7]	Прямые, косвенные
По отношению к объему производства [8]	Переменные, постоянные

¹ Основные положения по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции на промышленных предприятиях (утв. Государственным плановым комитетом Совета Министров СССР, Государственным комитетом цен Совета Министров СССР, Министерством финансов СССР, Центральным статистическим управлением при Совете Министров СССР от 20.07.1970) (в ред. от 17.01.1983). *СПС Кодекс*.

² Габдрафикова Э. Ф. Группировка затрат по экономическим элементам: таблица, примеры, изменения. *Главбух*. URL: <https://www.glavbukh.ru/art/389160-gruppirovka-zatrat-po-ekonomicheskim-elementam-tablitsa-primeriy> (дата обращения: 01.11.2025).

и (или) возникновения обязательств, приводящее к уменьшению капитала этой организации, за исключением уменьшения вкладов по решению участников (собственников имущества) иного имущества»³. При формировании расходов по обычным видам деятельности группировка затрат должна быть обеспечена по следующим элементам:

- материальные затраты;
- затраты на оплату труда;
- отчисления на социальные нужды;
- амортизация;
- прочие затраты⁴.

Для целей налогового учета понятие и состав расходов определены Налоговым кодексом Российской Федерации (НК РФ). Так, «расходами признаются обоснованные и документально подтвержденные затраты (а в случаях, предусмотренных статьей 265 настоящего Кодекса, убытки), осуществленные (понесенные) налогоплательщиком»⁵. Правила определения и группировки расходов для целей налогообложения даны в главе 25 «Налог на прибыль организаций» НК РФ. В налоговом учете расходы подразделяются примерно так же, как и в бухгалтерском, за исключением расходов по отчислению на социальные нужды, которые не выводятся в отдельную подгруппу.

По экономическим элементам затрат исчисляется себестоимость валовой продукции, но невозможно определить себестоимость единицы продукции по каждому наименованию. Эту задачу решает группировка затрат по **статьям калькуляции** [9]. Калькуляция – это документ, в котором рассчитывается себестоимость единицы конкретного вида продукции. Группировка затрат по статьям калькуляции отражает их состав в зависимости от назначения и места возникновения. По месту возникновения затрат существуют разные виды себестоимости: технологическая, цеховая, производственная, полная [10]. Обычно полная себестоимость продукции⁶ служит экономической основой для определения отпускных цен на продукцию. Например, при затратном методе ценообразования цена единицы продукции складывается из ее полной себестоимости, прибыли производителя от ее продажи и косвенных налогов (НДС, акциз) [11].

Выбор группировки затрат зависит от применяемого метода учета затрат. Современные экономисты выделяют следующие традиционные методы управления затратами на предприятии: простой (попроцессный); попередельный [12]; позаказный [13]; поиздельный [12]. Помимо этого, существуют и современные методы по управлению затратами, такие как нормативный; стандарт-костинг (*Standard Costing*)⁷; директ-костинг (*Direct Costing*) [14–16]; метод ABC – *Activity Based Costing* [17; 18]; кайзен-костинг; таргет-костинг. В российских предприятиях элементы систем кайзен- и таргет-костинга нашли отражение в концепции бережливого производства [19].

В настоящее время рассматриваются современные направления развития аналитической науки [20], меняются методики анализа финансовых результатов, эффективности и интенсивности использования ресурсного потенциала предприятия [5]. Цель статьи – определить структуру себестоимости ликеро-водочной продукции по статьям калькуляции. Задачи: рассмотреть понятийный аппарат затрат и их классификацию; рассмотреть систематизацию затрат по статьям калькуляции; определить структуру затрат в себестоимости ликеро-водочной продукции. Объект исследования – фактическая калькуляция себестоимости ликеро-водочной продукции. Предмет исследования – структура себестоимости продукции по статьям калькуляции.

Традиционные подходы к управлению затратами на промышленных предприятиях постепенно перестают отвечать современным требованиям, потому что с каждым годом меняется доля накладных расходов. В XX в. она составляла несколько процентов, а сейчас уже может превышать половину всех затрат предприятия [13]. Современные методы в той или иной степени взяли свое начало из традиционных, поэтому они имеют более усовершенствованный вид. Однако как при распределении прямых и косвенных затрат, так и при применении современных методов учета затрат показатели себестоимости единицы продукции будут искажены. Это не позволяет правильно обосновать себестоимость конечного продукта и установить конкурентоспособные цены на рынке. Для эффективного управления

³ Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Расходы организации» ПБУ 10/99. Приказ Минфина России от 16.05.1999 № 33н (в ред. от 06.04.2015) (Зарегистрировано в Минюсте России 31.05.1999 № 1790). СПС КонсультантПлюс.

⁴ Там же.

⁵ Налоговый кодекс РФ (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (в ред. от 04.08.2026). Ст. 252. Расходы. Группировка расходов. СПС КонсультантПлюс.

⁶ Полная себестоимость – сумма всех затрат на производство и реализацию продукции.

⁷ Emerson-Heery J. Standard Cost Accounting: What it is and When It Makes Sense For Businesses. BPM. 24 Apr 2025. URL: <https://www.bpm.com/insights/standard-cost-accounting/> (accessed 1 Nov 2025).

затратами необходимо применять экономически обоснованную классификацию и метод учета затрат. В связи с этим актуально рассмотреть структуру себестоимости продукции по фактической калькуляции.

Методы и материалы

Применены как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, описание, классификация), так и специальные (экономические, статистические). Для дальнейшего исследования авторы взяли классификацию затрат по статьям калькуляции себестоимости. Перечень затрат, включаемых в себестоимость, устанавливается «Основными положениями по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции на промышленных предприятиях», которые устарели, но действуют до завершения работы по разработке и утверждению соответствующих отраслевых нормативных документов.

Отраслевые особенности учета затрат на производство и калькулирование продукции отражены в специализированных инструкциях соответствующих отраслей промышленности, разработанных профильными министерствами и ведомствами еще в XX в. Калькуляционных статей, как правило, выделяют от 11 до 14 в зависимости от отрасли народного хозяйства [21]. Нами применена группировка затрат по статьям калькуляции согласно инструкции по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции спиртовой и ликеро-водочной промышленности: (1) сырье и основные материалы; (2) возвратные отходы (вычитаются); (3) вспомогательные материалы на технологические цели; (4) топливо на технологические цели; (5) электроэнергия на технологические цели; (6) основная зарплата производственных рабочих; (7) дополнительная заработная плата производственных рабочих; (8) отчисления на социальное страхование; (9) расходы на подготовку и освоение производства; (10) расходы на содержание и эксплуатацию оборудования; (11) общепроизводственные расходы (цеховые расходы); (12) общехозяйственные расходы (общезаводские расходы); (13) прочие производственные расходы; (14) коммерческие расходы (внепроизводственные расходы)⁸.

В приведенной классификации первые восемь статей затрат непосредственно связаны с технологическим процессом изготовления продукции и напрямую относятся на себестоимость, следовательно, являются простыми, прямыми, основными

затратами. Остальные статьи являются комплексными, собирающими затраты по обслуживанию и управлению производством, и косвенно относятся на себестоимость, являются накладными затратами.

От отрасли зависит не только состав, но и структура себестоимости продукции и ее ценообразование [22]. Структура себестоимости представляет процентное соотношение различных групп затрат, входящих в общую сумму себестоимости конкретного вида продукции [23]. Каждое предприятие самостоятельно определяет, какие именно затраты включать в себестоимость, поэтому статьи фактической калькуляции себестоимости продукции отличаются от типовой. Нами исключены статьи затрат, по которым предприятие не ведет учет.

Для определения структуры себестоимости продукции рассмотрен удельный вес затрат по статьям калькуляции в полной себестоимости. Объектом калькуляции выступает 1 дал продукции. Эмпирической базой послужили данные фактической калькуляции себестоимости продукции АО «Мариинский ликеро-водочный завод»⁹. Основным видом деятельности Мариинского ликеро-водочного завода (ЛВЗ) является производство дистиллированных питьевых алкогольных напитков: водки, виски, бренди, джина, ликеров и т.п. Данное предприятие отличается мощной производственной базой и современными технологиями. Рассматриваемый ЛВЗ также выполняет функции производственной и дистрибуционной базы, обеспечивающей присутствие федеральных и региональных водочных брендов компании в Сибири.

Результаты

Рассмотрим структуру себестоимости по статьям калькуляции отдельных видов продукции разной рецептуры.

Анализ структуры себестоимости водки

Водка – это алкогольный напиток крепостью не менее 40 % об., представляющий собой смесь этилового спирта-ректификата и умягченной воды. Для производства водок используют в основном спирты «Экстра», «Люкс» и «Альфа», полученные из зернового сырья, поэтому в готовых напитках количество токсичных примесей (альдегиды, сивушные масла и др.) на 1–2 порядка меньше, чем в виски, джине, роме.

Проведем анализ себестоимости водки «Ортодокс» крепостью 40 % об. из солодового спирта «Альфа»

⁸ Инструкция по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции спиртовой и ликеро-водочной промышленности (утв. Минпищепромом СССР 19.04.1974). СПС КонсультантПлюс.

⁹ Мариинский ликеро-водочный завод. URL: <https://mlvz.ru/proisv> (дата обращения: 01.11.2025).

и артезианской воды. Рассмотрим динамику затрат в себестоимости продукции за 2021–2023 гг. (табл. 2).

За 2021–2023 гг. темп роста полной себестоимости водки «Ортодокс» составил 112 %. Полная себестоимость водки в 2022 г., по сравнению с 2021 г., повысилась на 5,11 % (+59,53 руб.) и составила 1223,62 руб./дал. Анализ динамики затрат за 2021–2022 гг. показал:

1. Значительный рост общепроизводственных, общехозяйственных и коммерческих расходов в среднем на 23,4 % (+16,03 руб., +12,14 руб., +5,49 руб. соответственно). В 2021 и 2022 гг. увеличились амортизационные начисления в связи с приобретением основных средств на 14 и 100 млн руб. соответственно. Выросли затраты на охрану труда, пожарную безопасность и др. Наблюдается рост процентных ставок по кредитам. Рост конкуренции вынуждает предприятие увеличивать расходы на продажу, подготовку и принятие управленческих решений.

2. Рост затрат на электроэнергию на 11,32 % (+0,12 руб.). Дважды поднимали тарифы на электроэнергию в 2022 г.: ежегодная плановая индексация

в июле до 5 % и внеплановое повышение с 1 декабря в среднем на 9 %.

3. Рост затрат на основную зарплату производственных рабочих на 8,67 % (+2,83 руб.) и, соответственно, на отчисления на социальное страхование на 8,73 % (+0,86 руб.). В 2022 г. коммерческие организации были обязаны индексировать зарплаты для компенсации роста цен, ориентируясь на индекс потребительских цен, который составил 8,39 %. Тарифы страховых взносов не менялись (30 %).

4. Рост затрат на сырье и основные материалы на 3,68 % (+34,36 руб.). Приказом Минфина России «Об установлении цены, не ниже которой осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) этилового спирта, произведенного из пищевого сырья» установлена цена (без учета акциза и НДС) на этиловый спирт, произведенного из пищевого сырья, в размере 59 руб. за 1 л безводного спирта¹⁰. В 2022 г. цена спирта повысилась на 6,77 % (до 63 руб.).

5. Снижение затрат на топливо на 32,24 % (–11,96 руб.). Для нагрева и дистилляции спирта

Табл. 2. Динамика затрат в себестоимости водки «Ортодокс»

Tab. 2. Cost dynamics for the Orthodox vodka brand

Наименование статей калькуляции	Затраты на 1 дал, руб.			Темп роста, %	Отклонение, + / –	Темп роста, %	Отклонение, + / –
	2021	2022	2023	2022 / 2021	2022 / 2021	2023 / 2022	2023 / 2022
(1) сырье и основные материалы	934,53	968,89	1001,74	103,68	+34,36	103,39	+32,85
(3) вспомогательные материалы на технологические цели	12,22	11,70	13,40	95,74	–0,52	114,53	+1,70
(4) топливо на технологические цели	30,02	18,24	21,19	60,76	–11,96	116,17	+2,95
(5) электроэнергия на технологические цели	1,06	1,18	1,21	111,32	+0,12	102,54	+0,03
(6) основная зарплата производственных рабочих	32,63	35,46	39,73	108,67	+2,83	112,04	+4,27
(8) отчисления на социальное страхование	9,85	10,71	12,00	108,73	+0,86	112,04	+1,29
(11) общепроизводственные расходы (цеховые расходы)	68,52	84,55	103,68	123,39	+16,03	122,63	+19,13
(12) общехозяйственные расходы (общезаводские расходы)	51,91	64,05	78,55	123,39	+12,14	122,64	+14,5
(14) коммерческие расходы (внепроизводственные расходы)	23,35	28,84	35,34	123,51	+5,49	122,54	+6,50
Полная себестоимость	1164,09	1223,62	1306,84	105,11	+59,53	106,80	+83,22

¹⁰ Об установлении цены, не ниже которой осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) этилового спирта, произведенного из пищевого сырья. Приказ Минфина России от 07.10.2020 № 233н (в ред. от 05.06.2024) (Зарегистрировано в Минюсте России 12.11.2020 № 60857). СПС КонсультантПлюс.

используется газ, цена на который в рассматриваемом периоде снизилась.

6. Снижение затрат на вспомогательные материалы на 4,26 % (–0,52 руб.). Производители стали использовать более дешевые материалы для упаковки и маркировки.

В 2023 г. полная себестоимость водки, по сравнению с 2022 г., повысилась на 6,80 % (+83,22 руб.) и составила 1306,84 руб./дал. Анализ динамики затрат за 2022–2023 гг. показал:

1. Рост общепроизводственных, общехозяйственных и внепроизводственных затрат в среднем на 22,6 %. Применение высокотехнологичного оборудования увеличивает затраты на его содержание и эксплуатацию. Продолжают расти транзакционные издержки, расходы на продажу.

2. Рост затрат на топливо на 16,17 % (+2,95 руб.), что связано с ежегодной индексацией тарифов на газ.

3. Рост затрат на вспомогательные материалы на 4,53 % (+1,70 руб.). Уровень инфляции в России в 2023 г. составил 7,2 %.

4. Рост затрат на основную зарплату производственных рабочих на 12,04 % (+4,27 руб.) и, соответственно, на отчисления на социальные нужды на 12,04 % (+1,29 руб.). Рост затрат на заработную плату производственных рабочих связан с ростом их численности на 11,14 %. С 2023 г. установлен единый тариф страховых взносов – 30 % в пределах единой предельной величины базы для исчисления, что не повлияло на рост затрат на оплату труда.

5. Рост затрат на сырье и основные материалы на 3,39 % (+32,85 руб.). В 2023 г. цена спирта повысилась на 7,93 % (до 68 руб.).

6. Рост затрат на электроэнергию на 2,54 % (+0,03 руб.). Рост незначительный в связи с переносом индексации 2023 г. на конец 2022 г.

В рассматриваемом периоде темп роста общепроизводственных расходов (151 %) значительно превышает темп роста сырья и материалов (107 %), то же самое можно сказать и о других накладных расходах. Данное изменение нельзя связать только с ростом цен на сырье или изменением объема производства.

В таблице 3 представлены результаты анализа структуры затрат в составе себестоимости продукции. Исходя из расчета структуры себестоимости водки получен следующий удельный вес затрат:

- сырье и основные материалы снизились с 80,3 до 76,7 %; их доля ежегодно уменьшается: в 2021–2022 гг. – на 1,1 %, в 2022–2023 гг. – на 2,5 %;
- вспомогательные материалы составляли 1,0 % на протяжении трех лет;
- топливо и электроэнергия в сумме уменьшились с 2,7 до 1,7 %, т. е. всего на 1,0 %;
- основная зарплата производственных рабочих увеличилась с 2,8 до 3,1 %, т. е. всего на 0,3 % (пропорционально повысился удельный вес затрат на отчисления на социальное страхование);
- общепроизводственные расходы увеличились с 5,9 до 7,9 %, т. е. всего на 2,0 %;
- общехозяйственные расходы увеличились с 4,5 до 6,0 %, т. е. всего на 2,5 %;
- внепроизводственные расходы увеличились с 2,0 до 2,7 %, т. е. всего на 0,3 %.

В себестоимости водки наибольшие затраты приходятся на сырье и основные материалы, следующие

Табл. 3. Структура себестоимости водки «Ортодокс»

Tab. 3. Cost structure for the Ortodoks vodka brand

Наименование статей калькуляции	Затраты на 1 дал, руб.			Удельный вес, %		
	2021	2022	2023	2021	2022	2023
(1) сырье и основные материалы	934,53	968,89	1001,74	80,3	79,2	76,7
(3) вспомогательные материалы на технологические цели	12,22	11,70	13,40	1,0	1,0	1,0
(4) топливо на технологические цели	30,02	18,24	21,19	2,6	1,5	1,6
(5) электроэнергия на технологические цели	1,06	1,18	1,21	0,1	0,1	0,1
(6) основная зарплата производственных рабочих	32,63	35,46	39,73	2,8	2,9	3,1
(8) отчисления на социальное страхование	9,85	10,71	12,00	0,8	0,9	0,9
(11) общепроизводственные расходы (цеховые расходы)	68,52	84,55	103,68	5,9	6,9	7,9
(12) общехозяйственные расходы (общезаводские расходы)	51,91	64,05	78,55	4,5	5,2	6,0
(14) коммерческие расходы (внепроизводственные расходы)	23,35	28,84	35,34	2,0	2,3	2,7
Полная себестоимость	1164,09	1223,62	1306,84	100,0	100,0	100,0

по величине – общепроизводственные расходы. Высокая доля затрат на сырье и основные материалы характерна для всех отраслей пищевой промышленности, однако они имеют тенденцию к снижению. Снижение удельного веса затрат на данную статью калькуляции объясняется заменой дорогостоящего натурального сырья на более дешевые заменители. Возрастает удельный вес общепроизводственных, общехозяйственных и коммерческих расходов. Другие расходы занимают относительно небольшой удельный вес. Следовательно, интерес представляет рассмотрение структуры затрат на основе их деления на основные и накладные.

За 2021–2023 гг. удельный вес основных расходов в себестоимости продукции уменьшился с 87,6 до 83,4 %, удельный вес накладных расходов увеличился с 12,4 до 16,6 %. Структура себестоимости продукции изменяется в сторону увеличения накладных расходов. Этот сдвиг можно объяснить усложнением корпоративного управления акционерной формы хозяйствования: увеличением агентских издержек, транзакционных издержек, затрат на сбыт продукции. Помимо традиционных спиртов высшей очистки «Экстра» и «Люкс» появился спирт «Альфа», что привело к усложнению технологического процесса и увеличению затрат на оборудование.

Рассмотрим структуру себестоимости водки «Медвежий угол» (табл. 4) из спирта более низкого качества и сложной рецептуры: вода питьевая подготовленная, спирт этиловый ректификованный класса «Люкс», цветочный мед, спиртовая настойка липового цвета и корицы, апельсиновое масло.

Всего за 2021–2023 гг. темп роста полной себестоимости водки «Медвежий угол» составил 115,38 %. Затраты на сырье и основные материалы в стоимостном выражении ежегодно повышаются, однако их удельный вес снижается с 73,00 до 69,92 %. Наибольшая доля затрат по статье (1) приходится на спирт (в 2021 г. – 30,9 %, в 2022 г. – 30,34 %, в 2023 г. – 27,77 %) и бутылки (в 2021 г. – 20,69 %, в 2022 г. – 20,45 %, в 2023 г. – 26,30 %). При производстве водки «Медвежий угол» удельный вес затрат на сырье ниже по сравнению с водкой «Ортодокс», т. к. используется более дешевый спирт. Удельный вес затрат на заработную плату в структуре себестоимости водки «Медвежий угол» и водки «Ортодокс» находится приблизительно на одинаковом уровне (3,75–3,96 % и 2,8–3,1 % в 2021–2023 гг. соответственно). Также растут общепроизводственные расходы, общехозяйственные и внепроизводственные расходы.

За рассматриваемый период удельный вес основных расходов в себестоимости продукции уменьшился с 83,47 до 78,33 %, удельный вес накладных расходов увеличился с 16,53 до 21,67 %. Структура себестоимости продукции изменяется в сторону увеличения накладных расходов. Это связано с усложнением самого технологического процесса после появления более качественного сырья – теперь нужно находить новые управленческие решения, выстраивать новые производственные процессы и инфраструктуру предприятия, что сказывается на данных статьях затрат.

Анализ структуры себестоимости настойки

Традиционно настойки производили из более дешевого спирта высшей очистки, но для потребителей важно качество, поэтому производитель перешел на спирт более высокого качества. В таблице 5 представлена структура себестоимости настойки «Северное золото» следующей рецептуры: вода питьевая подготовленная, спирт этиловый ректификованный «Люкс», спиртованный настоем овсяной крупы, спиртованный настоем ванили и пантов марала.

За 2021–2023 гг. темп роста полной себестоимости настойки составил 119,35 % в основном за счет увеличения затрат на сырье и основные материалы (темп роста – 113,72 %). Однако удельный вес затрат на сырье и основные материалы снизился с 71,84 до 68,45 % (на 3,39 %), зато удельный вес общепроизводственных расходов увеличился с 8,38 до 10,63 % (на 2,25 %), общехозяйственных расходов – с 6,35 до 8,05 % (на 1,70 %), внепроизводственных расходов – с 2,86 до 3,62 % (на 0,76 %).

За рассматриваемый период удельный вес основных расходов в себестоимости продукции уменьшился с 82,41 до 77,69 %, удельный вес накладных расходов увеличился с 17,59 до 22,31 %. Следовательно, происходит перераспределение расходов в сторону увеличения общепроизводственных и общехозяйственных расходов. В структуре себестоимости ликеро-водочной продукции накладные расходы в 2023 г. составляют порядка 20 % от полной себестоимости. По нашему мнению, тенденция к их увеличению продолжится и дальше.

Заключение

Проведен анализ структуры себестоимости ликеро-водочной продукции АО «Мариинский ЛВЗ». Для анализа взята фактическая калькуляция алкогольной продукции крепостью 40 % об. разной рецептуры: водка «Ортодокс», водка «Медвежий угол», настойка «Северное золото».

Табл. 4. Анализ структуры себестоимости водки «Медвежий угол»

Tab. 4. Cost structure for the Medvezhiy Ugol vodka brand

Наименование статей калькуляции	2021		2022		2023		Темп изменений, %		
	Затраты на 1 дал. руб.	Удельный вес, %	Затраты на 1 дал. руб.	Удельный вес, %	Затраты на 1 дал. руб.	Удельный вес, %	2022 / 2021	2023 / 2022	2023 / 2021
(1) сырье и основные материалы:	635,55	73,06	647,38	71,92	701,76	69,92	101,86	108,40	110,42
• спирт	268,78	30,90	273,06	30,34	278,69	27,77	101,59	102,06	103,69
• бутылки	180,02	20,69	184,09	20,45	263,97	26,30	102,26	143,39	146,63
• колпачки	50,88	5,85	51,19	5,69	52,85	5,27	100,61	103,24	103,87
• тара для алкогольной продукции	61,10	7,02	61,64	6,85	38,25	3,81	100,88	62,05	62,60
• федеральные специальные марки	41,01	4,71	41,04	4,56	37,00	3,69	100,07	90,16	90,22
• этикетки	33,76	3,88	34,36	3,82	31,00	3,09	101,78	90,22	91,82
(3) вспомогательные материалы на технологические цели:	17,03	1,96	9,71	1,08	10,27	1,02	57,02	105,77	60,31
• вспомогательные материалы для спирта и водоподготовки	2,97	0,34	2,43	0,27	3,10	0,31	81,82	127,57	104,38
• вспомогательные материалы для упаковки и маркировки	6,65	0,76	4,50	0,50	4,41	0,44	67,67	98,00	66,32
• прочее сырье, материалы и упаковка	6,62	0,76	2,08	0,23	1,61	0,16	31,42	77,40	24,32
• прочие вспомогательные материалы	0,79	0,09	0,70	0,08	1,15	0,11	88,61	164,29	145,57
(4) топливо на технологические цели	30,02	3,45	18,24	2,03	21,19	2,11	60,76	116,17	70,59
(5) электроэнергия на технологические цели	1,06	0,12	1,18	0,13	1,21	0,12	111,32	102,54	114,15
(6) основная зарплата производственных рабочих	32,63	3,75	35,46	3,94	39,73	3,96	108,67	112,04	121,76
(8) отчисления на социальное страхование	9,85	1,13	10,71	1,19	12,00	1,20	108,73	112,04	121,83
(11) общепроизводственные расходы (цеховые расходы)	68,52	7,88	84,55	9,39	103,68	10,33	123,39	122,63	151,31
(12) общехозяйственные расходы (общезаводские расходы)	51,90	5,97	64,05	7,12	78,55	7,83	123,41	122,64	151,35
(14) коммерческие расходы (внепроизводственные расходы)	23,35	2,68	28,84	3,20	35,34	3,52	123,51	122,54	151,35
Полная себестоимость	869,91	100,00	900,12	100,00	1003,73	100,00	103,46	111,53	115,38

Табл. 5. Анализ структуры себестоимости настойки «Северное золото»

Tab. 5. Cost structure for the Severnoe Zoloto vodka brand

Наименование статей калькуляции	2021		2022		2023		Темп изменений, %		
	Затраты на 1 дал, руб.	Удельный вес, %	Затраты на 1 дал, руб.	Удельный вес, %	Затраты на 1 дал, руб.	Удельный вес, %	2022 / 2021	2023 / 2022	2023 / 2021
(1) сырье и основные материалы:	587,06	71,84	593,54	69,68	667,63	68,45	101,10	112,48	113,72
• спирт	280,91	34,37	304,34	35,73	311,29	31,92	108,34	102,28	110,81
• бутылки	173,61	21,24	212,73	24,97	200,47	20,55	122,53	94,24	115,47
• колпачки	22,10	2,70	23,81	2,79	28,49	2,92	107,73	119,65	128,91
• тара для алкогольной продукции	41,14	5,03	0,68	0,08	54,75	5,61	1,65	8051,47	133,08
• федеральные специальные марки	37,00	4,53	40,06	4,70	41,49	4,25	108,27	103,57	112,14
• этикетки	32,30	3,95	31,92	3,75	31,14	3,19	98,82	97,56	96,41
(3) вспомогательные материалы на технологические цели:	12,81	1,57	15,29	1,79	15,97	1,64	119,36	104,45	124,67
• вспомогательные материалы для спирта и водоподготовки	6,56	0,80	6,38	0,75	6,85	0,70	97,26	107,37	104,42
• вспомогательные материалы для упаковки и маркировки	3,44	0,42	3,89	0,46	3,30	0,34	113,08	84,83	95,93
• прочее сырье, материалы и упаковка	1,61	0,20	2,54	0,30	2,36	0,24	157,76	92,91	146,58
• прочие вспомогательные материалы	1,20	0,15	2,48	0,29	3,46	0,35	206,67	139,52	288,33
(4) топливо на технологические цели	30,01	3,67	18,24	2,14	21,19	2,17	60,78	116,17	70,61
(5) электроэнергия на технологические цели	1,06	0,13	1,18	0,14	1,21	0,12	111,32	102,54	114,15
(6) основная зарплата производственных рабочих	32,63	3,99	35,46	4,16	39,73	4,07	108,67	112,04	121,76
(8) отчисления на социальное страхование	9,85	1,21	10,71	1,26	12,00	1,23	108,73	112,04	121,83
(11) общепроизводственные расходы (цеховые расходы)	68,52	8,38	84,55	9,93	103,68	10,63	123,39	122,63	151,31
(12) общехозяйственные расходы (общезаводские расходы)	51,91	6,35	64,05	7,52	78,55	8,05	123,39	122,64	151,32
(14) коммерческие расходы (внепроизводственные расходы)	23,36	2,86	28,83	3,38	35,35	3,62	123,42	122,62	151,33
Полная себестоимость	817,21	100,00	851,85	100,00	975,31	100,00	104,24	114,49	119,35

Отмечено снижение удельного веса затрат на сырье и основные материалы на протяжении 2021–2023 гг. Установлен рост удельного веса общепроизводственных, общехозяйственных и внепроизводственных расходов. Другие расходы занимают относительно небольшой удельный вес и изменяются несущественно.

Определена фактическая структура себестоимости ликеро-водочной продукции в калькуляционном разрезе в зависимости от рецептуры конкретного наименования изделия (табл. 6). В связи с переходом производителя на спирт более высокого качества и изменением структуры себестоимости продукции в сторону увеличения накладных расходов за основу авторы взяли структуру себестоимости напитков из спирта «Альфа» и «Люкс» в 2023 г.

В себестоимости продукции предприятий ликеро-водочной промышленности наибольший удельный вес составляют сырье и основные материалы, однако постепенно сдвиг происходит в сторону увеличения накладных расходов (общепроизводственные, общехозяйственные, коммерческие). Так, в 2023 г. они составляют порядка 20 % от полной себестоимости продукции. Полученные результаты подтверждают, что доля накладных расходов в промышленности увеличивается. В XX в. она составляла несколько процентов, а сейчас уже может превышать половину всех затрат предприятия [12].

Разгосударствление экономики и изменение форм хозяйствования предприятий отразилось на структуре себестоимости продукции. Рост накладных расходов объясняется ростом затрат на управление и коммерцию, а именно на агентские издержки на регулирование конфликта корпоративных интересов [24], транзакционные издержки [25], сопровождающих взаимоотношения экономических агентов (сбор и обработка информации, принятие управленческих решений, подготовка и исполнения договоров). В дальнейшем интерес представляет изучение количественного состава и структуры данных издержек корпоративного управления.

Литература / References

1. Морозова Н. С., Меркулова Е. Ю. Анализ себестоимости продукции. *Социально-экономические явления и процессы*. 2016. Т. 11. № 8. С. 66–71. [Morozova N. S., Merkulova E. Yu. Analysis of product cost. *Social-Economic Phenomena and Processes*, 2016, 11(8): 66–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20310/1819-8813-2016-11-8-66-71>
2. Бердичевская В. О. Учет затрат на производство и реализацию продукции и калькулирование себестоимости продукции. 1-е изд. М.: Юрайт, 2021. 159 с. [Berdichevskaya V. O. *Accounting for the costs of production and sale of products and calculating the cost of production*. 1st ed. Moscow: Iurait, 2021, 159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/beiips>
3. Низовкина Н. Г. Управление затратами предприятия (организации). М.: Юрайт, 2011. 183 с. [Nizovkina N. G. *Cost management of an enterprise (organization)*. Moscow: Iurait, 2011, 183. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/suoujn>

Табл. 6. Структура себестоимости ликеро-водочной продукции, 2023 г.

Tab. 6. Cost structure for alcoholic beverages, 2023

Наименование статей калькуляции	Удельный вес затрат в себестоимости продукции, %	
	Водка	Настойка
(1) сырье и основные материалы	76,70	68,50
(3) вспомогательные материалы на технологические цели	1,00	2,00
(4) топливо на технологические цели	1,60	2,17
(5) электроэнергия на технологические цели	0,10	0,13
(6) основная зарплата производственных рабочих	3,10	4,00
(8) отчисления на социальное страхование	0,90	1,20
(11) общепроизводственные расходы (цеховые расходы)	7,90	10,40
(12) общехозяйственные расходы (общезаводские расходы)	6,00	8,00
(14) коммерческие расходы (внепроизводственные расходы)	2,70	3,60
Полная себестоимость	100	100

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

4. Экономика фирмы, ред. М. С. Мокий. М.: Юрайт, 2012. 335 с. [*The economics of the company*, ed. Mokii M. S. Moscow: Iurait, 2012, 335. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qvfetj>
5. Савицкая Г. В. Комплексный анализ хозяйственной деятельности предприятия. М.: ИНФРА-М, 2013. 607 с. [Savitskaya G. V. *Comprehensive analysis of the company's business activities*. Moscow: INFRA-M, 2013, 607. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nqycsa>
6. Титова О. В. Управление затратами в коммерческой организации. *Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров*. 2020. № S7-2. С. 56–59. [Titova O. V. Cost management in a commercial organization. *Ekonomicheskoe razvitie regiona: Upravlenie, innovatsii, podgotovka kadrov*, 2020, (S7-2): 56–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bbjtov>
7. Шмырина А. И. Учет затрат и их классификация на ликеро-водочном заводе. *Актуальные вопросы экономических наук*. 2008. № 1. С. 315–322. [Shmyrina A. I. Cost accounting and classification at a distillery. *Aktualnye voprosy ekonomicheskikh nauk*, 2008, (1): 315–322. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ogrwgt>
8. Черутова М. И., Трофимова И. Г. Управление затратами с целью максимизации прибыли. *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2013. № 3. С. 52–55. [Cherutova M. I., Trofimova I. G. Cost management to maximize profit. *Issues of Social-Economic Development of Siberia*, 2013, (3): 52–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rimrsr>
9. Мустафина А. С., Кирюхина А. Н. Экономика и организация производства. Кемерово: КемТИПП, 2006. 128 с. [Mustafina A. S., Kiryuhina A. N. *Economics and organization of production*. Kemerovo: KemIFST, 2006, 128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrybvf>
10. Косорлукова О. Э. Классификация издержек промышленного предприятия. *Вестник Самарского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2012. № 4. С. 42–48. [Kosorlukova O. E. Industrial enterprises costs classification. *Vestnik of Samara University. Economics and Management*, 2012, (4): 42–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pjbbqh>
11. Турчаев И. Н., Таенчук Я. Ю. Калькуляция себестоимости продукции (работ, услуг). М.: Директ-Медиа, 2023. 212 с. [Turchaev I. N., Taenchuk Ya. Yu. *Calculation of product costs, works, and services*. Moscow: Direkt-Media, 2023, 212. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dpitmr>
12. Доронина А. С., Волкова Т. Г. Управление затратами на промышленном предприятии в современных условиях: теоретические и практические аспекты. *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. 2023. Т. 33. № 3. С. 417–423. [Doronina A. S., Volkova T. G. Cost management in an industrial enterprise in modern conditions: Theoretical and practical aspects. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2023, 33(3): 417–423. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kspxia>
13. Карькова Н. Г. Порядок применения позаказного метода калькулирования затрат в целях принятия управленческих решений. *Научные записки академии*. 2025. Т. 16. № 2. С. 22–25. [Karkova N. G. Application procedure of job costing method for managerial decision making. *Nauchnye zapiski akademii*, 2025, 16(2): 22–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zlxncn>
14. Gunash N., Magerramova M., Yusifova M., Magerramova S., Samaya R. Economic rationale for calculating enterprise costs using the "direct-costing" system. *WSEAS Transactions on Computer Research*, 2023, 12: 99–104. <https://doi.org/10.37394/232018.2024.12.9>
15. Manuho P., Saerang D. P. E., Pusung R. J. Analysis of production cost calculations using the direct costing method at PT Fortuna Inti Alam. *Formosa Journal of Applied Sciences*, 2023, 2(10): 2249–2262. <https://elibrary.ru/eaccok>
16. Kolompoy C., Pusung R. J., Maradesa D. Penentuan biaya produksi dengan metode direct costing sebagai dasar penetapan harga jual pada UD Lourdes Tompasobaru. *Manajemen Bisnis dan Keuangan Korporat*, 2024, 2(1): 26–34. <https://doi.org/10.58784/mbkk.97>
17. Рожкова Н. К., Рожкова Д. Ю. Управленческий учет затрат на предприятиях ликеро-водочного производства и его развитие на основе «ABC-костинга». *Управленческий учет*. 2022. № 10-2. С. 359–368. [Rozhkova N. K., Rozhkova D. Yu. Management accounting of costs at the enterprises of production of alcoholic beverages and its development on the basis of "ABC-costing". *Management Accounting*, 2022, (10-2): 359–368. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25806/uu10-22022359-368>
18. Căpușneanu S. Research of the implementation factors of the ABC method in the steel industry of Romania. *Metalurgia International*, 2009, 14(8): 58–61.
19. Темиргалиева С. А., Саталкина Е. В. Основные характеристики методов таргет-костинг и кайзен-костинг. *Экономика и социум*. 2018. № 10. С. 560–566. [Temirgaliyeva S. A., Satalkina E. V. The main

- characteristics of the methods of target costing and kaizen costing. *Ekonomika i socium*, 2018, (10): 560–566. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vpkvjz>
20. Чернышева Ю. Г. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия (организации). М.: ИНФРА-М, 2023. 421 с. [Chernysheva Yu. G. *Analysis and diagnostics of financial and economic activities of an enterprise (organization)*. Moscow: INFRA-M, 2023, 421. (In Russ.)]
21. Чеченкова Е. В. Эволюция понятия «себестоимость». *Вестник университета*. 2012. № 3. С. 296–300. [Chechenkova E. V. The evolution of the concept of cost. *Vestnik universiteta*, 2012, (3): 296–300. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ozeruj>
22. Kiryukhina A. N., Guk N. M. Specific development of the baking industry in Kemerovo oblast. *Foods and Raw Materials*, 2013, 1(2): 89–95. <https://doi.org/10.12737/2061>
23. Наговицин А. С. Анализ структуры себестоимости продукции предприятий пищевой промышленности. *Экономика и маркетинг в XXI веке: проблемы, опыт, перспективы: XX Всерос. науч.-практ. конф.* (Донецк, 28–29 ноября 2024 г.) Донецк: ДонНТУ, 2024. С. 233–237. [Nagovitsin A. S. Analysis of the cost structure of food industry enterprises. *Economics and marketing in the 21st century: Problems, experience, prospects*: Proc. XX All-Russian Sci.-Prac. Conf., Donetsk, 28–29 Nov 2024. Donetsk: DonNTU, 2024, 233–237. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eymfut>
24. Воронова Е. Ю. Бухгалтерский учет и отчетность в решении агентской проблемы корпоративного управления. *Вестник МГИМО-Университета*. 2011. № 1. С. 216–223. [Voronova E. Yu. Accounting and financial statements in solving agency problem of corporate governance. *MGIMO Review of International Relations*, 2011, (1): 216–223. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oosfqr>
25. Костенко С. Г. Оптимизация транзакционных издержек как фактор повышения конкурентоспособности предприятий. *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы*. 2024. № 1. С. 202–210. [Kostenko S. G. Optimization of transaction costs as a factor in increasing the competitiveness of enterprises. *Innovative economy: Information, analytics, forecasts*, 2024, (1): 202–210. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/csewuv>

оригинальная статья

eLibrary EDN: TEMHBZ

Трансформация факторов выбора вуза и характеристик абитуриентов: региональный аспект

Лысенко Елена Александровна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 6959-7364

<https://orcid.org/0000-0001-9842-6031>

lysenko.elena@bk.ru

Аннотация: Отток молодежи из регионов, совершающийся с образовательными целями, является угрозой не только для региональных систем высшего образования, но и влияет на характеристики регионального человеческого капитала в долгосрочной перспективе. Цель – выделить основные факторы выбора региона и вуза в нем абитуриентами, а также выявить особенности трансформации этих факторов во времени. Исходящая мобильность молодежи, обусловленная образовательными целями, связана в основном с получением высшего образования. Межрегиональную образовательную миграцию стимулируют как неравномерность распределения высших учебных заведений по территории Российской Федерации, так и особенности образовательной политики. Факторы, способствующие перетеканию молодежи с образовательными целями между регионами: попытки преодоления социального образовательного неравенства, что рассматривается абитуриентами в контексте доступа к более качественному образованию, инфраструктуре крупных селективных вузов; дальнейшие карьерные возможности; повышение качества жизни и прочее. Эти факторы связаны с особенностями региона получения образования, а также с характеристиками абитуриентов. Уточнены и проанализированы факторы выбора абитуриентами региона обучения и вуза в регионе, а также проанализирована трансформация этих факторов во времени. Существуют несколько групп факторов выбора региона и вуза в регионе, а также выбора образовательной программы в вузе, которые можно выделить исходя из модели образовательной миграции (горизонтальной или вертикальной), мотивов (паттернов) выбора и уровня подготовки абитуриентов. Предложены рекомендации для университета в регионе, не являющемся образовательным «магнитом», которые связаны с пересмотром стратегий продвижения в зависимости от выявленных факторов и особенностей абитуриентов.

Ключевые слова: региональный человеческий капитал, высшее образование, региональные университеты, факторы выбора вуза, характеристики абитуриентов, продвижение вуза

Цитирование: Лысенко Е. А. Трансформация факторов выбора вуза и характеристик абитуриентов: региональный аспект. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2026. Т. 11. № 3. С. 434–447. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-434-447>

Поступила в редакцию 28.01.2026. Принята после рецензирования 11.05.2026. Принята в печать 11.05.2026.

original article

Shifting University Choice Factors and Applicant Profiles: A Regional Perspective

Elena A. Lysenko

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 6959-7364

<https://orcid.org/0000-0001-9842-6031>

lysenko.elena@bk.ru

Abstract: Academic migration poses a threat to regional higher education systems, negatively affecting local human capital in the long term. This article examines how the factors influencing university-choice decision-making change over time. Siberia and the Russian Far East suffer from an outflow of youth seeking higher education options elsewhere. Interregional academic migration is driven by an uneven distribution of higher

education institutions across the country and specific local education policies. Young people leave their home regions to overcome socio-educational inequality by gaining access to higher-quality educational programs and the superior infrastructure of larger universities. Ultimately, they seek better career opportunities to improve their quality of life. These factors depend on both regional specificities and applicants' performance. The article introduces a diachronic classification of factors underlying the choice of region and university. These factors are grouped by the model of educational migration (horizontal or vertical), patterns of choice, and the academic achievement levels of applicants. Finally, the author proposes a set of recommendations for a university located in an unpopular region on how to revise its promotional strategies based on target applicant profiles. These include expanding geographical outreach and leveraging "soft power" through highly specific applicant profiling, as opposed to targeting broad segments of potential applicants.

Keywords: regional human capital, higher education, regional universities, university-choice factors, profiles of applicants, university promotion

Citation: Lysenko E. A. Shifting University Choice Factors and Applicant Profiles: A Regional Perspective. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(3): 434–447. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-434-447>

Received 28 Jan 2026. Accepted after review 11 May 2026. Accepted for publication 11 May 2026.

Введение

Для многих регионов Российской Федерации, преимущественно восточных, до сих пор остро стоит проблема оттока молодежи как основы формирования регионального человеческого капитала (человеческого капитала региона). Так, в Кемеровской области – Кузбассе отмечается высокая миграционная убыль молодых людей, особенно в рамках межрегиональной миграции (например, на 1 января 2023 г. убыль составила 2157 человек¹), что отражается на абсолютной численности молодого населения 14–36 лет: в 2023 г. она составляла 667 тыс. человек, а в 2024 г. – 665 тыс. человек². Если рассматривать миграцию с образовательными целями, то, например, отток выпускников школ г. Кемерово (одной из крупнейших агломераций в Кузбассе) за 2023 г. составил 45,4 %³. Высокий показатель в этом городе сохраняется начиная с 2018 г. с незначительными отклонениями. Региональный человеческий капитал признается в современных условиях одним из важнейших источников долгосрочного экономического роста. Региональный человеческий капитал может рассматриваться как совокупность человеческих ресурсов, сконцентрированных на определенной территории. К характеристикам этой совокупности

относятся определенный уровень способностей, знаний, навыков, важных в профессиональной деятельности, а также определенный уровень состояния здоровья, уровень культуры, что должно обеспечивать эффективное использование человеческого капитала для развития региона.

Профессиональные навыки и накопленные знания формируются в системах образования региона, в том числе высшего. Именно в системе регионального высшего образования «создаются» высококвалифицированные кадровые ресурсы, что обусловлено ролью высшего образования как некоей инвестиции в региональный человеческий капитал. Некоторые [1–3] связывают запрос на высококвалифицированные кадры в субъектах РФ с увеличением валовой добавленной стоимости в соответствующих отраслях. Однако в последние годы региональные системы высшего образования испытывают трудности, связанные с оттоком молодежи (в рамках треков *школа – вуз*, или *вуз – рынок труда*), с дифференциацией регионов в зависимости от востребованности тех или иных университетов выпускниками школ, с конкуренцией между университетами (как вертикальной – между региональными и столичными⁴

¹ Численность молодежи Кузбасса на 1 января 2023 г. *Кемеровостат*. URL: https://42.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Численность%20молодежи%20Кузбасса_2023%20ред.pdf (дата обращения: 10.01.2026).

² Численность молодежи Кузбасса на 1 января 2024 г. *Кемеровостат*. URL: [https://42.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/День%20молодежи\(12\).pdf](https://42.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/День%20молодежи(12).pdf) (дата обращения: 10.01.2026).

³ Об анализе поступления выпускников общеобразовательных учреждений города Кемерово в высшие и средне-специальные учебные заведения в 2023 году. *Управление образования Администрации города Кемерово*. URL: https://kem-edu.ucoz.ru/GIA/2023/spravka_po_itogam_postuplenija_vypusnikov_v_vuzy.pdf (дата обращения: 10.01.2026).

⁴ Понятие *столичный* – условное: речь идет об университетах, расположенных в Москве и Санкт-Петербурге как основных центрах притяжения для абитуриентов, получающих высшее образование.

вузами, так и горизонтальной – между вузами внутри региона), с ростом популярности среднего профессионального образования. Все эти трудности обусловлены как особенностями регионов, так и особенностями государственной политики в сфере образования. Например, правила приема, в которые ежегодно вносятся изменения, обуславливают сдвиги в поведении абитуриентов и моделях образовательной миграции, что сказывается на количественных и качественных аспектах приема в региональные вузы. Программы государственной поддержки региональных университетов также влияют на количество и качество приема в ряд региональных образовательных организаций высшего образования (например, через изменение правил участия в таких программах или через увеличение контрольных цифр приема, ограничение платного приема и пр.).

Таким образом, очень важным является выявление и анализ факторов, мотивов и паттернов абитуриентов региональных вузов, принадлежащих к разным группам с учетом неравномерности их территориального размещения, особенностей регионов, а также выявление и анализ некоторых характеристик абитуриентов, важных для поступления и выбора региона и вуза в нем. Также важно постоянно проводить мониторинг изменений, происходящих в этой сфере, т.к. факторы выбора региона и вуза и характеристики абитуриентов подвержены влиянию как институциональных, так и других сдвигов.

Цель – выделить основные факторы выбора региона и вуза в нем абитуриентами, а также выявить особенности трансформации этих факторов во времени. Задачи: обоснование роли высшего образования в формировании регионального человеческого капитала; описание и анализ факторов выбора абитуриентами региона обучения и вуза в регионе; выделение групп факторов в зависимости от характеристик абитуриентов и моделей образовательной миграции; изучение трансформации факторов выбора и формулирование перспектив и дальнейших рекомендаций не только для приемных кампаний региональных университетов, но и для региональных вузов.

Актуальность исследования обусловлена остротой проблемы оттока молодежи (прежде всего абитуриентов региональных университетов, не являющихся образовательными «магнитами»), значимостью системы высшего образования в формировании

и развитии регионального человеческого капитала, необходимостью получения данных для разработки направлений и элементов стратегии развития и продвижения региональных университетов.

Существующие по данной теме публикации в основном касаются проблем выбора абитуриентами вуза в рамках конкретного региона [4; 5], вопросов образовательной миграции [6–12], организации и планирования высшего образования [13]. Много работ посвящено исследованию понятий человеческого [14; 15] и регионального человеческого [16–21] капитала, а также вкладу высшего образования в социально-экономическое развитие региона [22; 23]. В данной статье рассматриваются факторы выбора вуза абитуриентами в контексте формирования человеческого капитала региона путем сопоставления результатов исследований (как авторских, так и проведенных другими учеными).

Методы и материалы

Проведен анализ публикаций по теме особенностей и факторов выбора абитуриентами региона и вуза в нем, а также по теме значимости данного процесса в долгосрочной перспективе для формирования регионального человеческого капитала. Эмпирические данные были получены на основе анализа результатов:

- исследования исходящих⁵ потоков абитуриентов очной формы бакалавриата и специалитета укрупненной группы специальностей (УГС) «Экономика и управление» Кемеровского государственного университета (КемГУ) за 2019–2022 гг. с использованием глубинного сплошного полустандартизированного интервью (n = 1114);
- исследования потока абитуриентов из других регионов, поступивших в КемГУ на очную форму обучения по направлениям бакалавриата и специалитета в 2019–2022 гг., с использованием выборочного глубинного интервью (n = 45).

Для сопоставления результатов, выявления общих тенденций, анализа трансформации факторов выбора региона и вуза в нем, а также характеристик абитуриентов рассмотрены результаты исследований, проведенных совместно группой компаний IPR Media и специализированным консалтинговым агентством «Университеты и маркетинг» («Результаты опроса студентов первого курса

⁵ Имеются в виду абитуриенты, подавшие заявления, но не выбравшие в качестве места обучения исследуемый вуз.

образовательных программ бакалавриата и специалитета университетов России», 2025 г., n = 4005; «Результаты опроса первокурсников бакалавриата и специалитета», 2023 г., n = 4239; «Факторы и паттерны выбора абитуриентов», 2024–2025 гг., n = 4850⁶; рейтинговой группой RAEX в 2022 г.⁷; EdTech-компанией «ПОВУЗАМ» (портфельный проект Гильдии «Рубежи науки») в 2025 г.⁸; выставкой вузов и колледжей «Навигатор поступления» в 2025 г.⁹

Результаты

Региональный человеческий капитал – один из важнейших источников долгосрочного экономического роста [20]. Существует достаточно много подходов к определению понятия *региональный человеческий капитал* (исходящих из разных трактовок человеческого капитала в целом), однако одним из наиболее полных, на наш взгляд, является следующее: человеческий капитал региона определяется как совокупность сосредоточенных на территории человеческих ресурсов, которые обладают накопленными знаниями, способностями, профессиональными навыками, состоянием здоровья, уровнем культуры. Помимо этого, характеристики регионального человеческого капитала формируются как путем индивидуальных инвестиций, вложений домохозяйств, так и посредством инвестиций в развитие человека со стороны общественных институтов, работодателей и т.д. Свойства и характеристики человеческого капитала должны эффективно использоваться для развития региона и улучшать качество жизни населения [1–4; 18–21].

Таким образом, важнейшие характеристики регионального человеческого капитала – накопленные знания и профессиональные навыки – формируются в системах образования региона. Под *системой высшего образования региона* автор понимает совокупность как образовательных, так и научно-исследовательских учреждений, которые расположены на территории конкретного региона и осуществляют подготовку высококвалифицированных кадров и научно-исследовательскую работу. Система высшего образования региона характеризуется определенной структурой, функциями, степенью взаимодействия с регионом. Данная система

представляет собой основу для формирования высококвалифицированных кадровых ресурсов, в которые трансформируются человеческие ресурсы, обладающие необходимыми характеристиками. То есть система высшего образования – это основа для развития человеческого капитала региона. Также она может рассматриваться как вложение (инвестиции) в человеческий капитал [18, с. 191; 22; 23]. Однако для части регионов России характерна ситуация оттока молодежи, в том числе той ее части, которая готова продолжать обучение в вузах и способна стать основой человеческого капитала региона, обеспечивающей наибольшую эффективность его развития.

Отток молодежи с образовательными целями из регионов Сибири и Дальнего Востока связан в основном с получением высшего образования. В связи с этим регионы в краткосрочной перспективе лишаются сильных и мотивированных обучающихся, а в долгосрочной – части высококвалифицированных кадров. Межрегиональной образовательной миграции способствуют как неравномерность распределения высших учебных заведений по территории РФ, так и особенности образовательной политики [24; 25]. Добровольность перемещения молодежи между регионами для получения образования обусловлена попытками преодоления социального образовательного неравенства (получение доступа к более качественному образованию, инфраструктуре крупных селективных вузов) и дальнейшими карьерными, профессиональными возможностями и повышением качества жизни [11; 26]. Существуют и другие факторы, влияющие на выбор региона и вуза в нем для получения высшего образования, которые имеют региональную дифференциацию, а также отличаются в зависимости от характеристик абитуриентов.

Для формирования и поддержания регионального человеческого капитала, который эффективно будет участвовать в развитии региона, важны характеристики не абитуриентов, а выпускников вузов. Однако создание так называемой *цепочки ценности* выпускника, формирующей его количественные и качественные характеристики (определенный

⁶ Факторы и паттерны выбора абитуриента 2024: результаты исследования. *Университеты и маркетинг*. 05.05.2025. URL: <https://univermark.ru/blog/hmk17fj11-faktori-i-patterni-vibora-abiturienta-20> (дата обращения: 10.10.2025).

⁷ Как абитуриенты выбирают, куда поступать. *Rating Review*. 04.07.2022. URL: https://raex-rr.com/education/russian_universities/top-100_universities/2022/analytics/university_choise_2022/ (дата обращения: 15.11.2025).

⁸ Сычев И. Школьники выбрали ТОП-5 регионов для поступления в вуз. *Наука Mail*. 24.06.2025. URL: <https://science.mail.ru/articles/4033-top-5-regionov-dlya-postupleniya-v-vuz/> (дата обращения: 01.11.2025).

⁹ Лучшие вузы в регионах: куда поступать кроме Москвы. *Навигатор поступления*. URL: <https://propostuplenie.ru/article/ne-tolko-moskva-i-peterburg-luchshiye-vuzy-v-regionakh> (дата обращения: 20.11.2025).

уровень компетенций, профессиональные качества и пр.), подразумевает следующие ключевые блоки:

- *вход* (все аспекты, связанные с поступлением в вуз – факторы и мотивы выбора вуза, «качество» абитуриента, параметры спроса, особенности локальных систем образования и пр.);
- *уровень вуза* (статус, ресурсы вуза, репутация вуза и региона, коллаборации с работодателями);
- *выход* (характеристики трудоустройства выпускников, уровень заработной платы, характеристики компетенций выпускников, репутация выпускников и пр.).

В данной статье автор делает акцент именно на *входе*: от того, кто именно и с какой мотивацией придет в региональный вуз, будет зависеть реализация блоков *уровень вуза* и *выход*. Существуют и объективные причины (демографические особенности, региональная емкость контингента и т.д.), но университет может частично управлять процессом *входа*, используя данные о факторах, влияющих на выбор вуза, и предпринимать ряд управленческих действий, чтобы качество и количество приема улучшилось. Вуз стремится удерживать в регионе абитуриентов с более высокими баллами. В поступлении и выпуске, помимо первичных потребителей – потенциальных обучающихся, заинтересованы и родители абитуриентов, государство как «заказчик» (интерес – человеческий капитал), а также работодатели (интерес – квалифицированные кадры). Из-за разных целей возможных стейкхолдеров вуз, со своей стороны, обязан соблюдать баланс интересов всех сторон. Обеспечивая и повышая качество приема, вуз подтверждает свою позицию как среди других вузов, так и в глазах государственных органов, контролирующих цифры и условия приема, а значит, гарантирует не только внутренний результат, но и внешний.

На основе анализа публикаций были разграничены понятия *мотивов* и *факторов* выбора. Под мотивами мы понимаем внутренние побуждения к действию, связанные с эмоциональными переживаниями и формирующие отношение к поступлению (например, самореализация, конформизм, статусность и т.д.). Факторы – это внешние и внутренние причины, или драйверы, влияющие на мотивацию и усиливающие ее (институциональные факторы, факторы, связанные с брендом вуза и условиями обучения и т.п.). В статье автор в большей степени затрагивает факторы выбора, которые, в свою очередь, могут подкрепляться мотивами.

Результаты исследования, проведенного в 2019–2022 гг. на базе КемГУ среди абитуриентов УГС «Экономика и управление» (которая была выбрана исходя из доступности данных и «мультиотраслевого» характера, а также равномерного распределения бюджетных и контрактных мест) показали, что основной характеристикой абитуриентов, важной для цели исследования, можно считать *размер баллов ЕГЭ*. Было выявлено две группы абитуриентов, соотношение которых примерно 30/70, в зависимости от этой характеристики (более 227 и до 227 баллов ЕГЭ соответственно). Граница групп – 227 баллов – была взята как значение, при котором одинакова вероятность как поступить, так и не поступить на бюджетное место. Кроме того, это количество баллов демонстрирует среднее значение 75+ баллов за один экзамен, что является для регионального вуза высоким результатом¹⁰.

Установлено, что большинство абитуриентов направлений подготовки «Экономика и управление», имеющих высокий балл (около 60 %), рассматривают вуз в регионе как *запасной вариант*, в отличие от абитуриентов с более низкими баллами. Можно предположить, что абитуриенты с более высокими баллами являются более мобильными. Достаточно четко эти группы дифференцированы по факторам выбора вуза. Например, группа высокобалльников опирается на гарантию поступления на бюджетные места и перспективы региона для дальнейшего трудоустройства. Также эта группа сильнее подвержена влиянию институциональных факторов (в частности, изменениям правил приема). Так, в 2021 г. отчетливо проявился тренд, который повторил общероссийский: часть абитуриентов с высокими баллами в целях снижения риска при поступлении предпочли остаться в регионе, где они могли с очень высокой вероятностью рассчитывать на бюджетные места. Внутри группа высокобалльников дифференцирована: около 10 % группы (ближе к нижней границе суммы баллов) не имели предпочтений по выбору вуза (и направления внутри вуза) – *лишь бы на бюджет*. Во второй группе, с суммой баллов до 227 (которая также может быть далее дифференцирована), в качестве основных факторов выбора вуза были названы расположение, репутация, наличие инфраструктуры, ценовая политика вуза.

География поступления абитуриентов, не выбравших КемГУ, на протяжении периода исследования менялась незначительно – это крупные города соседних (Новосибирская, Томская области и Красноярский край) и центральных регионов. Особенность

¹⁰ Мониторинг качества приема в вузы. НИУ ВШЭ. URL: <https://ege.hse.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

Кузбасса – близость к регионам, являющимися привлекательными для абитуриентов с точки зрения не только получения более качественного образования, но и дальнейших карьерных перспектив. Тем не менее факторы выбора региона разные, что также обусловлено особенностями каждого из них. Так, Новосибирск рассматривается абитуриентами в контексте использования не только инфраструктуры крупных вузов, но и повышения качества жизни (по словам абитуриентов: *крупный город, больше возможностей для трудоустройства; более развитый и комфортный*). Вузы Томска рассматриваются почти исключительно как место получения качественного образования, но не как место работы (это соотносится с «транзитным» характером региона [10]).

Университеты центральных регионов выбирают исходя из желания получить диплом более престижного, рейтингового вуза, востребованного работодателями, и в дальнейшем выстроить карьеру с более высокой, «премиальной» оплатой. То есть вузы центральных регионов выбираются с учетом будущих предпочтений, в отличие от крупных региональных рядом расположенных университетов, где абитуриенты в большей степени видят возможность более интересно и плодотворно провести именно годы учебы. Инфраструктура, комфорт, культурные преимущества крупного города также привлекают абитуриентов, выбирающих для поступления вузы центральных регионов (в случае, если они настроены не на селективные вузы).

География (выбор региона поступления) существенно отличается по группам (характеристике) абитуриентов. Так, традиционно абитуриенты с более высоким баллом выбирают крупные города в регионах, расположенных рядом: около 60 % – Красноярск и Новосибирск; около 20 % – Томск, остальная часть – Москву, Санкт-Петербург и от 1 до 5 человек каждый год – другие города (например, Екатеринбург, Калининград, Владивосток, Казань). Причем часть высокобалльников, не выбирающих КемГУ (в среднем за период исследования эта часть составляет около 15 %), готовы учиться платно в селективных вузах в центре, несмотря на гарантированное бюджетное место в региональном вузе. Также около 20 % высказывают следующее мнение: *если не пройду на бюджет в КемГУ, то буду учиться платно в селективном вузе*, т.е. они готовы остаться в регионе, но только за счет бюджета.

Учитывая горизонтальную конкуренцию (внутрирегиональную), было выявлено, что факторами выбора других вузов в регионе являются преимущественно индивидуальные, «точечные» причины –

наличие учебного военного центра, низкие входные барьеры (невысокие баллы для прохода на бюджет), опыт стейкхолдеров (*учились родители*). Отметим, что такой выбор характерен в большей степени для группы с более низкими баллами. Еще один аспект выбора абитуриентов (помимо региона и вуза) – образовательная программа. Для регионального вуза образовательная программа не является определяющим фактором, влияющим на выбор региона обучения: абитуриенты, не выбравшие КемГУ, сделали это не потому, что их привлекла уникальная программа в другом регионе. При выборе другого вуза внутри региона и программы внутри вуза этот фактор более значим.

Результаты, полученные при изучении входного потока – поступивших из других регионов в КемГУ, в целом подтвердили результаты исследования потока исходящего. Получены данные, которые показали, какие факторы выступают определяющими при выборе региона, не являющегося традиционно «магнитом» для получения высшего образования, что является важным для разработки дальнейшей стратегии продвижения вуза в других регионах, привлечения абитуриентов, не проживающих в Кузбассе. Это могло бы частично замещать уехавших в другие регионы для получения образования. Также выявлено несколько групп на основе поведения абитуриентов, которое определяется мотивами и факторами, т.е. балл ЕГЭ в данном случае не показал значительного влияния на выбор региона и вуза.

Доля поступивших из других регионов в КемГУ в среднем за год составила 6 %, соотношение бюджетного / платного набора – в среднем 80 % / 20 %; структура поступивших по полу: 53 % девушек и 47 % юношей. Регионы поступления можно разделить на три группы, исходя из вклада в общее количество приехавших (использован ABC-анализ):

I группа: Красноярский и Алтайский края, Республика Тыва (56,4 % поступивших).

II группа: Республика Хакасия, Новосибирская и Томская области, Республика Алтай (23,6 % поступивших).

III группа: Забайкальский и Краснодарский края (9 поступивших за 2019–2022 гг. соответственно), Омская (8) и Челябинская (5) области, Республика Саха (3). К этой группе относятся регионы с наименьшим количеством поступивших (20 %), и она является наиболее нестабильной. Так, Московская область попала в эту группу только в 2019 и 2023 гг. (всего 3 поступивших за 2019–2022 гг.). В связи с этим следует уточнить, что состав I и II групп не менялся на протяжении рассматриваемого периода.

По направлениям подготовки поступающие делятся на тех, кто выбрал: (1) Технологический институт пищевой промышленности и Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций; (2) Институт инженерных технологий, Юридический институт, Институт экономики и управления, Институт биологии, экологии и природных ресурсов, Институт истории и международных отношений, Социально-психологический институт; (3) Институт фундаментальных наук, Институт цифры, Медицинский институт и Факультет физической культуры и спорта. Среди факторов выбора того или иного института / факультета респонденты назвали, например: *Наличие уникальной программы подготовки* («Биотехнологии» в Технологическом институте пищевой промышленности, «Ветеринария» в Институте биологии, экологии и природных ресурсов); *Много бюджетных мест* (Институт экономики и управления, Институт фундаментальных наук, Институт истории и международных отношений); *Известные выпускники* (Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций).

Первичный выбор осуществлялся следующим образом: 76 % поступающих сначала выбрали регион, затем – вуз; 18 % поступающих сначала выбрали вуз, потом – регион; 6 % не смогли вспомнить очередность. Также выявлены факторы выбора региона (по всем регионам и направлениям подготовки): территориальная доступность (56 %); воспринимаемая привлекательность региона (зарплатные ожидания в будущем, комфорт проживания) (40 %); воспринимаемые перспективы дальнейшего обучения и карьеры (33 %); наличие родственников, диаспоры, друзей (комфорт, поддержка группы) (25 %).

Можно считать одним из главных мотивов выбора региона *безопасность и комфорт* (фактор воспринимаемой привлекательности региона, наличие родственников, диаспоры и друзей, территориальная доступность). Это связано в большей степени не с институциональными (условия жизни), а с индивидуальными характеристиками абитуриентов.

Среди факторов выбора вуза отмечаются воспринимаемая репутация (ведущий вуз в регионе, статусность); легкость поступления (много бюджетных мест); большой выбор перспективных образовательных программ (ближайший вуз, где есть такая программа); инфраструктура вуза и города / региона (комфортно учиться и жить); активная студенческая жизнь; перспективы трудоустройства (много работодателей); позиционирование вуза (понравилось описание); поддержка во время учебы (учатся родственники / друзья / знакомые).

В группе абитуриентов, приехавших из регионов, имеющих развитые системы высшего образования и являющихся либо образовательными «магнитами», либо транзитными регионами (около 45 % абитуриентов – приехавших из Новосибирской и Томской областей, Красноярского и Алтайского края), преобладающими факторами выбора именно Кемеровской области в качестве места обучения явились воспринимаемая легкость поступления (более низкие баллы по сравнению с домашним регионом, больше бюджетных мест), территориальная доступность, наличие уникальных программ подготовки. Для регионов с менее развитыми системами высшего образования (около 20 % абитуриентов – приехавших из Тывы, Хакасии, с Алтая) в качестве основных факторов выбора названы улучшение качества жизни и возможности профессионального развития. Личные причины в качестве основного фактора выбора доминировали для поступивших из Московской, Омской, Челябинской областей и Краснодарского края.

Также выявлены различия по факторам выбора региона и вуза в зависимости от принадлежности обучающихся к бюджетной или платной категории студентов. В первом случае преобладали институциональные факторы (условия жизни в регионе), низкие входные барьеры, наличие уникальных направлений подготовки; во втором – ценовая политика вуза, личные причины (например, наличие родственников или диаспоры).

Исследования, проводимые совместно группой компаний IPR Media и специализированным консалтинговым агентством «Университеты и маркетинг» в 2023–2025 гг., являются, на наш взгляд, наиболее масштабными и независимыми. Они проводились во всех регионах РФ среди студентов 1 курса всех направлений подготовки (очная форма, бакалавриат и специалитет). Подтверждается, что основной характеристикой абитуриентов является средний / суммарный балл ЕГЭ. Также выявлена дифференциация по поведению абитуриента при выборе региона и вуза / образовательной программы в нем (описаны модели образовательной миграции). В целом результаты исследований по России согласуются с проведенными исследованиями для конкретного региона и вуза в контексте факторов выбора (или отказа от выбора), однако существует значительное расхождение между абитуриентами из некрупных регионов, центра и крупных городов. Это подтверждает тезис о том, что перетекание осуществляется как вертикально (между провинцией и центром), так и горизонтально (между соседними регионами и вузами внутри региона),

и при разработке стратегических направлений продвижения университета и региональной политики в сфере образования необходимо учитывать различия в факторах, влияющих на выбор абитуриента.

Выделяется два основных типа моделей образовательной миграции, которые далее раскладываются на виды: 1) абитуриент выбирает для обучения регион, в котором не проживал ранее (столичный или нестоличный); 2) абитуриент выбирает для обучения домашний регион (также рассматриваются столичные и нестоличные регионы).

Внутри каждой модели существует дифференциация по различным основаниям, которая обусловлена поведением абитуриента при выборе региона или вуза, а также на последующих этапах (так называемая *обратная воронка*, когда речь идет о принятии решения абитуриентом уже после выбора). Это должно учитываться при разработке стратегий продвижения для разных групп абитуриентов. Отмечается, что практически невозможно описать для каждого региона / вуза типичные поведенческие модели абитуриента (это может и должен делать сам вуз). Это связано и с институциональными факторами (изменения в правилах приема), которые вызывают сдвиги в поведении абитуриентов и факторах выбора, и с особенностями каждого региона и вуза, которые также трансформируются под влиянием внутренних и внешних факторов.

Опишем ключевые изменения, произошедшие за 2023–2025 гг. Так, на протяжении всего периода исследований сохраняется тренд по количеству выбранных вузов для поступления, не зависящий от географии проживания респондентов. Чаще всего выбирают либо один вуз, либо пять (максимальное количество возможных). В первом случае это делают либо абитуриенты, остающиеся в домашнем регионе, либо абитуриенты, стремящиеся поступить в «вуз мечты» и не предполагающие для себя альтернативы. Пять вузов выбирают абитуриенты с первым типом модели образовательной миграции, и большинство из них стремится диверсифицировать выбор и снизить риски, а также пролонгировать принятие решения на этапе после подачи заявлений.

Интересна географическая структура выбора респондентов, которая также незначительно трансформируется со временем. Например, абитуриенты из удаленных регионов реже выбирают Москву и Санкт-Петербург в качестве места обучения: снижение происходит ежегодно на 2–4 п.п. Однако сохраняется и даже увеличивается горизонтальная образовательная миграция (соседние регионы). Так, около 40 % абитуриентов в среднем ежегодно выбирают университеты, расположенные в одном

регионе (причем это не обязательно домашний регион); около 30 % – университеты из разных регионов, включая столичные, и около 15 % – университеты в разных регионах, исключая столичные.

Гипотеза исследования: студенты, которые поступили в столичные университеты, большей частью относятся ко II группе (столичные университеты, но для страховки и ряд региональных университетов), что может говорить о силе выталкивающих факторов – абитуриенты этой группы стремятся уехать из домашнего региона и готовы снизить уровень требований к университету, лишь бы учиться в центре. Это также коррелирует с результатами исследований в региональных университетах, в частности в КемГУ. Для таких абитуриентов нужны очень веские основания, чтобы остаться в домашнем регионе.

Вместе с тем выявлены очень устойчивые во времени паттерны поведения абитуриентов, которые выбирают нестоличные и менее селективные вузы, однако также стремятся уехать из домашнего региона. Здесь действуют факторы, связанные с горизонтальной миграцией и обусловленные существованием сильных брендов региональных университетов, которые притягивают абитуриентов из других регионов. При этом не выявлено зависимости этих паттернов от географической структуры выборки, т. е. для абитуриентов из регионов «магнитами» могут служить разные региональные университеты. В процессе исследований подтверждается и гипотеза о группе абитуриентов (примерно половина всех респондентов, оставшихся в конце концов в домашнем регионе) с паттерном *буду учиться дома, если не поступлю в столицу*. Этот паттерн (а также фактор выбора домашнего региона как запасного варианта) также мало изменяется во времени и является устойчивым.

Абитуриент проходит несколько этапов на пути к поступлению, и выбор региона и вуза в регионе, а также образовательной программы внутри вуза может происходить на самых разных этапах. Например, в среднем ежегодно за рассматриваемый период чуть больше 40 % респондентов выбирали между университетами после подачи заявлений, примерно столько же – между программами в одном университете, и около 15–20 % – между регионами. Наблюдается ежегодное увеличение доли респондентов, для которых важен выбор региона на этапе «сделки» (подача оригинала, заключение договора на обучение), в среднем на 5 %. Это может быть связано с трендом на усиление роли не только бренда конкретного университета, но и территории именно на этапе «сделки». Как следствие, фактор выбора рассматривается не только на этапе до подачи

заявления, но и после. Данный тезис является важным для принятия решений на уровне региона об изменении стратегии позиционирования, а также на уровне вуза об усилении коммуникаций с абитуриентами уже после поданного заявления.

В отличие от исследований на уровне конкретного регионального вуза, общероссийское исследование показало значимость образовательной программы как фактора выбора для определенной категории абитуриентов. Для абитуриентов, которые предпочитают учиться в домашнем регионе и подают заявление в один вуз, характерен выбор между программами, а для сегмента абитуриентов, рассматривающих для себя образовательную миграцию, – между университетами, в которые они проходят на нужную программу. Регион как объект выбора характерен для обоих сегментов абитуриентов, упомянутых ранее, однако для сегмента абитуриентов, выбирающих один вуз в домашнем регионе, желание остаться в регионе является первичным мотивом; для сегмента абитуриентов, подавших заявление в вузы разных регионов, выбор региона является важным фактором наряду с выбором университета. Отмечено, что изменилось влияние фактора выбора города обучения для респондентов, подававших заявления в один и пять университетов: для поступающих в один приоритетный университет значимость фактора города возрастает (ежегодный рост составляет 7–10 %, т.е. работает мотив комфорта обучения в родном городе), а для респондентов, подававших заявления в пять вузов, наоборот, снижается (около 5 % ежегодно).

Важно уточнить, что баллы ЕГЭ в данных исследованиях не являются значимой характеристикой. Однако в исследовании «Факторы и паттерны выбора абитуриентов» за 2025 г. выявлена некоторая зависимость предпочитаемой модели образовательной миграции от уровня подготовки абитуриента (суммарных баллов ЕГЭ). Так, абитуриенты с более низкими баллами (до 200 баллов ЕГЭ суммарно) демонстрируют более низкую мобильность: больше половины из них (53 %) выбирают домашний нестоличный регион и около 38 % – нестоличный, не являющийся регионом проживания (недомашний). Абитуриенты с чуть более высокими баллами (от 200 до 250 баллов ЕГЭ суммарно (для большинства регионов эти баллы являются очень высокими)) выбирают чаще всего домашний нестоличный регион (42 %), а 38 % – нестоличный, не являющийся регионом проживания. Указанное также подтверждает гипотезу о растущей силе брендов региональных вузов. Абитуриенты с самыми высокими баллами (в общероссийском разрезе) – самая

мобильная группа, именно они привержены модели вертикальной миграции и, например, выбирают столичные вузы почти в 2 раза чаще (около 20 %), чем представители двух предыдущих групп. Также в этой группе выше доля абитуриентов, выбирающих нестоличные недомашние вузы. Следует отметить, что группы абитуриентов от 250 до 290 баллов и выше более сбалансированы внутри, т.е. разрыв в долях абитуриентов между выбираемыми моделями образовательной миграции меньше. Возможно, это связано с большей рациональностью при выборе или с тем, что абитуриенты с более высокими баллами в конечном итоге, не поступив в желаемые высокоселективные вузы, выбирают университеты крупных регионов или остаются в домашнем, не пытаясь «штурмовать» столицы.

Если говорить о факторах выбора региона и вуза / образовательной программы, то в российском разрезе более сильные абитуриенты (с баллами более 250) чувствительны к таким факторам, как перспективы трудоустройства и возможности для развлечений и самореализации, инновационность среды, размер, динамика развития и красота города. Респонденты со средним уровнем входной подготовки (с баллами 200–250) более чувствительны к институциональным факторам (условия проживания, привлекательность и комфорт города). Абитуриенты с более низкими баллами (до 200) чаще выбирают регион / город, потому что в нем живут родственники, друзья и знакомые.

Кроме того, в приведенных исследованиях выявлены внешние и внутренние факторы, под воздействием которых абитуриенты отказываются от того или иного вуза. Также прослеживается связь с поведением абитуриентов в разрезе типов образовательной миграции и уровня входной подготовки. В контексте статьи важно было проанализировать региональный аспект, т.е. количественно оценить степень влияния факторов, связанных с выбором региона / города. Выяснилось, что для всех моделей образовательной миграции и абитуриентов с разным уровнем подготовки на первом месте находится фактор *поступил в другой вуз по приоритету* (объективная причина отказа), на втором – *не смог / боялся не пройти по баллам*, на третьем – *неудобное расположение* (город, транспортная доступность). Если сравнивать доли абитуриентов в каждой группе по моделям образовательной миграции и уровню подготовки, то более чувствительны к территориальному фактору высокобалльники и те, кто остается учиться в столичном регионе и ранее здесь же и жил. После них идут абитуриенты со средними баллами и те, кто остался в домашнем регионе.

Заключение

Региональный человеческий капитал формируется в том числе за счет высококвалифицированных выпускников региональных вузов. Чтобы на *выходе* получить (или сохранить) высокий уровень качественных и количественных характеристик выпускников, необходимо предпринимать определенные усилия как внутри системы образования (и конкретного вуза), так и на *входе*, при приеме на обучение. Ситуация для ряда региональных университетов осложняется продолжающимся оттоком абитуриентов, что создает потенциальную угрозу на этапе приема в вуз и в долгосрочной перспективе – угрозу для формирования регионального человеческого капитала. Поэтому важным является изучение факторов выбора абитуриентами региона и вуза и связи между характеристиками поступающих и этими факторами. Это необходимо для выбора стратегических приоритетов для конкретного региона в сфере образования, а также выбора соответствующих направлений развития и продвижения на уровне вуза. Факторы в целом можно разделить на внешние и внутренние, выделив те, которыми вуз управляет частично или полностью, и те, которые вуз должен учитывать в своей деятельности. Также важным является рассмотрение изменений этих факторов во времени.

Анализ результатов проведенных исследований (как на уровне отдельных регионов, так и в общероссийском разрезе) показал, что основными характеристиками абитуриентов являются уровень подготовки (суммарный или средний балл ЕГЭ), а также поведенческие установки, связанные с выбором модели образовательной миграции. В свою очередь, модели образовательной миграции можно рассматривать с двух позиций – когда абитуриент остается в домашнем регионе (причем это может быть как столичный, так и нестоличный регион) и когда абитуриент меняет регион (выбирая при этом столичный или нестоличный).

Существует как вертикальная, так и горизонтальная конкуренция университетов. Это влияет на формирование моделей образовательной миграции (можно выделить как вертикальную миграцию – *регион – центр*, так и горизонтальную (между регионами или вузами внутри региона)). Внутри этих моделей может происходить дальнейшее расщепление: так, при горизонтальной миграции у абитуриента появляется выбор между регионами «магнитами», крупными федеральными вузами или между регионами, не являющимися «магнитами», и факторы выбора здесь будут различны. Кроме того, есть смешанная модель образовательной

миграции – когда абитуриент выбирает и вуз домашнего региона, и вузы соседних регионов (чаще крупных), и столичные вузы.

По уровню подготовки абитуриентов, выражающемуся в баллах ЕГЭ (а также баллах внутренних вступительных испытаний, что в использованных в работе исследованиях являлось равноценным), были выделены несколько групп абитуриентов, причем по количеству баллов существует серьезное расхождение между уровнем региона и общероссийским уровнем. Так, для региона, не являющегося «магнитом», высокими считаются баллы около 220–230, тогда как на общероссийском уровне это баллы средние (высокими считаются баллы от 250 и выше). Тем не менее высокобалльники и в разрезе региона, и в общероссийском разрезе продемонстрировали схожие паттерны поведения, и для них были выделены практически одни и те же факторы выбора региона и вуза. Эта группа абитуриентов более мобильна, и для того, чтобы остаться в домашнем регионе, им нужны очень веские основания.

Процесс выбора происходит не только на этапе подачи заявления, но и после. На этапе подачи заявления речь скорее идет об отборе подходящих регионов, вузов и образовательных программ и уже далее абитуриент делает окончательный выбор среди более ограниченного числа позиций. Поэтому в дальнейшем необходимо рассматривать факторы выбора и паттерны поведения отдельно на разных этапах и делать это более углубленно.

На данный момент невозможно выделить группы факторов выбора и характеристики абитуриентов, универсальные для каждого университета, из-за большого разброса условий в конкретном регионе и вузе. Однако в рамках работы автор выделил следующие факторы выбора региона и вуза, а также некоторые поведенческие установки, соответствующие разным моделям образовательной миграции и уровню подготовки абитуриентов:

1. *Объективные факторы*: географическое расположение, территориальная доступность или близость к месту проживания абитуриента. К этим факторам в большей степени чувствительны абитуриенты со средними и высокими баллами, а также те, кто проживает в крупных или столичных регионах и остается учиться там же.

2. *Институциональные факторы*: условия жизни в регионе, элементы государственной политики – например, смена правил приема, участие вуза в программах поддержки, попадание университета в рейтинги; возможности трудоустройства и состояние локального рынка труда, инновационная среда,

комфорт места проживания и пр. Чувствительность к этим факторам различна по отношению к региону и конкретному университету. В целом наиболее значимыми эти факторы являются для тех, кто привержен первой модели миграции (вертикальная модель, регион – центр) или при смешанной модели (когда в первичном списке абитуриента присутствуют и вузы домашнего региона, и федеральных центров, и столичные). Как правило, к ним относятся абитуриенты со средним и высоким уровнем подготовки (это самая многочисленная когорта).

3. *Факторы, связанные с брендом университета и средой обучения, воспринимаемым уровнем качества образования* и т.д. Наиболее восприимчивы к этим факторам те, кто рассматривал как региональные, так и столичные университеты (смешанная модель образовательной миграции), и абитуриенты с более высоким баллом.

4. *Субъективные факторы* (связанные с абитуриентом). В исследованиях не была изучена корреляция между доходами семьи и факторами выбора, однако в числе факторов выбора того или иного региона и вуза фигурировали личные причины, по которым абитуриент осуществлял выбор. Как правило, это абитуриенты со средним и ниже среднего уровнем подготовки, которые чаще всего не претендуют на бюджетное место. Для них определяющими факторами является наличие родственников, друзей или диаспоры, а также преемственность (*учились родители, родственники, друзья*); это абитуриенты преимущественно с горизонтальной моделью миграции – те, кто чаще всего остается учиться в домашнем регионе.

На этапе отбора позиций чаще сначала выбирается регион и вуз, на этапе *сделка* (после подачи заявления) первичным объектом выбора является вуз и образовательная программа. Однако это может быть дифференцировано в зависимости от модели образовательной миграции и уровня подготовки. Например, образовательная программа чаще является первичным объектом выбора после подачи заявления для тех абитуриентов, которые подавали заявление только в один университет (преимущественно в домашнем регионе). Университет чаще является первичным объектом выбора на этапе *сделка* для тех абитуриентов, которые подавали заявления в пять вузов (чаще расположены за пределами региона проживания студента). Для сегмента абитуриентов, которые предпочитают учиться в домашнем регионе и подают заявление в один вуз, характерен выбор между программами, а для сегмента абитуриентов, рассматривающих образовательную миграцию, – между университетами, в которые они

проходят на нужную программу. Регион как объект выбора более актуален для тех абитуриентов, которые учатся в региональном вузе за пределами региона своего проживания (горизонтальная миграция).

Абитуриенты с наиболее низкими баллами, хотя и являются менее мобильной категорией, необязательно выбирают только домашний регион (но большинство придерживается именно этой поведенческой установки). Для них характерно поступление именно в тот вуз, который они для себя считают приоритетным, что скорее обусловлено более рациональным выбором и низкими возможностями выбора для такой категории. Эта категория абитуриентов менее чувствительна к фактору наличия и качества образовательной программы, а также к рейтингам и брендам вузов (т.е. они готовы поменять программу, но согласны учиться только в выбранном вузе). Можно предположить, что именно вуз является для такой категории абитуриентов первичным объектом выбора – не регион и не образовательная программа.

Абитуриенты со средним уровнем подготовки наиболее чувствительны к факторам комфорта проживания (сюда относятся и безопасность, и комфорт в регионе и городе, а также на уровне вуза). Абитуриенты с наиболее высокими баллами чувствительны к фактору наличия и качества образовательной программы, брендам вузов, а также к возможностям дальнейшего карьерного развития в регионе и городе. Также такие абитуриенты более требовательны к своему образовательному опыту – условиям обучения, инфраструктуре и пр. Эта категория абитуриентов является не только наиболее мобильной, но и готовой рисковать. Вуз домашнего региона для них чаще выступает как запасной вариант (и в ряде случаев единственный запасной вариант).

Трансформация факторов выбора региона и университета в регионе происходит в следующих направлениях:

1. Снижается значимость брендов столичных университетов в пользу крупных региональных (абитуриенты из отдаленных регионов реже за последние четыре года стали выбирать селективные столичные вузы). Это может быть связано как с экономическими причинами, так и с институциональными (изменение правил приема, политика выделения контрольных цифр и пр.). Тем не менее угроза оттока абитуриентов из регионов, не имеющих селективных вузов, сохраняется.

2. При этом для определенной категории абитуриентов (как правило, с более высокими и выше среднего баллами) снижается значимость фактора селективности вуза, уровня качества и наличия

образовательной программы, но усиливается значимость его расположения и перспективности региона и города для дальнейшего карьерного роста. Указанное свидетельствует о том, что доля таких абитуриентов будет расти (действует паттерн *уехать из домашнего региона, неважно в какой вуз*), что также является потенциальной угрозой для сохранения человеческого капитала части регионов.

3. Возрастает влияние факторов дифференциации (выделение из ряда конкурентов) для университетов и образовательных программ (характерно для всех категорий абитуриентов).

4. Фактор «низких барьеров» для *входа* (наличие большого количества бюджетных мест, низкий проходной балл, высокие баллы за индивидуальные достижения) становится более значимым, но только для абитуриентов со средним и низким уровнем подготовки. С одной стороны, это позволяет сохранить определенную часть выпускников школ в регионе, но с другой – способно потенциально негативно сказаться на качестве подготовки обучающихся и в долгосрочном периоде снизить уровень подготовки выпускников вуза и их конкурентоспособность.

В связи с трансформацией факторов меняются и характеристики абитуриентов, связанные с поведенческими установками и приверженностью к модели образовательной миграции. Изменения обусловлены теми факторами, к которым чувствительны определенные категории абитуриентов.

Автор предлагает рекомендации для университета в регионе, не являющемся образовательным «магнитом»:

- на уровне вуза: пересмотр стратегии привлечения абитуриентов (разработка разного типа стратегий в зависимости от выявленных факторов и характеристик абитуриентов для конкретного университета; составление портретов абитуриентов вместо сегментов, что наиболее релевантно из-за множественности характеристик и особенностей поведения); расширение географии продвижения; активное

взаимодействие с абитуриентами не только на этапе отбора, но и на этапе после подачи заявления; использование преимуществ региона для продвижения; работа с диаспорами; использование инструментов мягкой силы – вовлекающих мероприятий, медийной активности – параллельно с элементами маркетинга (например, воронки продаж);

- на уровне региона: развитие бренда региона; программы работы не только с талантливыми школьниками (именно они и являются основой оттока), но и с талантливыми студентами (стипендии и льготы высокобалльникам и т.д.); программы стажировок для студентов в сотрудничестве с ключевыми работодателями.

Применение указанных инструментов также может сопровождаться дальнейшими исследованиями в этом направлении: в частности, требуют проверки гипотезы о первичном объекте выбора, о связи дохода семьи и других значимых характеристик с паттернами поведения и моделями образовательной миграции, о различиях в поведении абитуриентов, поступающих по результатам ЕГЭ и по внутренним вступительным испытаниям и пр. Необходимо также отслеживать изменения, происходящие в трендах поступления, изучать факторы выбора и характеристики абитуриентов. В краткосрочной перспективе это будет способствовать улучшению количественных и качественных характеристик приема в региональный вуз, а в долгосрочной – притоку на региональный рынок труда высококвалифицированных кадров, что необходимо для формирования регионального человеческого капитала.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Коршунов И. А., Ширкова Н. Н., Завиваев Н. С. Вклад высококвалифицированных работников в развитие экономики регионов. *Экономика региона*. 2021. Т. 17. № 3. С. 873–887. [Korshunov I. A., Shirkova N. N., Zavivaev N. S. Contribution of highly qualified employees to regional economy. *Economy of Regions*, 2021, 17(3): 873–887. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-11>
2. Устинова К. А. Человеческий капитал как фактор инновационного развития региона: теоретические аспекты. *Проблемы современной экономики*. 2012. № 3. С. 252–257. [Ustinova K. A. Human capital as a factor of the regional innovative development: Theoretical aspects. *Problemy sovremennoy ekonomiki*, 2012, (3): 252–257. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvrqfp>

3. Тугускина Г. Н. Человеческий капитал регионов как основа формирования национального человеческого капитала. *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. 2024. Т. 34. № 2. С. 271–277. [Tuguskina G. N. Regional human capital as the basis for the formation of national human capital. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2024, 34(2): 271–277. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/maszrn>
4. Болдина М. Ю. Образовательные планы абитуриентов российской провинции. *Высшее образование в России*. 2022. Т. 31. № 3. С. 84–95. [Boldina M. Yu. Educational plans of applicants of the Russian province. *Higher Education in Russia*, 2022, 31(3): 84–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/arvxo>
5. Мухаметдинова С. Х., Тюменцева Е. Ю. Анализ факторов, влияющих на выбор вуза абитуриентами (на примере Омского региона). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика*. 2023. № 1. С. 147–155. [Mukhametdinova S. Kh., Tyumentseva E. Yu. Analysis of factors influencing the applicants' choice of a university (on the example of Omsk Region). *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Pedagogics*, 2023, (1): 147–155. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2310-7219-2023-1-147-155>
6. Морозова Е. А., Кочнева О. П. Миграционные настроения молодежи Кемеровской области – Кузбасса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2021. Т. 6. № 3. С. 326–338. [Morozova E. A., Kochneva O. P. Youth migration in the Kemerovo Region (Kuzbass). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 326–338. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-326-338>
7. Морозова Е. А., Голубицкая Л. В., Кочнева О. П. Кадровый потенциал региональной системы образования: понятие и подходы к оценке. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 1. С. 103–111. [Morozova E. A., Golubitskaia L. V., Kochneva O. P. Staff potential of the regional education system: The concept and evaluation methods. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(1): 103–111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-1-103-111>
8. Вельм И. М. Роль человеческого капитала в экономическом развитии региона (на примере Удмуртской Республики). *Прогрессивная экономика*. 2023. № 11. С. 143–156. [Velm I. M. The role of human capital in the economic development of the region (on the example of the Udmurt Republic). *Progressivnaya ekonomika*, 2023, (11): 143–156. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xowwxc>
9. Пастухова Е. Я., Морозова Е. А., Мухачева А. В. Трудовой потенциал региона в условиях депопуляции: оценка, тенденции, факторы влияния. *Региональная экономика: теория и практика*. 2020. Т. 18. № 6. С. 1079–1100. [Pastukhova E. Ya., Morozova E. A., Mukhacheva A. V. The region's labor potential against the backdrop of depopulation: Assessment, trends, influences. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2020, 18(6): 1079–1100. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24891/re.18.6.1079>
10. Очирова Г. Н. Образовательная миграция из Республики Бурятия: факторы, масштабы и направления. *Вестник университета*. 2021. № 4. С. 181–188. [Ochirova G. N. Educational migration from the Republic of Buryatia: Factors, scale and directions. *Vestnik universiteta*, 2021, (4): 181–188. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ifmmxg>
11. Габдрахманов Н. К., Никифорова Н. Ю., Лешуков О. В. «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России. М.: ВШЭ, 2019. 48 с. [Gabdrakhmanov N. K., Nikiforova N. Yu., Leshukov O. V. "From Volga to Yenisei...": Educational migration of young people in Russia. Moscow: HSE, 2019, 48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dkzgm>
12. Аверьянов А. О., Питухина М. А., Симакова А. В. Миграционный отток выпускников региональных школ. *Непрерывное образование: XXI век*. 2021. № 3. С. 112–131. [Averyanov A. O., Pitukhina M. A., Simakova A. V. Migration outflow of regional school graduates. *Lifelong Education: The 21st Century*, 2021, (3): 112–131. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15393/j5.art.2021.7052>
13. Дождиков А. В., Корнилова Е. В. Образовательная миграция абитуриентов между регионами Российской Федерации как источник данных для планирования развития системы высшего образования. *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32. № 3. С. 67–83. [Dozhnikov A. V., Kornilova E. V. Educational migration of applicants among regions of the Russian Federation as a data source for planning the higher education system development. *Higher Education in Russia*, 2023, 32(3): 67–83. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-67-83>
14. Agasisti T., Bertoletti A. Higher education and economic growth: A longitudinal study of European regions 2000–2017. *Socio-Economic Planning Sciences*, 2022, 81. <https://doi.org/10.1016/j.seps.2020.100940>

15. Becker G. S. *Human capital: A theoretical and empirical analysis with special reference to education*. New York: National Bureau of Economic Research, 1975, 268.
16. Егорова Е. В. Региональные проблемы развития человеческого капитала. *Вестник Московского университета МВД России*. 2025. № 4. С. 186–194. [Egorova E. V. Regional problems of human capital development. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2025, (4): 186–194. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-4-186-194>
17. Безденежных А. С. Развитие человеческого капитала как фактора устойчивости региональной экономики в условиях внешних вызовов. *Российские регионы в фокусе перемен: XIX Междунар. конф.* (Екатеринбург, 14–16 ноября 2024 г.) Екатеринбург: Ажур, 2025. С. 145–155. [Bezdenezhnykh A. S. The development of human capital as a factor of regional economic stability in the context of external challenges. *Russian regions in the focus of change: Proc. XIX Intern. Conf.*, Ekaterinburg, 14–16 Nov 2024. Ekaterinburg: Azhur, 2025, 145–155. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/giagwk>
18. Юнусова Г. Р. Человеческий капитал в развитии экономики региона: высококачественное высшее образование как инвестиции в человеческий капитал. *Государственное управление*. 2021. № 88. С. 190–203. [Yunusova G. R. Human capital in the development of region's economy: High-quality higher education as investment in human capital. *Public Administration*, 2021, (88): 190–203. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-88-190-203>
19. Бабина С. И., Садовникова И. Ю. Анализ человеческого капитала региона. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2018. № 3. С. 69–74. [Babina S. I., Sadovnikova I. Yu. Analysis of the human capital of the region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2018, (3): 69–74. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-3-69-74>
20. Власюк Л. И., Строев П. В. Методика определения уровня развития человеческого капитала и его дифференциация в регионах России. *Экономика. Налоги. Право*. 2017. Т. 10. № 4. С. 86–95. [Vlasyuk L. I., Stroeve P. V. A methodology for determining the level of human capital development and its differentiation in the regions of Russia. *Economics, taxes, law*, 2017, 10(4): 86–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zqohzr>
21. Дьяков М. Ю. Экономическая оценка человеческого капитала региона. *Экономика региона*. 2022. Т. 18. № 2. С. 556–568. [Dyakov M. Yu. Economic assessment of regional human capital. *Economy of Regions*, 2022, 18(2): 556–568. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-18>
22. Клячко Т. Л., Семионова Е. А. Вклад образования в социально-экономическое развитие регионов России. *Экономика региона*. 2018. Т. 14. № 3. С. 791–805. [Klyachko T. L., Semionova E. A. The contribution of education to the socio-economic development of Russian regions. *Economy of Regions*, 2018, 14(3): 791–805. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uzbosr>
23. Лешуков О. В., Евсеева Д. Г., Громов А. Д., Платонова Д. П. Оценка вклада региональных систем высшего образования в социально-экономическое развитие регионов России. М.: ВШЭ, 2017. 30 с. [Leshukov O. V., Evseeva D. G., Gromov A. D., Platonova D. P. *Assessment of the contribution of regional higher education systems to the socio-economic development of Russian regions*. Moscow: HSE, 2017, 30. (In Russ.)]
24. Лысенко Е. А. Особенности современной образовательной миграции (на примере Кемеровской области – Кузбасса). *Развитие производительных сил Кузбасса: история, современный опыт, стратегия будущего: Междунар. науч.-практ. конф.* (Кемерово, 17–23 ноября 2023 г.) М.: РАН, 2024. С. 129–134. [Lysenko E. A. Features of modern educational migration in the Kemerovo Region. *Development of productive forces of Kuzbass: History, modern experience, and strategy of the future: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Kemerovo, 17–23 Nov 2023. Moscow: RAS, 2024, 129–134. (In Russ.)]
25. Курбатова М. В., Донова И. В., Кранзеева Е. А., Леухова М. Г. Образовательная миграция в регионах ресурсного типа. *Мир России*. 2022. Т. 31. № 1. С. 91–112. [Kurbatova M. V., Donova I. V., Kranzeeva E. A., Leukhova M. G. Educational migration in resource-type regions. *Universe of Russia*, 2022, 31(1): 91–112. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-91-112>
26. Капшук Е. А., Костина Е. Ю., Орлова Н. А., Цэрэн Г. Образовательная миграция в современной России: тенденции и проблемы. *Теория и практика общественного развития*. 2022. № 3. С. 26–32. [Kapshuk E. A., Kostina E. Yu., Orlova N. A., Tseren G. Educational migration in modern Russia: Trends and issues. *Theory and Practice of Social Development*, 2022, (3): 26–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.3.3>

оригинальная статья

eLibrary EDN: TLCAKL

Цифровой разрыв и региональные инструменты преодоления

Пономарев Сергей Валерьевич

Калужский филиал Финансового университета

при Правительстве РФ, Россия, Калуга

eLibrary Author SPIN: 6115-8899

<https://orcid.org/0000-0001-6216-1190>

Шлеенко Алексей Васильевич

Юго-Западный государственный университет, Россия, Курск

eLibrary Author SPIN: 2106-1140

<https://orcid.org/0000-0002-0455-5324>

Кулаков Сергей Александрович

Московский университет «Синергия», Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 1761-9111

<https://orcid.org/0009-0008-8392-6744>

Плеханова Елена Олеговна

Московский университет «Синергия», Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 6830-3717

<https://orcid.org/0000-0001-6972-3993>

dipmesii@gmail.com

Аннотация: Цифровое развитие может усугублять существующие социальные и экономические неравенства, а также создавать новые барьеры для социальной интеграции и цифрового участия. Поэтому на уровне регионов важно иметь действенный инструментарий идентификации существующих цифровых разрывов и их сокращения для обеспечения сбалансированного цифрового развития. Цель – раскрыть методические особенности цифрового компаса регионального развития как инструмента оценки и управления цифровой трансформацией территорий, направленного на сокращение регионального цифрового разрыва и обеспечение сбалансированного цифрового развития. Применены методы анализа и синтеза научной литературы, концептуального моделирования, количественные методы анализа, композитный индексный метод, методы визуализации и аналитической интерпретации, сравнительного анализа. Научная новизна заключается в обосновании целесообразности применения цифрового компаса регионального развития как концептуально-прикладного инструмента цифровой политики для преодоления территориального цифрового разрыва путем комплексной оценки и синхронизации ключевых параметров цифровой трансформации (инфраструктуры, человеческого капитала, доступности цифровых услуг и цифровой трансформации бизнеса). В отличие от традиционных индексов, цифровой компас определяет не только метрику текущего состояния, но и задает стратегические векторы движения регионов к целевому уровню цифровой зрелости. В результате установлена выраженная территориальная неоднородность цифрового развития: лидирующие позиции занимают федеральные округа с развитой инфраструктурой и высокими показателями цифрового человеческого капитала (прежде всего Центральный и Северо-Западный федеральные округа), тогда как южные и дальневосточные регионы демонстрируют устойчивый цифровой разрыв. Обосновано, как на основе применения методики цифрового компаса можно идентифицировать цифровые разрывы и определять стратегические точки роста региона, подкрепленные эффективными управленческими решениями в рамках реализуемой политики цифрового развития.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое развитие, регион, цифровой компас, региональная политика, цифровая грамотность

Цитирование: Пономарев С. В., Шлеенко А. В., Кулаков С. А., Плеханова Е. О. Цифровой разрыв и региональные инструменты преодоления. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2026. Т. 11. № 3. С. 448–461. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-448-461>

Поступила в редакцию 30.10.2025. Принята после рецензирования 26.02.2026. Принята в печать 02.03.2026.

original article

Digital Divide and Regional Bridging Tools

Sergey V. Ponomarev

Financial University under the Government of the Russian Federation
(Kaluga Branch), Russia, Kaluga
eLibrary Author SPIN: 6115-8899
<https://orcid.org/0000-0001-6216-1190>

Alexey V. Shleenko

Southwest State University, Kursk, Russia
eLibrary Author SPIN: 2106-1140
<https://orcid.org/0000-0002-0455-5324>

Sergey A. Kulakov

Moscow University "Synergy", Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 1761-9111
<https://orcid.org/0009-0008-8392-6744>

Elena O. Plekhanova

Moscow University "Synergy", Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 6830-3717
<https://orcid.org/0000-0001-6972-3993>
dipmesii@gmail.com

Abstract: Digital development can exacerbate current social and economic inequalities, as well as create new barriers to social inclusion and digital participation. Regional governments need effective tools to identify existing digital gaps and reduce them to ensure balanced digital development. This article describes a methodology for digital strategizing at the regional level as a tool for assessing and managing the digital divide across Russia's regions. The standard research methods were accompanied by conceptual modeling, quantitative analysis, the composite index method, visualization, and analytical interpretation. The so-called "digital compass" of regional development served as a conceptual and applied digital policy tool to overcome the territorial digital divide through a comprehensive assessment and synchronization of key parameters of digital transformation, such as infrastructure, human capital, the accessibility of digital services, and the digital transformation of business. Unlike traditional indices, the "digital compass" determines both the current status and strategic vectors for digital development. The analysis revealed severe territorial heterogeneity in digital development: the leading positions belonged to the Central and Northwestern Federal Districts, with their developed infrastructure and strong digital human capital. The Southern and Far Eastern regions, by contrast, demonstrated a stable digital divide. The "digital compass" methodology made it possible to identify the digital divide and strategic growth points in Russia's regions, as well as to make effective management decisions in digital development policy.

Keywords: digitalization, digital development, region, digital compass, regional policy, digital literacy

Citation: Ponomarev S. V., Shleenko A. V., Kulakov S. A., Plekhanova E. O. Digital Divide and Regional Bridging Tools. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(3): 448–461. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-448-461>

Received 30 Oct 2025. Accepted after review 26 Feb 2026. Accepted for publication 2 Mar 2026.

Введение

Цифровая трансформация становится одной из ключевых стратегий модернизации российского общества и экономики. Использование цифровых технологий в управлении, экономике, социальной сфере рассматривается как важнейший драйвер повышения производительности, качества жизни и конкурентоспособности государства¹.

Однако, несмотря на значительные инвестиции и активную реализацию федеральных программ, в РФ сохраняется и даже усиливается

явление цифрового разрыва, т.е. пространственно-территориальные, возрастные и социальные различия в доступе к цифровым услугам, инфраструктуре и навыкам² [1–3]. В этом контексте цифровой разрыв выступает не просто технологической, но и базовой социальной проблемой, поскольку ограничивает возможности участия населения в цифровой экономике, доступ к цифровым государственным услугам и социальному обеспечению. Указанное имеет экономические, образовательные, демографические

¹ Доклад о развитии цифровой экономики в России «Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для Российской Федерации». Всемирный банк, 2018. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/3c785826-a058-5608-8fdd-fd3051be1e89/content> (дата обращения: 28.09.2025).

² Цифровой разрыв: каждый третий россиянин старше 55 лет боится остаться за бортом технологий. CNews. 01.10.2025. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2025-10-01_tsifrovoy_razryv_kazhdyj_tretij (дата обращения: 20.10.2025).

последствия. Например, регионы с низким уровнем цифровой инфраструктуры и навыков имеют ограниченные возможности использования цифровых инструментов для повышения эффективности бизнеса, трудоустройства, что приводит к усилению региональных экономических диспропорций.

Цифровой разрыв отражается в неравных возможностях доступа населения к качественному онлайн-обучению, удаленным образовательным сервисам и освоению цифровых компетенций, что влияет на будущее трудоустройство граждан и их социальную мобильность [4–6]. Возрастные группы (особенно старшее поколение) часто испытывают сложности в освоении цифровых сервисов, что ведет к социальной изоляции. Кроме того, региональные различия ограничивают равный доступ к услугам здравоохранения, образованию и социальным программам, что усиливает внутреннюю неравномерность развития страны.

Таким образом, цифровой разрыв не просто отражает существующие социальные и экономические неравенства – он усиливает их и создает новые барьеры для социальной интеграции и цифрового участия. В связи с этим на уровне регионов важно иметь действенный инструментарий идентификации существующих цифровых разрывов и их сокращения для обеспечения сбалансированного цифрового развития.

Цель – раскрыть методические особенности цифрового компаса регионального развития как инструмента оценки и управления цифровой трансформацией территорий, направленного на сокращение регионального цифрового разрыва и обеспечение сбалансированного цифрового развития. Задачи: обосновать структурные и содержательные характеристики цифрового компаса региона как стратегического и прикладного инструмента цифровой политики; оценить цифровые разрывы федеральных округов и сгруппировать их по ключевым параметрам цифровой трансформации (инфраструктура, человеческий капитал, доступность цифровых услуг, цифровая трансформация бизнеса); разработать рекомендации по синхронизации цифровой политики регионов в зависимости от достигнутых показателей цифрового компаса.

Цифровая трансформация имеет яркие пространственные эффекты, которые проявляются в различных аспектах, например, в дифференциации территорий по уровню развития инфраструктуры,

цифровых компетенций населения, бизнеса, готовности органов власти к цифровому управлению. Кроме того, ряд исследователей используют термины *цифровая зрелость* [7–10] или *цифровая готовность* [3] для идентификации территориальной измеримости цифровой трансформации.

Среди ключевых детерминант региональной цифровой зрелости ученые выделяют концентрацию вузов и научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), качество телеком-инфраструктуры, плотность бизнеса, доступность цифровых услуг и программы обучения населения [4; 11–15]. При этом отмечается, что регионы с сильной научной и образовательной базой демонстрируют более высокий уровень цифровой зрелости. Оценке цифровой зрелости регионов и преодолению цифровых разрывов посвящены исследования [1; 16–21], в которых обосновываются различные подходы к выявлению и оценке наблюдаемых форм цифрового разрыва и теоретико-методологические рекомендации по их преодолению.

Одной из разновидностей практических инструментов мониторинга цифрового развития является методика «цифрового компаса». Термин *цифровой компас* впервые был закреплен в программе Европейской комиссии (ЕС), где он выступает инструментом стратегического управления цифровым переходом³. В таком классическом варианте цифровой компас отражает четыре измерения: цифровые навыки граждан, инфраструктуру (связь и вычислительные мощности), цифровизацию бизнеса, цифровое государство. Этот подход ориентирован на оценку цифровой зрелости стран в целом, с акцентом на макроэкономические и национальные показатели, отражающие стратегические направления цифрового развития. При адаптации к российским реалиям и задаче сокращения региональных различий цифровой компас может выполнять функцию стратегического инструмента территориальной цифровой политики, системы мониторинга цифровой зрелости субъектов РФ либо платформы интеграции данных о цифровых инфраструктурах, навыках и сервисах.

Гипотеза статьи состоит в том, что использование цифрового компаса регионального развития как концептуально-прикладного инструмента цифровой политики способствует сокращению территориального цифрового разрыва за счет комплексной оценки и синхронизации ключевых параметров

³ 2030 Digital Compass: the European way for the Digital Decade. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. COM(2021) 118 final. *European Commission*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52021DC0118> (accessed 1 Oct 2025).

цифровой трансформации, при этом обеспечивая не только измерение текущего состояния регионов, но и формирование стратегических векторов их движения к целевому уровню цифровой зрелости.

Научная новизна исследования заключается в обосновании целесообразности применения цифрового компаса регионального развития как концептуально-прикладного инструмента цифровой политики для преодоления территориального цифрового разрыва путем комплексной оценки и синхронизации ключевых параметров цифровой трансформации. В отличие от традиционных индексов, цифровой компас определяет не только метрику текущего состояния, но и задает стратегические векторы движения регионов к целевому уровню цифровой зрелости.

Методы и материалы

Применены анализ и синтез научной литературы по цифровой экономике, региональному развитию, моделям цифровой зрелости, цифровому разрыву и цифровой политике. Также использовано концептуальное моделирование при формировании структуры цифрового компаса регионального развития. Проведен сбор официальной статистики из открытых источников. Применены количественные методы анализа (расчет абсолютных и относительных разрывов от среднероссийского уровня по каждому индикатору), композитный индексный метод (агрегирование показателей в интегральный индекс цифрового развития территории), ранжирование и групповая классификация регионов по ключевым параметрам цифровой трансформации). Осуществлены визуализация и аналитическая интерпретация, в том числе построение радиальных («компасных») диаграмм для отображения профиля цифрового развития регионов. Проведен сравнительный анализ профилей окружающих моделей, выявлены асимметрии и разрывы.

Информационная база статьи сформирована статистическими материалами Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (Минцифры России), методическими и аналитическими документами ЕС, Всероссийской акции «Цифровой диктант», а также научными публикациями и открытыми данными по теме исследования.

Результаты

Цифровой компас регионального развития – это стратегическая рамка и инструмент координации, направленный на сокращение цифрового разрыва между территориями посредством системного

мониторинга, целеполагания и интеграции цифровых инициатив в сферы экономики, образования, управления и социальной политики. Он задает вектор цифрового выравнивания, определяя целевые ориентиры и обеспечивая баланс между инновационным ростом и цифровой инклюзивностью.

Для целей регионального анализа авторами предложена адаптация классического цифрового компаса с выделением четырех измерений *доступ, навыки, услуги, бизнес*. Переход обусловлен несколькими факторами:

1. *Региональная специфика и масштабирование показателей.* В рамках регионального развития ключевым становится не только наличие цифровой инфраструктуры, но и фактический *доступ* к ней, что позволяет учесть территориальные различия в подключении к Сети, обеспеченности вычислительными мощностями и охватом населения.

2. *Комплексная оценка человеческого капитала.* Классическое измерение *цифровые навыки граждан* отражает уровень знаний и компетенций населения. В рамках регионального анализа акцент сделан на конкретные показатели цифровых навыков и кадрового обеспечения (*навыки*), включая цифровую грамотность населения и наличие специалистов, способных поддерживать цифровую трансформацию на местном уровне.

3. *Включение социального измерения цифровизации.* В классическом компасе цифровое государство охватывает широкий спектр услуг, но для регионального уровня важна оценка доступности и качества цифровых *услуг* в социально значимых сферах – здравоохранении, образовании, муниципальных сервисах. Это позволяет измерять не только инфраструктурные возможности, но и реальное использование цифровых инструментов населением и организациями.

4. *Сфокусированная оценка цифрового бизнеса.* Измерение *бизнес* адаптировано для учета специфики региональной экономики, включая цифровизацию малых и средних предприятий, внедрение новых технологий и инновационных решений, что отражает влияние бизнеса на цифровое развитие территории.

Кроме того, на международном уровне оценка цифровой зрелости государств может опираться на широкий спектр статистических показателей, доступных в базах данных Европейской комиссии, Организации экономического сотрудничества и развития, Международного союза электросвязи, Организации Объединенных Наций, Всемирного банка и др. Такие показатели охватывают инфраструктуру связи, уровень цифровых навыков, цифровизацию бизнеса и государства, использование

цифровых услуг населением и организациями. В России и на уровне российских регионов ключевой проблемой является отсутствие комплексной и сопоставимой статистики, отражающей цифровую трансформацию в разрезе доступности инфраструктуры, уровня цифровых навыков населения, использования цифровых услуг и цифровизации бизнеса. Региональные статистические сборы часто ограничиваются отдельными аспектами, что не позволяет полностью оценить цифровую зрелость территорий и выявить внутренние цифровые разрывы.

Таким образом, авторская модель сохраняет концептуальные основы цифрового компаса, но адаптирует их для регионального уровня с учетом доступных данных, что обеспечивает возможность объективного измерения цифровой зрелости регионов России, выявления ключевых точек цифрового разрыва и формирования направлений целенаправленной цифровой политики.

Для построения цифрового компаса регионального развития методическая работа проводится в несколько этапов:

I. Систематическое изучение федеральных и региональных стратегий цифровой трансформации, национальных проектов («Цифровая экономика», «Развитие информационного общества»), показателей Росстата и данных о цифровой активности населения, организаций и учреждений региона для выявления наиболее значимых направлений цифрового развития, определения существующих показателей и их применимости для оценки цифровой зрелости территорий.

II. Определение компонентов цифрового компаса региона и их содержательных характеристик на основе анализа практик и показателей; формирование ключевых блоков цифрового компаса. Для каждого блока разрабатываются конкретные показатели и критерии оценки, отражающие качество, доступность и использование цифровых ресурсов и услуг, уровень цифровых компетенций населения, внедрение технологий и цифровых процессов в государственном управлении и социальной сфере.

III. Разработка методики измерения и расчета цифровых разрывов: создается система индексов, позволяющая выявлять дисбалансы между регионами, а также отслеживать динамику цифрового развития.

IV. Интерпретация полученных данных и формирование стратегических рекомендаций: результаты анализа используются для выявления узких мест и зон, требующих приоритетного развития. На основе структурных характеристик цифрового

компаса разрабатываются рекомендации для органов власти региона, направленные на сокращение цифрового разрыва и обеспечение сбалансированного цифрового развития.

Таким образом, цифровой компас региона превращается в системный инструмент, который позволяет не только оценивать текущий уровень цифровизации, но и управлять процессом цифровой трансформации на основе данных и показателей, отражающих социально-экономические, технологические и кадровые аспекты региона.

Более подробно структурные составляющие цифрового компаса регионального развития рассмотрены в таблице 1.

В цифровом компасе есть два типа цифрового разрыва – абсолютный и относительный. Первый является координатой текущего состояния и используется в диагностическом слое (на оси каждого измерения (*доступ, навыки, услуги, стоимость, управление*) отмечается разница с целевыми ориентирами). Он дает количественную оценку реального объема недостающего ресурса (инфраструктуры, абонентов, школ, линий связи и т.д.). Абсолютный цифровой разрыв используется для планирования бюджетов и проектных мощностей. Так, рассчитывается, сколько километров оптоволокна нужно спроектировать для достижения конкретной цели, например для определения среднероссийского значения показателя абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек.

Относительный разрыв представляет собой угол отклонения от вектора цели. Он используется для стратегического сравнения регионов между собой (принцип *хуже / лучше*), расчета вектора движения (а именно скорости сокращения разрыва), ранжирования регионов по степени цифрового неравенства, т.е. в стратегическом слое. Например, если регион имеет значение показателя 49,8 % от среднего по Российской Федерации, то он находится на половине пути до базового уровня цифровой зрелости. При этом если процентное отклонение сокращается по годам, то регион движется векторно вперед.

Кроме того, стоит отметить, что модель цифрового компаса предполагает возможность визуализации цифрового разрыва (по двум его типам) через построение радиальных диаграмм по каждому показателю, демонстрирующих дифференциацию между регионами и средними значениями и подчеркивающих скорость приближения к цели, а также приоритетность управления. Модель цифрового компаса также может использоваться в процессе прогнозирования цифрового развития региона (табл. 2).

Табл. 1. Структура и содержательные характеристики цифрового компаса регионального развития

Tab. 1. "Digital compass" of regional development: structure and content

Измерение	Содержание	Целевые показатели
Доступ	Инфраструктура связи, стоимость Интернета, доступ к устройствам	Число абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения; число абонентов мобильного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения (3G, 4G, 5G); экономическая доступность (абонентская плата за доступ к сети Интернет, месяц)
Навыки	Цифровая грамотность, кадровая обеспеченность, научный и образовательный потенциал региона	Уровень цифровой грамотности населения; выпуск из аспирантуры по направлению подготовки «Информационная безопасность»; численность исследователей, выполнявших научные исследования и разработки, на 10000 занятых в экономике
Услуги	Цифровизация государственных услуг, услуг социальной сферы	Доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, в общей численности населения; доля учреждений здравоохранения, использовавших Интернет, в общем числе учреждений здравоохранения
Бизнес	Цифровизация бизнеса и производственного сектора (инфраструктура, использование технологий, цифровое взаимодействие)	Доля организаций, использовавших доступ к сети Интернет со скоростью не менее 2 Мбит/с, в общем числе организаций; доля организаций, имевших специальные программные средства для управления закупками товаров, в общем числе обследованных организаций; доля организаций, осуществляющих продажу товаров / услуг через Интернет

Табл. 2. Уровни реализации модели цифрового компаса региона

Tab. 2. Implementing the "digital compass" model at different regional levels

Уровень реализации	Используемый показатель	Цель
Диагностика	Абсолютный разрыв	Определить сегменты и величину отставания цифрового развития региона
Сравнение	Относительный разрыв	Сопоставить регионы между собой
Управление	Динамика относительного разрыва	Оценить эффективность реализуемой цифровой политики
Прогнозирование	Комбинированный индекс	Обосновать перспективы цифрового развития региона

Расчет цифрового разрыва по федеральным округам России в рамках компонента *доступ* представлен в таблице 3⁴.

На диагностическом уровне, объединяя два типа цифрового разрыва по трем показателям *доступа* в матрицу приоритетов цифровой политики, получим следующие уровни внедрения моделей цифрового компаса:

- лидеры (ЦФО, СЗФО, УФО): регионы, имеющие развитую инфраструктуру, высокое покрытие, низкую цену;

- средний пояс (ПФО, СФО, ЮФО): регионы, имеющие умеренный разрыв, нуждаются в точечных мерах;
- периферия (СКФО, ДФО): регионы, имеющие низкое покрытие и высокую стоимость доступа.

Исходя из этого, на уровне управления авторами определяется вектор движения цифрового компаса: абсолютные разрывы задают величину требуемых изменений, относительные разрывы определяют интенсивность и направление вектора движения (табл. 4).

⁴ Сост. по: Итоги федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения: 20.10.2025).

Табл. 3. Компонент *доступ*: расчет цифрового разрыва, 2024 г.
Tab. 3. Access component: calculating the digital divide, 2024

Федеральный округ	Число абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения	Разрыв от среднего, %	Разрыв, %	Число абонентов мобильного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения (3G, 4G, 5G)	Разрыв от среднего, %	Разрыв, %	Экономическая доступность (абонентская плата за доступ к сети Интернет, месяц), руб.	Разрыв от среднего, %	Разрыв, %
Центральный федеральный округ (ЦФО)	30,6	−4,5	−17,2	137,4	−13,9	−11,3	546,18	−62,0	−10,2
Северо-Западный федеральный округ (СЗФО)	26,5	−0,4	−1,5	139,3	−15,8	−12,8	646,11	37,9	6,2
Южный федеральный округ (ЮФО)	24,8	1,3	5,0	114,2	9,3	7,5	626,77	18,6	3,1
Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО)	13,1	13,0	49,8	80,7	42,8	34,7	728,54	120,4	19,8
Приволжский федеральный округ (ПФО)	25,7	0,4	1,5	121,1	2,4	1,9	589,00	−19,2	−3,2
Уральский федеральный округ (УФО)	28,8	−2,7	−10,3	122,8	0,7	0,6	636,69	28,5	4,7
Сибирский федеральный округ (СФО)	25,3	0,8	3,1	118,1	5,4	4,4	607,02	−1,2	−0,2
Дальневосточный федеральный округ (ДФО)	21,3	4,8	18,4	120,4	3,1	2,5	848,17	240,0	39,5
Российская Федерация	26,1	−	−	123,5	−	−	608,17	−	−

Табл. 4. Стратегические направления цифровой политики регионов
Tab. 4. Strategic directions of digital policy across regions

Федеральный округ	Стратегический вектор	Рекомендации
ЦФО, СЗФО, УФО	Удержание лидерства	Переход от экстенсивного роста к качеству (5G, IoT, Smart Region)
ПФО, СФО, ЮФО	Конвергенция к целевому уровню предоставления фиксированного широкополосного доступа в Интернет	Поддержка инфраструктуры в периферийных территориях, цифровое образование [22–25]
СКФО, ДФО	Вектор ускоренного сокращения разрыва	Национальные программы «Цифровая инфраструктура» и субсидии операторам; приоритетное внедрение 4G / 5G и спутниковых сетей

Также для лучшей визуализации полученных результатов может быть построена радиальная диаграмма, представленная на рисунке. В ее основу лег интегральный показатель компонента *доступ*, который рассчитан индексным методом путем нормализации данных через среднероссийский уровень и путем последующего усреднения по параметрам.

Компонент *навыки* должен рассчитываться на основе статистических данных о цифровой грамотности населения регионов, включая навыки работы с устройствами (компьютеры, смартфоны); использование цифровых сервисов (электронные

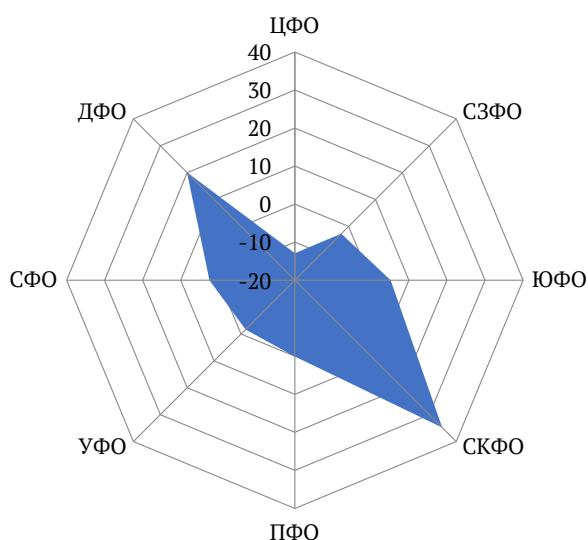
покупки, госуслуги, облачные сервисы); информационную грамотность (поиск, оценка, критика информации); безопасность и приватность (защита данных, антивирусные меры); решение задач с помощью цифровых инструментов [1; 3; 13; 14]. Однако в настоящее время в региональной статистике учет по данным показателям не производится. В связи с этим авторы вводят:

- показатели, на базе которых проводилась оценка цифровой грамотности населения в рамках Всероссийской акции «Цифровой диктант» 2024 г. по 10-балльной системе⁵: цифровое потребление; цифровые компетенции; цифровая безопасность; цифровые технологии; финансовая киберграмотность⁶;
- показатели кадровой обеспеченности цифровой экономики регионов: численность выпускников из аспирантуры по направлению подготовки «Информационная безопасность» (выделяется в отдельную статистическую категорию с 2019 г.⁷); численность исследователей, выполнявших научные исследования и разработки, на 10000 занятых в экономике (показатель общего инновационного и когнитивного потенциала региона, который формирует благоприятную среду для развития и распространения цифровых навыков, а не выступает как характеристика индивидуальных пользовательских компетенций)⁸.

Расчет цифрового разрыва по федеральным округам России в рамках компонента *навыки* представлен в таблице 5⁹.

Интерпретация значений цифрового разрыва по компоненту *навыки* и рекомендации по реализации политики цифрового развития регионов представлены в таблице 6.

Расчет цифрового разрыва по федеральным округам России в рамках компонента *услуги* отражен в таблице 7¹⁰.

Прим.: чем ниже значение интегрального показателя, тем меньше по величине разрыв имеет регион, тем выше его цифровая доступность, и, соответственно, тем более благоприятное положение он занимает на момент измерения; положительное значение свидетельствует об отставании региона выше среднего по РФ.

Рис. Цифровой компас: интегральный показатель компонента доступ
Fig. "Digital compass": integral indicator of the Access component

⁵ Данные предложенной акции выступают как индикатор относительных межрегиональных различий, которые отражают уровень вовлеченности населения в цифровую среду и распространенность базовых цифровых компетенций, а не как инструмент абсолютной оценки уровня цифровой грамотности населения.

⁶ Цифровой Диктант 2024. URL: <https://цифровойдиктант.рф/site/2024> (дата обращения: 20.10.2025).

⁷ Это обусловлено стратегической значимостью данного направления для обеспечения цифрового суверенитета, устойчивости критической инфраструктуры и национальной безопасности. В отличие от более широких ИТ-направлений, данная область имеет междисциплинарный и системный характер, что обосновывает ее использование в качестве индикатора институционального и кадрового потенциала цифровой экономики регионов.

⁸ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646. СПС КонсультантПлюс.

⁹ Сост. по: Итоги федерального статистического наблюдения...; Цифровой Диктант 2024...; Итоги 2024. Цифровой Диктант. URL: <https://цифровойдиктант.рф/site/2024-results>; Выпуск из аспирантуры по направлению подготовки Информационная безопасность по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации (с 2019 г.). Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/education> (дата обращения: 20.10.2025).

¹⁰ Сост. по: Итоги федерального статистического наблюдения...

Табл. 5. Компонент *навыки*: расчет цифрового разрыва, 2024 г.
Tab. 5. *Skills* component: calculating the digital divide, 2024

Федеральный округ	Уровень цифровой грамотности населения, баллы	Разрыв от среднего, %	Разрыв, %	Численность выпускников из аспирантуры по направлению подготовки «Информационная безопасность»	Разрыв от среднего, %	Разрыв, %	Численность исследователей, выполнявших научные исследования и разработки, на 10000 занятых в экономике	Разрыв от среднего, %	Разрыв, %
ЦФО	6,83	0,23	3,48	28	22	35,5	84,1	36,2	75,6
СЗФО	6,8	0,20	3,03	13	-49	-79,0	62,9	15,0	31,3
ЮФО	6,48	-0,12	-1,82	12	-50	-80,6	15,8	-32,1	-67,0
СКФО	5,97	-0,63	-9,55	1	-61	-98,4	9,0	-38,9	-81,2
ПФО	6,67	0,07	1,06	2	-60	-96,8	38,9	-9,0	-18,8
УФО	6,69	0,09	1,36	3	-59	-95,2	34,8	-13,1	-27,4
СФО	6,45	-0,15	-2,27	3	-59	-95,2	32,6	-15,3	-31,9
ДФО	6,22	-0,38	-5,76	-	-62	-100,0	16,1	-31,8	-66,4
РФ	6,6	-	-	62	-	-	47,9	-	-

Табл. 6. Интерпретация уровней внедрения цифрового компаса по компоненту *навыки* и рекомендации по реализации политики цифрового развития регионов

Tab. 6. "Digital compass" implementation levels based on *Skills* component: recommendations for regional digital development policy

Уровень внедрения	Федеральный округ	Интерпретация	Рекомендации
Лидеры	ЦФО, СЗФО, УФО	Демонстрация устойчивого превышения среднего уровня РФ на 1–3 %	Политика поддержания достигнутого уровня
Средний пояс	ПФО, СФО, ЮФО	Показатели близки к среднероссийским, но наблюдается умеренное отставание по подготовке кадров и НИОКР	Укрепление кадровой базы, развитие цифрового образования, стимулирование НИОКР [26]
Периферия	СКФО, ДФО	Наименее грамотное население в части цифровых компетенций, ограниченный доступ к цифровому образованию	Развитие региональных центров цифрового обучения; поддержка программ цифрового образования (дополнительные гранты и мобильные образовательные платформы); введение обязательных модулей цифровых компетенций в систему среднего профессионального образования [25; 27]; децентрализация программ аспирантуры и магистратуры в области информационной безопасности; развитие сетевых образовательных программ и онлайн-магистратур по кибербезопасности; создание региональных центров научных исследований и инноваций; стимулирование участия региональных вузов в прикладных НИР и государственном заказе

Табл. 7. Компонент услуги: расчет цифрового разрыва
Tab. 7. Service component: calculating the digital divide, 2024

Федеральный округ	Доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, в общей численности населения, 2024 г.	Разрыв от среднего, %	Разрыв, %	Доля учреждений здравоохранения, использовавших Интернет, в общем числе учреждений здравоохранения, 2023 г.	Разрыв от среднего, %	Разрыв, %
ЦФО	87,0	-9,7	-12,5	96,0	3,1	3,1
СЗФО	53,8	23,5	30,4	93,7	5,4	5,5
ЮФО	82,3	-5,0	-6,5	96,1	3,0	3,0
СКФО	63,8	13,5	17,5	94,7	4,4	4,4
ПФО	84,3	-7,0	-9,1	97,6	1,5	1,5
УФО	78,9	-1,6	-2,1	97,1	2,0	2,0
СФО	69,5	7,8	10,1	95,6	3,5	3,5
ДФО	64,4	12,9	16,7	96,4	2,7	2,7
РФ	77,3	-	-	99,1	-	-

Интерпретация значений цифрового разрыва по компоненту услуги и рекомендации по реализации политики цифрового развития регионов представлены в таблице 8.

Расчет цифрового разрыва по федеральным округам России в рамках компонента услуги отражен в таблице 9¹¹.

Интерпретация значений цифрового разрыва по компоненту бизнес и рекомендации по реализации политики цифрового развития регионов представлены в таблице 10.

Таким образом, цифровой компас регионов России может быть представлен в виде отдельных радиальных диаграмм по каждому показателю либо интегральному показателю каждого компонента, а также в форме радиальной диаграммы интегрального индекса по всем компонентам цифрового компаса, отражающей сбалансированность и уровень цифровой зрелости федеральных округов. Данный компас наглядно показывает вектор цифрового неравенства: от насыщенных цифровых центральных и северных регионов к уязвимым восточным и южным территориям.

Цифровой компас является универсальным и гибким инструментом регионального управления цифровым развитием, легко адаптируется под новые показатели цифрового развития региональной

статистики и позволяет детализировать структурные составляющие для выработки детальных решений. Ограничением настоящего инструмента является ограниченность статистической базы региональной статистики.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает актуальность и значимость применения модели цифрового компаса регионального развития как современного инструмента оценки и управления цифровой трансформацией территорий. В отличие от традиционных индексов цифрового развития, цифровой компас ориентирован не только на фиксацию текущей цифровой дифференциации, но и на формирование стратегических траекторий достижения целевых параметров цифровой зрелости.

Использование абсолютных и относительных цифровых разрывов позволяет выявлять структурные ограничения цифровой среды; оценивать фактические масштабы недостающих ресурсов; осуществлять сравнительный межрегиональный анализ цифрового неравенства; отслеживать динамику сокращения цифрового разрыва; проектировать целевые модели регионального цифрового развития.

Модель цифрового компаса обеспечивает комплексное и сбалансированное сравнение регионов

¹¹ Сост. по: Итоги федерального статистического наблюдения...

Табл. 8. Интерпретация уровней внедрения цифрового компаса по компоненту услуги и рекомендации по реализации политики цифрового развития регионов

Tab. 8. "Digital compass" implementation levels based on *Service* component: recommendations for regional digital development policy

Уровень внедрения	Федеральные округа	Интерпретация	Рекомендации
Лидеры	ЦФО, ЮФО, ПФО	Высокая вовлеченность населения, почти полная цифровизация учреждений	Поддержание статуса регионов-драйверов электронных госуслуг
Средний пояс	УФО, СФО	Недостаточная вовлеченность населения при наличии развитой инфраструктуры; потенциал роста через реализацию мер государственной политики	Цифровое обучение и популяризация сервисов, например участие в реализации целевой программы «Цифровая грамотность 2.0»
Периферия	СЗФО, СКФО, ДФО	Наибольшие относительные разрывы по использованию госуслуг; требуются программы цифровой инклюзии и мотивации	Увеличение цифровой вовлеченности граждан; развитие цифровой грамотности населения; использование мобильных госуслуг для малых населенных пунктов; переход от подключения к активному использованию цифровых услуг здравоохранения (электронных рецептов, телемедицины, региональных медицинских ЕГИСЗ-модулей); обучение медперсонала цифровой грамотности; координация цифровых векторов развития регионов [28; 29]

Табл. 9. Компонент бизнес: расчет цифрового разрыва

Tab. 9. *Business* component: calculating the digital divide

Федеральный округ	Доля организаций, использующих доступ к сети Интернет со скоростью не менее 2 Мбит/с, в общем числе организаций, 2024 г.	Разрыв от среднего, %	Разрыв, %	Доля организаций, имевших специальные программы средства для управления закупками товаров, в общем числе обследованных организаций, 2023 г.	Разрыв от среднего, %	Разрыв, %	Доля организаций, осуществляющих продажу товаров / услуг через Интернет, 2022 г.	Разрыв от среднего, %	Разрыв, %
ЦФО	62,0	-0,1	-0,16	33,1	0,1	0,30	41,5	-0,3	-0,72
СЗФО	64,2	2,1	3,38	31,9	-1,1	-3,33	43,2	1,4	3,35
ЮФО	58,2	-3,9	-6,28	33,2	0,2	0,61	41,7	-0,1	-0,24
СКФО	53,0	-9,1	-14,65	28,0	-5,0	-15,15	36,5	-5,3	-12,68
ПФО	61,9	-0,2	-0,32	32,7	-0,3	-0,91	41,9	0,1	0,24
УФО	66,9	4,8	7,73	36,6	3,6	10,91	45,0	3,2	7,66
СФО	66,4	4,3	6,93	34,1	1,1	3,33	41,4	-0,4	-0,96
ДФО	58,9	-3,2	-5,15	33,1	0,1	0,30	41,7	-0,1	-0,24
РФ	62,1	-	-	33,0	-	-	41,8	-	-

Табл. 10. Интерпретация уровней внедрения цифрового компаса по компоненту бизнес и рекомендации по реализации политики цифрового развития регионов

Tab. 10. "Digital compass" implementation levels based on *Business* component: recommendations for regional digital development policy

Уровень внедрения	Федеральные округа	Интерпретация	Рекомендации
Лидеры	СЗФО, УФО, СФО	Быстрый Интернет, внедрение программных средств для закупок и активные продажи через Интернет	Показатели превышают средний уровень по РФ; поддерживающая политика цифрового развития
Средний пояс	ЦФО, ЮФО, ПФО, ДФО	Показатели близки к среднему значению по РФ; незначительные разрывы как положительные, так и отрицательные	Требуется умеренное стимулирование цифровизации, особенно в части интернет-доступа и цифровой коммерции
Периферия	СКФО	Системное отставание по всем направлениям: низкая доля организаций с быстрым Интернетом, ограниченное использование программных средств для закупок и низкий уровень онлайн-продаж	Необходимы целевые меры по развитию инфраструктуры, обучению и поддержке цифровой трансформации бизнеса

по четырем ключевым параметрам цифровой трансформации – *инфраструктура, человеческий капитал, доступность цифровых услуг и цифровая трансформация бизнеса*. Проведенный анализ показал выраженную территориальную неоднородность цифрового развития: лидирующие позиции занимают федеральные округа с развитой инфраструктурой и высокими показателями цифрового человеческого капитала (прежде всего ЦФО и СЗФО), тогда как южные и дальневосточные регионы демонстрируют устойчивый цифровой разрыв.

Практическая значимость исследования заключается в том, что цифровой компас может служить прикладным аналитическим инструментом для региональных и федеральных органов власти, обеспечивая возможность построения интегральных и детализированных радиальных диаграмм по каждому направлению цифрового развития, визуализацию дисбалансов и стратегических точек роста, формирование управленческих решений, направленных на выравнивание цифровой инфраструктуры, развитие цифровых компетенций и стимулирование цифровой экономики. При этом ограничения такого

инструмента связаны с недостаточной детализацией региональной статистики, что требует дальнейшего методического совершенствования моделей цифровых измерений и расширения статистической базы. Тем не менее цифровой компас является эффективным концептуально-прикладным механизмом сокращения территориального цифрового разрыва, ориентированным на повышение цифровой устойчивости и конкурентоспособности регионов России.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

1. Karpunina E. K., Zabelina O. V., Lupacheva S. V., Mirzabalaeva F. I., Alieva P. R. Assessment of interregional divides in digital development as a basis for the policy of overcoming Russia's digital lag. *International Journal of Technology Policy & Management*, 2023, 23(2): 148–169. <https://doi.org/10.1504/ijtpm.2023.131373>
2. Пономарев С. В., Усанов А. Ю., Покаместов И. Е., Кузьменко Н. И. Цифровое развитие хозяйственных систем стран БРИКС. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические,*

- социологические и экономические науки. 2024. Т. 9. № 4. С. 598–609. [Ponomarev S. V., Usanov A. Yu., Pokamestov I. E., Kuzmenko N. I. Digital development of economic systems of BRICS countries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 598–609. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-598-609>
3. Bychkova N. P., Tavbulatova Z. K., Ruzhanskaya N. V., Tamov R. M., Karpunina E. K. Digital readiness of Russian regions. *Proceedings of the 36th IBIMA Conference*, 2020, 2442–2460. <https://elibrary.ru/oxfwph>
 4. Karpunina E. K., Pilipchuk N. V., Mirzabalaeva F. I., Alieva P. R., Zubareva N. N. Measuring the activity of the population of Russian regions in the global online labour market. *International Journal of Human Resources Development & Management*, 2023, 23(3): 250–267. <https://doi.org/10.1504/ijhrdm.2023.136388>
 5. Галиева Г. Ф., Алехина О. Ф., Корякина Т. В., Башлыков Т. В. Исследование активности населения на онлайн-платформах рынка труда. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 3. С. 419–428. [Galieva G. F., Alekhina O. F., Koryakina T. V., Bashlykov T. V. Population activities on online labor market platforms. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(3): 419–428. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-3-419-428>
 6. Nazarova I. G., Galieva G. F., Sazanova E. V., Chernenko E. M., Karpunina E. K. Labor market and employment problems: Analysis of long-term dynamics and prospects of development in Russian regions. *Imitation market modeling in digital economy: Game theoretic approaches*, ed. Popkova E. G. Cham: Springer, 2022, 711–722. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93244-2_77
 7. Thordsen T., Bick M. A decade of digital maturity models: Much ado about nothing? *Information Systems and E-Business Management*, 2023, 21(4): 947–976. <https://doi.org/10.1007/s10257-023-00656-w>
 8. Rossmann A. Digital maturity: Conceptualization and measurement model. *Bridging the Internet of People, Data, and Things*: Proc. 39th Intern. Conf., San Francisco, 13–16 Dec 2018. San Francisco, 2018, vol. 2, 1633–1641.
 9. Ostmeier E., Strobel M. Building skills in the context of digital transformation: How industry digital maturity drives proactive skill development. *Journal of Business Research*, 2022, 139: 718–730. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.09.020>
 10. Ochoa-Urrego R.-L., Peña-Reyes J.-I. Digital maturity models: A systematic literature review. *Digitalization: Approaches, case studies, and tools for strategy, transformation and implementation*, eds. Shallmo D. R. A., Tidd J. Cham: Springer, 2021, 71–85. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69380-0_5
 11. Строев В. В., Сидоренко С. В. Анализ цифровой зрелости регионов Российской Федерации. *Вестник университета*. 2024. № 5. С. 5–14. [Stroev V. V., Sidorenko S. V. Analysis of digital maturity of the Russian regions. *Vestnik universiteta*, 2024, (5): 5–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/atstie>
 12. Попов Е. В. Цифровые навыки в регионах России. *Социологические исследования*. 2024. № 6. С. 65–75. [Popov E. V. The regional dimension of digital skills research. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2024, (6): 65–75. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S0132162524060065>
 13. Гладкова А. А., Гарифуллин В. З., Рагнедда М. Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере Республики Татарстан). *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2019. № 4. С. 41–72. [Gladkova A. A., Garifullin V. Z., Ragnedda M. Model of three levels of the digital divide: Current advantages and limitations (as exemplified by the republic of Tatarstan). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2019, (4): 41–72. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172>
 14. Груздева М. А. Цифровые навыки и бонусы использования цифровых услуг: признаки территориальной асимметрии. *Human Progress*. 2020. Т. 6. № 4. [Gruzdeva M. A. Digital skills and benefits of using digital services: Signs of territorial asymmetry. *Human Progress*, 2020, 6(4). (In Russ.)] <https://doi.org/10.34709/IM.164.4>
 15. Алехина О. Ф., Бейлина А. Ф., Труфанова С. А., Башлыков Т. В. Исследование особенностей фриланс-деятельности населения России на онлайн-платформах рынка труда. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2024. Т. 14. № 3. С. 194–206. [Alyokhina O. F., Beilina A. F., Trufanova S. A., Bashlykov T. V. A study of the peculiarities of freelance activity of the Russian population on online labor market platforms. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2024, 14(3): 194–206. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-3-194-206>

16. Vassilakopoulou P., Hustad E. Bridging digital divides: A literature review and research agenda for information systems research. *Information Systems Frontiers*, 2023, 25(3): 955–969. <https://doi.org/10.1007/s10796-020-10096-3>
17. Elena-Bucea A., Cruz-Jesus F., Oliveira T., Coelho P. S. Assessing the role of age, education, gender and income on the digital divide: Evidence for the European Union. *Information Systems Frontiers*, 2020, 23(4): 1007–1021. <https://doi.org/10.1007/s10796-020-10012-9>
18. Díaz Andrade A., Techatassanasoontorn A. A. Digital enforcement: Rethinking the pursuit of a digitally-enabled society. *Information Systems Journal*, 2020, 31(1): 184–197. <https://doi.org/10.1111/isj.12306>
19. Lythreath S., Singh S. K., El-Kassar A. N. The digital divide: A review and future research agenda. *Technological Forecasting and Social Change*, 2022, 175. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121359>
20. De Bruyn C., Musa K., Castanho R. A. Can digitalization bridge the gap? Exploring human development and inequality in Gauteng province, South Africa? *Sustainable Development*, 2025, 33(3): 3847–3857. <https://doi.org/10.1002/sd.3329>
21. Пономарев С. В., Бондарева Н. А., Абалакин А. А. Преимущества и ограничения развития экосистемы цифровой экономики (на примере стран БРИКС и G7). *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. 2024. Т. 26. № 1. С. 128–140. [Ponomarev S. V., Bondareva N. A., Abalakin A. A. Advantages and limitations of the development of the digital economy ecosystem (using the example of the BRICS and G7 countries). *Journal of Volgograd State University. Economics*, 2024, 26(1): 128–140. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2024.1.11>
22. Maksaev A. E., Surakatov N. S., Sobolevskaya T. G., Lebedeva S. L., Karpunina E. K. Online education in developing countries: A comparative analysis of the development of the sector in Russia, China and Brazil. *Proceedings of the 36th International Business Information Management Association Conference*, 2020, 2266–2276. <https://elibrary.ru/tonpaz>
23. Ponomarev S. V., Mirgorod E. E., Beilina A. F., Chudaeva A. A., Maksaev A. A. Online education in BRICS countries: New opportunities for post-pandemic development. *Ecological footprint of the modern economy and the ways to reduce it. The role of leading technologies and responsible innovations*, eds. Sergi B. S., Popkova E. G., Ostrovskaya A. A., Chursin A. A., Ragulina Yu. V. Cham: Springer, 2024, 373–378. https://doi.org/10.1007/978-3-031-49711-7_62
24. Pilipchuk N. V., Strelnikova T. D., Batova O. V., Subkhonberdiev A. Sh., Lyalyuk A. V. Transformation of the higher education services market: Comparative analysis by OECD countries. *Innovative trends in international business and sustainable management*, eds. Lazareva E. I., Murzin A. D., Rivza B. A., Ostrovskaya V. N. Singapore: Springer, 2023, 321–332. https://doi.org/10.1007/978-981-19-4005-7_36
25. Gorbunova O. N., Pilipchuk N. V., Udovik E. E., Shugaeva O. V., Shumakova I. A. Work 4.0: Designing competencies for the employee of the future. Business 4.0 as a subject of the digital economy. *Advances in science, technology & innovation*, ed. Popkova E. G. Cham: Springer, 2022, 53–60. https://doi.org/10.1007/978-3-030-90324-4_9
26. Karpunina E. K., Konovalova M. E., Titova E. V., Kheyfits B. I., Sobolevskaya T. G. New paradigm of the strategy of advanced development in the digital economy: Prerequisites, contradictions and prospects. *Education excellence and innovation management: A 2025 vision to sustain economic development during global challenges: Proc. 35th Intern. Conf., Seville, 1–2 Apr 2020. IBIMA*, 2020, 2270–2281. <https://elibrary.ru/diwzxr>
27. Karpunina E. K., Arutyunova A. E., Sazanova E. V., Maksaev A. A., Galieva G. F. Digitalisation determinants and digital dividends of the higher education system (on the example of Russia). *International Journal of Education Economics and Development*, 2022, 13(4). <https://doi.org/10.1504/ijeed.2022.125333>
28. Московцева Л. В., Окунькова Е. А., Королюк Е. В., Пономарев С. В. Цифровые инновации в системе государственного управления. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2024. Т. 14. № 1. С. 34–47. [Moskovtseva L. V., Okunkova E. A., Korolyuk E. V., Ponomarev S. V. Digital innovations in the system of public administration. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2024, 14(1): 34–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/alnre>
29. Плясова С. В., Языкова С. В., Конищев Е. В., Арасланбаев И. В. Теоретико-методические основы исследования цифровой инклюзии в России. *Вестник Сургутского государственного университета*. 2023. Т. 11. № 2. С. 46–60. [Plyasova S. V., Yazykova S. V., Konishchev E. V., Araslanbaev I. V. Theoretical and methodological base for studying digital inclusion in Russia. *Surgut State University Journal*, 2023, 11(2): 46–60. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35266/2312-3419-2023-2-46-60>

оригинальная статья

eLibrary EDN: UESDZN

Типология сервисных рисков таможенного регулирования и таможенного администрирования

Фальченко Оксана Дмитриевна

Уральский государственный экономический университет, Россия, Екатеринбург

eLibrary Author SPIN: 2570-8759

<https://orcid.org/0000-0003-0956-514X>falchenko@usue.ru

Аннотация: Цель – разработать типологию сервисных рисков таможенного регулирования и таможенного администрирования на основе разграничения результативного и процессуального контуров таможенной деятельности. Исходным методологическим положением выступает тезис, согласно которому таможенное регулирование и производная от него таможенная услуга характеризуют результативное измерение таможенной деятельности, тогда как таможенное администрирование и реализуемый в его рамках таможенный сервис характеризуют ее процессуальное измерение. Такое разграничение позволяет рассматривать сервисные риски не как однородную совокупность отклонений, а как систему рисков результата и рисков процесса. Теоретическая база исследования сформирована на основе российских и зарубежных работ, посвященных качеству таможенных услуг, сервисно-ориентированному таможенному администрированию, системе управления рисками, цифровизации таможни, стандартизации таможенных услуг, упрощению торговых процедур, результативности таможенной деятельности и таможенному управлению на основе данных. Использованы контент-анализ, структурно-функциональный, сравнительно-правовой и риск-ориентированный подходы. В результате сформулированы авторские определения сервисного таможенного риска результативного и процессуального контуров, обоснована двухконтурная модель типологии сервисных рисков, выделены их базовые классы и предложена многоуровневая типология по объекту воздействия, стадии взаимодействия, источнику возникновения, степени управляемости и последствиям. Показано, что сервисные риски таможенного регулирования проявляются прежде всего в дефектах юридически значимого результата таможенной услуги, а сервисные риски таможенного администрирования – в дефектах организации, сопровождения, коммуникации, цифровой инфраструктуры и аналитического обеспечения таможенного сервиса. Установлена необходимость включения сервисной компоненты в современную систему управления рисками в таможенной сфере и в модели оценки эффективности таможенных органов.

Ключевые слова: сервисные риски, таможенное регулирование, таможенное администрирование, таможенная услуга, система управления рисками, клиентоцентричность, цифровизация, упрощение торговых процедур

Цитирование: Фальченко О. Д. Типология сервисных рисков таможенного регулирования и таможенного администрирования. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2026. Т. 11. № 3. С. 462–477. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-462-477>

Поступила в редакцию 09.03.2026. Принята после рецензирования 07.05.2026. Принята в печать 11.05.2026.

original article

Typology of Service Risks in Customs Regulation and Administration

Oksana D. Falchenko

Ural State University of Economics, Russia, Ekaterinburg

eLibrary Author SPIN: 2570-8759

<https://orcid.org/0000-0003-0956-514X>

falchenko@usue.ru

Abstract: This article proposes a typology of service risks in customs regulation and customs administration. The classification is based on the distinction between outcomes and processes in customs activity. Customs regulation and its derivative customs services characterize the outcome dimension of customs activity, while customs administration and the customs services implemented within its framework characterize its process dimension. As a result, service risks transform from a homogeneous set of deviations into a system of outcome and process risks. The research relies on Russian and international studies on the quality of customs services, service-oriented customs administration, risk management systems, customs digitalization, the standardization of customs services, the optimization of trade procedures, customs performance, and data-driven customs management. The methodology includes content analysis, as well as structural-functional, comparative-legal, and risk-oriented approaches. The article contains definitions of service customs risks and processes, a dual-loop typology of service risks, their basic classification, and a multi-level typology based on the object of influence, stage of interaction, source of occurrence, degree of controllability, and consequences. Service risks in customs regulation manifest themselves primarily as defects in the legally binding outcomes of customs services, while service risks in customs administration manifest themselves as defects in organization, support, communication, digital infrastructure, and analytical tools. Finally, the service component should be included in modern risk management systems within the customs sector and in models assessing the effectiveness of customs authorities.

Keywords: service risks, customs regulation, customs administration, customs service, risk management system, customer-centricity, digitalization, simplification of trade procedures

Citation: Falchenko O. D. Typology of Service Risks in Customs Regulation and Administration. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(3): 462–477. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-462-477>

Received 9 Mar 2026. Accepted after review 7 May 2026. Accepted for publication 11 May 2026.

Введение

Современная трансформация таможенной деятельности происходит под влиянием нескольких взаимосвязанных факторов: цифровизации внешнеэкономических процессов, усложнения транграничных цепочек поставок, роста требований к прозрачности государственного управления, а также смещения управленческой логики от исключительно контрольной модели к модели, в которой существенное значение приобретают качество взаимодействия, предсказуемость процедур и клиентоцентричность. В этих условиях описание таможенной системы только через категории контроля, взыскания платежей и выявления нарушений уже недостаточно. Данная система все отчетливее проявляет себя как сложный институт, сочетающий нормативное регулирование, административную организацию и сервисное сопровождение участника

внешнеэкономической деятельности (ВЭД). Именно поэтому для анализа таможенной сферы принципиально важно развести два взаимосвязанных, но не тождественных контура – результативный и процессуальный.

В российской научной литературе, посвященной таможенным услугам, детально изучены:

1. **Категория качества результата таможенных услуг:** отмечается сложность определения понятий *таможенная услуга* и *качество таможенной услуги* и утверждается, что их нельзя сводить к формальному совершению действия [1]; повышение качества таможенных услуг связывается с ростом эффективности взаимодействия государства и участников ВЭД [2]; управление качеством таможенных услуг рассматривается как самостоятельное направление совершенствования деятельности таможенных

органов [3]; предлагаются система показателей качества таможенных услуг [4] и авторский методический подход к комплексной оценке качества таможенных услуг [5]; обосновывается методика оценки качества таможенных услуг в условиях клиентоцентричности [6]; демонстрируется трансформация маркетинговой модели государственных таможенных услуг и представляется обновленная методика их оценки [7].

2. Таможенное администрирование: подчеркивается необходимость формирования новых подходов к организации таможенного администрирования [8]; раскрываются понятие и содержание таможенного администрирования в Евразийском экономическом союзе [9]; предлагается методология сервисно-ориентированного таможенного администрирования [10] и анализируется зарубежный опыт развития системы администрирования таможенных услуг [11]; посредством обращения к базовой терминологии таможенного сервиса показывается, что сама категория сервиса требует специального нормативно-правового и научного разграничения [12]. Таким образом, таможенное администрирование следует рассматривать не только как механизм реализации норм, но и как особую организационно-процессную среду взаимодействия.

3. Система управления рисками (СУР): рассматривается как средство повышения эффективности таможенного контроля [13]; внимание акцентируется на вопросе об эффективности системы управления рисками в таможенной сфере [14]; описывается развитие СУР как современного механизма таможенного администрирования [15]; управление рисками анализируется в условиях интеллектуализации цифровых таможенных технологий [16]. Однако, несмотря на интенсивную разработку темы СУР, сервисные риски, как правило, растворяются либо в общей проблематике таможенных рисков, либо в теме качества публичных услуг. Между тем сервисные отклонения имеют собственную природу и требуют отдельной типологизации.

Зарубежная литература позволяет расширить контекст анализа. Так:

- полнота, корректность и надежность таможенного контроля рассматриваются как интегральные характеристики качества таможенной деятельности [17];
- анализируется стандартизация таможенных услуг в Европейском союзе [18];

- управление рисками связывается с повышением результативности таможенной деятельности [19];
- предлагаются пути модернизации управления рисками в Монголии [20];
- разрабатывается новая методология построения таможенных моделей риска [21];
- обосновывается интегрированный подход к управлению рисками и обеспечению добровольного соблюдения требований [22];
- демонстрируется влияние внедрения информационно-коммуникационных технологий на цифровую таможню и риск-менеджмент в Корее [23];
- управление рисками эмпирически связывается с защитой фискальных интересов таможенной службы Иордании [24];
- рассматривается значение упрощения торговых процедур, прозрачности и добросовестности международной торговли для качества пограничных процедур [25–27];
- анализируется изменение будущей роли таможни¹;
- демонстрируется развитие моделирования рисков, применение машинного обучения в оценке конкурентоспособности таможенного надзора, систематизация современных вызовов управления рисками и таможенное управление на основе данных в целях обеспечения безопасности цепей поставок [28–31].

В ранней работе автора [32] предложена концептуальная модель, согласно которой таможенное регулирование ориентировано на результат в виде таможенной услуги, а таможенное администрирование обеспечивает процессуальную сторону в виде таможенного сервиса. Помимо этого, внимание акцентируется на структуре *регулирование – результат и администрирование – процесс*, а таможенная услуга определяется как юридически значимый результат взаимодействия участника ВЭД и таможенного органа. Таможенный же сервис представляет собой совокупность действий, технологий и решений, направленных на сопровождение, упрощение, автоматизацию и персонализацию процесса такого взаимодействия [Там же].

Такой подход задает категориальный каркас данной статьи. Теоретическое усиление данного каркаса обеспечивается работой [33], в которой таможенное регулирование рассматривается как многоаспектная система правового, экономического и комплексного воздействия государства на внешнеэкономическую

¹ OECD Trade Facilitation Indicators: Monitoring policies up to 2023. Paris: OECD, 2023. URL: <https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-sub-issues/trade-facilitation/OECD-Trade-Facilitation-Update-2023.pdf> (accessed 3 Feb 2026).

деятельность. О. Д. Фальченко и Е. Г. Стремоусовой утверждает, что в научной литературе отсутствует единая трактовка таможенного регулирования, а потому его корректное понимание требует учета нормативно-правовой, экономической и административной составляющих [Там же]. Для нас этот тезис особенно важен, т.к. результативный контур таможенной деятельности не сводится к формальному акту, а укоренен в более широкой институциональной конфигурации целей, правил, ограничений и инструментов внешнеэкономической политики.

При всей содержательной насыщенности рассмотренных исследований в научной литературе сохраняется недостаточная проработанность вопроса о том, как именно типологизировать сервисные риски в таможенной сфере. Существующие подходы чаще оценивают либо качество услуги, либо эффективность контроля, либо зрелость цифровых механизмов. Настоящая статья исходит из иного положения: сервисные риски целесообразно анализировать через разведение результативного контура (*таможенное регулирование – таможенная услуга*) и процессуального контура (*таможенное администрирование – таможенный сервис*). Это позволяет увидеть, что часть сервисных рисков локализована в дефектах самого юридически значимого результата, тогда как другая часть – в дефектах пути его достижения.

Цель – разработать типологию сервисных рисков таможенного регулирования и таможенного администрирования на основе разграничения результативного и процессуального контуров таможенной деятельности. Задачи:

- 1) уточняется соотношение понятий *таможенное регулирование*, *таможенная услуга*, *таможенное администрирование* и *таможенный сервис*;
- 2) формулируются определения *сервисного риска* в результативном и процессуальном контурах;
- 3) разрабатывается многоуровневая типология сервисных рисков;
- 4) определяется значение предложенной типологии для развития системы управления рисками, сервисной таможни и клиентоцентричного государственного управления.

Методы и материалы

Теоретико-эмпирическую базу исследования составили российские и зарубежные научные публикации 2010–2025 гг., посвященные следующим тематическим блокам: теория таможенного регулирования;

качество и оценка таможенных услуг; таможенное администрирование и таможенный сервис; система управления рисками в таможенной сфере; цифровизация и интеллектуализация таможенных технологий; упрощение торговых процедур, стандартизация и конкурентоспособность таможенного надзора [1–33]. Особое методологическое значение имеют ранние работы автора [32; 33]. В первой из них услуга и сервис разведены как результат и процесс соответственно [32]. Во второй обоснована многоаспектная природа таможенного регулирования и систематизированы правовой, экономический и комплексный подходы к его интерпретации [33]. Эти работы позволяют не просто описать качество взаимодействия с таможенными органами, а вывести его из более общей конструкции таможенной системы.

В статье использованы следующие методы:

1. Контент-анализ применялся с целью выделения повторяющихся смысловых узлов в отечественной научной литературе, посвященной:

- таможенной услуге [5–7]: доминирующие категории – категории качества, доступности, своевременности, полноты, юридической определенности и удовлетворенности потребителя;
- таможенному администрированию и сервису [8–12]: доминирующие категории – категории организации процессов, координации, цифровизации, сопровождения, процессного подхода и клиентского пути;
- системе управления рисками [13–16]: доминирующие категории – категории добровольного соблюдения требований, надежности, цифровой таможни, моделей риска, упрощения торговых процедур, добросовестности международной торговли, конкурентоспособности и управления на основе данных².

2. Структурно-функциональный подход позволил представить таможенную деятельность как систему двух взаимосвязанных подсистем³: первая – результативная – связана с формированием официального юридически значимого результата; вторая – процессуальная – связана с организацией, сопровождением и технологическим обеспечением взаимодействия.

3. Сравнительно-правовой подход использовался для анализа того, как в научных и нормативных трактовках описывается таможенное регулирование и какие элементы включаются в его содержание.

² Эти категории также рассматриваются в зарубежной научной литературе [17–31].

³ Такое деление непосредственно опирается на концептуальную модель автора, где таможенная услуга трактуется как результат, а таможенный сервис – как процесс (см. [32]).

Важное значение здесь имеет вывод о том, что таможенное регулирование должно интерпретироваться через сочетание правовой, экономической и комплексной перспектив [33].

4. Риск-ориентированный подход применялся для переосмысления сервисной проблематики в категориях вероятности отклонения и масштаба его последствий. Такой подход опирается на работы по системе управления рисками в таможенной сфере [13–16; 19–22; 28–31], но расширяет их логику, включая в предмет анализа не только нарушения и потери бюджета, но и дефекты качества результата и процесса.

В статье под *сервисным риском* понимается вероятность и масштаб возникновения отклонения, ухудшающего либо качество юридически значимого результата таможенного взаимодействия, либо качество процесса его достижения. Соответственно, различаются сервисные риски результативного контура и сервисные риски процессуального контура.

Результаты

Результативный и процессуальный контуры таможенной деятельности

С учетом работ [32; 33] предлагается исходить из следующего положения: таможенное регулирование и таможенная услуга образуют результативный контур таможенной деятельности; таможенное администрирование и таможенный сервис образуют процессуальный контур. Данное положение имеет не только описательное, но и классификационное значение.

Таможенное регулирование в этом случае понимается как система правового, экономического и административного воздействия, устанавливающая рамки, правила, условия и цели перемещения товаров через таможенную границу, совершения таможенных операций, уплаты платежей, соблюдения запретов и ограничений и иных элементов внешнеэкономического режима [2]. Таможенное регулирование задает содержание того результата, который должен быть достигнут в конкретной ситуации взаимодействия государства и участника ВЭД.

Таможенная услуга – юридически значимый результат действия данной регулятивной системы, которая характеризуется четкой нормативной регламентацией, завершенностью действия, юридическими последствиями и подтверждением официальным документом [32]. Это означает, что услуга определяет, какой официальный результат получен участником ВЭД. Выпуск товара, регистрация декларации, принятие классификационного решения, подтверждение статуса или иное официальное решение – все это формы результативного измерения.

Таможенное администрирование, напротив, относится к организации процесса достижения результата. Оно охватывает проектирование процедур, распределение функций, обеспечение координации, создание цифровой инфраструктуры, выстраивание каналов коммуникации, организацию сопровождения и управление взаимодействием с субъектами ВЭД [8–12]. В этой связи таможенное администрирование уточняет, каким образом создаются условия для получения результата.

Таможенный сервис – процессуальное выражение таможенного администрирования. Он включает информационное сопровождение, консультации, цифровые платформы, электронные кабинеты, сервисы расчета платежей, системы отслеживания статуса, предварительное информирование и иные элементы, которые не всегда сами по себе образуют юридически значимый итог, но обеспечивают его достижение [32]. Следовательно, данный сервис устанавливает, каким образом участник ВЭД проходит путь к официальному результату.

Таким образом, различие между результативным и процессуальным контурами имеет принципиальный характер. Если результативный контур ориентирован на достижение формализованного правового эффекта, то процессуальный – на организацию удобного, надежного, предсказуемого и технологически устойчивого пути к этому эффекту.

Сущность сервисных таможенных рисков результата и процесса

Автор предлагает следующие базовые определения сервисных таможенных рисков:

- *сервисный таможенный риск результативного контура* – вероятность и масштаб отклонения от нормативно и процедурно ожидаемого качества таможенной услуги как юридически значимого результата таможенного регулирования, выражающегося в снижении ее доступности, своевременности, полноты, точности, прозрачности или единообразия;
- *сервисный таможенный риск процессуального контура* – вероятность и масштаб отклонения в организации, сопровождении, координации, цифровом обеспечении, коммуникации и аналитической поддержке взаимодействия участника ВЭД с таможенными органами, ухудшающего процесс достижения результата.

Эти определения позволяют разделить риски по критерию локализации неблагоприятного отклонения. В первом случае оно локализовано в качестве официального результата, во втором – в качестве организуемого процесса.

Типология сервисных таможенных рисков результативного контура

Сервисные таможенные риски результативного контура связаны с дефектами таможенной услуги как результата таможенного регулирования (табл. 1). Такая постановка вопроса опирается на авторский подход, представленный в работе [Там же], согласно которому таможенная услуга – это юридически значимый результат регулирующего воздействия, а качественные характеристики ее достижения требуют отдельного аналитического рассмотрения. Указывается, что таможенное регулирование следует интерпретировать как многоаспектную систему правового, экономического и организационного воздействия, что позволяет рассматривать отклонения результата не как частные сбои, а как проявления более широкой регулятивной конфигурации [33].

Таким образом сервисные таможенные риски результативного контура целесообразно трактовать следующим образом:

1. Риск недоступности таможенной услуги. В научной литературе понятия *таможенная услуга* и *качество таможенной услуги* не могут быть сведены только к факту формального совершения действия, т.к. ключевое значение имеет реальная достижимость результата для адресата [5]; качество таможенных услуг связывается с возможностью их фактического получения без избыточных затруднений [2]; управление качеством таможенных услуг предполагает снижение барьеров, связанных с восприятием и прохождением данной процедуры [3]; доступность таможенной услуги выступает одной из базовых характеристик качества таможенной услуги [4–7]. Следовательно, риск недоступности

Табл. 1. Сервисные таможенные риски результативного контура

Tab. 1. Outcome-loop service customs risks

Риск	Характеристика
Недоступность таможенной услуги	Возникает в ситуации, когда формально существующая таможенная услуга фактически оказывается труднодостижимой для участника внешнеэкономической деятельности. Проявляется в сложной конфигурации требований, дефиците понятной информации, избыточных барьерах входа в процедуру и недостаточной ясности состава необходимых действий
Несвоевременность результата	Связан с нарушением разумных или регламентированных сроков достижения юридически значимого результата. Проявляется в затягивании процедуры, снижении практической ценности результата и росте неопределенности для участника внешнеэкономической деятельности
Неполнота результата	Возникает в ситуации, когда формально предоставленная услуга не обеспечивает полного объема ожидаемого правового эффекта. Выражается в необходимости повторных обращений, дополнительных уточнений, прохождения параллельных процедур или последующего устранения недостатков результата
Неточность результата	Отражает наличие ошибок в классификации, обработке данных, документальном оформлении, интерпретации сведений и иных дефектах официального результата. Сервисная значимость риска состоит в ухудшении качества полученной услуги даже при отсутствии прямого правонарушения
Непрозрачность результата	Связан с недостаточной объяснимостью итогового решения. Проявляется в непонимании критериев принятия решения, оснований дополнительных требований, причин усиления контроля либо отклонения от ожидаемого итога. Снижает доверие и предсказуемость правоприменения
Нормативная противоречивость результата	Возникает при неодинаковой реализации одной и той же услуги в разных контекстах из-за разночтений норм, коллизий регулирования или различий в правоприменительной практике. Для пользователя выражается в нестабильности результата даже при формально сходных обстоятельствах
Дискреционная вариативность результата	Связан с чрезмерной зависимостью итогового решения от индивидуального усмотрения должностного лица, локальной практики или неформализованных критериев оценки. Находится на границе между результативным и организационным измерениями, но проявляется прежде всего как отклонение в самом результате
Повторяемость услуги	Возникает при необходимости повторного прохождения по существу той же траектории получения услуги вследствие дефектов первоначального решения, технических несоответствий или незавершенности результата. Ведет к росту транзакционных издержек и снижению эффективности взаимодействия

возникает тогда, когда формально существующая услуга фактически оказывается трудно достижимой для участника ВЭД из-за сложной конфигурации требований, дефицита понятной информации, избыточных барьеров входа в процедуру или отсутствия ясных разъяснений относительно состава необходимых действий.

2. Риск несвоевременности результата. В научной литературе качество таможенных услуг связывается с их своевременностью, при этом подчеркивается, что ценность результата снижается, если он предоставляется с задержкой [2]; при рассмотрении оценки качества таможенных услуг в условиях клиентоцентричности подчеркивается значимость временного параметра как одного из ключевых критериев качества [6]; утверждается, что надежность и корректность таможенного контроля неотделимы от соблюдения разумных сроков [17]; упрощение торговых процедур связывается с сокращением временных издержек и повышением предсказуемости трансграничных операций⁴ [25; 26]. Следовательно, риск несвоевременности результата проявляется в нарушении разумных или регламентированных сроков достижения результата и выступает самостоятельным сервисным отклонением, даже если юридическая корректность результата формально сохраняется.

3. Риск неполноты результата. В научной литературе предлагается система показателей качества таможенных услуг, которая опирается на тезис о том, что результат должен быть завершенным и достаточным по содержанию [4]; утверждается, что комплексная оценка качества таможенных услуг невозможна без учета полноты достигнутого эффекта [5]; подчеркивается, что в условиях клиентоцентричности и сервисной трансформации результат должен не просто быть формально выдан, но и закрывать потребность адресата [6; 7]. Следовательно, риск неполноты результата следует определять как ситуацию, при которой формально предоставленная услуга не обеспечивает полного объема ожидаемого правового эффекта и требует повторных обращений, дополнительных уточнений либо прохождения параллельных процедур.

4. Риск неточности результата. В научной литературе качество таможенной услуги связывается с корректностью и точностью результата [4]; утверждается, что полнота, корректность и надежность таможенного контроля должны рассматриваться как взаимосвязанные характеристики качества

таможенной деятельности [17]. Следовательно, риск неточности результата выражается в ошибках классификации, обработки данных, документального оформления, интерпретации сведений и иных дефектах официального результата. Его сервисная природа проявляется в том, что даже при отсутствии прямых признаков правонарушения качество полученной услуги как результата оказывается сниженным.

5. Риск непрозрачности результата. В научной литературе подтверждается, что в условиях клиентоцентричности значимым параметром качества таможенной услуги выступает понятность решения для его адресата [6]; в результате анализа трансформации маркетинговой модели государственных таможенных услуг выявляется, что прозрачность и объяснимость решения влияют на восприятие качества публичного сервиса [7]; стандартизация таможенных услуг связывается с необходимостью их большей предсказуемости и понятности [18]; демонстрируется, что эффективное управление рисками и соблюдение требований невозможно без доверия к логике принимаемых решений [22]. Следовательно, риск непрозрачности результата связан с недостаточной объяснимостью итогового решения, при которой участник ВЭД не понимает критерии его принятия, основания дополнительных требований или причины отклонения от ожидаемого итога.

6. Риск нормативной противоречивости результата. В научной литературе демонстрируется, что таможенное регулирование имеет многоаспектную природу и складывается на пересечении правового, экономического и комплексного подходов [33]; подчеркивается необходимость формирования новых подходов к организации таможенного администрирования именно в силу сложности нормативной среды [8]; показывается, что в сфере таможенного регулирования и сервиса существенное значение имеет единообразие трактовок и процедур [9–12]. Следовательно, риск нормативной противоречивости результата возникает тогда, когда единая по названию услуга фактически реализуется неодинаково в различных контекстах из-за разночтений норм, коллизий регулирования или различий в правоприменительной практике. Сервисное значение данного риска заключается в том, что пользователь сталкивается с нестабильностью результата даже при формально сходных обстоятельствах.

⁴ OECD Trade Facilitation Indicators...

7. Риск дискреционной вариативности результата. В научной литературе показывается, что риск-менеджмент является инструментом повышения эффективности таможенного контроля [13], а развитие риск-ориентированного подхода и интеллектуализация таможенных технологий не устраняют полностью зависимость результата от качества применяемых критериев и практик [14–16]; указывается, что административное усмотрение и качество риск-анализа существенно влияют на итоговый результат [22; 24]. Следовательно, риск дискреционной вариативности результата связан с чрезмерной зависимостью результата от индивидуального усмотрения должностного лица, локальной практики либо неформализованных критериев оценки. Несмотря на промежуточное положение между результативным и организационным измерениями, в данной типологии он относится к результативному контуру, т. к. непосредственным объектом отклонения выступает именно итоговое решение.

8. Риск повторяемости услуги. В научной литературе показывается, что одним из индикаторов недостаточного качества таможенной услуги является необходимость повторных обращений [5]; утверждается, что клиентоцентричная модель оценки качества должна учитывать, требует ли результат повторного прохождения по существу той же самой траектории [6; 7]; снижение торговых издержек связывается именно с устранением повторяющихся административных действий⁵ [25; 26]. Следовательно, риск повторяемости услуги проявляется в необходимости повторного прохождения одной и той же траектории получения результата вследствие дефектов первоначального решения, технических несоответствий или незавершенности результата. Этот риск увеличивает транзакционные издержки и снижает общую эффективность взаимодействия.

Типология сервисных таможенных рисков процессуального контура

Сервисные таможенные риски процессуального контура локализованы в среде достижения результата, т. е. в сфере таможенного администрирования и таможенного сервиса (табл. 2).

Если в результативном контуре центральным объектом анализа является качество юридически значимого итога, то в процессуальном внимание смещается на организацию пути к этому

итогу. Такая логика соответствует, во-первых, авторской позиции, изложенной в работе [32], согласно которой таможенный сервис следует интерпретировать как процессуальную форму обеспечения таможенной услуги, а во-вторых, методологическим выводам о самостоятельной значимости сервисно-ориентированного таможенного администрирования [10].

Более подробно разберем каждый из видов сервисных таможенных рисков процессуального контура:

1. Риск разрыва клиентского пути. В научной литературе демонстрируется, что таможенный сервис по своей природе представляет процесс сопровождения достижения результата [32]; подчеркивается, что сервисно-ориентированное администрирование предполагает связность и непрерывность процедурного взаимодействия [10]; в результате анализа зарубежного опыта эффективность сервисного администрирования фактически связывается с уменьшением числа разрозненных процедурных переходов [11]; обращается внимание на то, что таможенный сервис как категория предполагает наличие определенной процессуальной целостности [12]. Следовательно, риск разрыва клиентского пути возникает тогда, когда взаимодействие с таможенной организацией как набор слабо связанных между собой процедурных фрагментов, вынуждающих пользователя переключаться между каналами, повторно вводить данные, дублировать документы и совершать лишние действия. В этой ситуации результат может быть достигнут, однако путь к нему оказывается нецелостным.

2. Риск коммуникационного сбоя. В научной литературе утверждается, что управление качеством таможенных услуг предполагает внимание к характеру информационного сопровождения [3]; подчеркивается, что в условиях клиентоцентричности качество взаимодействия определяется не только итоговым результатом, но и понятностью, своевременностью и доступностью коммуникации [6; 7]; в рамках сервисно-ориентированного администрирования коммуникация фактически рассматривается как самостоятельный элемент процессуального качества [10; 11]. Следовательно, риск коммуникационного сбоя связан с дефектами уведомлений, разъяснений, консультативной поддержки и обратной связи. Даже при формально корректном результате слабая коммуникация ухудшает качество процесса и повышает вероятность конфликтов, задержек и ошибок.

⁵ Ibid.

Табл. 2. Сервисные таможенные риски процессуального контура

Tab. 2. Process-loop service customs risks

Риск	Характеристика
Разрыв клиентского пути	Возникает в ситуации, когда взаимодействие с таможенными органами организовано как совокупность слабо связанных между собой процедурных фрагментов. Проявляется в необходимости переключения между каналами взаимодействия, повторного ввода данных, дублирования документов и совершения лишних действий. Результат может быть достигнут, однако путь к нему оказывается нецелостным
Коммуникационный сбой	Связан с дефектами уведомлений, разъяснений, консультативной поддержки и обратной связи. Проявляется в недостаточной понятности информации, несвоевременности ответов, фрагментарности разъяснений и повышении вероятности ошибок, задержек и конфликтов даже при формально корректном результате
Цифровая недружественность	Обусловлен интерфейсными проблемами, техническими сбоями, несовместимостью цифровых платформ, недостаточной интеграцией электронных решений и сложностью применения цифровых сервисов. В условиях цифровой таможни выражается в ухудшении доступности и устойчивости процессуального взаимодействия
Координационный дефект	Возникает вследствие слабой согласованности действий между подразделениями таможенных органов либо между таможней и иными ведомствами. Проявляется в дублирующих запросах, разнонаправленных сигналах, неодинаковых требованиях и отсутствии сквозной логики прохождения процедуры
Избыточная процессуальная нагрузка	Представляет собой ситуацию, при которой достижение результата сопровождается чрезмерным количеством промежуточных действий, подтверждений, сервисных операций и повторных процедур, не создающих дополнительной ценности. Основная проблема локализована именно в организации пути, а не в самом результате
Недостоверное профилирование	Возникает при ошибочной классификации поставки, товара или участника ВЭД в рамках профилей риска и аналитических моделей. Проявляется в необоснованном усилении контроля, усложнении маршрута прохождения процедуры и увеличении сервисных издержек
Алгоритмическая непрозрачность	Выражается в невозможности понять, каким образом цифровые системы, автоматические критерии отбора и алгоритмы обработки данных влияют на маршрут прохождения процедуры, вероятность дополнительных запросов и интенсивность контроля. Имеет не только технологическую, но и институционально-доверительную природу
Постпроцедурный разрыв	Возникает в ситуации, когда после получения официального результата отсутствуют понятные каналы уточнения, исправления ошибок, сервисного сопровождения и быстрого разрешения спорных ситуаций. Формально результат достигнут, однако процесс взаимодействия не завершен качественно

3. **Риск цифровой недружественности.** В научной литературе демонстрируется, что интеллектуализация цифровых таможенных технологий радикально меняет структуру рисков в таможенной сфере [16]; на материале цифровой таможни в Республике Корея указывается, что внедрение информационно-коммуникационных технологий меняет не только внутреннюю эффективность публичной организации, но и характер пользовательского взаимодействия [23]; подчеркивается, что цифровая интеграция процедур является необходимым условием снижения административной

нагрузки⁶ [26]; развитие машинного обучения и решений, основанных на данных, обуславливается повышением результативности и устойчивости таможенного надзора [29; 31]. Следовательно, установлено, что риск цифровой недружественности связан с интерфейсными проблемами, техническими сбоями, несовместимостью платформ, недостаточной интеграцией цифровых решений и сложностью пользования электронными сервисами. В условиях цифровой таможни данный риск становится одним из центральных процессуальных сервисных рисков.

⁶ Ibid.

4. Риск координационного дефекта. В научной литературе указывается необходимость новых организационных подходов к таможенному администрированию [8]; показывается, что содержание таможенного администрирования в интеграционных условиях включает координационную составляющую [9]; подчеркивается, что сервисная ориентация невозможна без согласованности действий различных участников таможенного процесса [10; 11]; снижение торговых издержек связывается с лучшей межведомственной и процедурной координацией⁷ [25; 26]. Следовательно, риск координационного дефекта возникает вследствие слабой согласованности действий между подразделениями таможенных органов или между таможней и иными ведомствами. Для участника ВЭД это выражается в дублирующих запросах, разнонаправленных сигналах, неодинаковых требованиях и отсутствии сквозной логики процесса.

5. Риск избыточной процессуальной нагрузки. Работы по упрощению торговых процедур показывают, что избыточность процедур является самостоятельным источником административных издержек. В научной литературе демонстрируется, что устранение лишних формальностей и повторяющихся действий снижает торговые издержки [25]; фиксируется, что в мировой практике реформ ключевой задачей становится сокращение ненужных процедурных этапов⁸ [26]; в контексте сервисно-ориентированного таможенного администрирования указывается на необходимость оптимизации процессуальной среды [10]. Следовательно, риск избыточной процессуальной нагрузки представляет собой ситуацию, когда достижение результата сопровождается чрезмерным количеством промежуточных действий, подтверждений, сервисных операций и повторных процедур, не создающих дополнительной ценности. В отличие от риска недоступности результата, здесь проблема локализована именно в организации пути.

6. Риск недостоверного профилирования. В научной литературе демонстрируется, что система управления рисками является инструментом повышения эффективности таможенного контроля [13]; подчеркивается значимость оценки ее эффективности [14]; рассматривается развитие системы управления рисками как механизм современного таможенного администрирования [15]; показывается, что цифровизация и интеллектуализация усиливают зависимость процесса от качества аналитических решений [16]; последовательно доказывается,

что качество моделей риска и аналитических профилей прямо влияет на надежность и предсказуемость таможенных процедур [19–21; 28; 30]. Следовательно, риск недостоверного профилирования возникает тогда, когда ошибочная классификация поставки или участника ВЭД ухудшает режим прохождения процедуры, увеличивает объем контрольных действий и усложняет сервисный маршрут.

7. Риск алгоритмической непрозрачности. В научной литературе показывается, что интеллектуализация цифровых таможенных технологий усиливает зависимость таможенного процесса от алгоритмических решений [16]; при исследовании новых методологий для таможенных моделей риска фактически поднимается вопрос о качестве и интерпретируемости аналитических инструментов [21]; подчеркивается, что интеграция управления рисками и добровольного соблюдения требований невозможна без доверия к процедурам отбора и контроля [22]; демонстрируется дальнейший рост роли машинного обучения и основанных на данных решений в оценке таможенного надзора и в обеспечении безопасности цепей поставок [29; 31]. Следовательно, риск алгоритмической непрозрачности выражается в невозможности понять, каким образом цифровые системы, автоматические критерии отбора и алгоритмы обработки данных влияют на маршрут прохождения процедуры, вероятность дополнительных запросов и интенсивность контроля. В этом смысле он является не только технологическим, но и институционально-доверительным риском.

8. Риск постпроцедурного разрыва. В научной литературе показывается, что оценка качества таможенной услуги в условиях клиентоцентричности должна учитывать восприятие результата и после формального завершения процедуры [6]; при исследовании трансформации маркетинговой модели государственных таможенных услуг сервис рассматривается как более широкий цикл взаимодействия [7]; подчеркивается, что сервисная модель таможенного администрирования предполагает наличие сопровождения и обратной связи после получения результата [10; 11]. Следовательно, риск постпроцедурного разрыва возникает тогда, когда даже после получения официального результата участник внешнеэкономической деятельности сталкивается с отсутствием понятных каналов уточнения, исправления ошибок, сервисного сопровождения и быстрого разрешения спорных

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

ситуаций. В таком случае юридический результат достигнут, но процесс взаимодействия не завершен качественно.

Многоуровневая типология сервисных таможенных рисков

Для повышения аналитической ценности двухконтурной модели сервисные риски целесообразно классифицировать по нескольким дополнительным основаниям. Такая классификация позволяет не только описывать риски, но и формировать более точные основания для их оценки и управления:

1. По объекту воздействия сервисные риски можно подразделить на несколько групп:

- *информационные риски*, затрагивающие сведения, уведомления, инструкции и разъяснения [1; 6; 7];
- *процедурные риски*, которые влияют на последовательность стадий, длительность и связность действий [10; 11];
- *технологические риски*, касающиеся цифровых платформ, интерфейсов, обмена данными и устойчивости систем [16; 23];
- *коммуникационные риски*, которые связаны с качеством консультаций и обратной связи [3; 5; 6; 9; 10];
- *институциональные риски*, порожденные коллизиями полномочий, неоднородностью правоприменения и организационной фрагментацией [7–11];
- *поведенческие риски*, которые связаны с человеческим фактором, компетентностью и организационной культурой.

2. По стадии таможенного взаимодействия сервисные риски могут быть подразделены на *предпроцедурные*, *процедурные* и *постпроцедурные*. Такая логика соответствует клиентоцентричной модели оценки качества, предложенной Д. Е. Романовой [6], и более широкому маркетинговому подходу И. Ю. Софьянниковой [7], в которых важен не только момент получения результата, но и весь цикл взаимодействия. Предпроцедурные риски возникают до обращения, когда формируется понимание требований и маршрута, процедурные – непосредственно в процессе совершения таможенных операций; постпроцедурные – после получения результата и касаются сопровождения, корректировок, разъяснений и обжалования.

3. По источнику возникновения сервисные риски целесообразно подразделять на *нормативно-правовые*, *организационно-управленческие*, *кадровые*, *цифровые*, *аналитические* и *межведомственные* [8–10; 33]. Такая классификация позволяет учитывать,

что один и тот же сервисный дефект может иметь разную природу возникновения и, следовательно, требовать разных управленческих решений.

4. По степени управляемости сервисные риски можно подразделить на:

- полностью управляемые могут быть снижены внутренними решениями таможенных органов: изменением регламентов, настройкой цифровых интерфейсов, стандартизацией уведомлений;
- частично управляемые требуют межведомственного или нормативного согласования;
- слабо управляемые зависят от внешней среды, международных правил и инфраструктурных ограничений.

Такой подход особенно важен для различения тех рисков, которые могут быть устранены организационно, и тех рисков, которые требуют более широких институциональных изменений.

5. По последствиям сервисные риски могут быть описаны как риски, вызывающие рост транзакционных издержек, снижение доверия к таможенным органам, ухудшение предсказуемости правоприменения, ослабление добровольного соблюдения требований, снижение эффективности системы управления рисками и ухудшение конкурентоспособности внешнеэкономической деятельности. Рискориентированное управление должно оцениваться не только по контрольной эффективности, но и по тому, как оно влияет на устойчивость и соблюдение требований в системе в целом [13; 22]. В связи с этим последствия сервисных рисков имеют не только локальный процедурный, но и системный характер.

Сводная интерпретация типологии сервисных таможенных рисков

Для систематизации результатов исследования предлагается двухконтурная модель типологии сервисных рисков таможенного регулирования и таможенного администрирования. Ее методологическое значение состоит в том, что она позволяет развести два взаимосвязанных, но не тождественных измерения таможенной деятельности – результативное и процессуальное [32; 33]. Это позволяет интерпретировать сервисные риски не как совокупность частных отклонений, а как структурированную систему рисков результата и рисков процесса.

В рамках **результативного контура** базовой категорией первого уровня выступает *таможенное регулирование*. В этом случае доминирующим типом риска является риск дефекта регулятивного итога, т. е. отклонение в нормативно заданном результате. Подобный риск означает, что итог регулирующего

воздействия оказывается недостаточно устойчивым, единообразным или предсказуемым. Его типовым следствием выступает снижение правовой определенности, поскольку участник внешнеэкономической деятельности сталкивается с нестабильностью результата, противоречивостью практики или отсутствием уверенности в том, что формально сходные обстоятельства приведут к сходному итогу. Указанное подтверждает, что сложная структура таможенного регулирования может порождать неоднородность результатов на уровне правоприменения [33].

Базовой категорией второго уровня результативного контура является *таможенная услуга*. Здесь доминирующим выступает риск дефекта юридически значимого результата. В данном случае речь идет уже не просто о колебаниях регулятивной конструкции, а о снижении качества конкретного результата, предоставляемого адресату. Так, качество таможенной услуги должно оцениваться не только по факту совершения административного действия, но и по его реальной полезности и завершенности для получателя [1]. При этом повышение качества таможенных услуг невозможно без учета их доступности и своевременности [2]. Также качество таможенной услуги включает доступность, своевременность, полноту, точность и понятность результата [2–7]. Следовательно, основными проявлениями риска дефекта юридически значимого результата выступают недоступность, несвоевременность, неполнота, неточность и непрозрачность. Типовыми последствиями данного риска становятся повторные обращения, рост транзакционных издержек и снижение удовлетворенности участников внешнеэкономической деятельности.

В рамках **процессуального контура** базовой категорией первого уровня выступает *таможенное администрирование*. Здесь доминирующим становится риск дефекта организации процесса. В отличие от рисков результативного контура, в данном случае предметом отклонения является не итог как таковой, а сама система его достижения. Таможенное администрирование требует новых подходов к организации, поскольку именно процессуальная несогласованность нередко создает основные затруднения в практическом взаимодействии [8]. Его содержание включает координационную и институциональную составляющие [9]. Сервисная ориентация таможенного администрирования предполагает рациональную и целостную организацию процедурной среды [10; 11]. В связи с этим основными проявлениями риска дефекта организации процесса являются несогласование, избыточность и неустойчивость процедур. Типовым эффектом становится рост времени

прохождения процедуры, увеличение числа конфликтных ситуаций и общее снижение предсказуемости взаимодействия.

Базовой категорией второго уровня процессуального контура является *таможенный сервис*. Доминирующую роль выполняет риск дефекта сопровождения и инфраструктуры процесса. Таможенный сервис представляет собой совокупность действий, технологий и решений, обеспечивающих сопровождение процесса достижения результата [32]. Как нормативно-правовая и научная категория он связан именно с процессуальной средой, а не с самим юридическим итогом [12]. Следовательно, ключевыми проявлениями риска в данном случае становятся разрыв клиентского пути, цифровые и коммуникационные сбои, слабая связность процедур и недостаточная устойчивость сервисной инфраструктуры. Цифровизация усиливает значение подобных рисков, т. к. возрастают требования к интеграции, устойчивости и интеллектуальной согласованности цифровых решений [16]. В условиях цифровой таможенной устойчивости информационной среды становится самостоятельным условием качества взаимодействия [23; 29]. Типовым следствием риска дефекта сопровождения и инфраструктуры процесса оказывается снижение доверия к таможенным органам, ухудшение удобства взаимодействия и рост скрытых административных издержек.

Таким образом, представленная в таблице 3 двухконтурная модель позволяет зафиксировать принципиально важное различие между рисками результата и рисками процесса. В первом случае основное отклонение связано с качеством итогового юридически значимого решения, во втором – с качеством организационной, коммуникационной и технологической среды его достижения. В практическом отношении это различие имеет ключевое значение, поскольку разные типы рисков требуют разных управленческих мер. Если риски результативного контура предполагают работу с качеством регламентации, единообразием применения норм и полнотой официального результата, то риски процессуального контура требуют оптимизации клиентского пути, устранения цифровых и координационных разрывов, повышения прозрачности коммуникации и устойчивости сервисной инфраструктуры.

Представленная модель суммирует главный результат исследования: сервисные риски в таможенной сфере должны рассматриваться как система взаимосвязанных, но различающихся по природе рисков результата и рисков процесса. Следовательно, сводная типология сервисных рисков не только систематизирует отдельные отклонения, но и формирует

Табл. 3. Двухконтурная модель типологии сервисных рисков таможенного регулирования и администрирования
 Tab. 3. Dual-loop typology of service risks in customs regulation and administration

Уровень	Базовая категория	Доминирующий тип риска	Основное проявление	Типовой эффект
<i>Результативный сервисный контур</i>				
Первый	Таможенное регулирование	Риск дефекта регулятивного итога	Отклонение в нормативно заданном результате	Снижение правовой определенности
Второй	Таможенная услуга	Риск дефекта юридически значимого результата	Недоступность, несвоевременность, неполнота, неточность, непрозрачность	Повторные обращения, рост издержек
<i>Процессуальный сервисный контур</i>				
Первый	Таможенное администрирование	Риск дефекта организации процесса	Рассогласование, избыточность, неустойчивость процедур	Рост времени и конфликтности
Второй	Таможенный сервис	Риск дефекта сопровождения и инфраструктуры	Разрыв клиентского пути, цифровые и коммуникационные сбои	Снижение доверия и удобства взаимодействия

основу для дальнейшей оценки, мониторинга и управления сервисным качеством таможенного регулирования и таможенного администрирования. Именно в этом состоит ее научная и прикладная значимость: она позволяет перейти от описания отдельных недостатков к целостному пониманию сервисных рисков как структурного элемента современной таможенной системы.

Обсуждение

Во-первых, двухконтурная модель снимает распространенное смешение уровней анализа. В научной и практической дискуссии нередко в одну совокупность включаются несвоевременность решения, недостаточная понятность требований, сбои электронных платформ, дублирование запросов и ошибки профилирования. Однако эти явления различаются по объекту, источнику и механизму последствий. Через призму авторской модели становится ясно, что одни из них затрагивают результат, а другие – процесс [32].

Во-вторых, предложенная типология показывает, что сервисная проблематика не может быть сведена исключительно к качеству государственных услуг в классическом смысле. Российские исследования качества таможенных услуг [1–6] убедительно демонстрируют значимость доступности, своевременности и полноты результата. Однако без учета сервисно-административной среды эти показатели описывают лишь часть проблемы. Точно так же исследования таможенного администрирования [7–11]

показывают, что процесс может быть организован по-разному, и именно качество процесса во многом определяет воспринимаемое качество результата.

В-третьих, результаты статьи расширяют понимание системы управления рисками. В традиционной трактовке система управления рисками ориентирована на выявление нарушений, защиту бюджета и оптимизацию контрольной нагрузки [12–15]. Зарубежные исследования управления рисками в таможенной сфере развивают эту логику, связывая риски с добровольным соблюдением требований, защитой фискальных интересов, надежностью контроля и безопасностью цепей поставок [19–24; 28–31]. Однако современная цифровая таможня сталкивается и с иными отклонениями: ошибочным профилированием, алгоритмической непрозрачностью, избыточной процессуальной нагрузкой и цифровой недружественностью. Эти явления не сводятся к нарушениям в узком смысле, но непосредственно влияют на устойчивость и доверительность таможенного взаимодействия. Следовательно, сервисные риски должны быть встроены в расширенный контур системы управления рисками.

В-четвертых, предложенная типология хорошо соотносится с международной повесткой упрощения торговых процедур. Так, доступность информации, предсказуемость правил, координация органов, автоматизация и снижение процедурной нагрузки оказывают прямое влияние на торговые издержки и добросовестность международной торговли⁹ [25; 26]. При этом будущая роль

⁹ Ibid.

таможни все больше включает сочетание контроля, содействия торговле и управления на основе данных [27]. Следовательно, сервисные риски имеют не только организационное, но и стратегическое значение.

В-пятых, типология может быть операционализована в системе мониторинга. Для результативного контура могут использоваться показатели сроков достижения результата, полноты и точности решений, числа повторных обращений, предсказуемости и единообразия практики. Для процессуального контура – показатели связности клиентского пути, качества электронных интерфейсов, доли дублирующих запросов, времени ответа на обращения, доли ошибок профилирования, прозрачности маршрутизации и качества постпроцедурного сопровождения. Тем самым статья создает основу для дальнейшего построения системы количественных индикаторов сервисных рисков.

Наконец, важно подчеркнуть, что предложенная модель не противопоставляет контроль и сервис. Напротив, она показывает их институциональную взаимосвязь. Сервисно устойчивый процесс повышает вероятность качественного и своевременного результата, а предсказуемый результат укрепляет доверие к процессу. И наоборот, дефекты процесса трансформируются в дефекты результата, а дефекты результата подрывают легитимность процесса. Именно поэтому сервисные риски следует рассматривать как самостоятельный объект управления, а не как второстепенный побочный эффект.

Заключение

Для анализа сервисных рисков в таможенной сфере наиболее продуктивным является разграничение результативного и процессуального контуров:

1. Результативный: базовые категории – таможенное регулирование и таможенная услуга; ключевой объект – юридически значимый итог регулятивного воздействия. Данные риски – это риски результата, выражающиеся в недоступности, несвоевременности,

неполноте, неточности, непрозрачности, противоречивости и повторяемости таможенной услуги.

2. Процессуальный: базовые категории – таможенное администрирование и таможенный сервис; ключевой объект – организация, сопровождение, координация и технологическое обеспечение движения к результату. Данные риски – это риски процесса, выражающиеся в разрывах клиентского пути, коммуникационных сбоях, цифровой недружественности, координационных дефектах, избыточной нагрузке, ошибках профилирования, алгоритмической непрозрачности и постпроцедурных разрывах.

Научная новизна статьи состоит в предложении двухконтурной и многоуровневой модели типологии сервисных рисков, которая объединяет российскую традицию исследования качества таможенных услуг, разработки по таможенному администрированию и международные подходы к управлению рисками в таможенной сфере, цифровой таможне и упрощению торговых процедур.

В дальнейшем предложенную типологию можно использовать для совершенствования системы управления рисками, проектирования клиентоцентричных таможенных сервисов, разработки индикаторов качества таможенных услуг, а также при оценке эффективности таможенных органов в условиях цифровой трансформации.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется разработка системы количественных показателей сервисных рисков по стадиям таможенного взаимодействия и их интеграция в цифровые механизмы аналитики, профилирования и оценки результативности современной таможни.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article

Литература / References

1. Гупанова Ю. Е. Понятия «таможенная услуга», «качество таможенной услуги»: проблемы определения. *Актуальные проблемы экономики и права*. 2010. № 4. С. 205–207. [Gupanova Yu. E. Concepts of customs service and quality of customs service: Problems of definition. *Actual Problems of Economics and Law*, 2010, (4): 205–207. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mwoqmd>
2. Ермилов И. С. Таможенные услуги и пути повышения их качества. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2010. № 1. С. 87–89. [Ermilov I. S. Customs services and its quality improvement. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo socialno-ekonomicheskogo universiteta*, 2010, (1): 87–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mupxsv>

3. Оглоденкова Ю. А., Гужа В. О. Управление качеством таможенных услуг. *Форум молодых ученых*. 2018. № 12-3. С. 585–590. [Oglodenkova Yu. A., Guzha V. O. Quality management of customs services. *Forum molodyh uchenyh*, 2018, (12-3): 585–590. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wyshi>
4. Кожарин А. А. Показатели качества таможенных услуг. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2016. № 2. С. 251–253. [Kozharin A. A. Quality indicators of customs services. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, 2016, (2): 251–253. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vutkmh>
5. Гупанова Ю. Е., Чечулин Ю. О. Методический подход к комплексной оценке качества таможенных услуг. *Вестник университета*. 2019. № 7. С. 100–107. [Gupanova Yu. E., Chechulin Yu. O. Methodical approach to complex assessment of quality of customs services. *Vestnik universiteta*, 2019, (7): 100–107. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-7-100-107>
6. Романова Д. Е. Методика оценки качества таможенных услуг в условиях клиентоцентричности. *Вестник Российской таможенной академии*. 2023. № 1. С. 111–122. [Romanova D. E. Methodology for assessing the quality of customs services under conditions of customer centricity. *Vestnik of Russian Customs Academy*, 2023, (1): 111–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/urcolg>
7. Софьянникова И. Ю. Качество государственных таможенных услуг: трансформация маркетинговой модели и методика оценки. *Вестник университета*. 2024. № 4. С. 25–32. [Sofiyannikova I. Yu. State customs services quality: Marketing model and assessment methodology transformation. *Vestnik universiteta*, 2024, (4): 25–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/moezvm>
8. Иващенко М. В. Таможенное администрирование и необходимость формирования новых подходов к его организации. *Юрист-Правовед*. 2010. № 6. С. 107–111. [Ivashchenko M. V. Customs administration and the need to form new approaches to its organization. *Yurist-Pravoved*, 2010, (6): 107–111. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nbhrnn>
9. Мильшина И. В. Понятие и содержание таможенного администрирования в Евразийском экономическом союзе. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2019. Т. 19. № 1. С. 97–100. [Milshina I. V. Concept and content of customs administration in the Eurasian Economic Union. *Journal Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2019, 19(1): 97–100. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-1-97-100>
10. Бойкова М. В. Методология сервисно ориентированного таможенного администрирования. *Вестник Российской таможенной академии*. 2021. № 2. С. 62–72. [Boikova M. V. Methodology of service-oriented customs administration. *Vestnik of Russian Customs Academy*, 2021, (2): 62–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/atjpcy>
11. Бойкова М. В., Зеркин Д. Г. Развитие системы администрирования таможенных услуг: зарубежный опыт. *Вестник университета*. 2014. № 20. С. 5–9. [Boikova M. V., Zerkina D. G. Development system administration custom services: Foreign experience. *Vestnik universiteta*, 2014, (20): 5–9. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thwgrx>
12. Лиман А. Н. К вопросу базовой терминологии таможенного сервиса: нормативно-правовой аспект. *Integral*. 2021. № 4. [Liman A. N. On basic terminology of customs service: Legal and regulatory aspect. *Integral*, 2021, (4). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/elgnne>
13. Шевчук О. А. Системы управления рисками как средство повышения эффективности таможенного контроля. *Эффективное антикризисное управление*. 2013. № 1. С. 90–97. [Liman A. N. On basic terminology of customs service: Legal and regulatory aspect. *Effektivnoe antikrizisnoe upravlenie*, 2013, (1): 90–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxfaxn>
14. Изгагина Т. Ю. К вопросу об эффективности системы управления рисками в таможенной сфере. *Современная наука*. 2022. № 2. С. 35–40. [Izgagina T. Yu. On the issue of the effectiveness of the risk management system in the customs sphere. *Modern Science*, 2022, (2): 35–40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rgrauxa>
15. Дорожкина Т. В., Щербакова Е. С., Макарова А. С., Гранатырь А. И. Развитие системы управления рисками как современного механизма таможенного администрирования. *Естественно-гуманитарные исследования*. 2023. № 2. С. 353–356. [Dorozhkina T. V., Shcherbakova E. S., Makarova A. S., Granatyr A. I. Development of the risk management system as a modern customs administration mechanism. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*, 2023, (2): 353–356. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ycdrwj>
16. Насибуллин А. А. Управление рисками в условиях интеллектуализации цифровых таможенных технологий. *Вестник Российской таможенной академии*. 2021. № 1. С. 153–159. [Nasibullin A. A. Risk management

- in the context of intellectualization of digital customs technologies. *Vestnik of Russian Customs Academy*, 2021, (1): 153–159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wnygd>
17. Malysenko Y. V. Completeness, correctness and reliability of customs control. *World Customs Journal*, 2013, 7(1): 13–20. <https://doi.org/10.55596/001c.92866>
18. Gwardzińska E. The standardisation of customs services in the European Union. *World Customs Journal*, 2012, 6(1): 93–100. <https://doi.org/10.55596/001c.92829>
19. Biljan J., Trajkov A. Risk management and customs performance improvements: The case of the Republic of Macedonia. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, 44: 301–313. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.05.035>
20. Davaa T., Namsrai B. Ways to modernise customs risk management in Mongolia. *World Customs Journal*, 2015, 9(2): 24–37. <https://doi.org/10.55596/001c.93994>
21. Hoffmann A., Grater S., Venter W. C., Maree J., Liebenberg D. Designing a new methodology for customs risk models. *World Customs Journal*, 2019, 13(1): 31–56. <https://doi.org/10.55596/001c.116200>
22. Widdowson D. Managing customs risk and compliance: An integrated approach. *World Customs Journal*, 2020, 14(2): 63–80. <https://doi.org/10.55596/001c.116418>
23. Kim S. B., Kim D. ICT implementation and its effect on public organizations: The case of digital customs and risk management in Korea. *Sustainability*, 2020, 12(8). <https://doi.org/10.3390/su12083421>
24. Al-Shbail T. The impact of risk management on revenue protection: An empirical evidence from Jordan customs. *Transforming Government: People, Process and Policy*, 2020, 14(3): 453–474. <https://doi.org/10.1108/TG-02-2020-0025>
25. Moisé E., Sorescu S. Exploring the role of trade facilitation in supporting integrity in trade. *OECD Trade Policy Papers*, 2019, 228. <https://doi.org/10.1787/cfbcef14-en>
26. Sorescu S., Bollig C. Trade facilitation reforms worldwide: State of play in 2022. *OECD Trade Policy Papers*, 2022, 263. <https://doi.org/10.1787/ce7af2ce-en>
27. Veenstra A., Heijmann F. The future role of customs. *World Customs Journal*, 2023, 17(2): 13–30. <https://doi.org/10.55596/001c.88415>
28. Borysenko O., Vasylyeva O., Katerna O., Masiuk Yu., Panakhi O. Modeling the risks of the global customs space. *Journal of Risk and Financial Management*, 2022, 15(12). <https://doi.org/10.3390/jrfm15120598>
29. Hu R., Lau Y.-Y., Wang R. Evaluation of customs supervision competitiveness using principal component analysis. *Sustainability*, 2023, 15(3). <https://doi.org/10.3390/su15031833>
30. Karklina-Admine S., Cevers A., Kovalenko A., Auzins A. Challenges for customs risk management today: A literature review. *Journal of Risk and Financial Management*, 2024, 17(8). <https://doi.org/10.3390/jrfm17080321>
31. Vijayakumar S. Technology-centric and data-driven customs risk management for supply chain security. *World Customs Journal*, 2025, 19(1): 38–63. <https://doi.org/10.55596/001c.131745>
32. Фальченко О. Д. Концептуальная модель таможенного регулирования и администрирования в экономике сферы услуг. *Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: XXIV Междунар. науч.-практ. конф. (Симферополь-Гурзуф, 16–18 октября 2025 г.)* Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2025. С. 134–135. [Falchenko O. D. A conceptual model of customs regulation and administration in the service sector economy. *Status and prospects of economic development: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Simferopol-Gurzuf, 16–18 Oct 2025. Simferopol: CFU named after V. I. Vernadsky, 2025, 134–135. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/euzjyk>
33. Фальченко О. Д., Стремоусова Е. Г. Теоретико-методологические подходы к таможенному регулированию. *Дружковский вестник*. 2025. № 5. С. 264–285. [Falchenko O. D., Stremousova E. G. Theoretical and methodological approaches to customs regulation. *Drukerovskii vestnik*, 2025, (5): 264–285. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2025-5-264-287>

оригинальная статья

eLibrary EDN: GGRCDM

Научное обоснование методического подхода к экономической оценке организационно-качественных параметров производства медицинской техники

Шматкова Виктория Викторовна

Национальный медицинский исследовательский центр реабилитации и курортологии Минздрава России, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 6619-2833

<https://orcid.org/0009-0002-0137-0161>

vv@zerts.ru

Аннотация: В условиях санкционных ограничений и политики импортозамещения российские производители медицинской техники демонстрируют устойчивый рост, однако экономический эффект во многом зависит не только от объема ресурсов, но и от качества организации и управления отраслевыми подсистемами. Существующие подходы к оценке организационных структур управления носят общий характер и не учитывают специфику медицинской промышленности (длительный жизненный цикл изделий, жесткие регуляторные требования, высокая доля государственного заказа). Новизна работы заключается в разработке подсистемной классификации и авторской модели, связывающей организационно-качественные параметры с экономическими эффектами. Цель – научно обосновать методический подход к экономической оценке организационно-качественных параметров подсистем промышленной отрасли по производству медицинской техники. Применены системный подход и общенаучные методы, такие как анализ, синтез, классификация. В результате выделены пять подсистем (производственная, научно-исследовательская, сбытовая, сервисная, управленческая). Систематизированы количественные и качественные показатели их оценки. Предложен поэтапный алгоритм экономической оценки. Разработана авторская модель взаимодействия организационно-качественных параметров и экономического эффекта. Предложенный методический подход может быть использован органами государственной власти и управляющими компаниями для мониторинга эффективности промышленной политики в сфере медицинской техники.

Ключевые слова: экономическая оценка, организационно-качественные параметры, подсистемы промышленной отрасли, медицинская техника, технологический суверенитет, импортозамещение, организационная структура управления

Цитирование: Шматкова В. В. Научное обоснование методического подхода к экономической оценке организационно-качественных параметров производства медицинской техники. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2026. Т. 11. № 3. С. 478–492. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-478-492>

Поступила в редакцию 13.04.2026. Принята после рецензирования 01.06.2026. Принята в печать 08.06.2026.

original article

Economic Assessment of Organization and Quality in Medical Equipment Production

Viktoria V. Shmatkova

National Medical Research Center for Rehabilitation and Balneology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 6619-2833

<https://orcid.org/0009-0002-0137-0161>

vv@zerts.ru

Abstract: Despite sanctions and import substitution policies, Russian medical equipment manufacturers are demonstrating steady growth. However, the economic impact depends not only on the volume of resources but also on the quality of organization and management within industry subsystems. Existing approaches to assessing organizational management structures are too general and overlook the specifics of the medical industry, such

as long product life cycles, strict regulatory requirements, and government procurement. This article introduces a subsystem classification and an original model that link organizational and quality parameters with economic impact. It provides a scientific justification for a methodological approach to the economic assessment of subsystem organization and quality in the medical equipment manufacturing industry. A synergy of the systems approach and general scientific methods helped identify five subsystems: production, R&D, sales, service, and management. The findings also include a systematized set of quantitative and qualitative indicators, a step-by-step economic assessment algorithm, and an interaction model for organization, quality, and economic effect. This methodological approach can be used by government agencies and management companies to monitor the effectiveness of industrial policy in the medical technology sector.

Keywords: economic assessment, organizational and qualitative parameters, industrial subsystems, medical technology, technological sovereignty, import substitution, organizational management structure

Citation: Shmatkova V. V. Economic Assessment of Organization and Quality in Medical Equipment Production. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(3): 478–492. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-478-492>

Received 13 Apr 2026. Accepted after review 1 Jun 2026. Accepted for publication 8 Jun 2026.

Введение

Экономическая оценка организационно качественных параметров промышленной отрасли по производству медицинской техники требует выделения основных подсистем и описания характеристик, которые определяют качество их организации и управления. В условиях высокой степени государственного регулирования и приоритета российских производителей именно организационные решения задают границы возможного экономического эффекта, включая рост доли отечественной продукции и расширение присутствия на внешних рынках [1].

Актуальность статьи обусловлена необходимостью достижения технологического суверенитета РФ в сфере высокотехнологичной медицинской промышленности. В условиях санкционных ограничений и политики импортозамещения российские производители медицинской техники демонстрируют устойчивый рост: объем рынка медицинского оборудования и изделий увеличился с 695 млрд руб. в 2021 г. до 850 млрд руб. в 2024 г., при этом темп роста в 2024 г. достиг 14 %¹. Доля отечественных изделий, по оценкам ведомств и аналитических центров, приближается к 30 % в 2024 г., хотя еще в 2021 г. она была не более 23 %². Такая статистика делает критически важным анализ организационных факторов, которые обеспечили этот прогресс и могут стать драйвером дальнейшего роста.

Цель – научно обосновать методический подход к экономической оценке организационно-качественных параметров подсистем промышленной отрасли по производству медицинской техники. Данное исследование носит методологический характер, т.к. направлено на формирование теоретической и методической основы для последующей прикладной оценки организационно-качественных параметров отраслевых подсистем. Задачи:

- 1) выделить ключевые подсистемы отрасли и охарактеризовать их организационно-качественные параметры;
- 2) систематизировать систему показателей и методов экономической оценки;
- 3) представить авторскую модель взаимодействия организационно-качественных параметров и экономического эффекта.

Исследование базируется на системном подходе к анализу организационно-качественных параметров. Используются общенаучные методы (синтез, анализ, классификация).

Выявлено, что общие подходы к оценке организационных структур управления разработаны достаточно полно [2; 3]. Применительно к медицинской промышленности, где сочетаются длительный жизненный цикл изделий, жесткие регуляторные требования (регистрация, сертификация, клинические испытания) и высокая доля государственного

¹ Объем рынка медицинского оборудования в России вырос на 14 %. *Ростех*. 28.05.2025. URL: <https://rostec.ru/media/news/obem-rynka-meditsinskogo-oborudovaniya-v-rossii-vyros-na-14/> (дата обращения: 24.02.2026).

² Доля отечественных медизделий в общем объеме рынка составила 25,4 %. *Известия*. 22.11.2024. URL: <https://clck.ru/3T3Uq6>; Доля отечественных изделий на медицинском рынке России достигла 30 %. *MASHNEWS*. 11.12.2025. URL: <https://clck.ru/3T3UwD> (дата обращения: 24.02.2026).

заказа, системные исследования экономической оценки организационно-качественных параметров представлены фрагментарно. В последние годы появились работы, посвященные отдельным аспектам: экономической безопасности производства медицинских изделий [4; 5], стратегическому управленческому учету для дистрибьюторов медицинского оборудования [6], а также интегральной оценке устойчивости российского рынка медицинских изделий [7]. Данная статья призвана восполнить пробел в части комплексной подсистемной оценки организационно-качественных параметров отрасли.

В нормативных правовых актах и национальных стандартах РФ используется дифференцированная система понятий для обозначения продукции медицинского назначения. Под медицинскими изделиями в соответствии с ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» понимаются любые инструменты, аппараты, оборудование, материалы и прочие изделия, применяемые в медицинских целях самостоятельно или в сочетании между собой³. Медицинское оборудование представляет собой более узкую категорию медицинских изделий, функционирующих с использованием электрической энергии, сжатых газов и иных источников энергообеспечения. Медицинская техника в настоящей статье используется как собирательное понятие, объединяющее медицинское оборудование, медицинские средства измерений, а также сложные технические комплексы, требующие проведения регистрационных, сертификационных и клинических испытаний, монтажа и сервисного обслуживания. Данное понимание сложилось в отраслевой практике и научной литературе, посвященной экономике и организации производства данной группы изделий.

Понятие *отрасль медицинской техники* обозначает совокупность взаимосвязанных подсистем, которые обеспечивают полный жизненный цикл медицинских изделий и медицинского оборудования – от разработки и регистрации до производства, реализации и послепродажного обслуживания. Автор осознанно использует данный термин для акцента на системном характере организации производства, а не только на номенклатуре выпускаемой продукции. В тех фрагментах текста, где речь идет непосредственно об электронных и технически сложных видах продукции, допустимо использование термина *медицинское оборудование* как видового по отношению к родовому понятию *медицинская техника*.

Результаты

В структуре отрасли целесообразно выделить пять ключевых подсистем: производственная, научно-исследовательская, сбытовая, сервисная, управленческая. Каждая из них обладает собственным набором организационно-качественных параметров, которые влияют на объем и структуру выпуска, устойчивость к внешним шокам, способность к технологическому обновлению и расширению рынков сбыта. Целевое предназначение выделенных подсистем может быть определено следующим образом:

- производственная подсистема – обеспечение выпуска медицинской техники в заданном объеме, номенклатуре и качестве при оптимальном использовании ресурсов (материальных, трудовых, производственных мощностей);
- научно-исследовательская подсистема – создание и выведение на рынок новых (в том числе импортозамещающих) изделий, включая проведение регистрационных и клинических испытаний;
- сбытовая подсистема – доведение готовой продукции до конечного потребителя (лечебных учреждений, дистрибьюторов), включая управление запасами готовой продукции, распределение по каналам продаж, тендерное сопровождение и логистику готовой продукции;
- сервисная подсистема – обеспечение работоспособности медицинской техники в процессе эксплуатации (монтаж, техническое обслуживание, ремонт, управление качеством);
- управленческая подсистема – координация деятельности всех подсистем, ресурсное и нормативно-правовое обеспечение, стратегическое планирование и контроль достижения отраслевых показателей.

Каждая из них обладает собственным набором организационно-качественных параметров, влияющих на объем и структуру выпуска, устойчивость к внешним шокам, способность к технологическому обновлению и расширению рынков сбыта. Рисунок 1 иллюстрирует состав этих подсистем.

Следует уточнить, что под *организационно-качественными параметрами* понимаются характеристики, которые отражают эффективность построения структуры, распределения функций, процессов управления и организационной культуры. В теории управления к таким параметрам относят степень централизации управленческих функций, количество уровней управления, нормы управляемости,

³ Об основах охраны здоровья граждан в РФ. ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ (с изм. от 25.04.2026). СПС КонсультантПлюс.

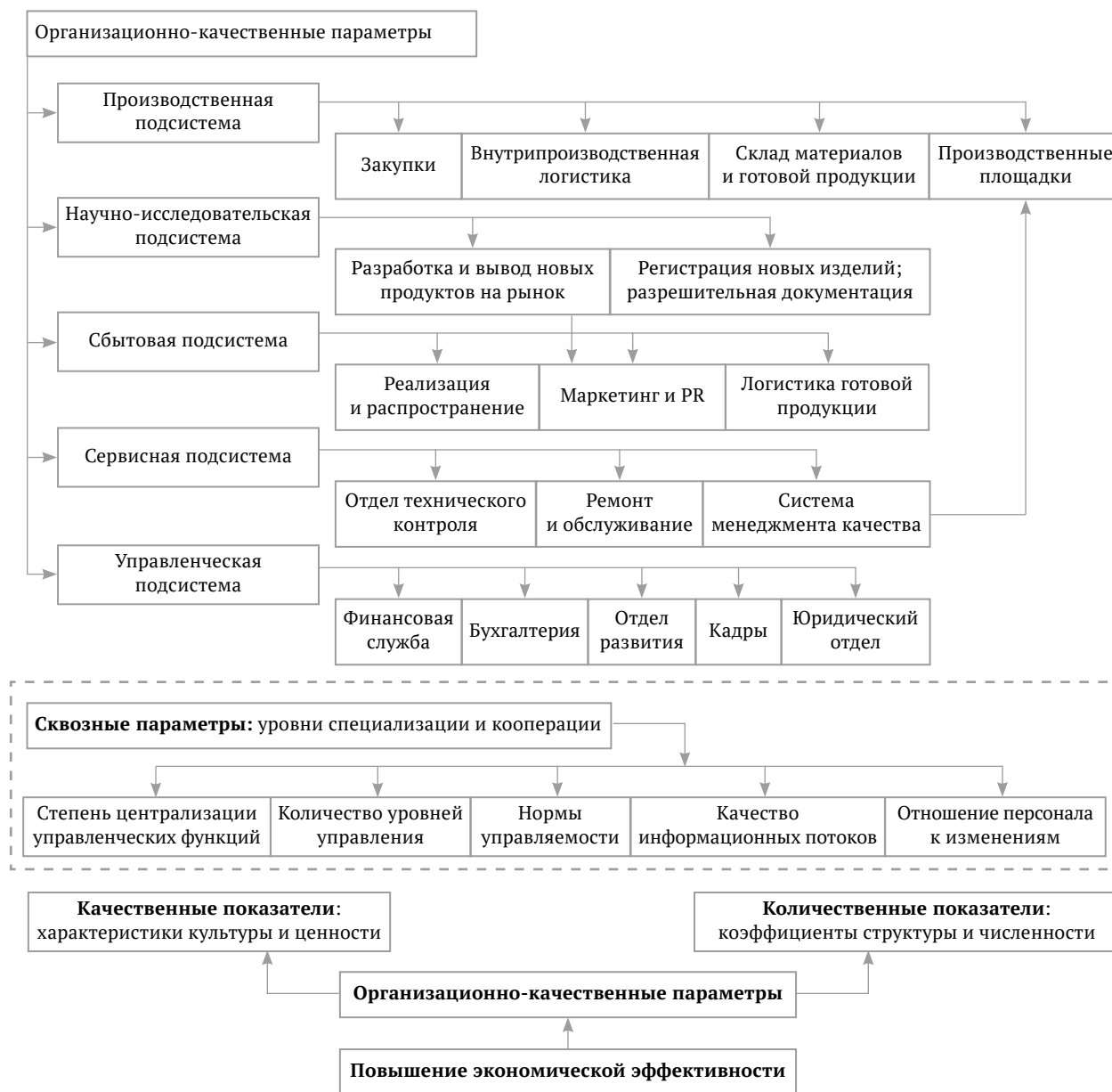

Рис. 1. Организационно-качественные параметры подсистем отрасли медицинского оборудования
Fig. 1. Organizational and qualitative parameters of subsystems in medical equipment industry

качество информационных потоков, а также отношение персонала к изменениям и инновациям. Эти параметры включают количественные показатели (коэффициенты структуры и численности) и качественные оценки (характеристики культуры и стиля управления), совместная оценка которых позволяет выявлять резервы повышения экономической эффективности без обязательного расширения ресурсной базы.

Выделенные подсистемы не являются изолированными. Связи между ними реализуются через потоки информации, продукции и управленческих

воздействий. Научно-исследовательская подсистема передает в производственную конструкторскую и технологическую документацию на новые изделия; производственная – поставляет готовую продукцию в сбытовую и передает данные о ее технических характеристиках в сервисную; сбытовая – информирует производственную о динамике спроса и потребностях в номенклатуре, а также передает сервисной информацию о нареканиях потребителей; сервисная – направляет в научно-исследовательскую и производственную данные о выявленных дефектах и необходимых доработках. Таким образом,

за внешней «укрупненностью» блоков стоит детализированная система горизонтальных и вертикальных связей, обеспечивающая целостность отрасли медицинской техники.

Для устранения возможной «размытости» смысла при укрупненном представлении подсистем уточним основные потоки между ними:

- научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) – производство: передача конструкторской документации, результатов испытаний, технологических регламентов;
- производство – сбыт: готовая продукция, сертификаты соответствия;
- производство – сервис: документация по эксплуатации, перечень запасных частей;
- сбыт – производство: заказы, данные о спросе, остатках готовой продукции;
- сбыт – сервис: рекламации, обращения медицинских организаций;
- сервис – НИОКР и производство: информация о дефектах, предложения по модернизации.

Управленческая подсистема осуществляет вертикальную координацию всех перечисленных горизонтальных связей, устанавливает целевые показатели и контролирует их выполнение. Кроме этого, данная система связей обеспечивает превращение набора подсистем из суммы независимых блоков в целостную производственно-экономическую систему отрасли.

Детализация параметров по каждой подсистеме представлена на рисунке 2.

Важно подчеркнуть, что в авторской классификации сервисная функция четко разделена. Сервисное обслуживание в производственной подсистеме определяется как ремонт и техническое обслуживание собственного производственного оборудования. Такое разграничение устраняет дублирование функций и соответствует сложившейся практике в отрасли медицинской техники, где сервис часто осуществляется не производителем, а независимыми авторизованными центрами.

Организационная культура подсистем также относится к числу организационно-качественных параметров, поскольку определяет характер взаимодействия работников, отношение к инновациям и готовность к изменениям. Диагностика организационной культуры с помощью специализированных методик позволяет выявлять, поддерживает ли существующая культура ориентацию на качество, соблюдение стандартов безопасности и сотрудничество между инженерными, медицинскими и управленческими подразделениями, что особенно важно для отрасли медицинской техники [9].

Для количественной оценки управленческой подсистемы следует применять структурный и количественный коэффициенты централизации, коэффициент централизации управления и коэффициент сложности управленческой структуры. Структурный коэффициент централизации отражает долю структурных подразделений, находящихся в ведении центрального органа управления, в общем числе подразделений, количественный – долю работников, подчиненных центральному органу, а коэффициент централизации управления характеризует соотношение численности работников центрального управления и общей численности работников управления. Коэффициент сложности структуры учитывает количество уровней управления и число управляемых подразделений, что позволяет оценить потенциальные риски информационных потерь и задержек при принятии решений в управленческой подсистеме.

Под *центральной организацией* понимается совокупность управленческих структур, которые принимают стратегические и ключевые операционные решения в масштабах производственного предприятия или управляющей компании. К ним относятся генеральный директор и его заместители (исполнительная дирекция), центральные функциональные службы (финансовая, планово-экономическая, юридическая, отдел развития, кадровая служба), а также головной офис управляющей компании (при наличии филиальной сети или нескольких производственных площадок). Численность работников центрального управления включает всех сотрудников, занятых в выше перечисленных подразделениях, за исключением персонала, который обеспечивает непосредственную производственную, бытовую или сервисную деятельность.

На рисунках 1 и 2 элементы управленческой подсистемы представлены следующими блоками: *Финансовая служба, Бухгалтерия, Отдел развития, Кадры, Юридический отдел* (рис. 1), а также *Органы государственной власти, Профильные институты, Управляющие компании* (рис. 2). Именно эти структурные единицы в совокупности образуют то, что в формулах количественной оценки обозначено как *центральный орган управления*, и формируют *численность работников центрального управления*. Периферийные подразделения (производственные цеха, региональные бытовые представительства, сервисные центры на местах) не включаются в эти показатели, что соответствует стандартной практике оценки централизации управления.

Рис. 2. Детализация организационно-качественных параметров подсистем отрасли медицинского оборудования
Fig. 2. Detailing organizational and qualitative parameters subsystems in medical equipment industry

Организационно-качественные параметры производственной и научно-исследовательской подсистем

Производственная подсистема формирует базовый экономический результат отрасли, поэтому качество ее организации непосредственно отражается на себестоимости, цене, надежности и конкурентоспособности изделий медицинской техники⁴.

Доля российских изделий в производственном выпуске и их доля в структуре поставок выступают важными показателями экономического эффекта организационных решений на уровне производственной кооперации. При рационально построенной структуре кооперации, когда часть операций и компонентов передается специализированным отечественным поставщикам, отрасль может ускорять замещение импортных компонентов и сокращать валютные риски, сохраняя при этом приемлемую себестоимость конечной продукции [10].

Научно-исследовательская подсистема определяет потенциал технологического обновления и расширения номенклатуры изделий, а значит и долгосрочный экономический рост отрасли. Для ее оценки применяются показатели числа разработанных и зарегистрированных изделий, доли выручки от новых продуктов, сроков выполнения исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также от объема инвестиций в научно-исследовательские проекты и их отдачи [11]. В условиях медицинской техники, где обязательными являются технические, токсикологические и клинические испытания, организационное качество процессов научно-исследовательских и регуляторных процедур существенно влияет на скорость выхода продукта на рынок и продолжительность периода, в течение которого изделие обеспечивает экономический эффект.

Как отмечается экспертами по оценке эффективности НИОКР, организационно-качественные параметры научно-исследовательской подсистемы проявляются в структуре проектного управления, взаимодействии с университетами и НИИ, а также в наличии подразделений, которые отвечают за прохождение регистрационных процедур.

Формирование устойчивых связей с научными организациями, создание совместных лабораторий, использование проектных команд позволяют сокращать сроки подготовки документации и вывода новых изделий на рынок⁵. Указанное сокращает время от начала разработки до начала серийного выпуска и увеличивает суммарный экономический эффект от внедрения новой техники.

Важным направлением экономического эффекта от совершенствования организационно-качественных параметров является развитие экспорта медицинской техники. Так, объем рынка медицинского оборудования и изделий увеличился с 695 млрд руб. в 2021 г. до 850 млрд руб. в 2024 г., при этом темп роста в 2024 г. достиг 14 %⁶. Рынок медицинской техники в России демонстрирует устойчивый рост по объему и одновременно постепенное увеличение доли отечественных изделий, которое, по оценкам ведомств и аналитических центров, приближается к 30 % в 2024 г.⁷ Основные регионы экспорта медоборудования Made in Russia – страны Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Ближний Восток, Азия⁸, при этом оценка доли СНГ и ЕАЭС в структуре экспорта медицинских товаров и оборудования составляет от 70 до 80 %⁹. Соответственно, ключевыми организационно-качественными параметрами производственной подсистемы являются доля российских изделий и структура кооперации, а научно-исследовательской – скорость вывода новых изделий на рынок и эффективность проектного управления.

Организационно-качественные параметры бытовой и сервисной подсистем

Бытовая подсистема определяет способность отрасли медицинской техники превращать произведенный продукт в выручку, обеспечивать устойчивый спрос и расширять присутствие на целевых рынках, поэтому качество ее организации имеет прямое экономическое измерение. Выбор модели дистрибуции, построение каналов сбыта, политика ценообразования и управление складскими запасами формируют затраты на реализацию, доступность продукции

⁴ 17. Комплексная технико-экономическая оценка эффективности ремонтного обслуживания производства. Ассоциация ЕАМ. URL: <https://clck.ru/3T3V6f> (дата обращения: 21.02.2026).

⁵ Иванова Н., Савченко Н. Как оценить эффективность НИОКР. *Экономика и жизнь*. 01.03.2019. URL: <https://www.eg-online.ru/article/394831/> (дата обращения: 23.02.2026).

⁶ Объем рынка медицинского оборудования...

⁷ Доля отечественных медизделий...; Доля отечественных изделий на медицинском рынке...

⁸ Экспорт медицинского оборудования "Made in Russia". *Экспонентр*. 08.12.2022. URL: <https://clck.ru/3T3Xzw> (дата обращения: 24.02.2026).

⁹ Здоровье без границ: как развивается экспорт медицинских товаров. *Mechfac.r*. 01.12.2025. URL: <https://clck.ru/3T3Y2G> (дата обращения: 24.02.2026).

для различных групп потребителей и стабильность загрузки производственных мощностей¹⁰.

Ключевыми экономическими показателями качества сбытовой подсистемы являются доля выигранных тендеров, оборачиваемость складских запасов, структура продаж по каналам (прямые поставки, авторизованные дилеры, дистрибьюторы), доля российских изделий в государственных закупках и география поставок. В соответствии с обзором рынка, высокая доля побед в процедурах закупок (свыше 57 % в 2024 г., а в 2025 г. планировалась планка выше 63 %) при умеренных сбытовых расходах свидетельствует о том, что организационная структура сбыта и система управления ценами позволяют эффективно адаптироваться к требованиям государственных и коммерческих заказчиков¹¹.

Сервисная подсистема обеспечивает жизненный цикл медицинской техники после поставки и напрямую влияет на совокупные расходы потребителей, количество часов доступной работы оборудования и восприятие качества продукции. Наличие развитой региональной инфраструктуры сервиса становится самостоятельным фактором экономической эффективности отрасли [12]. Региональная инфраструктура сервиса медицинской техники включает сеть сервисных организаций и инженерных служб, органы государственного управления и регулирования, а также образовательные учреждения, обеспечивающие подготовку инженерно-технического персонала [13]. К экономическим показателям качества сервисной подсистемы относятся количество заключенных договоров на техническое обслуживание, среднее время восстановления работоспособности, частота рекламаций, доля исправного оборудования и уровень удовлетворенности медицинских организаций [Там же].

Следовательно, ключевыми параметрами сбытовой подсистемы выступают модель дистрибуции и доля выигранных тендеров, а сервисной – наличие развитой региональной инфраструктуры и показатели времени восстановления работоспособности.

Организационно-качественные параметры управленческой подсистемы

Управленческая подсистема промышленной отрасли по производству медицинской техники включает органы государственной власти, профильные институты развития, региональные органы управления промышленностью, отраслевые объединения

и системы корпоративного управления на уровне предприятий. Экономическая оценка ее организационно-качественных параметров связана с тем, насколько структура и процессы управления позволяют достигать целевых результатов отрасли при рациональном использовании ресурсов [14].

Для оценки структуры управленческой подсистемы используются показатели, которые характеризуют состав и конфигурацию органов управления, степень централизации функций и рациональность распределения полномочий. К базовым показателям относятся удельный вес работников управления в общей численности персонала, рекомендуемые нормы управляемости для разных уровней (3–5 подчиненных для высшего звена, 10–12 – для среднего, 25–30 – для низшего) и показатели централизации функций управления [8]. Превышение оптимальных норм управляемости у руководителей высшего и среднего звена указывает на перегрузку управленческой цепочки и повышенные риски задержек в принятии решений, тогда как избыточно низкая нагрузка при высокой доле управленческого персонала говорит о неэффективном использовании ресурсов управления [15]. Для отрасли медицинской техники соблюдение рекомендованных норм управляемости и оптимального уровня централизации функций особенно важно, т. к. чрезмерная перегрузка руководителей или избыточная фрагментация полномочий непосредственно отражаются на сроках согласования проектов, скорости принятия решений по регистрации, локализации и модернизации производства [16]. При оценке эффективности управленческой подсистемы целесообразно также учитывать показатели, представленные в рамках анализа отраслевых промышленных экосистем, а именно: производственные, кадровые, финансовые, экологические, инновационные и цифровые [17]. В контексте медицинской промышленности наиболее релевантными являются показатели инновационной активности (доля НИОКР, число регистраций) и цифровизации (внедрение систем менеджмента качества).

Экономическая эффективность управленческой подсистемы оценивается не только по структуре, но и по результатам работы органов управления и качества управленческих процессов. В официальной практике оценки эффективности региональных органов исполнительной власти в сфере промышленности используется система показателей

¹⁰ Обзор производителей российской медтехники в 2026 году. *Регионы России*. 29.01.2026. URL: <https://clck.ru/3T3Y34> (дата обращения: 23.02.2026).

¹¹ Там же.

по четырем блокам: динамика промышленного развития региона, нормативно-правовая база и меры поддержки, деловая активность бизнеса, взаимодействие с федеральными институтами развития¹². Такой подход позволяет увязать организационно-качественные параметры управления (наличие специализированных подразделений, программ поддержки, процедур мониторинга) с фактическими экономическими результатами промышленной политики. Чем выше согласованность действий органов управления и институтов развития, тем более предсказуемы условия для предприятий, что снижает их риски и способствует росту инвестиционной активности [18].

Модель взаимодействия организационно-качественных параметров и экономического эффекта

Обобщение рассмотренных параметров всех пяти подсистем позволило разработать авторскую модель влияния организационно-качественных параметров производства медицинской техники на экономические и социально-экономические результаты медицинской отрасли (рис. 3).

Так, доля экспорта и доля российского оборудования на рынке относятся к прямым количественным экономическим эффектам, которые поддаются непосредственному измерению (процентные доли, стоимостные объемы). Технологический суверенитет России представляет собой агрегированный стратегический результат, отражающий способность отрасли обеспечивать критически важные медицинские изделия независимо от внешних поставок. Развитие здравоохранения в контексте данной модели не рассматривается как общая социальная категория, а операционализируется через совокупность конкретных параметров, которые демонстрируют экономический эффект для системы здравоохранения: сокращение простоев лечебных учреждений из-за отсутствия или неисправности оборудования, снижение затрат на закупку импортных аналогов, повышение доступности медицинской помощи за счет более низкой цены отечественной техники, а также увеличение количества проведенных процедур и операций на единицу оборудования.

В данном понимании *развитие здравоохранения* выступает не как абстрактный социальный эффект, а как агрегированный показатель экономической эффективности использования медицинской

техники на уровне лечебных учреждений и региональных систем здравоохранения. Включение этих категорий в итоговый блок модели обусловлено логикой системного анализа: организационно-качественные параметры через цепочку экономических эффектов выходят на стратегические цели национального и отраслевого уровней. При интерпретации модели следует различать прямые измеримые экономические эффекты и агрегированные макрорезультаты, что требует корректной операционализации показателей при последующей эмпирической верификации.

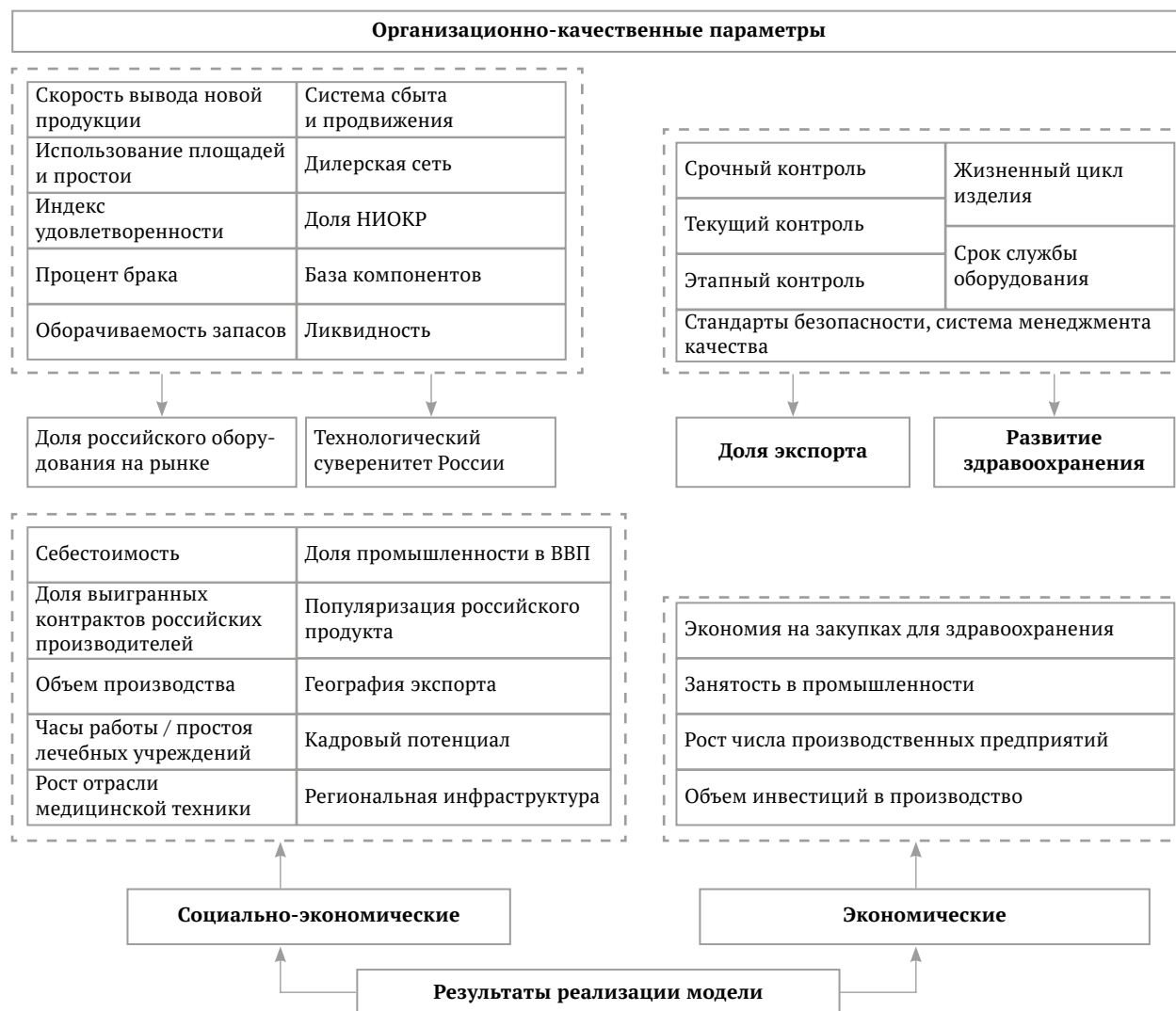
Разработанная модель демонстрирует, как организационно-качественные параметры (система сбыта и продвижения, дилерская сеть, база компонентов, стандарты безопасности, система менеджмента качества, этапный, срочный и текущий контроль, а также доля НИОКР, ликвидность, скорость вывода новой продукции, использование площадей и простоев, индекс удовлетворенности, процент брака, оборачиваемость запасов, срок службы оборудования, жизненный цикл изделия) через экономическую оценку (экономия на закупках для здравоохранения, занятость в промышленности, рост числа производственных предприятий, объем инвестиций в производство и др.) выходят на итоговые экономические эффекты – долю российского оборудования на рынке, технологический суверенитет России, долю экспорта и развитие здравоохранения.

Модель также включает факторы себестоимости, долю выигранных контрактов российских производителей, объем производства, часы работы / простоя лечебных учреждений, популяризацию российского продукта, географию экспорта, кадровый потенциал, региональную инфраструктуру, которые влияют на рост отрасли медицинской техники, долю промышленности в ВВП.

Повышение качества организации всех пяти подсистем отрасли медицинской техники приводит к совокупному экономическому эффекту, который проявляется в росте объема выпуска, увеличении доли отечественных изделий, расширении экспортных поставок и повышении устойчивости отрасли к внешним ограничениям. Отметим, что значительная часть этого эффекта достигается за счет оптимизации структур, процессов и распределения функций, без пропорционального увеличения затрат на ресурсы¹³.

¹² Минпромторг утвердил систему оценки эффективности деятельности региональных органов исполнительной власти в промышленности. *Новосибирск*. 28.05.2021. URL: <https://minrpp.nso.ru/news/4541> (дата обращения: 23.02.2026).

¹³ 17. Комплексная технико-экономическая оценка...

Прим.: разделение на два блока организационно-качественных параметров показывает результат влияния на оба блока социально-экономических и экономических показателей.

Рис. 3. Модель взаимодействия организационно-качественных параметров и экономического эффекта
Fig. 3. Organization, quality, and economic effect: interaction model

Концентрация экспортных поставок на рынках СНГ и сопредельных стран (от 70 до 80 % в структуре экспорта) показывает, что российские производители медицинской техники уже обладают определенным конкурентным преимуществом в ценовом сегменте и в части адаптации продукции к региональным требованиям. Расширение экспортной географии и наращивание стоимостного объема экспорта в значительной степени зависят от организации производственной кооперации, способности научно-исследовательской подсистемы формировать конкурентоспособные изделия и качества

работы сбытовой и сервисной инфраструктуры, обеспечивающей поставки и сопровождение техники на внешних рынках¹⁴.

Для экономической оценки организационно-качественных параметров в работе выделены четыре группы методов, которые могут применяться в рамках предложенного подхода:

- 1) расчетно-аналитические методы – вычисление коэффициентов организационной структуры и их сопоставление с нормативами [3];
- 2) экспертные методы, включающие анкетирование и опросы руководителей и специалистов,

¹⁴ Экспорт медтехники: чем он важен и как его поддерживает государство. TKS.RU. 02.09.2024. URL: <https://www.tks.ru/reviews/2024/09/02/02/> (дата обращения: 24.02.2026).

ранжирование параметров и построение интегральных оценок на основе шкал [19; 20]; особенно актуальны для научно-исследовательской и управленческой подсистем, где значительная часть характеристик носит качественный характер;

3) методы сравнения с эталонными моделями; для сбытовой подсистемы таким эталоном может служить европейская модель дистрибуции медицинской техники, которая основана на развитой сети авторизованных дилеров, дифференцированной скидочной политике и регламентированном управлении складскими остатками [21];

4) методы организационной диагностики – описание структуры, выявление дублирования функций и разрывов в процессах [3].

В качестве теоретического результата предлагается использовать поэтапный алгоритм экономической оценки организационно-качественных параметров подсистем отрасли:

I. Выделение подсистем и описание их организационно-качественных параметров.

II. Формирование набора количественных, качественных и комплексных показателей для каждой подсистемы с учетом доступности данных и значимости параметров для экономических результатов. Следует уточнить, что комплексные показатели объединяют количественные и качественные аспекты оценки и используются для получения целостного представления об эффективности организации подсистем. В условиях отрасли медицинской техники такие показатели могут включать, например, нормированные показатели доли отечественной продукции в закупках (соответствует доле российского оборудования на рынке на рисунке 3), доли повторных закупок, стабильности дилерской сети и частоты рекламаций, что позволяет связать организационные решения в подсистемах с устойчивостью рыночных позиций.

III. Расчет частных показателей и интегральных оценок, а также сопоставление полученных значений с нормативами, среднеотраслевыми и эталонными моделями.

IV. Интерпретация результатов в терминах экономических эффектов и формулировка направлений совершенствования организационно-качественных параметров.

Ценность предлагаемой системы оценки заключается в том, что, во-первых, впервые применительно к отрасли медицинской техники проведена подсистемная декомпозиция, выделены пять подсистем с их целевым предназначением. Во-вторых, выполнена систематизация разрозненных количественных и качественных показателей оценки

организационных структур, существующих в общей теории менеджмента, и осуществлена их адаптация к отраслевой специфике (длительный жизненный цикл изделий, жесткие регуляторные требования, высокая доля государственного заказа). В-третьих, разработана авторская модель, визуализирующая причинно-следственные связи между организационно-качественными параметрами и экономическими результатами. В-четвертых, предложен поэтапный алгоритм практической реализации оценки. Таким образом, работа носит теоретико-методологический характер, и ее новизна заключается не в создании новых расчетных методов, а в оригинальной систематизации, классификации и моделировании применительно к конкретной отрасли.

Обсуждение

Полученные результаты вносят вклад в развитие методического аппарата экономической оценки организационно-качественных параметров высокотехнологичных отраслей промышленности. Сравнение с современными научными работами позволяет выявить как точки соприкосновения, так и оригинальные аспекты предложенного подхода.

Авторская подсистемная классификация и набор оценочных показателей перекликаются с методологическими подходами к оценке экономической безопасности производства медицинских изделий. С. В. Паникарова и А. Ю. Штанько обосновывают необходимость создания системы показателей экономической безопасности для данной отрасли, отмечая отсутствие соответствующих критериев в российских нормативно-методических документах [4]. В более поздней работе [5] они предлагают использовать метод межотраслевого баланса В. В. Леонтьева для выявления критических отраслевых зависимостей от импорта и «узких мест» в технологических процессах. Предложенная в исследовании модель взаимодействия организационно-качественных параметров и экономического эффекта может рассматриваться как дополнение к этим подходам, поскольку фокусируется не только на макроэкономических балансах, но и на внутриотраслевых организационных факторах, определяющих устойчивость. Зарубежные исследования предлагают использовать многокритериальные системы оценки. Например, в статье [22] предлагается задействовать аспекты лидерства и цифровой инфраструктуры, которые, по определению авторов, являются основными компонентами эффективного управления качеством. Предложенный нами подход к оценке организационно-качественных параметров может быть дополнен этими аспектами в будущих исследованиях.

Н. А. Каморджанова и др. разрабатывают инструментарий стратегического управленческого учета для дистрибьюторов медицинского оборудования, включая сбалансированную систему показателей и документы для мониторинга эффективности. Авторы считают, что в периоды повышенной общеэкономической нестабильности и волатильности внешних факторов пропорционально возрастает потребность руководства в получении качественной управленческой информации, способной обеспечить долгосрочное и стабильное развитие предприятия [6]. Данный аспект полностью созвучен следующему тезису в статье [10]: значительная часть экономического эффекта достигается за счет оптимизации структур, процессов и распределения функций, без пропорционального увеличения затрат на ресурсы. Аналогичные выводы представлены в работе [23], где авторы на основе данных по 34 странам показывают, что фирмы с более структурированными практиками управления имеют более высокие показатели производительности труда, прибыльности и экспортной активности. Указанное подчеркивает универсальный характер связи между качеством организации управления и экономическими результатами. Предложенные нами количественные показатели (коэффициенты рациональности структурных подразделений, структурной напряженности, соблюдения норм управляемости) могут быть интегрированы в сбалансированную систему показателей дистрибьюторских компаний, развивая методологию стратегического учета.

Полученные результаты также согласуются с выводами Е. В. Игнатовой и Е. Г. Солоп о важности учета отраслевой специфики при оценке организационных структур [19], а также с работами [12; 13] о ключевой роли сервисной инфраструктуры в медицинской технике. С. В. Смирнов и Г. А. Поташева подчеркивают, что оценка эффективности организационных структур должна учитывать не только статические параметры (количество уровней, численность), но и динамические характеристики – скорость принятия решений, гибкость [16], что полностью соответствует предложенному нами разделению на количественные и качественные показатели.

В отличие от макроориентированных подходов, использующих межотраслевой баланс [5] или интегральные индексы на уровне рынка в целом [7], наше исследование фокусируется на микро- и мезоуровне – организационно-качественных параметрах отдельных подсистем и их взаимосвязях. Это позволяет выявлять резервы повышения эффективности, которые «спрятаны» внутри организационных

структур и процессов, а не только в макроэкономических пропорциях. Методы экономической оценки, используемые в международной практике для медицинских устройств, включают анализ затраты-эффективности и анализ затраты-полезности, а также метод Headroom, применяемый для ранней оценки разработок [24]. Наряду с финансовыми показателями важнейшим показателем является время вывода продукта на рынок [25], что полностью согласуется с выделенными в статье параметрами научно-исследовательской подсистемы.

Вместе с тем предложенный подход имеет определенные ограничения. Качественные характеристики управленческой подсистемы (скорость распознавания и анализа ситуации, инновационность и гибкость управления) оцениваются экспертным путем, что вносит элемент субъективности. Н. А. Каморджанова с соавторами предлагают решать эту проблему через внедрение документированных процедур стратегического управленческого учета [6], что может быть использовано для дальнейшего совершенствования методики. Кроме того, доступность статистических данных о рекламациях, сроках службы изделий и внутрибольничной статистике остается ограниченной, что требует развития систем отраслевого мониторинга [4].

Следует уточнить, что подход ориентирован в первую очередь на технически сложные виды медицинской техники (диагностическое, терапевтическое, реабилитационное оборудование), для которых характерны длительный жизненный цикл, необходимость сервисного обслуживания и жесткие регуляторные требования. Для простых медицинских изделий (расходные материалы, одноразовые инструменты) и медицинских средств измерений требуется адаптация набора показателей. Основные ограничения подхода: отсутствие эмпирической верификации, нормативная неопределенность (отсутствие отраслевых нормативов), трудоемкость сбора качественных показателей, статический характер модели. Указанные ограничения определяют направления дальнейших исследований.

Результаты сопоставления позволяют обозначить перспективные направления развития предложенного подхода: 1) интеграция показателей экономической безопасности в систему оценки организационно-качественных параметров, что позволит связать организационные решения с рисками импортозависимости; 2) разработка отраслевых нормативов для коэффициентов структурной напряженности и централизации применительно к предприятиям медицинской промышленности; 3) создание на базе предложенной модели

цифрового инструментария для мониторинга эффективности подсистем в режиме реального времени; 4) эмпирическая апробация предложенных коэффициентов на данных конкретных предприятий.

Заключение

В отличие от существующих фрагментарных подходов, в статье выделены и охарактеризованы пять ключевых подсистем (производственная, научно-исследовательская, сбытовая, сервисная, управленческая), каждая из которых обладает собственным набором организационно-качественных параметров. Показано, что именно организационные решения задают границы возможного экономического эффекта, включая рост доли отечественной продукции и расширение присутствия на внешних рынках. Данная классификация создает основу для системной диагностики отрасли вместо точечной оценки отдельных предприятий.

Предложена трехуровневая система показателей (количественные, качественные, комплексные) и четыре группы методов оценки (расчетно-аналитические, экспертные, методы сравнения с эталонными моделями и организационной диагностики). В отличие от общих подходов к оценке организационных структур, разработанный инструментарий адаптирован к специфике медицинской техники – длительному жизненному циклу изделий, высокой чувствительности к простоям, обязательности регистрационных и клинических испытаний, высокой доле государственного заказа. Количественные показатели (коэффициенты рациональности структурных подразделений, структурной напряженности, соблюдения норм управляемости) позволяют выявлять зоны перегрузки управленческого аппарата и отклонения от оптимальных норм управляемости, а качественные характеристики (скорость распознавания и анализа ситуации, инновационность и гибкость управления) дополняют картину организационной эффективности.

Авторская модель наглядно демонстрирует, как организационно-качественные параметры через систему экономической оценки (экономия на закупках для здравоохранения, занятость в промышленности, рост числа производственных предприятий,

объем инвестиций в производство, доля НИОКР и др.) выходят на итоговые экономические эффекты – долю российского оборудования на рынке, технологический суверенитет России, долю экспорта и развитие здравоохранения. Новизна модели заключается в том, что она интегрирует разрозненные параметры в единую систему причинно-следственных связей между качеством управления и конечными результатами, включая такие агрегированные показатели, как рост отрасли медицинской техники, доля промышленности в ВВП, доля выигранных контрактов российских производителей и себестоимость.

Сопоставление с работами последних лет [4–7] показывает, что предложенная модель органично дополняет существующие методики оценки экономической безопасности и стратегического управленческого учета, фокусируясь на микро- и мезоуровне – внутренних организационных факторах, которые могут быть изменены с минимальными инвестициями, но с максимальной отдачей для отрасли.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что разработанный алгоритм и система показателей могут быть непосредственно использованы органами государственной власти (включая Московский регион) для мониторинга эффективности промышленной политики в сфере медицинской техники; управляющими компаниями особых экономических зон и отраслевыми объединениями для диагностики и повышения эффективности предприятий-участников; руководством предприятий для выявления резервов повышения эффективности без дополнительных капитальных вложений. Предложенный подход представляет собой основу для дальнейших прикладных исследований, включающих расчет конкретных коэффициентов на данных предприятий медицинской промышленности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Анисимова Д. С. Организационная структура как модель функционирования организации. *Молодой ученый*. 2020. № 23. С. 222–224. [Anisimova D. S. Organizational structure as a model of organization functioning. *Molodoi uchenyi*, 2020, (23): 222–224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/orvyhl>
2. Иванов В. Л., Бурлаков С. В. Организационный потенциал и критерии оценки эффективности функционирования организационных структур управления предприятием. *Управління проектами та розвиток*

- производства. 2004. № 2. С. 81–86. [Ivanov V. L., Burlakov S. V. Organizational potential and criteria for assessing the effectiveness of organizational structures of enterprise management. *Upravlenie proektami i razvitie proizvodstva*, 2004, (2): 81–86. (In Russ.)]
3. Курбанова У. А.-И., Магомедова А. Г. Оценка эффективности организационных структур предприятия. *Региональная и отраслевая экономика*. 2023. № 6. С. 165–173. [Kurbanova U. A.-I., Magomedova A. G. Assessment of the effectiveness of the organizational structures of the enterprise. *Regional and branch economy*, 2023, (6): 165–173. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ovnbxz>
 4. Паникарова С. В., Штанько А. Ю. Методические подходы к оценке уровня экономической безопасности отрасли по производству медицинских изделий. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2024. Т. 20. № 8. С. 1406–1423. [Panikarova S. V., Shtanko A. Yu. Methodological approaches to assessing the level of economic security in the medical device manufacturing industry. *National Interests: Priorities and Security*, 2024, 20(8): 1406–1423. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24891/ni.20.8.1406>
 5. Штанько А. Ю., Паникарова С. В. Роль межотраслевого баланса в государственном регулировании отрасли медицинских изделий. *Наука Красноярья: экономический журнал*. 2025. Т. 14. № 2. С. 97–118. [Shtankov A. Yu., Panikarova S. V. The role of inter-sectoral balance in government regulation of the medical device industry. *Krasnoyarsk Science: Economic Journal*, 2025, 14(2): 97–118. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12731/2070-7568-2025-14-2-299>
 6. Каморджанова Н. А., Саталкина Е. В., Федорова Н. Д. Адаптация стратегического управленческого учета к деятельности дистрибьюторов медицинского оборудования. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2025. № 1. С. 40–51. [Kamordzhanova N. A., Satalkina E. V., Fedorova N. D. Adaptation of strategic management accounting to the activities of medical equipment distributors. *Intellect. Innovations. Investments*, 2025, (1): 40–51. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-1-40>
 7. Штанько А. Ю., Паникарова С. В. Экономическая устойчивость российского рынка медицинских изделий. *Вестник экономики, права и социологии*. 2025. № 4. С. 119–125. [Shtanko A. Yu., Panikarova S. V. Economic sustainability of the Russian medical devices market. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2025, (4): 119–125. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1998-5533-2025-4-119-125>
 8. Куликов В. И. Оценка централизации / децентрализации управления предприятием. *Российское предпринимательство*. 2012. № 12. С. 56–62. [Kulikov V. I. Assessment of centralization / decentralization of enterprise management. *Russian Journal of Entrepreneurship*, 2012, (12): 56–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ozmekj>
 9. Абашева О. В. Управление качеством. Ижевск: Ижевская ГСХА, 2013. 109 с. [Abasheva O. V. *Quality management*. Izhevsk: Izhevsk SAA, 2013, 109. (In Russ.)]
 10. Понкратова Т. А., Кучерова Е. В., Тюленева Т. А., Секлецова О. В. Некоторые аспекты определения экономического эффекта от создания резервов производственных мощностей. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2021. № 5-1. С. 77–84. [Ponkratova T. A., Kucheroва E. V., Tyuleneva T. A., Sekletsova O. V. Some aspects of determining the economic effect of creating reserves of production capacity. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2021, (5-1): 77–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/vaael.1690>
 11. Вертий Б. Д. Определение показателей эффективности НИОКР. *Экономические науки*. 2009. № 57. С. 222–227. [Vertiy B. D. Definition of R&D efficiency indicators. *Ekonomicheskie nauki*, 2009, (57): 222–227. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mvfdwb>
 12. Щербакова А. А. Сущность и состав региональной инфраструктуры сервиса медицинской техники. *Проблемы развития территории*. 2010. № 6. С. 61–66. [Shcherbakova A. A. The essence and composition of regional infrastructure of medical equipment service. *Problems of Territory's Development*, 2010, (6): 61–66. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nblzln>
 13. Щербакова А. А. Организация сервиса медицинской техники в регионе. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2011. № 3. С. 139–148. [Shcherbakova A. A. Organization of medical equipment service in the region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2011, (3): 139–148. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nvxyrl>
 14. Иванова Т. А. Оценка эффективности организационной структуры управления. *Молодой ученый*. 2022. № 32. С. 35–38. [Ivanova T. A. Evaluation of the effectiveness of the organizational management structure. *Molodoi uchenyi*, 2022, (32): 35–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eladvu>
 15. Толпегина О. А., Серегина Е. Ю. Оценка эффективности организационно-экономической системы управления по ценностям и их целям государственных корпораций. *Финансовый менеджмент*. 2020.

- № 1. С. 27–39. [Tolpegina O. A., Seregina E. Yu. Evaluation of the efficiency of the organizational-economic management system by the values and their purposes of state corporations. *Financial Management*, 2020, (1): 27–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cpdmth>
16. Смирнов С. В., Поташева Г. А. Оценка эффективности организационных структур систем управления предприятием и их потенциал. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2007. № 2. С. 75–78. [Smirnov S. V., Potasheva G. A. The estimation of efficiency of organizational structures of control systems and their potential. *Eurasian Journal of Economics and Management*, 2007, (2): 75–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jdjfhq>
17. Митяков Е. С., Митяков С. Н. Методический подход к анализу эффективности отраслевых промышленных экосистем. *Экономика региона*. 2026. Т. 22. № 1. С. 145–159. [Mityakov E. S., Mityakov S. N. Methodical approach to efficiency analysis of sectoral industrial ecosystems. *Economy of regions*, 2026, 22(1): 145–159. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-1-11>
18. Горбатовская О. Н., Такун С. П., Павлович Л. М., Ковалёв И. Л. К вопросу оценки эффективности органов управления регионального АПК. *Экономические вопросы развития сельского хозяйства Беларуси*. 2023. № 51. С. 66–79. [Gorbatovskaya O. N., Takun S. P., Pavlovich L. M., Kovalev I. L. On the issue of the efficiency of the regional managerial bodies of Agro-Industrial Complex. *Ekonomicheskie voprosy razvitiya selskogo hozyaistva Belarusi*, 2023, (51): 66–79. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ydjahc>
19. Игнатова Е. В., Солоп Е. Г. Особенности применения разных типов организационных структур управления для различного вида организаций. *Управление проектами та розвиток виробництва*. 2005. № 3. С. 95–106. [Ignatova E. V., Solop E. G. Applying different types of organizational management structures for different types of organizations. *Upravlenie proektami i razvitie proizvodstva*, 2005, (3): 95–106. (In Russ.)]
20. Цуриков С. В., Харченко А. А. Система интегральных индикаторов эффективности и результативности организационного дизайна компании. *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 369. С. 135–140. [Tsurikov S. V., Kharchenko A. A. System of integral indicators of efficiency and effectiveness of the organizational design of company. *Tomsk State University Journal*, 2013, (369): 135–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pzehnz>
21. Дерен И. И., Шматкова В. В. Механизм регулирования дистрибьюторской системы услуг на рынке медицинского оборудования в России (на примере г. Москвы и г. Санкт-Петербурга). М.: Перо, 2011. 229 с. [Deren I. I., Shmatkova V. V. *Mechanism for regulating the distribution system of services in the medical equipment market in Russia: Moscow and St. Petersburg*. Moscow: Pero, 2011, 229. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qutjaz>
22. Khoshsepehr Z., Alinejad S., Salari L. Enhancing organizational quality management in Industry 5.0 through smart technologies and decomposed fuzzy methods. *International Journal of Quality & Reability Management*, 2025, 42(10): 2815–2841. <https://doi.org/10.1108/IJQRM-10-2024-0365>
23. Scur D., Ohlmacher S., Van Reenen J. et al. The international empirics of management. *Proceedings of the national academy of sciences of the United States of America*, 2024, 121(45). <https://doi.org/10.1073/pnas.2412205121>
24. Klímová B., Marešová P. Economic methods used in health technology assesment. *E&M Economics and Management*, 2018, 21(1): 116–126. <https://doi.org/10.15240/tul/001/2018-1-008>
25. Maci J., Marešová P. Critical factors and economic methods for regulatory impact assessment in the medical device industry. *Risk Management and Healthcare Policy*, 2022, 15: 71–91. <https://doi.org/10.2147/RMHP.S346928>

оригинальная статья

eLibrary EDN: EKBOYT

Рынок зеленых облигаций стран БРИКС: проблемы и перспективы развития

Кокшаров Егор Дмитриевич

Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург
eLibrary Author SPIN: 2274-4471
<https://orcid.org/0009-0001-5689-4360>

Земзюлина Вероника Юрьевна

Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург
eLibrary Author SPIN: 6587-1049
<http://orcid.org/0000-0003-1699-636X>
veronika.zemziulina@urfu.ru

Аннотация: Климатические изменения и, как следствие, необходимость перехода к устойчивому развитию являются основными факторами, объясняющими применение зеленых облигаций. В условиях деглобализации особое значение приобретает исследование особенностей рынков зеленых облигаций в странах БРИКС, которые, с одной стороны, являются крупнейшими эмитентами парниковых газов, а с другой – имеют политические и экономические особенности, влияющие на формирование рынка. Цель – определить направления развития рынка зеленых облигаций в странах БРИКС. Задачи: оценка масштабов развития рынка зеленых облигаций стран БРИКС; изучение институциональных, нормативных и экономических факторов, которые влияют на формирование рынка зеленых облигаций в странах альянса; выявление барьеров, ограничивающих рост рынка зеленых облигаций в странах БРИКС. Использованы данные отчетов Climate Bonds Initiative, Environmental Finance и Bloomberg, а также применен анализ нормативных актов и научной литературы. В результате выявлено отсутствие единого рынка зеленых облигаций в странах БРИКС. Изучены факторы, влияющие на фрагментарность развития в странах, а также основные особенности и барьеры каждого из них. Результаты исследования ведут к пониманию особенностей развития рынков зеленых облигаций в странах БРИКС, что может стать началом повышения эффективности устойчивого финансирования.

Ключевые слова: рынок зеленых облигаций, зеленые облигации, зеленое финансирование, зеленая таксономия, гринвошинг, страны БРИКС

Цитирование: Кокшаров Е. Д., Земзюлина В. Ю. Рынок зеленых облигаций стран БРИКС: проблемы и перспективы развития. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2026. Т. 11. № 3. С. 493–504. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-493-504>

Поступила в редакцию 15.12.2025. Принята после рецензирования 26.02.2026. Принята в печать 02.03.2026.

original article

The BRICS Green Bond Market: Problems and Development Prospects

Egor D. Koksharov

Ural Federal University, Russia, Ekaterinburg
eLibrary Author SPIN: 2274-4471
<https://orcid.org/0009-0001-5689-4360>

Veronika Yu. Zemzyulina

Ural Federal University, Russia, Ekaterinburg
eLibrary Author SPIN: 6587-1049
<http://orcid.org/0000-0003-1699-636X>
veronika.zemziulina@urfu.ru

Abstract: The phenomenon of green bonds has its roots in climate change and the urgent need for a transition toward sustainable development. BRICS countries are among the largest greenhouse gas emitters, heavily influencing global political and economic market trajectories. As increasingly prominent actors in the green bond market, their unique characteristics require dedicated scientific attention in the light of current deglobalization trends. This article describes the development vectors, scale, and limitations of the green bond market within both the alliance as a whole and each individual BRICS nation. It further examines the institutional, regulatory, and economic factors driving this expansion. The research relied on analytical data and reports from Climate Bonds Initiative, Environmental Finance, and Bloomberg, along with a comprehensive review of regulatory and academic literature. The study revealed the absence of a unified market for green bond issuance, demonstrating

that fragmentation is driven by nation-specific structural factors and regulatory barriers. A deeper insight into these individual development patterns within BRICS may facilitate and enhance the efficiency of Russia's own sustainable financing efficiency.

Keywords: green bond market, green bonds, green financing, green taxonomy, greenwashing, BRICS countries

Citation: Koksharov E. D., Zemzyulina V. Yu. The BRICS Green Bond Market: Problems and Development Prospects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(3): 493–504. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-493-504>

Received 15 Dec 2025. Accepted after review 26 Feb 2026. Accepted for publication 2 Mar 2026.

Введение

Климатический кризис заставил глобальную экономику искать новые пути финансирования [1]. Одним из них являются зеленые облигации (бонды) (далее – ЗО), привлекающие капитал для экологических проектов. Их роль в портфеле ESG-инвестиций продолжает расти¹. Экологические проекты направлены на решение широкого круга проблем окружающей среды. Так как это достаточно широкий перечень, со временем экологические проекты начали специализироваться и появились климатические проекты, сконцентрированные лишь на смягчении последствий изменения климата [2]. Проекты устойчивого развития представляют наиболее обширную категорию, включающую, помимо экологических, социальные и управленческие аспекты. Нормативное разделение этих понятий обеспечивается национальными и международными таксономиями, которые устанавливают критерии отнесения деятельности к зеленой.

В 2024 г. ЗО обеспечили почти 60 % всех ESG-облигаций, что подтверждает: рынок видит в них наиболее эффективный механизм борьбы с изменением

климата (рис. 1²). Объем ЗО достиг 625,8 млрд долл. США, что демонстрирует рост интереса к данному инструменту в сфере зеленого финансирования. Параллельно этому росту возникают новые риски, требующие специального анализа и регуляторного внимания [3].

Страны БРИКС (Федеративная Республика Бразилия, РФ, Республика Индия, Китайская Народная Республика (КНР), ЮАР), несмотря на интерес к зеленому финансированию, занимают определенное положение в данной системе³ [4]. С одной стороны, они производят свыше половины мировых выбросов парниковых газов⁴, а с другой – их вклад в рынок зеленых облигаций составляет лишь 18 % в 2023 г. (рис. 2⁵). Такой разрыв указывает как на потенциал развития, так и на наличие проблем. Развитие рынка в пределах БРИКС отличается выраженной асимметрией. Китай доминирует по объемам эмиссии облигаций среди развивающихся стран, тогда как остальные члены группы показывают низкие и нестабильные показатели.

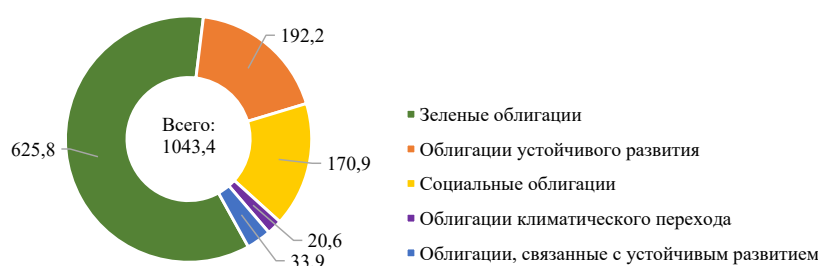

Рис. 1. Совокупный объем размещений ESG-облигаций на мировом рынке, 2024 г., млрд долл. США

Fig. 1. Total volume of ESG bond placements in the global market, 2024, USD billion

¹ Кузнецов М. «ESG было пасом западным инвесторам»: есть ли будущее у зеленых облигаций. *Forbes*. 16.07.2022. URL: <https://www.forbes.ru/investicii/471607-esg-bylo-pasom-zapadnym-investoram-est-li-budusee-u-zelenyh-obligacij> (дата обращения: 25.10.2025).

² Сост. по: Sustainable Bonds Insight 2025. *Environmental Finance*. URL: <https://www.environmental-finance.com/content/downloads/sustainable-bonds-insight-2025.html> (accessed 6 Apr 2025).

³ Лыскова О. Инновации для устойчивого будущего: ключевые направления развития «зеленых» технологий стран БРИКС. *РСМД*. 03.10.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/innovatsii-dlya-ustoychivogo-budushchego-klyuchevye-napravleniya-razvitiya-zelenykh-tehnologiy-stra> (дата обращения: 16.03.2025).

⁴ CO₂ Emissions by Country 2023. *World Population Review*. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/co2-emissions-by-country> (accessed 25 Oct 2025).

⁵ Сост. по: Market Intelligence Services. *Climate Bonds Initiative*. URL: <https://www.climatebonds.net/data-insights/market-data> (accessed 6 Apr 2025).

Рис. 2. Динамика выпуска зеленых облигаций по всему миру
Fig. 2. Dynamics of green bond issuance worldwide

Для России сотрудничество в рамках БРИКС открывает доступ не только к китайскому опыту, но и к механизмам совместного финансирования. К примеру, инициативы Центрального банка РФ (Банка России, или ЦБ РФ) о выработке общих стандартов зеленого финансирования для стран БРИКС направлены на снижение асимметрии между странами, что обеспечит больше возможностей для междо-национального финансирования.

Концепция зеленого финансирования привлекает внимание российских и зарубежных исследователей, однако подходы к ее определению и интерпретации существенно различаются. В таблице 1 представлены позиции российских авторов.

Хотя методы исследователей различаются, они сходятся в одном ключевом моменте: система зеленого финансирования требует всестороннего подхода. Однако именно в этом и заключается основная сложность. Так, А. А. Ситник и А. А. Прудникова делают акцент на структурных изменениях, тогда как Т. К. Чернышева, напротив, предлагает фокусироваться на стимулах (налоговых льготах

и повышении информирования). При этом отечественные ученые упускают специфику стран БРИКС, хотя и предлагают универсальные рекомендации. Ведь в рамках альянса появляются совершенно другие ограничения. Среди них – недостаток капитала, политическая нестабильность и конфликт приоритетов между углеводородной зависимостью и климатическими целями. Именно в формате БРИКС обсуждаются механизмы, которые могут помочь странам с углеродоемкой экономикой, таким как Россия, осуществить переход.

В эмпирических исследованиях доходности зеленых облигаций присутствуют различия в методах анализа, характеристиках рынка и степени его регулирования, что объясняет наличие разнородных результатов. На европейском вторичном рынке разница между доходностью зеленых и традиционных облигаций составляет до 22 б.п.⁶ [8; 9], а на первичном рынке ЗО в США дисконт достигает от 7 до 18 б.п.⁷ [10]. Если брать страны БРИКС, то на китайском рынке, несмотря на проблемы с раскрытием информации, дисконт достигает 8 б.п. [11].

Табл. 1. Систематизация отечественных исследований, посвященных теме зеленого финансирования

Tab. 1. Systematization of domestic research on the topic of green finance

Автор	Основные идеи исследования	Выводы и рекомендации
А. А. Ситник [5]	Двухуровневый подход к определению зеленых финансов (инструменты и система)	Централизация управления экологическими рисками и интернализация внешних эффектов
А. А. Прудникова [6]	Зеленое финансирование как инструмент модернизации и перехода к новым технологическим укладам	Согласованные политические, нормативные и налоговые меры, стимулирование инноваций для развития зеленого финансирования
Т. К. Чернышева [7]	Зеленое финансирование как элемент устойчивой системы	Налоговые льготы для эмитентов и инвесторов; преодоление барьеров координации и информирования

⁶ Ehlers T., Packer F. Green bond finance and certification. *BIS*. 17 Sep 2017. URL: <https://www.bis.org/publications/green-bond-finance-and-certification> (accessed 7 Oct 2025).

⁷ Ibid.

Исследования подтверждают, что на развитых рынках инвесторы готовы переплачивать, если их деньги идут в правильном направлении. Исключением из общего правила является исследование Karpf и Mandel, где рассматривался вторичный рынок муниципальных облигаций США и была зафиксирована премия к доходности 30 в 8 б.п. [12]. Однако их результаты могут быть связаны с неучтенностью в работе различий в налогообложении, влияние которых и скорректировало номинальную ставку доходности облигаций.

Глобальные исследования показывают наименьший разрыв в доходности, от 1 до 2 б.п. [13; 14], что связано с влиянием на результаты данных развивающихся стран, в которых дисконт в доходности ниже или вообще отсутствует.

В работах, направленных на изучение специфики зеленого финансирования в странах БРИКС, авторы отмечают неравномерность развития данного рынка. Центральной темой является феномен Китая, чье лидерство Л. С. Худякова и Т. Р. Урумов объясняют сильной государственной поддержкой, плановой экономикой и ключевой ролью государственного банка развития Китая [15]. На фоне китайского успеха особенно заметны проблемы других участников. И. А. Чувычкина подчеркивает, что остальные страны блока с трудом балансируют между экономическим ростом и экологическими целями, а отсутствие единой нормативной базы мешает совместным проектам. В качестве перспективного направления для сотрудничества она предлагает сфокусироваться на рынке добровольных углеродных единиц [16]. Кроме этого, эмпирическую оценку неоднородности дает и А. Г. Сахаров, который, сравнивая национальные вклады в достижение климатических целей, подтверждает значительный разрыв в прогрессе. По его данным, Бразилия, Китай и Индия демонстрируют успехи, в то время как ЮАР по ряду показателей регрессирует [17]. Таким образом, несмотря на общий интерес к ESG-повестке, рынки зеленых облигаций в странах БРИКС развиваются изолированно, что обусловлено как экономическими, так и политическими различиями.

Недостаточная изученность особенностей и механизмов работы рынков зеленых облигаций в странах БРИКС создает препятствия для эффективного развития не только на национальном уровне, но и внутри объединения стран. Цель статьи – определить направления развития рынка 30 в странах БРИКС. Задачи: оценка масштабов развития рынка

30 стран БРИКС; изучение институциональных, нормативных и экономических факторов, которые влияют на формирование рынка зеленых облигаций в странах альянса; выявление барьеров, ограничивающих рост рынка 30 в странах БРИКС.

Исследование представляет собой комплексный анализ рынка 30 в странах БРИКС за 2014–2024 гг. Используются данные отчетов Climate Bonds Initiative (CBI) об объемах выпуска зеленых облигаций в странах БРИКС за 2014–2023 гг.; аналитические отчеты о состоянии рынка зеленых облигаций с сайта Environmental Finance. Проанализированы агрегированные данные и новостные сводки о состоянии рынка зеленых облигаций с сайта Bloomberg. Также проанализированы нормативные акты и научная литература по теме исследования.

Результаты

За последние годы в секторе зеленых бондов БРИКС отмечается положительная динамика, однако вес объединения на мировой арене изменчив. Если с 2016 г. доля блока была 28 %, то в 2020 г. – 10 %, а в 2023 г. – 18 % (рис. 2). Внутренняя структура рынка характеризуется асимметрией. На долю Китая и Индии в 2023 г. приходится свыше 90 % всей эмиссии внутри союза (рис. 3⁸). Высокая концентрация капитала подтверждает фрагментарность рынка и акцентирует внимание на изучении опыта ведущих стран.

Для более детального понимания динамики выпуска зеленых облигаций в странах БРИКС рассмотрим данные по объемам эмиссии за 2014–2023 гг. (табл. 2⁹).

Так, Китай удерживает лидирующую позицию на рынке 30. Рост их эмиссии начался в 2016 г. и к 2023 г. увеличился в 4 раза, даже несмотря на незначительное снижение выпуска 30 до 83,5 млрд долл. США в этом же году. В Индии эмиссия 30 увеличилась в 2023 г. до 15,39 млрд долл. США, что отражает повышение инвестиционной привлекательности страны для иностранных инвесторов. Остальные участники блока пока не достигли стадии постоянного роста эмиссии, а их показатели подвержены изменениям. Например, бразильский рынок после рекорда 2021 г. постепенно снижается, как и рынок ЮАР после 2019 г.

Для понимания причин успеха зеленых облигаций в одних странах и их неуспешного применения в других рассмотрим подробнее эти рынки в разрезе стран-участниц БРИКС.

⁸ Сост. по: Ibid.

⁹ Сост. по: Ibid.

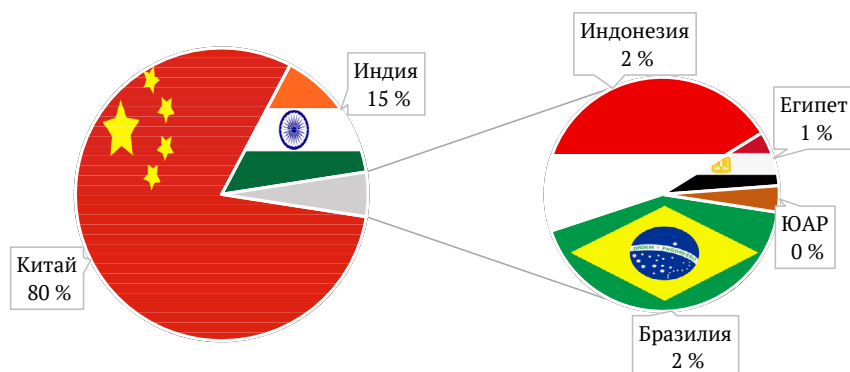

Рис. 3. Соотношение объема выпуска зеленых облигаций стран-участниц БРИКС на 2023 г.
Fig. 3. BRICS Green Bond Issuance Ratio for 2023

Табл. 2. Динамика выпуска зеленых облигаций в странах БРИКС, млрд долл. США
Tab. 2. Dynamics of green bond issuance in BRICS countries, USD billion

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
ЮАР	0,14	–	–	0,08	0,09	0,75	0,43	0,07	0,30	0,18
Индия	–	1,15	1,57	4,28	0,70	3,14	1,09	7,82	3,20	15,39
Бразилия	–	0,56	0,86	2,04	0,22	1,99	2,59	3,82	3,04	2,16
Китай	0,16	1,29	21,21	22,10	31,06	31,71	23,75	70,57	86,58	83,51
Россия	–	–	–	–	–	0,56	0,48	1,60	–	–

Прим.: после событий 2022 г. СБИ перестал присваивать российским зеленым облигациям статус *зеленых*, что не позволяет объективно оценивать российские показатели ЗО.

ЮАР

Экономика ЮАР находится в рамках между стремлением к снижению выбросов и нестабильной энергетической системой. Страна как континентальный лидер в экономическом плане генерирует более 1 % глобальных выбросов CO₂, из которых 50 % – угольная генерация. В 2021 г. на уголь приходилось 72 % выработанной электроэнергии (рис. 4¹⁰). Указанное несет большой потенциал для развития зеленых финансов, однако снижению угольных мощностей мешают постоянные энергетические кризисы. К тому же ситуация усугубляется макроэкономическими проблемами. Так, государственный долг страны превышает 70 % от валового внутреннего продукта (ВВП), что лишает бюджет возможности самостоятельно финансировать зеленый переход и требует привлечения дополнительных инвестиций.

Одним из механизмов для привлечения внутренних ресурсов стал налог на загрязнение, действующий

с 1 июня 2019 г., механизм которого предусматривает ежегодную индексацию ставки на величину инфляции +2 % на первом этапе и просто на инфляцию на втором¹¹. Однако эффективность этой меры нивелируется широким спектром налоговых льгот, которые призваны стимулировать снижение объемов выбросов CO₂, что подтверждается низкими объемами поступлений (1,6 млрд рэндов в 2022 г.). На данный момент главная задача налога – вовлечь предприятия в повышение экологичности. Далее государство начнет «урезать» льготы, что позволит собирать больше налоговых сборов. Конечно, со временем ставка налога станет выше, а часть льгот может не пролонгироваться, однако поступления от такого налога пока не велики и требуется дополнительное финансирование, в том числе за счет ЗО.

В этом контексте рынок ЗО становится критически важным инструментом. Его институциональный

¹⁰ Сост. по: Energy profile. South Africa. IRENA. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Statistics/Statistical_Profiles/Africa/South-Africa_Africa_RE_SP.pdf (accessed 25 Oct 2025).

¹¹ Carbon Tax Act, 2019. Act No. 15 of 2019. Government gazette Republic of South Africa. No. 42483. 23 May 2019. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201905/4248323-5act15of2019carbontaxact.pdf (accessed 25 Oct 2025).

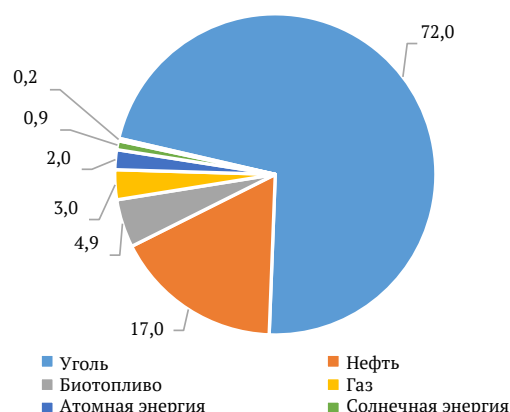

Рис. 4. Структура выработки электроэнергии в ЮАР, 2021 г., %
Fig. 4. South Africa's electricity generation structure in 2021, %

фундамент был заложен еще в 2011 г. с принятием Кодекса ответственного инвестирования (CRISA), обязавшего пенсионные фонды учитывать ESG-факторы в своих инвестиционных стратегиях¹². Вероятно, такое регуляторное нововведение простимулировало рынок ЗО, и в 2012 г. Industrial Development Corporation первая провела эмиссию зеленых бондов для проектов в сфере возобновляемых источников энергии на сумму 5 млрд рэндов. Несмотря на это, на данный момент лидерами по эмиссии являются такие банки, как Development Bank of Southern Africa и Nedbank.

Одной из отличительных черт рынка ЗО в ЮАР является эмиссия в национальной валюте. В такой обстановке компании могут привлекать финансирование, не опасаясь за отрицательную курсовую разницу, что снижает резервы и себестоимость. Такая благоприятная среда во многом была сформирована благодаря развитию фондовой инфраструктуры. Так эволюция рынка ЗО происходила в несколько этапов: начавшись в 2017 г. с запуска специализированного сегмента на Йоханнесбургской фондовой бирже, она продолжилась расширением до облигаций устойчивого развития, а в 2022 г. завершилась приведением к международным стандартам нормативных документов. Помимо этого, были опубликованы «Руководство по раскрытию информации об устойчивом

развитии» и «Руководство по раскрытию информации о климате», что стандартизировало рынок ЗО и увеличило его привлекательность для инвесторов.

Структурный анализ распределения средств показывает перевес в сторону сектора возобновляемой энергетики¹³. К тому же рыночная архитектура остается неравномерной, ведь эмиссионная активность сосредоточена в государственном и банковских секторах, тогда как крупные промышленные компании – основные эмитенты парниковых газов – воздерживаются от выхода на рынок ЗО. Подобная пассивность секторов формирует парадокс, при котором инструменты декарбонизации используются не теми, кто генерирует основной углеродный след. Указанное приводит к репутационным рискам и скепсису инвесторов относительно реальной эффективности зеленого финансирования в стране [18].

Индия

В Индии при одновременном росте ВВП на 7–8 % ежегодно и стремлении удвоить долю возобновляемых источников энергии [19] рынок финансирования климатических проектов остается фрагментированным и только начинает свое развитие.

Первые выпуски ЗО появились в 2015 г. практически одновременно у четырех эмитентов. Среди них были Yes Bank, Экспортно-импортный банк, CLP Wind Farms и IDBI, что указывает на спонтанность начального этапа, а не на скоординированное развитие инструмента. Тремя годами позже Государственный банк Индии провел выпуск ЗО, собрав свыше 1,25 млрд долл. США¹⁴. В результате выпуск суверенных облигаций стал регулярной практикой: начиная с 2023 г. правительство Индии систематически выпускает суверенные ЗО. За 8 траншей местные власти привлекли в общей сложности 477 млрд рупий¹⁵. Данная политика направлена на финансирование экологических проектов с привлечением частного капитала.

Рынок ЗО в стране, как и практически везде, направлен на объекты в сфере возобновляемых источников энергии, а доля основной валюты выпуска (рупий) чуть выше 50 %. В основном в местной

¹² McPartlan E. Code for Responsible Investing in South Africa (CRISA). ECGI. 31 Dec 2011. URL: <https://www.ecgi.global/publications/codes/code-for-responsible-investing-in-south-africa-crisa> (accessed 25 Oct 2025).

¹³ Developing a national green finance taxonomy: Project briefing report. *National Business Initiative*, 2020, 54. URL: https://sustainablefinanceinitiative.org.za/wp-content/downloads/Stakeholder_Briefing_Document_9_October_2020.pdf (accessed 25 Oct 2025).

¹⁴ Анализ рынка финансовых услуг Индии: возможности продвижения услуг российских экспортеров. М.: Всероссийская академия внешней торговли, 2022. 32 с. URL: https://myexport.exportcenter.ru/marketing-research/Финансовые_услуги_Индия.pdf (дата обращения: 25.10.2025).

¹⁵ India's sustainable debt market tops USD 55.9 billion – new MUFG-CBI report maps rapid growth and pathways to 2030. *Climate Bonds Initiative*. 27 Jun 2025. URL: <https://www.climatebonds.net/news-events/press-room/press-releases/indias-sustainable-debt-market-tops-usd-55-9-billion-new-mufg-cbi-report-maps-rapid-growth-pathways-2030> (accessed 7 Oct 2025).

валюте займы привлекают государство и муниципалитеты, а корпорации предпочитают доллары, что связано со стремлением последних привлечь иностранный капитал.

Ключевая особенность рынка ЗО в стране – рост муниципального сегмента облигаций. В феврале 2024 г. корпорация Vadodara Municipal Corporation выпустила первую в Азии муниципальную суверенную облигацию на сумму 12 млн долл. США. Выпуск был направлен на развитие систем водоснабжения и канализации и одобрен СБИ¹⁶. Такой шаг показывает, что муниципалитеты начинают привлекать капитал с помощью ЗО и опыт может быть масштабирован в других муниципалитетах.

Однако с ростом объемов необходимо было решить отсутствие единого локального стандарта качества. Поэтому уже в 2017 г. Комиссия по ценным бумагам и биржам Индии (SEBI) установила требования к раскрытию информации, но в основном заимствовала архитектуру международного стандарта СБИ вместо создания собственной таксономии¹⁷. В результате разные эмитенты интерпретировали критерии по-своему, создавая пространство для гринвошинга. В связи с этим в 2023 г. циркуляр был обновлен и учитывал ряд национальных особенностей. Также спустя два года SEBI расширила область регулирования и впервые создала нормативы для контроля над устойчивыми облигациями¹⁸.

В 2025 г. SEBI вынесла на обсуждение циркуляр, где предложила пересмотренные нормы назначения сертифицированных для зеленых бондов. Теперь для сертификации должны были привлекаться только

независимые аудиторы, не имеющие конфликта интересов с проверяемой стороной¹⁹. На наш взгляд, с ростом рынка требования, вероятно, будут все сильнее ужесточаться, а эмитентам и инвесторам придется приспосабливаться к новым условиям.

Бразилия

88 % электричества в Бразилии генерируется из возобновляемых источников, главным образом из гидроэнергии. Страна обладает одной из лучших энергосистем на планете, однако экономика Бразилии по-прежнему зависит от сельского хозяйства, горнодобычи и ископаемых ресурсов.

В Бразилии борьба с изменением климата занимает центральное место. По данным опроса Pew, 85 % бразильцев воспринимают изменение климата как серьезную угрозу [20]. В ответ на это были разработаны и приняты многочисленные нормативные акты, регулирующие экологию, зеленое финансирование и рынок зеленых облигаций (рис. 5²⁰). В 2008 г. Бразилия приняла Протокол Verde, обновляющий рекомендации 1995 г. для банков по финансированию экологических проектов. В 2014 и 2021 гг. Центральный банк Бразилии выпустил Резолюции CMN № 4.327 и № 4.945 соответственно, устанавливающие требования к управлению рисками и ESG-отчетности для зеленых проектов.

Рынок ЗО в Бразилии сильно отличается от рынков стран-соседей, где суверенные облигации доминируют. В Бразилии нефинансовые корпорации (крупные энергетические, сельскохозяйственные и инжиниринговые компании) составляют более

¹⁶ Vadodara Municipal Corporation Initiates India and Asia's First Certified Green Muni Bond for Sustainable Water Infrastructure. *Climate Bonds Initiative*. 29 Feb 2024. URL: <https://www.climatebonds.net/news-events/press-room/press-releases/vadodara-municipal-corporation-initiates-india-asias-first-certified-green-muni-bond-sustainable-water-infrastructure> (accessed 7 Feb 2025).

¹⁷ Circular CIR/IMD/DF/51/2017: Disclosure Requirements for Issuance and Listing of Green Debt Securities. *Securities and Exchange Board of India*. 30 May 2017. URL: https://www.cse-india.com/upload/cse_notice/SEBI_30052017.pdf (accessed 25 Oct 2025).

¹⁸ India's ESG Bond Revolution: Inside SEBI's New Framework for Social, Sustainability, and Sustainability-Linked Bonds. *The ESG Institute*. URL: <https://www.the-esg-institute.org/blog/india-esg-bond-revolution-inside-sebis-new-framework-for-social-sustainability-and-sustainability-linked-bonds> (accessed 7 Dec 2025).

¹⁹ Agarwal S., Dasgupta A. From Greenwashing to Green Assurance: Strengthening Third-Party Review of Green Debt Securities. *Lexplosion*. 26 Aug 2025. URL: <https://lexplosion.in/from-greenwashing-to-green-assurance-strengthening-third-party-review-of-green-debt-securities/> (accessed 7 Oct 2025).

²⁰ Сост. по: B3 – Novo Mercado. Investor Relations. URL: <https://ri.bb.com.br/en/corporate-governance-and-sustainability/b3-novo-mercado/>; O BNDES e o Protocolo Verde. *BNDES*. URL: https://www.bndes.gov.br/SiteBNDES/bndes/bndes_pt/Hotsites/Relatorio_Anual_2011/Capitulos/atuacao_institucional/o_bndes_e_protocolo_verde.html; Política Nacional de Resíduos Sólidos. Presidência da República do Brasil. Lei nº 12.305, de 2 de agosto de 2010. *Gov.br*. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2007-2010/2010/lei/12305.htm; BACEN Resolution PRSA 4.327/2014. *Banco Central do Brasil*. URL: https://cmsarquivos.febraban.org.br/Arquivos/documentos/PDF/BACEN_RESOLUÇÃO_PRSA_4327_EnglishI.pdf; Política Nacional de Pagamento por Serviços Ambientais. Presidência da República. Lei nº 14.119, de 13 de janeiro de 2021. URL: <https://www.gov.br/mma/pt-br/composicao/sbc/dpeb/politica-nacional-de-pagamento-por-servicos-ambientais>; Social, Environmental and Climate Responsibility Policy (PRSA, in Portuguese) and actions aimed at its effectiveness. Resolution CMN 4.945 of September 15, 2021. *Banco Central do Brasil*. URL: https://www.bcb.gov.br/content/financialstability/Brazilian_Prudential_Financial_Regulation_Docs/ResolutionCMN4945.pdf; Planos Setoriais de Mitigação das Mudanças Climáticas, institui o Sistema Nacional de Redução de Emissões de Gases de Efeito Estufa e altera o Decreto nº 11.003, de 21 de março de 2022. Presidência da República. Decreto nº 11.075, de maio de 2022. *Gov.br*. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/bra210210.pdf>; Groves S. Brazil to mandate ISSB standards from 2026. *Corporate Disclosures*. 23 Oct 2023. URL: <https://www.corporatedisclosures.org/content/top-stories/brazil-to-mandate-issb-standards-from-2026.html>; Governo publica decreto e cadernos da Taxonomia Sustentável Brasileira. *Climainfo*. 4 Nov 2025. URL: <https://climainfo.org.br/2025/11/04/governo-publica-decreto-e-cadernos-da-taxonomia-sustentavel-brasileira/> (accessed 30 Nov 2025).

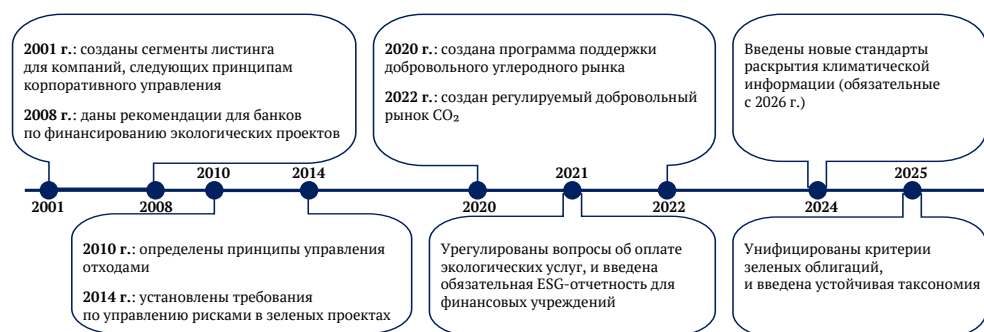

Рис. 5. Регулирование устойчивого развития Бразилии: содержание нормативных актов
Fig. 5. Sustainable development regulations in Brazil: regulatory acts

половины от всего кумулятивного объема ЗО. Хотя частный сектор финансирует экологическую трансформацию, такая ситуация может свидетельствовать об отсутствии доступа к зеленым займам у малого и среднего бизнеса.

Также из-за развитой гидроэнергетики деньги от ЗО часто идут на поддержку уже достаточно экологических проектов с целью их оптимизации и масштабирования. При данном подходе Бразилия не максимизирует эффект от займов, по сравнению с другими более загрязненными странами²¹.

Рынок ЗО существует с 2015 г., но к середине 2019 г. всего 19 компаний провели эмиссию ЗО (14 из них осуществили выпуск этих облигаций на внутреннем рынке) [15]. Первый выпуск суверенных облигаций произошел в ноябре 2023 г. на сумму 2 млрд долл. США²². Но это лишь подтверждает безучастность государства на рынке зеленых облигаций, а характер ее эмиссии больше имиджевый, чем экологический.

Китай

На 2024 г. Китай получает более 50 % электроэнергии из угля и только 30 % – из возобновляемых источников. И хотя это высокий показатель для крупной экономики, высокий объем CO₂ требует реализации политики поддержки зеленых финансов для достижения углеродной нейтральности к 2060 г.

КНР одна из первых разработала зеленую таксономию в 2015 г., которая была доработана и обновлена в 2021 г. [21]. Таксономия сыграла свою роль: через год эмиссия ЗО, верифицированных мировым сообществом, увеличилась в 16 раз. Однако до сих

пор национальная таксономия имеет более «мягкие» критерии определения зеленых проектов, чем в мировых стандартах, что приводит к гринвошингу.

На рисунке 6²³ представлен объем ЗО в Китае за 2020–2021 гг., соответствующих / несоответствующих международным требованиям CBI.

Для развития зеленых облигаций в 2017 г. было выпущено руководство по поддержке развития зеленых облигаций и создана платформа, ускоряющая процесс выпуска корпоративных ЗО. Приведенные меры и ряд других привели к росту эмиссии на 10 млрд долл. США.

Проекты, финансируемые посредством зеленых облигаций, в основном сосредоточены на развитии экологически чистого транспорта и возобновляемых источников энергии. В частности, 37 % средств направляются на транспортные инициативы, а 28 % – на проекты в области энергетики [15].

Особенность рынка КНР – высокая доля государства и государственных корпораций. Так, в 2020 г. на их долю приходилось 80 % от общего объема зеленых облигаций [22; 23]. Впервые суверенные зеленые облигации Китай выпустил в 2021 г., и по итогам выпуска спрос кратно превысил предложение, что считалось успехом²⁴. Однако несмотря на то что в феврале 2025 г. Министерство финансов КНР обнародовало программу, которая позволяла выпускать ЗО за рубежом и привлекать тем самым иностранные инвестиции²⁵, рынок остается ограниченным от остального мира. При этом международные сделки в основном оформляются через Гонконг.

²¹ Brazil Sustainable Debt State of the Market Report H1 2025. CBI, 2025, 35. URL: https://www.climatebonds.net/files/documents/publications/Brazil_Sustainable_Debt_H1_2025_02A.pdf (accessed 7 Oct 2025).

²² Andrade V., Duarte E. Brazil Sells \$2 Billion ESG Bond in Pledge to Protect Amazon. *Bloomberg*. 13 Nov 2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-11-13/brazil-launches-first-ever-offering-of-sustainable-bonds> (accessed 25 Oct 2025).

²³ Сост. по: [22].

²⁴ Спрос на первые «зеленые» госбонды Китая почти в 8 раз превысил размещаемый объем. *Интерфакс*. 02.04.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1017986> (дата обращения: 25.10.2025).

²⁵ Ministry of Finance Releases "The People's Republic of China Sovereign Green Bond Framework". *Ministry of Finance of the People's Republic of China*. 20 Feb 2025. URL: https://jrs.mof.gov.cn/ywzw_14935/news/mn/202502/t20250220_3958750.htm (accessed 7 Oct 2025).

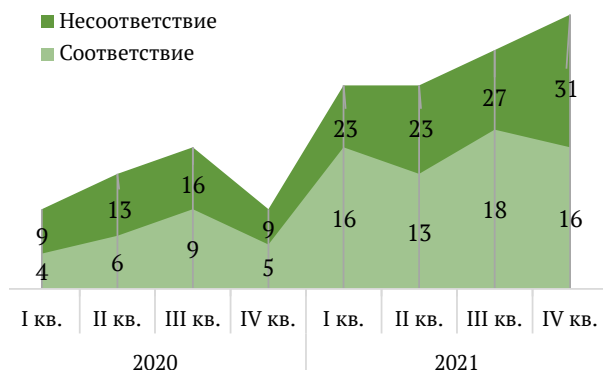

Рис. 6. Объем зеленых облигаций в Китае: соответствие / несоответствие международным требованиям СБИ, млрд долл. США

Fig. 6. Green Bond Volume in China: compliance / non-compliance with international CBI requirements, bill. US dollars

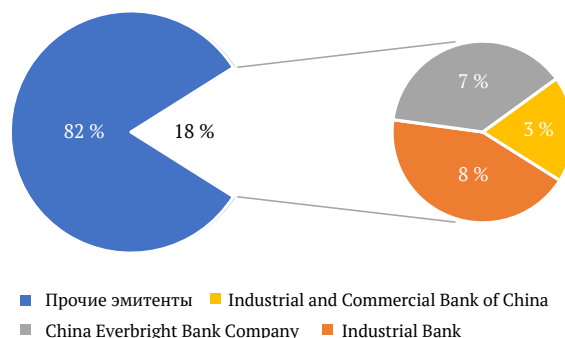

Рис. 7. Доля зеленых облигаций, выпущенных китайскими эмитентами-лидерами в общем объеме, первое полугодие 2023 г.

Fig. 7. Share of green bonds issued by leading Chinese issuers in the total volume, first half of 2023

Основными игроками являются банки, и большинство сделок проводится на межбанковском рынке, что ограничивает доступ частного капитала в сферу. Так, Industrial Bank, China Everbright Bank Company и Industrial and Commercial Bank of China привлекли около 7,4 млрд долл. США, что составляет 18 % от общего объема эмиссии ЗО (рис. 7²⁶). У КНР свой путь в области зеленого финансирования, и внутреннего рынка вполне достаточно для удовлетворения потребности в капитале. Однако политика, направленная на национальный рынок, может вызывать скепсис у инвесторов. 90 % всех зеленых облигаций – краткосрочные, что говорит о недоверии к рынку²⁷. Поэтому важно дорабатывать регулирующие документы и работать над доступностью рынка ЗО для частных инвесторов.

Россия

Российская экономика выделяется высоким удельным весом добывающей и обрабатывающей отраслей, которые составляют приблизительно 25 % от ВВП²⁸.

В 2024 г. уголь, нефть и газ обеспечили более 60 % объема производства электроэнергии, а возобновляемые источники энергии – 3 %. Однако, если учитывать гидро- и атомную энергетику, общий показатель возрастает до 40 %.

Рынок ЗО в России зародился с выпуска компанией ООО «Ресурсосбережение ХМАО» зеленых бондов на сумму 1,1 млрд руб. сроком на 12,5 лет [24]. Далее последовали первые выпуски в иностранной валюте ОАО «РЖД» и дебютные ипотечные облигации от ПАО «ДОМ.РФ» (рис. 8²⁹).

В 2020 г. разработана «Национальная зеленая методология», которая была утверждена в 2021 г. и стала основой развития рынка зеленых облигаций. Затем зелеными начали признаваться проекты, верифицированные либо по международным, либо по национальным критериям. Однако позже РФ попала под санкции, вследствие чего компании были отрезаны от международного инвестиционного рынка и спрос на зеленые бонды упал. В таких условиях интерес от ЗО перешел к социальным. В 2024 г. социальные

²⁶ Сост. по: Аналитика: Ответственное инвестирование и стандарты ESG: события и тренды в июне 2023 г. АРБ. 10.07.2024. URL: https://arb.ru/banks/analytics/otvetstvennoe_investirovanie_i_standarty_esg_sobytiya_i_trendy_v_2023_g-10638829/ (дата обращения: 25.10.2025).

²⁷ China's Sustainable Debt Market Hits Key Milestones. *Climate Bonds Initiative*. 4 Jul 2025. URL: <https://www.climatebonds.net/news-events/press-room/press-releases/chinas-sustainable-debt-market-hits-key-milestones> (accessed 7 Oct 2025).

²⁸ Социально-экономическое положение России. М.: Росстат, 2025. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2025.pdf> (дата обращения: 25.10.2025).

²⁹ Сост. по: [25]; Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 (ред. от 14.10.2025); О внесении изменений в Положение Банка России от 19.12.2019 № 706-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг». Указание Банка России от 05.02.2026 № 7293 (Зарегистрировано в Минюсте России 26.05.2025 № 86653). СПС КонсультантПлюс; Методология зеленых финансов. ВЭБ.РФ. URL: <https://вэб.рф/ustojchivoe-razvitie/zelenoe-finansirovanie/metodologiya/>; ДОМ.РФ разместил первый в России выпуск «зеленых» ипотечных облигаций. ДОМ.РФ. 01.12.2022. URL: <https://дом.рф/media/news/dom-rf-razmestil-pervyy-v-rossii-vypusk-zelenykh-ipotechnykh-obligatsiy->; «ХК «Металлоинвест» 24 декабря разместит облигации климатического перехода серии 001P-09 на 10 млрд рублей. Cbonds25. 18.12.2024. URL: <https://cbonds.ru/news/3207903/> (дата обращения: 25.10.2025).

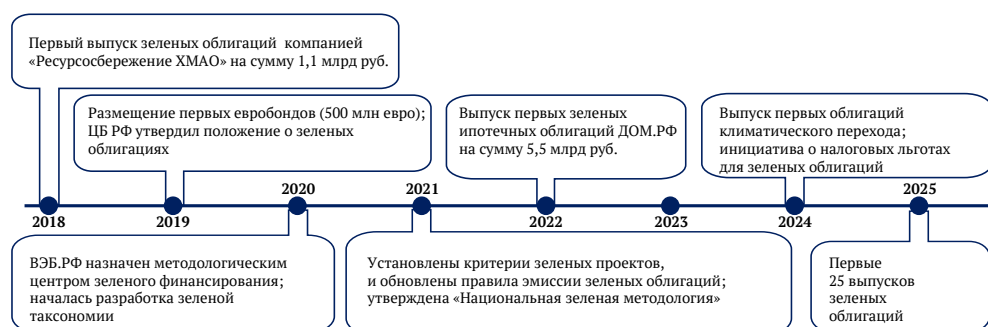

Рис. 8. Развитие рынка зеленых облигаций в России
Fig. 8. Green bond market in Russia

облигации обошли по объему зеленые³⁰, что может говорить о фокусировке на социальных проблемах в стране.

Вероятно, в России интерес к ЗО нес больше имиджевый характер, и компании осуществляли выпуски ради привлечения капитала (в том числе иностранного). И несмотря на попытки Центрального банка стимулировать спрос посредством снижения риск-веса для финансовых инструментов устойчивого развития³¹, такая политика вряд ли способна активизировать рынок, ведь сейчас на облигации оказывают давление как высокая ставка, так и снижение деловой активности.

Заключение

Развитие рынков ЗО в странах БРИКС происходит по пяти принципиально разным моделям, определяемым структурой экономик, энергетическими базами и геополитическими факторами. С одной стороны, в Китае рынок ЗО остается изолированным как в нормативном, так и в экономическом смысле, даже несмотря на его масштабы. При этом зеленая таксономия не соответствует стандартам, а частные инвесторы не имеют доступа к рынку. С другой – в ЮАР и Бразилии (странах с развитым частным капиталом) инвестиции осуществляются в основном либо фондами, либо корпорациями. Но в обеих странах есть проблемы с политической устойчивостью, а также эффективностью инвестиций. Так, инвестиции в зеленую экономику Бразилии относительно неэффективны, т.к. страна производит энергию, используя мощности рек Амазонии, поэтому дальнейшие вложения в энергетический сектор не приведут к заметному снижению выбросов. Инвестиции же в зеленую экономику ЮАР могут

не только принести пользу, но и пошатнуть экономику республики из-за дефицита энергии. Страна балансирует между повышением экологичности и энергетическими кризисами, что сказывается и на актуальности рынка ЗО.

Российский сегмент также характеризуется стагнацией. За 8 лет на рынке было размещено всего 25 выпусков ЗО, хотя зеленая таксономия появилась оперативно и позволила качественно оценивать национальные проекты. Однако сразу после ее появления РФ попала под санкции, а рынок, оказавшись на стыке экономических и политических ограничений, стал не способен развиваться в изоляции. В Индии рынок ЗО имеет наибольший потенциал, т.к. в стране существует баланс между государственными инвестициями и частным капиталом, а точкой роста является муниципальный рынок.

Несмотря на то что рынки ЗО стран БРИКС находятся на разных стадиях развития, существуют барьеры, общие для всех стран-участниц. Для преодоления этих барьеров:

1. Требуется создать платформу для обмена опыта в области устойчивого (в том числе зеленого) развития, где эмитенты и государственные служащие смогли бы обсуждать ошибки и делиться инструментами, которые работают в данный момент. Так, Банк России инициировал проведение специализированных семинаров для центральных банков БРИКС по вопросам финансирования устойчивого развития, что говорит о возможности создания в Российской Федерации общего фундамента для развития зеленого финансирования и выработке согласованных подходов к развитию рынка зеленых облигаций в БРИКС.

³⁰ Российский рынок ESG-облигаций: деление на три. *Росконгресс*. 31.08.2025. URL: <https://roscongress.org/materials/rossiyskiy-rynok-esg-obligatsiy-delenie-na-tri/> (дата обращения: 07.10.2025).

³¹ Российский рынок ESG-облигаций: «зеленые» качели. *АКРА*. 21.10.2025. URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/2833/> (дата обращения: 07.10.2025).

2. Сформировать свободный рынок капитала между странами, что приведет к росту как конкуренции, так и возможностей среди эмитентов. Однако на такой шаг необходимо пойти только при уравнивании национальных рынков зеленых облигаций, т.к. иначе это приведет к еще большей диспропорции, оттоку капитала, репутационным и финансовым потерям.

Полученные результаты могут быть полезны государственным органам, финансовым институтам и международным организациям для глубокого анализа рынков зеленых облигаций стран БРИКС. В качестве перспектив дальнейших научных исследований предлагается провести факторный анализ инвестиционной и эмитентной активности национальных рынков 30 стран БРИКС;

оценить привлекательность рынков зеленых облигаций с точки зрения преимуществ для инвесторов.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

1. Макаров И. А. Глобальное изменение климата как вызов мировой экономике и экономической науке. *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2013. Т. 17. № 3. С. 479–496. [Makarov I. A. Global climate change as a challenge to world economy and economic science. *Higher School of Economics Economic Journal*, 2013, 17(3): 479–496. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rnlyn1>
2. Канунников А. А. Взгляд на экологическую и социальную таксономию в ЕС. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2023. № 5. С. 97–112. [Kanunnikov A. A. A view on ecological and social taxonomy in the EU. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 2023, (5): 97–112. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15211/vestnikieran5202397112>
3. Shi X., Ma J., Jiang A., Wei Sh., Yue L. Green bonds: Green investments or greenwashing? *International Review of Financial Analysis*, 2023, 90. <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2023.102850>
4. Трегубенко Ф. В. Расширение БРИКС: особенности и преимущества для России. *Российский внешне-экономический вестник*. 2024. № 11. С. 27–41. [Tregubenko F. V. BRICS expansion: Features and advantages for Russia. *Russian Foreign Economic Journal*, 2024, (11): 27–41. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-11-27-41>
5. Ситник А. А. «Зеленые» финансы: понятие и система. *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17. № 2. С. 63–80. [Sitnik A. A. "Green" finance: The concept and system. *Actual Problems of Russian Law*, 2022, 17(2): 63–80. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.135.2.063-080>
6. Прудникова А. А. Современные особенности и тенденции развития зеленого финансирования в мировой экономике. *Теория и практика общественного развития*. 2024. № 8. С. 107–112. [Prudnikova A. A. Current features and development trends of green finance in the world economy. *Theory and Practice of Social Development*, 2024, (8): 107–112. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/tipor.2024.8.13>
7. Чернышева Т. К. «Зеленые финансы» как инструмент повышения устойчивости финансовой системы государства. *Аудиторские ведомости*. 2023. № 4. С. 167–170. [Chernysheva T. K. "Green" finance as a tool to increase the stability of the financial system of the state. *Auditorskie vedomosti*, 2023, (4): 167–170. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqpejh>
8. Pietsch A., Salakhova D. Pricing of green bonds: Drivers and dynamics of the greenium. *ECB Working Paper*, 2022, (2728). <https://doi.org/10.2139/ssrn.4227559>
9. Gianfrate G., Peri M. The green advantage: Exploring the convenience of issuing green bonds. *Journal of Cleaner Production*, 2019, 219: 127–135. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.02.022>
10. Baker M., Bergstresser D., Serafeim G., Wurgler J. *Financing the response to climate change: The pricing and ownership of U.S. green bonds*. Cambridge: National Bureau of Economic Research, 2018, 40. <https://doi.org/10.3386/w25194>
11. Sheng Q., Zheng X., Zhong N. Financing for sustainability: Empirical analysis of green bond premium and issuer heterogeneity. *Natural Hazards*, 2021, 107(3): 2641–2651. <https://doi.org/10.1007/s11069-021-04540-z>

12. Karpf A., Mandel A. The changing value of the "green" label on the US municipal bond market. *Nature Climate Change*, 2018, 8(2): 161–165. <https://doi.org/10.1038/s41558-017-0062-0>
13. Zerbib O. D. Is there a green bond premium? The yield differential between green and conventional bonds. *Social Science Research Network*, 2019, 98: 39–60. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2018.10.012>
14. Hachenberg B., Schiereck D. Are green bonds priced differently from conventional bonds? *Journal of Asset Management*, 2018, 19(6): 371–383. <https://doi.org/10.1057/s41260-018-0088-5>
15. Худякова Л. С., Урумов Т. Р. «Зеленое» финансирование в странах БРИКС. *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 9. С. 79–87. [Khudyakova L. S., Urumov T. R. "Green" finance in BRICS countries. *World Economy and International Relations*, 2021, 65(9): 79–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-9-79-87>
16. Чувывчкина И. А. Реализация ESG-принципов в странах БРИКС: барьеры и перспективы. *Экономические и социальные проблемы России*. 2025. № 1. С. 34–49. [Chuvychkina I. A. Implementation of ESG-principles in the BRICS countries: Barriers and prospects. *Economic and social problems of Russia*, 2025, (1): 34–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vakcee>
17. Сахаров А. Г. Прогресс стран БРИКС в достижении климатических и экологических целей Повестки 2030. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2024. Т. 19. № 1. С. 106–128. [Sakharov A. G. BRICS countries' progress in achieving the climate and environmental goals of the Agenda 2030. *International Organisations Research Journal*, 2024, 19(1): 106–128. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-01-05>
18. Игнатов А. А. Проблемы и перспективы реализации политики справедливого энергетического перехода в ЮАР. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2023. Т. 18. № 4. С. 124–146. [Ignatov A. A. South Africa's just energy transition: Issues and prospects. *International Organisations Research Journal*, 2023, 18(4): 124–146. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-04-05>
19. Дорохина К. М., Сахаров А. Г. Политика Индии в области смягчения последствий изменения климата: трудности и перспективы. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2023. Т. 18. № 4. С. 96–123. [Dorokhina K. M., Sakharov A. G. India's climate mitigation policy: Challenges and prospects. *International Organisations Research Journal*, 2023, 18(4): 96–123. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-04-04>
20. Попова И. М. Основные направления и инструменты политики низкоуглеродного развития Бразилии. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2023. Т. 18. № 4. С. 34–61. [Popova I. M. Key low-carbon development policies and instruments in Brazil. *International Organisations Research Journal*, 2023, 18(4): 34–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-04-02>
21. Горяйнов А. И. Применение таксономии «зеленых» проектов в реализации концепции устойчивого развития: обобщение опыта России и Китая. *Финансовые рынки и банки*. 2023. № 12. С. 20–26. [Goryaynov A. I. Application of the taxonomy of "green" projects in the implementation of the concept of sustainable development: Generalization of the experience of Russia and China. *Financial Markets and Banks*, 2023, (12): 20–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ghauje>
22. Чжао Ш. «Зеленые» облигации в Китае: современное состояние и перспективы развития. *Московский экономический журнал*. 2023. Т. 8. № 2. С. 422–430. [Zhao S. Green bonds in China: Current state and development prospects. *Moscow Economic Journal*, 2023, 8(2): 422–430. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hlbcbo>
23. Горбачева Т. А. Зеленые облигации. Опыт Китая. *Вектор экономики*. 2023. № 2. [Gorbacheva T. A. Green bonds. China's experience. *Vektor ekonomiki*, 2023, (2). (In Russ.)] https://doi.org/10.51691/2500-3666_2023_2_7
24. Акопова М. А., Дикарева И. А. Развитие рынка «зеленых» облигаций в России. *The Scientific Heritage*. 2021. № 65-3. С. 23–24. [Akopova M. A., Dikareva I. A. Development of the green bonds market in Russia. *The Scientific Heritage*, 2021, (65-3): 23–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-65-3-23-24>

оригинальная статья

eLibrary EDN: FUJAQK

Страховой риск в новейшей экономике: переосмысление, классификация и ориентиры развития рынка

Макаров Николай Сергеевич

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва

<https://orcid.org/0009-0006-0102-9114>

240516@edu.fa.ru

Соловьева Юлия Анатольевна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 4543-1981

Аннотация: Экономическая реальность сегодня характеризуется высокой степенью неопределенности. Однако современное общество сталкивается с многообразием угроз, находящихся не только в экономическом пространстве, и это обуславливает потребность в эффективных механизмах минимизации или компенсации ущерба. Страховой рынок пытается адаптироваться к новым вызовам, но отсутствие комплексной теоретической базы для переосмысления понятия *страховой риск* не позволяет это осуществить. Цель статьи – теоретически переосмыслить сущностные характеристики страхового риска, разработать многомерную классификацию, учитывающую современные тенденции развития страхового рынка Российской Федерации, а также определить основные направления адаптации современного страхового рынка России. Применены методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой метод, методы классификации и типологии, статистический метод, а также методы стратегического анализа (SWOT- и PESTEL-анализ). Информационную базу составили нормативно-правовые акты России, статистические данные и отчеты Центрального Банка Российской Федерации, Национального союза агrostраховщиков, Российской национальной перестраховочной компании. В результате выявлены ключевые барьеры развития отрасли в Российской Федерации, разработана и обоснована авторская многомерная классификация страховых рисков, интегрирующая критерии источника опасности, масштаба убытков, степени управляемости и особенностей регуляторного воздействия. Установлена необходимость создания единого национального риск-офиса для агрегации статистики и повышения финансовой устойчивости страхового сектора. Предложенный системный подход закладывает фундамент для совершенствования моделей оценки рисков и обеспечения устойчивого роста страхового рынка.

Ключевые слова: страховой риск, классификация рисков, актуарное ценообразование, финансовая устойчивость, страховой рынок, критерии страхуемости, риск-офис

Цитирование: Макаров Н. С., Соловьева Ю. А. Страховой риск в новейшей экономике: переосмысление, классификация и ориентиры развития рынка. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2026. Т. 11. № 3. С. 505–518. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-505-518>

Поступила в редакцию 11.03.2026. Принята после рецензирования 27.04.2026. Принята в печать 27.04.2026.

original article

Insurance Risk in Modern Economy: Rethinking, Classification, and Market Development Guidelines

Nikolai S. Makarov

Financial University Under the Government of the Russian Federation,
Russia, Moscow<https://orcid.org/0009-0006-0102-9114>

240516@edu.fa.ru

Yulia A. Solovyeva

Financial University Under the Government of the Russian Federation,
Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 4543-1981

Abstract: Today's economic reality is characterized by a high degree of uncertainty. However, the economy is not the only source of threats, hence the need for more effective mechanisms to minimize or compensate for losses. The insurance market is attempting to adapt to new challenges, but the process is hindered by the lack of a comprehensive theoretical framework for redefining the concept of insurance risk. This article describes

the essential characteristics of insurance risk. It offers a multidimensional classification system that takes into account the current macroeconomic trends and identifies prospects for the Russian insurance market. Standard research methods, together with SWOT and PESTEL analyses, were applied to the regulatory and legal acts of the Russian Federation, as well as statistical data and reports obtained from the Central Bank, the National Union of Agricultural Insurers, and the Russian National Reinsurance Company. The study identifies major barriers to the industry's development in the Russian Federation. The multidimensional classification of insurance risks integrates criteria for the source of risk, the scale of losses, the degree of manageability, and the specifics of regulatory impact. Ultimately, a unified national risk office is necessary to aggregate statistics and improve the financial stability of the insurance sector. This systemic approach lays the foundation for improving risk assessment models and ensuring the sustainable growth of the insurance market.

Keywords: insurance risk, risk classification, actuarial pricing, financial stability, insurance market, insurability criteria, risk office

Citation: Makarov N. S., Solovyeva Yu. A. Insurance Risk in Modern Economy: Rethinking, Classification, and Market Development Guidelines. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(3): 505–518. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-505-518>

Received 11 Mar 2026. Accepted after review 27 Apr 2026. Accepted for publication 27 Apr 2026.

Введение

Современная экономическая реальность характеризуется не просто высокой неопределенностью, а качественным изменением самой природы рисков. Традиционные угрозы дополняются принципиально новыми вызовами: глобальными кибератаками, сбоями алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ), репутационными потерями в цифровой среде, климатическими аномалиями беспрецедентного масштаба. Эти явления не только расширяют спектр потенциальных убытков, но и ставят под сомнение разработанные критерии страхуемости рисков – случайность, измеримость, однородность¹ [1].

Институциональные взгляды и принципы, законодательно закреплённые в определении *страховой риск*, все чаще вступают в противоречие с реалиями современного общества. В 2020 г. некоторых рисков вообще не существовало, а другие считались принципиально нестраховыми (терроризм, киберугрозы, пандемии). Сегодня же они принимаются на страхование благодаря развитию государственно-частных партнерств, технологий анализа данных (*Big Data*) и появлению инновационных иншуртех-стартапов, выступающих «песочницами» для апробации новых продуктов. Но единичные апробации принятия нестандартных рисков на страхование не влекли за собой пересмотр критериев страхуемости или доработки систематизации.

Существующие классификации страховых рисков, как правило, ограничены либо традиционными отраслевыми признаками (личные, имущественные,

ответственности), либо узкоспециализированными аспектами (ESG-риски, киберриски). Отсутствует комплексная, многомерная система, которая позволила бы не только идентифицировать и группировать риски по различным основаниям, но и отслеживать их трансформацию во времени, учитывать новые критерии страхуемости, а также интегрировать российскую практику с развивающимися международными стандартами (ISIC, ICS, CRESTA). Отсутствие целостности в научных изысканиях сдерживает развитие актуарного ценообразования и создает угрозу недооценки системных рисков, что в условиях геополитической нестабильности и санкционного давления перестает быть сугубо академической проблемой, приобретая значение для национальной экономической безопасности.

В литературе можно выделить несколько направлений, в рамках которых разрабатываются теоретические основы категорий *страховой риск* и *страхование*:

1. Раскрытие базовых различий между страховыми и нестраховыми рисками, связь страхового риска с условиями договора страхования, а также классические и современные концепции управления финансовыми рисками [2; 3]. Отмечается, что страховой риск должен отвечать критериям случайности, вероятностной природы и независимости от воли сторон. Однако предлагаемые классификации ограничены, как правило, простым делением на страховые и нестраховые риски и не учитывают

¹ Об организации страхового дела в Российской Федерации. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1. СПС КонсультантПлюс.

современное многообразие угроз. Например, Д. В. Брызгалов приводит описание страховых интересов через страховой риск, демонстрируя экономический подход к определению страхового интереса через описание его компонентов [3]. Тем не менее даже указанное определение рисков не направлено на построение многомерной классификации.

2. Детальный анализ конкретных групп рисков: рассматриваются вопросы повышения эффективности управления деликтным риском страховой организации [4]; всесторонне исследуются различные аспекты и роль страхования в ESG [5]; систематизируются агропромышленные страховые риски [6]; уделяется внимание вопросам развития страховой защиты транспортных рисков, присущих зонам Арктики, в условиях изменения климата [7; 8].

3. Освещение вопросов цифровизации и киберрисков. Так, проводится анализ законодательной практики по информационной безопасности, принятой в Великобритании, в Казахстане и в Российской Федерации [9]. Также на основе анализа практики цифровизации и обобщения деятельности российских страховщиков, конъюнктурной информации о зарубежных страховых рынках даются рекомендации по повышению эффективности страховой деятельности, на основе цифровых технологий анализируются интеграция страховых рисков с цифровой экономикой и специфика нового класса угроз [10]. Кроме того, в качестве иллюстрации рискованных ситуаций приводятся наиболее часто встречающиеся виды страхового мошенничества и основные причины ограниченной успешности работы по противодействию этому преступному деянию [11]. Каждое из этих исследований вносит существенный вклад в понимание своего сегмента, однако они остаются изолированными друг от друга и не предлагают единой системы координат, в которой можно было бы сопоставлять риски различной природы.

4. Анализ макроэкономических и регуляторных вызовов, трансформирующих страховой рынок: описываются способы повышения конкурентоспособности российских страховых компаний в условиях изменений на страховом рынке [12]; раскрываются современные тенденции развития финансовых рынков, рисков санкционных войн, цифровизации, зеленой экономики и зеленых финансов [13]. Данные работы показывают страховую сферу и проблемы конкурентоспособности страховых компаний. Они важны для понимания влияния внешних факторов, но не ставят перед собой задачу пересмотра классификации рисков как таковой.

Итак, несмотря на детальную проработку отдельных видов рисков (ESG, деликтных, агропромышленных, кибер-) и учет современных условий, ни один из ученых не предлагает интегрированной классификации, которая связывала бы природу риска с масштабом убытков, степенью управляемости и регуляторным режимом в единой системе координат. Также отсутствует сопряжение теоретических классификаций с актуальной статистикой российского рынка, что необходимо для прикладного использования в актуарном ценообразовании и риск-менеджменте.

Цель статьи – теоретически переосмыслить существенные характеристики страхового риска, разработать многомерную классификацию, учитывающую современные тенденции развития страхового рынка РФ, а также определить основные направления адаптации современного страхового рынка России. Задачи: систематизировать теоретические подходы к определению категории *страховой риск* и проанализировать современное состояние страхового рынка РФ для выявления тенденций, влияющих на структуру принимаемых на страхование рисков; разработать многомерную классификацию страховых рисков, интегрирующую критерии объекта страхования, характера распределения убытков, источника опасности и объема ответственности страховщика; обосновать практическую значимость предложенной классификации для совершенствования актуарного ценообразования, повышения финансовой устойчивости страховщиков и адаптации отрасли к современным вызовам.

Методы анализа и синтеза применены для изучения эволюции понятия *страховой риск*. Сравнительно-правовой метод использован при анализе нормативной базы РФ (федеральные законы). Методы классификации и типологии легли в основу разработки многомерной системы группировки рисков. Статистический метод и анализ данных (включая обработку отчетов Центрального банка РФ (ЦБ РФ, Банка России) и Национального союза агростраховщиков (НСА)) позволили визуализировать структуру рынка. Для диагностики внешних и внутренних факторов, влияющих на отрасль, применены методы стратегического анализа: SWOT-анализ (выявление сильных и слабых сторон, возможностей и угроз) и PESTEL-анализ (оценка политических, экономических, социальных, технологических, экологических и правовых макрофакторов). Информационную базу статьи составили нормативно-правовые акты РФ, статистические данные и отчеты Банка России, НСА, Российской национальной перестраховочной компании.

Результаты

Страховые и нестраховые риски обладают критически важными отличиями, которые определяют границы страховой защиты и соответствуют международным принципам, таким как критерии Международной ассоциации органов страхового надзора (IAIS):

- **вероятность наступления:** страховой риск характеризуется случайностью и вероятностной природой наступления события; нестраховой риск, также являясь случайным событием, носит предсказуемый (детерминированный) характер, т. е. его наступление неизбежно;
- **независимость:** наступление страхового риска не зависит от волеизъявления сторон страхового правоотношения (страховщика и страхователя); нестраховой риск обусловлен действиями одной или обеих сторон договора страхования;
- **масштаб:** страховой риск должен обладать свойством индивидуальности или массовости, позволяющим применять статистические методы для расчета вероятности его наступления; нестраховой риск имеет чрезмерно масштабный, катастрофический характер, что препятствует его статистической оценке. Многие из таких рисков (война, эпидемия) прямо исключены из страхового покрытия на законодательном уровне.

Теоретические исследования понятия *страховой риск* имеют практическое значение для развития и обеспечения устойчивости страхового рынка, что обусловлено следующими факторами:

1. Разработка новых страховых услуг и расширение страхового поля. Инновационные страховые продукты стимулируют спрос и создают предпосылки для внедрения технологических новшеств. Расширение страхового поля способствует увеличению доли страхового рынка в валовый внутренний продукт (ВВП) РФ. При этом даже ожидаемое увеличение доли страхового рынка в 2026 г. на 15 % по сравнению с 2024 г. (около 1,9 %)² не позволяет нам оценить ее как достаточную. Углубленное понимание природы риска позволяет выявлять новые категории объектов для страхового покрытия и упрощает процесс разработки соответствующих продуктов.

2. Совершенствование актуарного ценообразования и обеспечение финансовой устойчивости. Актуарное ценообразование выступает фундаментом

страхового рынка, обеспечивая сбалансированность рисков и тарифов. Совершенствование этого инструментария повышает конкурентоспособность как отдельных страховщиков, так и национального рынка в целом. Анализ понятия рисков в данном контексте необходим для создания детализированной классификации, служащей основой для прецизионной системы оценки рисков.

3. Формирование достаточных страховых резервов и управление ликвидностью. Адекватная оценка рисков, в том числе в соответствии с требованиями Банка России и адаптированными стандартами Solvency II, позволяет формировать достаточные резервы, предотвращая банкротства в кризисных ситуациях и обеспечивая сохранность активов при наступлении чрезвычайных событий.

4. Управление страховым портфелем и капиталом. Корректная идентификация и классификация рисков позволяет более обоснованно выбирать стратегию перестрахования, а также подходы к управлению ликвидностью и достаточностью капитала.

В страховой практике только страховой риск выступает основной категорией. Он может быть рассмотрен в нескольких взаимосвязанных аспектах:

Первый: как конкретное опасное явление или совокупность явлений, при наступлении которых производятся страховые выплаты. Наиболее наглядно реализация страховой защиты от комплексных рисков проявляется в агропромышленном комплексе, где в качестве объекта страхования выступает имущественный интерес сельхозтоваропроизводителя, связанный с будущим урожаем. Например, в отчетах НСА ежегодно публикуется динамика страховых выплат по договорам агрострахования, включающим защиту от такой совокупности (засуха, заморозки, болезни и т. п.). Развитие страхования сельскохозяйственных рисков в России представлено в таблице 1³.

Представленная динамика агрострахования иллюстрирует, что страховой риск не является навсегда заданной категорией. На этапе 2015–2017 гг. комплексный риск потери урожая был лишь частично страхуем из-за отсутствия надежной статистики и доверия. К 2025 г. благодаря накоплению данных, корректировке правил господдержки тот же самый природно-климатический риск приобрел свойства массовости, измеримости и управляемости.

² Рынок страхования в 2026 году покажет умеренный рост. АКРА. 29.12.2025. URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/2837/> (дата обращения: 03.02.2026).

³ Сост. по: Агрострахование: экстремальная финансовая поддержка АПК. М.: НСА, 2024, 72 с. URL: <https://clck.ru/3Qrk79> (дата обращения: 12.02.2026).

Табл. 1. Развитие страхования сельскохозяйственных рисков в России

Tab. 1. Agricultural risk insurance in Russia

Период	Характеристика
2015–2017	<i>Стагнация после реформы</i> : переход на новые правила с господдержкой, низкий охват посевных площадей (около 5–7 %)
2018–2019	<i>Начало роста</i> : Министерство сельского хозяйства РФ стимулирует через коэффициенты господдержки, охват посевов вырастает до ~8 % к 2021 г.
2020–2022	<i>Ускоренный рост</i> : охват посевов достигает 12–15 %, чему способствуют климатические аномалии и госпрограммы
2023–2024	<i>Темпы роста ускоряются</i> : аграрии оценили агрострахование: в 2024 г. площади застрахованных сельхозугодий увеличились и достигли почти 20 % по сравнению с 2023 г.
2025 (факт / прогноз)	<i>Установка нового рубежа</i> : расширение мер доступности агрострахования для достижения 30 % объема застрахованных сельхозугодий

Тем самым сведения таблицы 1 эмпирически подтверждают необходимость пересмотра статичных классификаций страховых рисков и перехода к многомерной, динамической системе, учитывающей регуляторный и технологический контекст.

Второй: в неразрывной связи с конкретным объектом страхования (жизнь, здоровье, имущество, ответственность). Структура страхового рынка России по объему премий наглядно отражает эту привязку. Рассмотрим сегмент страхования жизни. По данным Банка России, объем сборов в рамках добровольного медицинского страхования (ДМС) в третьем квартале 2025 г. вырос до 79,9 млрд руб. (+10,5 %) по сравнению с 2024 г. Этот сегмент характеризуется высокой степенью концентрации: на десять крупнейших страховщиков приходится более 77 % совокупных премий. Безусловным лидером весной 2025 г. было АО «Страховое общество газовой промышленности», которое занимало 32,8 % рынка. Вторую позицию занимало ООО «АльфаСтрахование» (15,5 % рынка), третью – САО «РЕСО-Гарантия» (9,8).

Многообразие рисков, принимаемых на страхование, объективно требует их систематизации. В связи с этим далее рассмотрены основные классификационные подходы, закрепленные в теории и практике:

- по объекту страхования – базовый признак, который отражает сущность страховой защиты, т.е. чьи именно имущественные интересы подлежат компенсации; выделяются риски, связанные с личностью (жизнь, здоровье), имуществом,

гражданской ответственностью и финансовыми потерями;

- по объему ответственности страховщика риски подразделяются на индивидуальные (уникальные объекты, требующие экспертной оценки) и универсальные (стандартные риски, поддающиеся массовой статистике) [14];
- по характеру распределения убытков существуют массовые (высокая частота, малый ущерб) и катастрофические (редкие события с огромным ущербом) риски, которые требуют различных методов управления и резервирования (табл. 2⁴) и преобладают на рынке страхования в России в 2024 г.⁵;
- по источнику опасности традиционно выделяют природные, техногенные, социальные риски, а в последние годы – быстрорастущую группу технологических рисков (кибератаки, сбои ИИ).

Несмотря на обилие классификаций, большинство из них остаются фрагментарными и не позволяют комплексно оценить риски в условиях современных макроэкономических и регуляторных вызовов. Классические критерии отнесения риска к страховому под влиянием технологического прогресса, новых глобальных угроз и регуляторных изменений претерпевают существенную трансформацию. По мнению авторов, процесс решения о принятии риска на страхование в современных условиях должен не просто проверять абстрактные требования, но и включать концепцию «тройного теста»:

⁴ Сост. по: Сведения о страховых премиях (взносах) по договорам страхования, заключенным при участии посредников (по договорам страхования, заключенным путем обмена информацией в электронной форме). Банк России. URL: https://www.cbr.ru/finmarket/supervision/sv_insurance/stat_ssd/2024_2/; В РФ в 2025 году ущерб от экономических преступлений установил максимум за последние годы. ТАСС. 01.01.2026. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/26062639> (дата обращения: 27.02.2026).

⁵ В 2025 году РНПК ждет пика выплат по убыткам. Ведомости. 08.08.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2025/08/08/1130159-rnpk-zhdet-pika-vyplat-po-ubitkam> (дата обращения: 10.01.2026).

Табл. 2. Классификация страховых рисков по характеру распределения убытков
Tab. 2. Insurance risks by type of loss distribution

Категория	Краткая характеристика	Особенности регулирования в РФ	Статистика за 2025 г.
Массовые	Большое число однородных объектов, незначительный индивидуальный ущерб, стабильная статистика (авто-страхование, страхование от несчастных случаев)	Регулируются в рамках массовых видов страхования (ОСАГО, КАСКО, имущество). Акцент на стандартизацию, защиту прав потребителей, контроль тарифов. Требуют диверсификации портфеля	Представлены различными страховыми услугами, в общей совокупности от всего рынка страхования составляют ~25 %
Крупные (катастрофические)	Редкая частота, но огромный совокупный ущерб множеству объектов (например, землетрясение, наводнение, техно-генная катастрофа)	Регулирование осуществляется через общие требования к достаточности капитала, перестрахованию, резервам (включая резерв катастроф). Система обязательного страхования не развита	На второй квартал общая сумма заявленных убытков, находящихся в процессе урегулирования Российской Национальной Перестраховочной Компанией (РНПК) по корпоративным катастрофическим рискам, составляет 110 млрд руб., или около 5,5 %. Общий объем выплат при реализации крупных рисков составил 19,4 млрд руб.

- юридическая определенность – возможность четко описать исключения из покрытия, чтобы они не были признаны ничтожными в судебной практике (например, позиция Верховного Суда РФ о недопустимости «широких» исключений);
- регуляторная состоятельность – возможность рассчитать по данному риску точный регуляторный капитал в соответствии со стандартами ICS / Solvency II;
- технологическая возможность – наличие данных и моделей для выделения риска в отдельный класс и его количественной оценки.

Предложенный подход позволяет не только констатировать трансформацию критериев страхуемости, но и объяснить логику включения в рыночный оборот рисков, ранее считавшихся нестраховыми. Историческая ретроспектива подтверждает: успешная интеграция нового риска в страховое покрытие происходила именно по мере того, как он начинал соответствовать перечисленным требованиям:

1. **Терроризм.** Первые механизмы страхования этого риска появились в Великобритании в 1993 г. (перестраховочная компания Pool Re), а после терактов 11 сентября 2001 г. аналогичные системы с государственными гарантиями были созданы во Франции (GAREAT, 2001 г.), США (Закон Terrorism Risk Insurance Act, 2002 г.) и Германии (Extremus AG, 2002 г.), Бельгии (Бельгийский пул перестрахования, 2008 г.).

2. **Киберриски.** Первые документы о политике ответственности за безопасность в Интернете были разработаны Стивеном Хаасом в 1997 г. и страховой компанией Lloyd's of London в 2000 г. На российский рынок киберстрахование вышло только в 2013 г. В 2024 г. объем отечественного рынка киберстрахования достиг 3 млрд руб., и в дальнейшем ожидается его рост до 3,5 млрд руб.

3. **Климатические риски.** При внимательном рассмотрении генезиса страхования таких рисков обнаруживается узконаправленное развитие как по рискам, так и по странам. Так, в Японии в 1966 г. был принят закон о страховании от землетрясений. Созданная Конгрессом США в 1968 г. Национальная программа страхования от наводнений (NFIP) была направлена только на снижение ущерба при строительстве жилья в поймах рек. В 2002 г. в ЮАР подписано первое соглашение о страховании климатических рисков: финансовая компания Genbel Securities заключила контракт с Z22 Ceres, одним из крупнейших производителей фруктов и овощей в стране, на защиту от ранних весенних заморозков. Швейцарская перестраховочная компания Swiss Re в 2007 г. запустила программу Climate Adaptation Development Program – CADP для защиты сельских кластеров в Кении, Мали и Эфиопии от сильной засухи. Но определение климатических рисков было дано только в 2017 г. Рабочей группой по вопросам раскрытия финансовой информации, связанной

с изменением климата. После 2018 г. Центральными банками различных стран было положено начало трансляции тематических докладов по рискам изменения климата в качестве руководства для надзорных органов. Банк России присоединился к Сообществу центральных банков и надзорных органов по повышению экологичности финансовой системы в 2019 г. В 2021 г. в РФ вступил в силу закон, согласно которому производитель сельхозпродукции может заключать договоры страхования с господдержкой на случай введения в регионе режима чрезвычайной ситуации.

4. Пандемия. В глобальном масштабе этот риск остается преимущественно нестраховым, однако в феврале 2020 г. в китайской провинции Хайнань запущен специализированный продукт для покрытия убытков бизнеса от вспышки COVID-19. На отечественном рынке были интерпретации в виде страхования негативных реакций организма на иммунизацию от COVID-19.

Учитывая все вышеперечисленные аспекты, авторами разработана и предложена комплексная классификация страховых рисков, отраженная в таблице 3⁶.

В отличие от узкоотраслевых или сугубо теоретических схем, авторская классификация страховых рисков одновременно учитывает природу опасности, масштаб убытков, правовой режим и актуальную статистику по российскому рынку. Такая систематизация создает аналитическую основу для стратегического планирования страховщиков и регулятора, позволяя перейти от общего описания рисков к их количественной и качественной оценке в единой системе координат.

Технологические риски как отдельная категория требуют особого внимания ввиду роста их значимости. Они включают киберриски, риски выхода из строя критической ИТ-инфраструктуры и риски, связанные с внедрением новых технологий (ИИ, автономные системы). Их особенность – быстрая эволюция, трансграничный характер и сложность оценки масштаба потенциального убытка. Развитие этого сегмента в России сдерживается санкциями, нехваткой данных и несовершенством нормативной базы [15].

Предложенная классификация обладает рядом отличительных особенностей. Во-первых, она позволяет сопоставлять риски различной природы

Табл. 3. Комплексная классификация страховых рисков по источнику опасности и масштабу убытков

Tab. 3. Comprehensive classification of insurance risks: threat source and the scale of losses

Риски Показатель	Природные	Техногенные	Социальные	Технологические
Краткая характеристика	Климатические; геологические	Промышленные и транспортные аварии; экологические загрязнения; пожары	Заболевания и несчастные случаи; противоправные действия; безработица	Кибератаки; сбои ИИ; утечки данных; отказ критической ИТ-инфраструктуры
Характер распределения убытков	Преимущественно катастрофические	Массовые и катастрофические	Преимущественно массовые, возможны катастрофические	Преимущественно массовые, но с быстрым ростом ущерба
Управляемость	Слабо управляемые	Частично управляемые	Частично управляемые	Слабо управляемые (быстрая эволюция угроз)
Основной правовой режим и роль государства	Добровольный + господдержка (субсидии агропромышленного комплекса); РНПК, МЧС-модели	Обязательный и добровольный; надзор; санкции ограничили доступ к риск-моделям	Обязательный (ОМС, ОСС) и добровольный (ДМС, НСЖ); госпрограммы соцзащиты	Добровольный, обязательные виды отсутствуют; регулирование в стадии формирования
Цель страхования	Защита активов от крупных убытков	Защита активов и человеческого капитала от техногенных катастроф	Обеспечение достойного уровня жизни и социальных гарантий	Защита от цифровых угроз и репутационных потерь

⁶ Сост. по: Басова О., Янин А. Итоги 2024 года на страховом рынке и прогноз на 2025-й: короткие продукты двигают рынок. *Эксперт РА*. 21.04.2025. URL: https://raexpert.ru/researches/insurance/ins_2024a/; Агрострахование...; За 9 мес. 2025 г. ущерб от страхового мошенничества составил 3,2 млрд р. *АСН*. 20.11.2025. URL: <https://www.asn-news.ru/news/91032> (дата обращения: 27.02.2026).

Риски Показатель	Природные	Техногенные	Социальные	Технологические
Правовая база	ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ; ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 № 68-ФЗ	ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» от 27.07.2010 № 225-ФЗ	ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 № 326-ФЗ; ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» от 29.12.2006 № 255-ФЗ	Закон об оборотных штрафах за утечки персональных данных, вступивший в силу на основании ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.11.2024 № 420-ФЗ (ред. от 23.05.2025)
Актуальная статистика	Выплаты по агрострахованию за 11 месяцев 2025 г. составили 8,1 млрд руб.	Количество техногенных аварий за 2024 г. составило 170 шт.	Ущерб от нетрудоспособности за 9 месяцев 2025 г. составил 800 млрд руб. (0,4 % ВВП)	Объем рынка киберстрахования в 2025 г. составил 4 млрд руб.

(природные, техногенные, социальные, технологические) в единой системе координат *источник – масштаб – управляемость – регулирование*. Во-вторых, авторская классификация впервые включает в себя актуальные статистические данные по российскому рынку, что дает возможность не только качественной, но и приближенной количественной оценки. В-третьих, она выделяет технологические риски как самостоятельную категорию, которая требует особых подходов к андеррайтингу и резервированию.

Представленные в таблице 2 данные о массовых и катастрофических рисках коррелируют с выводами европейского страхового надзора (EIOPA) о необходимости отдельного резервирования и применения разных методов управления капиталом для этих двух категорий. Однако российская специфика, выявленная в ходе SWOT-анализа (табл. 4), заключается в отсутствии единой базы данных, что делает невозможным точный расчет хвостовых рисков без создания специализированного института.

SWOT-анализ позволил сформировать дорожную карту для разработки более совершенных систем категоризации и прогнозной аналитики. Данный метод как диагностический инструмент перевел теоретическое осмысление сущности и классификации рисков в плоскость конкретных управленческих решений. При его использовании авторы хотели продемонстрировать, каким образом углубленное понимание природы рисков может быть использовано для укрепления, развития и адаптации российского страхового рынка к вызовам нового десятилетия.

Далее проведен PESTEL-анализ, который позволил выявить внешние факторы, влияющие на страховой бизнес и систематизацию рисков (табл. 5).

Итак, каждый фактор страхового рынка влияет на группировку и оценку страховых рисков. Одни факторы диктуют необходимость пересмотра критериев страхуемости, другие – выделения новых категорий. По результатам PESTEL-анализа получены следующие выводы:

1. Особенности современного страхового рынка РФ являются санкционное давление, отсутствие единой структуры, занимающейся аккумуляцией рисков факторов различных видов неопределенностей с переводом их в удобный для страховой аналитики вид, и несовершенство законодательной базы. Решение этих проблем способнократно ускорить рост и развитие отрасли.

2. Драйверами трансформации классификации рисков выступают технологии ИИ и ML для оценки рисков, а также совершенствование законодательства.

3. Наиболее опасная комплексная взаимосвязь наблюдается между несовершенством страхового законодательства в сфере природопользования и низким спросом на экострахование. Этот замкнутый круг ограничивает развитие перспективного сегмента и создает уязвимость экономики любой страны, увеличивая потенциальные издержки от экологических катастроф.

4. Полученные результаты указывают на необходимость активных действий со стороны участников рынка. В частности, страховым компаниям следует внедрять инновации в собственные услуги, чтобы повысить конкурентоспособность.

Табл. 4. SWOT-анализ современного рынка страхования в России в контексте систематизации рисков

Tab. 4. SWOT analysis of Russian insurance market: risk systematization

Сильные стороны (Strengths)	Слабые стороны (Weaknesses)
<i>Устойчивость к кризисам:</i> благодаря низкой доле сложных продуктов (например, D&O, BI) и слабому проникновению страхования относительно ВВП (~1,5 % ВВП в России против ~9 % ВВП в Европе) рынок страхования устойчив к кризисам; преимущественно касается массовых рисков	<i>Фрагментация данных и статистики:</i> вследствие отсутствия единой базы статистических данных (например, ЕЮРА в Европе) статистика разнится между компаниями и ЦБ, что затрудняет создание сложных моделей и определение долгосрочных трендов; затрудняет оценку катастрофических рисков
<i>Централизованная систематизация рисков:</i> после введения санкций более половины рисков перешло на единственный в России центр тарификации катастроф и других рисков с рейтингом ААА для получения актуарных расчетов и профилей рисков отраслей; имеет прямое отношение к катастрофическим рискам природного и техногенного характера	<i>Слабое актуарное развитие:</i> низкая квалификация актуариев приводит к недооценке хвостовых рисков; все усугубляется малым количеством информации из-за низкой проникновенности страхования в ВВП; критично для катастрофических рисков – их вероятность мала, а ущерб огромен
<i>Адаптация и цифровизация:</i> рынок быстро интегрирует цифровизацию для продаж и ИИ для оценки рисков и формирования системы тарификации; оказывает влияние на технологические риски и на управляемость массовых рисков	<i>Влияние санкций и мошенничества:</i> санкции ограничили перестрахование и доступ к софту для риск-моделей; мошенничество страхователей искажает данные, что усложняет систематизацию рисков; передача риска зарубежным перестраховщикам становится ограниченной или невозможной
Возможности (Opportunities)	Угрозы (Threats)
<i>Создание единого риск-офиса:</i> централизованный риск-профиль позволит агрегировать общую статистику всего рынка страхования в стране, что повысит точность тарификации в различных отраслях и ускорит актуарные расчеты, а также создаст возможность интегрировать риск-офис с другими госсистемами; позволит оценивать все категории рисков в единой системе	<i>Дефицит перестрахования:</i> в связи с санкциями РНПК подвергается очень высоким нагрузкам (емкость в ~500 млрд руб. при объеме совокупных страховых премий рынка около 2 трлн руб.), что ограничивает перестрахование, а также возможность страхового рынка – один ураган может исчерпать емкость
<i>Продолжение и усиление цифровизации:</i> увеличение доли онлайн-продаж открывает возможности для внедрения моделей машинного обучения (ML-моделей) для оценки рисков с целью снижения мошенничества и повышения резервов; воздействует на управляемость массовых рисков	<i>Макроэкономическая нестабильность:</i> высокая ключевая ставка и инфляция снижают спрос на страхование non-life, искажая статистику рисков и снижая темп развития сложных страховых продуктов; больше всего отражается на массовых рисках; геополитическая неопределенность усиливает волатильность
<i>Некредитные продукты:</i> развитие сложных продуктов (долевое страхование жизни, кибер- и BI-страхование и т.д.) диверсифицирует риски за пределы ОСАГО и инвестиционное страхование жизни; спрос будет стимулирован налоговыми льготами и программами долгосрочных сбережений; расширяет покрытие рисков	<i>Технологические и кадровые риски:</i> нехватка актуариев и аналитиков, замещение софта тормозят внедрение ML-моделей (в том числе и для хвостовых рисков); отсутствие унифицированной базы данных повышает вероятность киберугроз и снижает управляемость технологических рисков

5. При автоматизации страховых бизнес-процессов и появлении новейших технологий, способных фиксировать и качественно обрабатывать большие массивы полезной для бизнеса информации, страховщики сталкиваются с забытым явлением кадрового дефицита. Для его преодоления необходимы инвестиции в человеческий капитал: программы целевого обучения, практика и стажировки. Привлечение квалифицированных ИТ-специалистов также будет способствовать борьбе с мошенничеством.

6. Предлагаемая в таблице 3 многомерная классификация должна быть чувствительной к PESTEL-факторам и постоянно актуализироваться.

Таким образом, успешное управление современными угрозами зависит не только от качества и полноты статистической базы, но и от возможностей их конверсии под требования страхового рынка. Решением этой проблемы может стать создание единого национального риск-офиса для страховой сферы. Целесообразность создания подобного

Табл. 5. PESTEL-анализ современного рынка страхования в России в контексте систематизации рисков

Tab. 5. PESTEL analysis of Russian insurance market: risk systematization

Фактор страхового рынка	Влияние на бизнес	Влияние на систематизацию
Геополитическая нестабильность, санкции (Political)	Ограничение доступа к перестрахованию и распространению услуг на другие рынки мира	Снижение объема глобально распределяемых рисков и требование выделения санкционно-чувствительных рисков
Высокая ключевая ставка и инфляция (Economic)	Снижение спроса на сложные страховые продукты, замедление развития рынка страхования	Увеличение разрыва страхуемости между массовыми и инновационными рисками
Нехватка квалифицированных кадров (Social)	Отсутствие квалификации и навыка работы с применением новых технологий сдерживает внедрение ИИ и ML для повышения эффективности онлайн-страхования	Сдерживание перехода от статичных классификаций рисков к многомерным системам
Санкции и импортозамещение операционных систем (Technological)	Отсутствие доступа к иностранным риск-моделям и статистическим базам данных, неточность актуарных расчетов	Требование создания национальной системы классификации рисков
Климатические риски, низкая экологическая грамотность бизнеса (Environmental)	Низкий спрос на экострахование, фрагментарные данные, наличие хвостовых рисков	Демонстрирование проблемы учета частоты, масштаба и временного горизонта климатических рисков
Несовершенство нормативно-правовых актов, регулирующих страхование (Legal)	Повышение штрафов от Росприроднадзора увеличивает количество судебных исков, риски ретроактивной деятельности	Изначальное влияние на критерии страхуемости

института подтверждается успешным функционированием аналогичных моделей в зарубежных юрисдикциях, где подобные структуры уже работают. Наиболее релевантными примерами выступают:

I. Insurance Services Office – ISO. Эта организация создана США для преодоления фрагментарности региональных страховых бюро. ISO предоставляет собой информационные услуги и бизнес-идеи по оценке, управлению и снижению рисков. Организация является основным источником информации для страховых компаний и предоставляет комплексные данные, технические услуги, формулировки страховых полисов, инструменты для выявления мошенничества, андеррайтинговые и статистические услуги [16].

II. European Insurance and Pensions Authority – ЕИОРА. Данный орган Европейского союза (ЕС) отвечает за гарантирование защиты сторон, участвующих в договоре страхования, и заменяет Комитет европейских органов надзора, поскольку состоит из четырех независимых надзорных органов [17].

Стоит вспомнить существовавшую ранее в России структуру страхового надзора⁷. Возрождение данного института может послужить ядром предлагаемого риск-офиса. Для реализации данной концепции необходим пересмотр прежнего функционала и тесная интеграция с Банком России, а также с ведущими кредитными рейтинговыми агентствами (АКРА (Аналитическое кредитное рейтинговое агентство), Эксперт РА, НРА (Национальное рейтинговое агентство)). Такое взаимодействие позволит агрегировать максимально полную статистику, формировать целостную картину состояния сектора и вырабатывать согласованную стратегию его развития, включая унификацию норм учета страховых рисков и актуарных расчетов.

Основными источниками данных для обеспечения деятельности риск-офиса могут стать официальные отчеты страховых компаний, проверки надзорных служб, регуляторные данные от других органов и частных рейтинговых компаний, жалобы потребителей, результаты проведенных

⁷ Euro Area Policies: 2025 Annual Consultation-Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for Member Countries. Washington: IMF, 2025, 79. <https://doi.org/10.5089/9798229016582.002>

стресс-тестов. В качестве значимых функций национального риск-офиса предлагается выделить оценку макропруденциальных рисков и иных рисков на национальном уровне; осуществлять надзорные функции за деятельностью страховых компаний, дополненных консультационной поддержкой участников рынка по вопросам страховой практики; создать и ввести единую централизованную базу данных страховой статистики, доступной для всех добросовестных участников рынка; разработать методологию и провести регулярные стресс-тесты риск-моделей страховщиков; сформировать дашборды и аналитические панели для комплексного мониторинга состояния страхового рынка и оперативного выявления зарождающихся угроз.

Реализация данных мер позволит не только преодолеть фрагментарность статистической базы, но и создаст основу для качественного скачка в точности актуарных расчетов, повышении финансовой устойчивости страховщиков и адаптации отрасли к современным вызовам (табл. 6⁸).

Заключение

Проведенное исследование подтвердило, что в условиях качественной трансформации природы современных угроз – от кибератак до климатических аномалий – требуется теоретическое переосмысление категории *страховой риск*, что становится фундаментальным условием устойчивости страхового рынка. Выполненный системный анализ позволил не только разграничить страховые и нестраховые риски по критериям вероятности, независимости и масштаба, но и концептуально разделить категории потенциальной возможности (риск) и реализовавшегося ущерба (страховой случай).

Главным результатом работы стала разработка многомерной классификации страховых рисков. В отличие от существующих узкоотраслевых подходов, предложенная авторами систематизация интегрирует четыре базовых критерия (объект страхования, источник опасности, масштаб убытков, объем ответственности) и дополнена двумя аналитическими измерениями: степенью

Табл. 6. Сопоставление предлагаемой модели риск-офиса с международными институтами

Tab. 6. Risk office model and international institutions

Описание	ЕС (EIOPA)	США (ISO)	Россия
Статус	Наднациональный регулирующий орган	Частная компания – поставщик данных и аналитики	Предлагается создание органа при участии государства, интегрированного с ЦБ РФ и рейтинговыми агентствами
Основная цель	Защита потребителей, финансовая стабильность, гармонизация надзора	Обеспечение отрасли данными, стандартизация, снижение издержек	Агрегация статистики, повышение точности актуарных расчетов, обеспечение финансовой устойчивости, выработка стратегии развития
Сбор и анализ данных	Мониторинг рыночных трендов, создание баз данных	Масштабная агрегация данных от тысяч страховщиков	Создание единой базы данных на основе отчетности страховых компаний, данных надзорных органов и рейтинговых агентств
Стандартизация	Разработка единых регуляторных и надзорных стандартов	Разработка стандартных условий страхования	Унификация норм учета страховых рисков и актуарных расчетов
Оценка рисков	Оценка системных и макропруденциальных рисков, стресс-тестирование	Актуарный анализ, моделирование катастрофических рисков	Оценка макропруденциальных рисков на национальном уровне, создание и проведение стресс-тестов риск-моделей
Взаимодействие с отраслью	Консультации с заинтересованными сторонами	Прямое взаимодействие со страховщиками как с клиентами	Интеграция с ЦБ РФ, рейтинговыми агентствами, страховыми компаниями

⁸ Сост. по: [18–21].

управляемости риска и типом государственного регулирования. Это позволило перевести описание рисков из абстрактной плоскости в плоскость количественной и качественной оценки, а также выявить зоны ответственности бизнеса и государства.

Развитием данного подхода стал авторский «тройной тест» для оценки возможности принятия риска на страхование, включающий проверку юридической определенности, регуляторной состоятельности и технологической возможности. Историческая ретроспектива подтвердила валидность этого теста: успешная интеграция таких сложных рисков, как терроризм, киберугрозы или климатические аномалии, в рыночный оборот происходила именно по мере их соответствия перечисленным требованиям.

Проведенная стратегическая диагностика (SWOT и PESTEL-анализ) позволила идентифицировать ключевые системные барьеры российского страхового рынка: геополитическую нестабильность, дефицит квалифицированных кадров, несовершенство законодательной базы и фрагментацию статистических данных. Последнее препятствует созданию точных актуарных моделей и оценке хвостовых рисков, которые представляют наибольшую опасность для экономики.

Логичным ответом на выявленный диагностический вызов стало обоснование необходимости создания единого национального риск-офиса. Анализ успешного функционирования аналогичных институтов (ISO в США, EIOPA в ЕС) показал, что централизация данных, унификация актуарных стандартов и макропруденциальный надзор являются критическими факторами зрелости страхового рынка. Предложенная модель риск-офиса, интегрированного с Банком России и ведущими рейтинговыми агентствами (АКРА, Эксперт РА, НРА), призвана преодолеть разрозненность информации и создать основу для качественного скачка в точности оценки рисков.

Реализация предложенных мер – от внедрения инновационных методов андеррайтинга до создания национального риск-офиса – создает основу для повышения финансовой устойчивости, конкурентоспособности и адаптации российского страхового рынка к долгосрочным вызовам новой реальности.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Финансирование: Статья написана по результатам коллективного научного проекта «Риск как фундамент страхования», реализованного временным творческим студенческим коллективом Финансового университета при Правительстве РФ.

Funding: The research was part of a joint student research project entitled "Risk as the Foundation of Insurance" at the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Раскрытие использования ИИ: Для классификации библиографических источников, извлечения ключевых слов и создания черновиков аннотаций с последующей авторской корректировкой были использованы инструменты на базе искусственного интеллекта.

AI Declaration: Artificial intelligence-based tools were utilized to classify bibliographic sources, extract keywords, and generate draft abstracts, which were subsequently refined by the authors.

Литература / References

1. Сейитлиев К., Ходжамгулыева А. Риски в страховании. *Инновационная наука*. 2024. Т. 1. № 11-2. С. 35–37. [Seyitliev K., Hodzhamgulyeva A. Risks in insurance. *Innovacionnaya nauka*, 2024, 1(11-2): 35–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hdyiwb>
2. Управление финансовыми рисками, ред. И. П. Хоминич. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2023. 569 с. [Financial risk management, ed. Hominich I. P. 2nd ed. Moscow: Iurait, 2023, 569. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/njtfxc>
3. Брызгалов Д. В. Трансформация страховых интересов в цифровой экономике. *Этап: экономическая теория, анализ, практика*. 2021. № 4. С. 84–94. [Bryzgalov D. V. Transformation of insurance interests in the digital economy. *Etap: Ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*, 2021, (4): 84–94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2021-4-84-94>

4. Дендиберя М. Ю., Тишутина О. И. Риск-менеджмент в страховой компании: случай деликтного риска. *Власть и управление на Востоке России*. 2025. № 4. С. 80–88. [Dendiberya M. Yu., Tishutina O. I. Concept of goal setting and decision making in the context of managing insurance tort risk. *Power and administration in the East of Russia*, 2025, (4): 80–88. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kdwxra>
5. Кириллова Н. В., Цыганов А. А., Белоусова Т. А. и др. ESG-трансформация на страховом рынке: современное состояние, проблемы и перспективы. М.: Прометей, 2024. 260 с. [Kirillova N. V., Cyganov A. A., Belousova T. A. et al. *ESG-transformation in the insurance market: Current state, problems and prospects*. Moscow: Prometei, 2024, 260. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndftcn>
6. Кириллова Н. В., Цыганов А. А., Азимов Р. С. и др. Сельскохозяйственное страхование. М.: Прометей, 2026. 352 с. [Kirillova N. V., Cyganov A. A., Azimov R. S. et al. *Agricultural insurance*. Moscow: Prometei, 2026, 352. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rrrvay>
7. Белоусова Т. А., Фисенко А. Проблемы и перспективы страхования рисков транспортировки по Северному морскому пути. *Креативная экономика*. 2025. Т. 19. № 3. С. 695–716. [Belousova T. A., Fisenko A. Problems and prospects of transport risks insurance on the Northern Sea Route. *Creative Economy*, 2025, 19(3): 695–716. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/ce.19.3.122855>
8. Кириллова Н. В., Цыганов А. А., Азимов Р. С. и др. Страхование климатических рисков. М.: Прометей, 2026. 368 с. [Kirillova N. V., Cyganov A. A., Azimov R. S. et al. *Climate risk insurance*. Moscow: Prometei, 2026, 368. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/imijwk>
9. Дорожкина Е. Е., Дорожкин А. В. Международный опыт выполнения требований информационной безопасности для применения в страховой отрасли. *Формирование страховой культуры: финансовое просвещение и ответственный бизнес: XXV Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 4 июня 2024 г.)*. М.: Прометей, 2024. С. 111–117. [Dorozhkina E. E., Dorozhkin A. V. International experience in meeting information security requirements for use in the insurance industry. *Building an insurance culture: Financial education and responsible business: Proc. XXV Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Moscow, 4 Jun 2024. Moscow: Prometei, 2024, 111–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ahnmet>
10. Азимов Р. С., Болдырев Б. М., Бровчак С. В. и др. Теория и практика цифровизации страхового рынка в Российской Федерации. М.: Прометей, 2021. 378 с. [Azimov R. S., Boldyrev B. M., Brovchak S. V. et al. *Theory and practice of digitalization of Russian insurance market*. Moscow: Prometei, 2021, 378. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uxwmvf>
11. Охрименко И. В., Цыганов А. А. Взгляд практиков: как повысить эффективность противодействия страховому мошенничеству. *Вестник Прикамского социального института*. 2024. № 1. С. 35–39. [Okhrimenko I. V., Tsyganov A. A. The view of practitioners: How to increase the effectiveness of countering insurance fraud. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*, 2024, (1): 35–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kusfxg>
12. Ермолаева А. С., Носов Д. С. Актуальные решения повышения конкурентоспособности страховых компаний в условиях трансформации российского страхового рынка. *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*. 2024. № 3. С. 131–135. [Ermolaeva A. S., Nosov D. S. Current solutions to increase competitiveness insurance companies in the conditions of transformation Russian insurance market. *Konkurentosposobnost v globalnom mire: Ekonomika, nauka, tekhnologi*, 2024, (3): 131–135. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lrednu>
13. Финансовые рынки в условиях глобальных рисков новой экономики и санкционного кризиса, ред. И. П. Хоминич. М.: Русайнс, 2022. 218 с. [*Financial markets in the context of global risks of the new economy and the sanctions-induced crisis*, ed. Hominich I. P. Moscow: Ruscience, 2022, 218. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lofvpa>
14. Вerezubova T. A. Методика определения величины риска в системе обеспечения финансовой устойчивости страховщика жизни. *Изучение географических и экономических систем*. Ижевск: УдГУ, 2025. С. 268–284. [Verezubova T. A. Methodology for determining the amount of risk in the system of ensuring the financial stability of a life insurer. *The study of geographical and economic systems*. Izhevsk: UdSU, 2025, 268–284. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yvrtao>
15. Кириллова Н. В., Крутова Л. С., Белозеров С. А., Вerezubova T. A., Логвинова И. Л., Орланюк-Малицкая Л. А. Основные тренды страховых рынков. *Проблемы экономики и юридической практики*. 2025. Т. 21. № 5. С. 279–295. [Kirillova N. V., Krutova L. S., Belozyorov S. A., Verezubova T. A., Logvinova I. L., Orlyanuk-Malitskaya L. A. Basic trends of insurance markets. *Problems of economics and legal practice*. 2025. T. 21. No 5. P. 279–295.]

- Orlaniuk-Malitskaia L. A. The main trends in insurance markets. *Economic Problems and Legal Practice*, 2025, 21(5): 279–295. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33693/2541-8025-2025-21-5-279-295>
16. Rejda G. E., McNamara M. J. *Principles of risk management and insurance*. Boston: Pearson, 2014, 702.
17. Purba L., Harahap R., Junaidah S. The influence of income, premiums, and brand image on the decision to use insurance services at PT Panin Dai Ichi Life Sales Office Medan. *Manajemen: Jurnal Ekonomi*, 2025, 7(3): 747–756. <https://doi.org/10.36985/fzsr7106>
18. Белозёров С. А., Романова А. Б. Региональные страховые рынки Российской Федерации: динамика развития в постковидный период. *Экономика региона*. 2024. Т. 20. № 3. С. 947–962. [Belozerov S. A., Romanova A. B. Regional insurance markets of the Russian Federation: Development dynamics in the post-COVID period. *Economy of regions*, 2025, 20(3): 947–962. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-3-22>
19. Игнатьева И. В., Зедгенизова И. И. К вопросу о добровольном страховании граждан в Российской Федерации. *Право и государство: теория и практика*. 2025. № 8. С. 428–431. [Ignatieva I. V., Zedgenizova I. I. On the issue of voluntary insurance of citizens in the Russian Federation. *Law and state: Theory and practice*, 2025, (8): 428–431. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uzxpfm>
20. Одинокова Т. Д. Развитие бизнес-моделей встроенного страхования в эпоху цифровых технологий. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2024. № 11. С. 43–52. [Odinokova T. D. Evolving embedded insurance business models in the digital age. *Property Relations in the Russian Federation*, 2024, (11): 43–52. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2072-4098-2024-11278-43-52>
21. Геворгиз А. А., Зима Д. А., Осинцева М. А. Развитие институциональной среды развития рынка имущественного страхования. *Финансовые рынки и банки*. 2024. № 6. С. 192–195. [Gevorgiz A. A., Zima D. A., Osintseva M. A. Development of the institutional environment for the development of the property insurance market. *Financial Markets and Banks*, 2024, (6): 192–195. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cavmbg>

оригинальная статья

eLibrary EDN: FYNFKM

Сравнительный анализ биржевых паевых инвестиционных фондов по уровню диверсификации и эффективности управления

Москаленко Виктория Алексеевна

Новосибирский государственный университет экономики
и управления «НИНХ», Россия, Новосибирск<https://orcid.org/0009-0004-8372-705X>vikahobi12345@gmail.com

Попова Тамара Александровна

Новосибирский государственный университет экономики
и управления «НИНХ», Россия, Новосибирск

eLibrary Author SPIN: 6846-9748

<https://orcid.org/0000-0003-2414-1038>

Аннотация: В условиях высокой волатильности фондового рынка и роста интереса частных инвесторов к биржевым финансовым инструментам оценка качества управления активами биржевыми паевыми инвестиционными фондами приобретает особую значимость. Цель статьи – составить рейтинг биржевых паевых инвестиционных фондов корпоративных облигаций с постоянным купоном по уровню диверсификации и эффективности управления активами. Рассмотрены понятия *биржевого паевого инвестиционного фонда*, *диверсификации* и *эффективности управления активами*. На основе анализа подходов к оценке уровня диверсификации и концепций эффективности управления предложена система показателей для комплексной оценки фондов по данным критериям. На основе сведений по семи российским биржевым фондам корпоративных облигаций проведено эмпирическое исследование, в ходе которого составлен рейтинг фондов по уровню диверсификации и эффективности управления. Выявлено, что наибольшую отдачу в эффективности приносит не максимальная диверсификация как таковая, а стратегическая согласованность между профилем риска, выбором активов и подходом к управлению. При этом как чрезмерная концентрация, так и формальная диверсификация без учета качества активов снижают итоговую результативность. На основе авторской методики в дальнейшем можно проанализировать другие группы фондов или изучить влияние дополнительных факторов как на уровень эффективности, так и на уровень диверсификации фондов.

Ключевые слова: эффективность управления активами, диверсификация, биржевой фонд, паевой инвестиционный фонд, управляющая компания, корпоративная облигация

Цитирование: Москаленко В. А., Попова Т. А. Сравнительный анализ биржевых паевых инвестиционных фондов по уровню диверсификации и эффективности управления. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2026. Т. 11. № 3. С. 519–530. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-519-530>

Поступила в редакцию 11.02.2026. Принята после рецензирования 14.04.2026. Принята в печать 27.04.2026.

original article

Exchange-Traded Funds: Diversification and Management Efficiency

Viktoria A. Moskalenko

Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM),
Russia, Novosibirsk<https://orcid.org/0009-0004-8372-705X>vikahobi12345@gmail.com

Tamara A. Popova

Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM),
Russia, Novosibirsk

eLibrary Author SPIN: 6846-9748

<https://orcid.org/0000-0003-2414-1038>

Abstract: Exchange-traded mutual funds are responsible for asset management. Assessing their quality is particularly important in the face of high stock market volatility and growing private investor interest in exchange-traded financial instruments. This article rates fixed-coupon corporate bond exchange-traded mutual funds based on their long-term diversification and asset management efficiency, using data from seven Russian corporate bond exchange-traded funds. Moving from the concepts of exchange-traded mutual funds, diversification, and asset management efficiency, the study reviews existing approaches to assessing diversification and management

efficiency, resulting in a system of metrics for a comprehensive fund assessment. The greatest impact on performance is driven not by excessive diversification per se, but by strategic alignment between the risk profile, asset selection, and management approach. However, formal diversification that does not account for the quality of assets also reduces the final performance. This methodology can be applied to other groups of funds or to analyze factors that affect efficiency and fund diversification.

Keywords: asset management efficiency, diversification, exchange-traded mutual fund, investment company, investemnt compony, corporate bond

Citation: Moskalenko V. A., Popova T. A. Exchange-Traded Funds: Diversification and Management Efficiency. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(3): 519–530. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-3-519-530>

Received 11 Feb 2026. Accepted after review 14 Apr 2026. Accepted for publication 27 Apr 2026.

Введение

Актуальность исследования уровня диверсификации и эффективности управления активами биржевых паевых инвестиционных фондов (БПИФ) обусловлена эволюцией теории финансового посредничества, где ведущую роль, помимо банков, играют и инвестиционные компании. На текущем этапе развития финансового рынка посредническая роль управляющих компаний состоит в основном в снижении информационной асимметрии, оптимизации портфельных решений и повышении доступности инвестиций для широкого круга инвесторов. Управляющие компании формируют диверсифицированные стратегии для различных типов паевых инвестиционных фондов и обеспечивают эффективное распределение капитала в условиях высокой рыночной неопределенности.

В связи с этим БПИФ становятся одним из основных инструментов управляющих компаний, предоставляя инвесторам прозрачные, ликвидные и диверсифицированные фонды с минимальными комиссиями. БПИФ превосходят открытые паевые инвестиционные фонды (ОПИФ) в ряде аспектов

(высокая ликвидность, прозрачность, низкие издержки и низкий порог входа), чем и привлекают большое количество инвесторов в последние годы (рис. 1¹). Доходность БПИФ более понятна и очевидна для инвесторов. Это особенно характерно для пассивно управляемых индексных БПИФ [1], доходность которых равна доходности бенчмарка с учетом комиссии и точности отслеживания [2]. Данные характеристики БПИФ делают их привлекательными для инвесторов и в связи этим требуют проведения эмпирических исследований их функционирования.

В условиях постепенно снижающейся ключевой ставки Центрального банка РФ (Банка России, ЦБ РФ) БПИФ на облигации обеспечивают повышенную доходность при умеренном и низком риске, выступая дополнением к акциям в портфелях инвесторов в период неопределенности и позволяя зафиксировать высокие купонные ставки на долгосрочный период. Цель статьи – составить рейтинг БПИФ корпоративных облигаций с постоянным купоном по уровню диверсификации и эффективности управления активами.

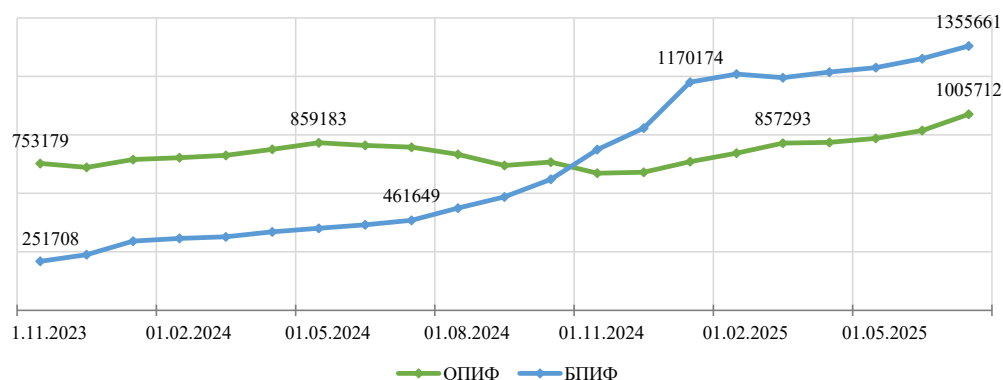

Рис. 1. Динамика объемов чистых активов БПИФ и ОПИФ, млн руб.
Fig. 1. Dynamics of net asset values: exchange-traded mutual funds and open-ended mutual funds, million rubles

¹ Сост. по: Динамические ряды основных показателей деятельности паевых инвестиционных фондов и акционерных инвестиционных фондов. Сайт ЦБ РФ. URL: https://cbr.ru/statistics/RSCI/activity_uk_if/stat_pif_aif/ (дата обращения: 29.09.2025).

Прежде всего необходимо определить, что авторы понимают под БПИФ. Так, в ФЗ «Об инвестиционных фондах» приводится определение паевого инвестиционного фонда (ПИФ) как обособленного имущественного комплекса, состоящего из имущества, переданного в доверительное управление управляющей компании учредителем с условием объединения этого имущества с имуществом иных учредителей доверительного управления, и из имущества, полученного в процессе такого управления, доля в праве

собственности на которое удостоверяется ценной бумагой, выдаваемой управляющей компанией². Помимо этого, фиксируется ряд норм, связанных с БПИФ, которые определяют его отличия от других типов ПИФ. Таким образом, БПИФ – это тип ПИФ, инвестиционные паи которого допускаются к организованным торгам на бирже, указанной в правилах доверительного управления этим фондом.

В таблице 1³ представлена специфика БПИФ по отношению к ОПИФ и ЗПИФ.

Табл. 1. Отличительные особенности БПИФ от ОПИФ и ЗПИФ

Tab. 1. Exchange-traded mutual funds vs. open-ended and closed-ended mutual funds

Характеристика	БПИФ	ОПИФ	ЗПИФ
Допуск паев к организованным торгам на бирже	Да (пай всегда торгуется на бирже)	Нет (покупка / продажа паев осуществляется через управляющую компанию), но в редких случаях возможен выход на биржу	Нет (покупка / продажа паев осуществляется через управляющую компанию), но возможно вторичное обращение на бирже
Участие маркет-мейкера	Да (за счет этого поддерживается ликвидность и стабильность цен на пай, что снижает спред и волатильность их стоимости)	Нет (так как пай не торгуется на бирже)	Нет (так как пай не торгуется на бирже)
Возможность покупки / продажи пая в любой день	Да (в любое время торговых часов на бирже)	Частично (продажа / покупка возможна только в определенное время рабочего дня, а зачисление или выплата денежных средств – часто в течение нескольких дней)	Нет (покупка / продажа доступна только при формировании и закрытии фонда, в редких случаях – на вторичном рынке)
Возможность отклонения рыночной цены пая от расчетной стоимости пая	Да (из-за чего у инвесторов имеется риск покупки / продажи пая по несправедливой цене)	Нет (расчетная стоимость пая определяется на основе стоимости чистых активов (СЧА))	Нет (расчетная стоимость пая определяется на основе СЧА)
Преобладающая стратегия управления	Индексная (пассивная) стратегия, которая предполагает следование за бенчмарком по определенной методике, определяемой управляющей компанией; реже встречаются активные стратегии управления	В равной степени встречаются и активные, и смешанные стратегии, реже – пассивные	Активная стратегия (часто специализированная в зависимости от типа активов в фонде)
Ликвидность для инвесторов	Высокая	Достаточно высокая	Низкая
Типы активов	Всегда высоколиквидные: акции, облигации, денежный рынок, валюта, деривативы, драгоценные металлы и др.	В основном ликвидные: акции, облигации, денежный рынок, валюта, деривативы, драгоценные металлы и др.	Широкий спектр, в том числе низколиквидных активов: недвижимость, доли компаний, проекты, кредиты и др.

² Об инвестиционных фондах. ФЗ от 29.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 23.05.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). СПС КонсультантПлюс.

³ Сост. по: [1–9].

Диверсификация активов БПИФ критически значима, поскольку снижает несистематический риск и повышает устойчивость фонда к шокам отдельных активов и секторов экономики, особенно в условиях санкций и высокой волатильности российского рынка [8; 9]. Эффективность управления определяет способность фонда обеспечивать оптимальное соотношение между риском и доходностью – либо точно следуя бенчмарку с минимальным отклонением при отслеживании, либо превосходя его при контролируемом уровне дополнительных рисков, что напрямую влияет на реальную доходность инвестора.

Под *эффективностью управления активами БПИФ* подразумевается результат работы фонда (доходность) с учетом его риска. В научной литературе предлагаются различные показатели, используемые для оценки эффективности управления активами. Сгруппируем основные из них в ряд концепций (табл. 2⁴).

В рамках эмпирического исследования авторы используют показатели, которые могут применяться как к активно, так и к пассивно управляемым фондам, чтобы обеспечить корректность сравнения, а также рассчитывают только один показатель из числа сильно схожих друг с другом по смыслу.

Высокая эффективность управления собственными БПИФ обеспечивает успех управляющей компании на рынке. Управляющая компания генерирует свой доход за счет комиссий и вознаграждений, которые она взимает с клиентов, покупающих паи БПИФ. Следовательно, основная цель управляющей компании связана с наращиванием СЧА собственных фондов за счет увеличения числа пайщиков, с которых она может взимать комиссии. Высокая эффективность управления активами повышает интерес клиентов к покупке тех или иных фондов, что обеспечивает прирост дохода компании.

Учитывая, что БПИФ – это портфели финансовых активов, ключевую роль в повышении эффективности играет диверсификация – она должна быть оптимальной, т.е. такой, чтобы при хорошем уровне снижения несистематического риска обеспечивалась достаточная доходность фонда.

Под *уровнем диверсификации активов БПИФ* подразумевается степень распределения инвестиций

Табл. 2. Классификация показателей эффективности управления активами БПИФ по концепциям эффективности управления

Tab. 2. Performance indicators of asset management by exchange-traded mutual funds: management efficiency concepts

Концепции эффективности управления активами БПИФ	Показатели эффективности управления активами
Универсальные	Коэффициент Шарпа (Sharpe Ratio)
	Коэффициент бета (β)
	Альфа Дженсена (Jensen's Alpha)
	Коэффициент Трейнора (Treynor Ratio)
	Коэффициент Сортино (Sortino Ratio)
Для активного управления	Коэффициент Модильяни (Modigliani Risk-Adjusted Performance)
	Коэффициент R-квадрат (R^2)
Для пассивного управления	Ошибка слежения (Tracking Error)
	Информационный коэффициент (Information Ratio – IR)
Риск-ориентированные	Активная доля (Active Share)
	Коэффициент Кальмара (Calmar Ratio)
	Коэффициент Швагера (Schwager Volatility Ratio)

фонда по различным финансовым инструментам, эмитентам, секторам экономики, классам активов или географическим регионам с целью снижения несистематического риска. Степень диверсификации измеряется как качественными, так и количественными методами. В таблице 3⁵ представлены подходы к оценке уровня диверсификации БПИФ.

В научной литературе рассматриваются различные подходы к оценке эффективности управления

⁴ Сост. по: [10–20]; Тенсин П. Как выбрать портфель по соотношению доходности и риска. *БКС ЭКСПРЕСС*. 02.08.2019. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/kak-vybrat-portfel-po-sootnosheniiu-dokhodnosti-i-riska>; Галактионов И. Коэффициенты альфа и бета. Выбираем акции в портфель «по науке». *БКС ЭКСПРЕСС*. 22.02.2019. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/koeffitsienty-alfa-i-beta-vybiraem-aktsii-v-portfel-po-nauke>; Tamplin T. Active Share. *Finans Strategists*. URL: <https://www.financestrategists.com/wealth-management/investment-management/active-share/> (accessed 2 Nov 2025).

⁵ Сост. по: [21–25]; Как измерять диверсификацию инвестиционного портфеля. *ДОХОДЪ*. 07.05.2021. URL: https://www.dohod.ru/blog/kak-izmerit-diversifikaciyu-investitsionnogo-portfelya?utm_source=chatgpt.com; Гамбаров Г. О коэффициентах рыночной концентрации: информационно-аналитический материал. М.: ЦБ РФ, 2023, 10. URL: https://cbr.ru/content/document/file/158262/02_ds.pdf (дата обращения: 02.11.2025).

Табл. 3. Подходы к оценке уровня диверсификации БПИФ

Tab. 3. Approaches to assessing the diversification of exchange-traded mutual funds

Подходы	Основная характеристика
Современная теория портфеля	Равномерное распределение активов по различным классам и секторам с низкой и отрицательной корреляцией доходностей снижает общий риск портфеля, сохраняя ожидаемую доходность
Оценка по составу, надежности и перспективности	Подсчет количества активов одного вида в фонде, количества эмитентов, отраслей, их долей. Оценка надежности и перспективности эмитентов, отраслей и рынков, относящихся к активам в фонде
Оценка с помощью показателей	Показатели, характеризующие степень диверсификации инвестиций: внутривидовая корреляция (Intra-Portfolio Correlation) и его различные модификации; эффективное количество позиций (Effective Number of Positions). Иные показатели, измеряющие равномерность распределения долей в совокупности: индекс Херфиндаля-Хиршмана (Herfindahl-Hirschman Index); коэффициент Джини (Gini Coefficient); энтропия Шеннона (Shannon Entropy); коэффициент концентрации (Concentration Coefficient); индекс концентрации (Concentration Ratio); энтропия Ягера (Yager Entropy)

активами БПИФ. В статье используются два взаимодополняющих подхода – оценка с помощью коэффициентов эффективности и CAPM (*Capital Asset Pricing Model* – модель ценообразования капитальных активов). Первый подход позволяет оценить соотношение доходности и различных типов риска, второй – понять структуру риска портфеля и степень его зависимости от рыночных факторов.

Анализ достоинств и недостатков различных подходов к оценке степени диверсификации показывает, что наибольшую объективность, сопоставимость и учет структуры портфеля обеспечивает именно подход *Оценка с помощью показателей*, что делает его предпочтительным для количественного анализа. В то же время положения иных подходов учитываются при интерпретации результатов, особенно в контексте стратегий активного управления.

Таким образом, в статье совместно применяются выбранные подходы к анализу эффективности и диверсификации, что позволяет получить более полную и сбалансированную оценку качества управления активами БПИФ. Это обуславливает необходимость комплексного подхода и разработки интегральных показателей, характеризующих метрики диверсификации и эффективности, а также формирования при этом целостной картины инвестиционного профиля фонда.

Методы и материалы

Для проведения сравнительного анализа уровня диверсификации и эффективности управления активами БПИФ была разработана авторская методика, включающая шесть этапов. Рассмотрим более подробно каждый из них.

I этап: отбор БПИФ для анализа по следующим основным критериям: одинаковый вид активов;

единая валюта БПИФ; бенчмарки, указываемые управляющими компаниями данных фондов в стратегии управления, которые должны быть схожими или одинаковыми.

II этап: формирование системы рассчитываемых в ходе анализа показателей (табл. 4); определение общего бенчмарка для сравнения БПИФ.

Показатели эффективности управления активами БПИФ имеют общие недостатки, которые необходимо учитывать при интерпретации результатов. Они используют данные прошлого: все расчеты обозначенных коэффициентов базируются на исторических данных. Показатели диверсификации

Табл. 4. Система показателей диверсификации и эффективности управления активами БПИФ

Tab. 4. System of indicators for diversification and efficiency of asset management by exchange-traded mutual funds

Показатели диверсификации	Показатели эффективности управления
Индексы концентрации CR1, CR2, CR3, CR4, CR5, CR10	Коэффициент Шарпа
Индекс Херфиндаля-Хиршмана, ННН	
Коэффициент концентрации, СС	Коэффициент Сортино
Энтропия Шеннона, $H'/H'_{\max}$	Коэффициент Трейнора
Энтропия Ягера, Y	Коэффициент Модильяни
Внутривидовая корреляция, IPC%	Коэффициент Шваргера
Внутривидовая корреляция, скорректированная на коэффициент концентрации, IPC3	

и эффективности управления активами БПИФ выражают показатели деятельности фондов, которые малоинформативны для прогнозирования доходностей.

III этап: сбор данных для расчета показателей диверсификации и эффективности управления активами БПИФ. Для этого используются данные за трехлетний период с помесечной периодичностью. Он обеспечивает достаточную статистическую значимость для оценки риска и доходности и охватывает различные рыночные условия. Помесечная периодичность данных снижает влияние краткосрочного рыночного «шума», лучше отражает реальный инвестиционный горизонт частных инвесторов и соответствует частоте раскрытия СЧА и структуры БПИФ управляющими компаниями. Указанное обеспечивает сопоставимость и репрезентативность расчетов. Показатели диверсификации рассчитываются на конкретный момент времени, единый для всех БПИФ: расчет ведется отдельно по долям различных эмитентов и отдельно по долям секторов экономики в структуре фондов.

Должны быть собраны:

1. Основные данные о рассматриваемых БПИФ: СЧА, расчетная стоимость паев, тип и бенчмарк стратегии управления, структура активов и комиссии, размер которых снижает СЧА, тем самым снижая доходность БПИФ в соотношении с бенчмарком. Источниками информации являются сайты управляющих компаний и их раскрываемые отчетности, включая справки о стоимости чистых активов инвестиционного фонда.

2. Данные о динамике доходностей облигаций федерального займа (ОФЗ). При расчете показателей, содержащих в формуле безрисковую ставку, используются две отдельные динамики доходностей ОФЗ: со сроком до погашения менее 1 года и со сроком от 1 до 3 лет, т. к. они отражают разные сегменты кривой доходности и имеют различную волатильность, ликвидность и чувствительность к процентным ставкам. Такое разделение позволяет учитывать разную средневзвешенную длительность активов в БПИФ для их корректного сравнения. Источником информации является сайт ЦБ РФ⁶.

3. Данные о динамике доходностей общего бенчмарка.

IV этап: расчет разработанной ранее системы показателей диверсификации и эффективности управления фондами для каждого из выбранных БПИФ; составление таблиц результатов расчетов.

V этап: интерпретация полученных результатов и проведение сравнительного анализа БПИФ (сопоставление показателей и выделение особенностей каждого фонда).

VI этап: формирование на основе минимаксной нормализации индексов диверсификации и эффективности управления для каждого фонда; составление карты соотношения риска и доходности для визуализации взаимосвязи и формулирование выводов о типах стратегий управления, выявление причин расхождений в результатах фондов.

В таблице 5 представлены веса, которые используются для расчета каждого из показателей диверсификации и эффективности управления активами БПИФ. Веса определены методом экспертной оценки. Так, веса показателей диверсификации присваивались по принципу их информативности: внутрипортфельная корреляция, рассчитываемая только для секторов, получила наибольший вес из-за учета корреляции доходностей, чего не делают другие показатели. Веса показате-

Табл. 5. Веса, используемые для расчета показателей, %
Tab. 5. Weights used to calculate indicators, %

Показатель	Вес, %
<i>Диверсификация</i>	
Индексы концентрации, CR	20
Индекс Херфиндаля-Хиршмана, ННІ	14
Коэффициент концентрации, СС	14
Энтропия Шеннона, $H'/H'_{\max}$	14
Энтропия Ягера, Y	14
Внутрипортфельная корреляция, ІРС%	12
Внутрипортфельная корреляция, скорректированная на коэффициент концентрации, ІРСЗ	12
Итого	100
<i>Эффективность управления активами</i>	
Коэффициент Сортино	25
Коэффициент Трейнора	20
Коэффициент Модильяни	20
Коэффициент Швагера	20
Коэффициент Шарпа	15
Итого	100

⁶ Кривая бескупонной доходности государственных облигаций. Сайт ЦБ РФ. URL: https://cbr.ru/hd_base/zcyc_params/ (дата обращения: 29.09.2025).

лям эффективности присваиваются по принципу их соответствия конкретным рискам. Веса могут корректироваться в зависимости от типа активов в фонде.

Результаты

Для проведения сравнительного анализа был отобран ряд БПИФ (табл. 6⁷), соответствующих основным критериям. Все фонды являются БПИФ корпоративных облигаций с постоянным купоном, валюта фондов – российские рубли.

Фонды TBRU и AMRH следуют эталонным индексам: для первого фонда УК рассчитывает индекс самостоятельно, для второго – индекс рассчитывается Московской Биржей по заказу. Это указывает на наличие специальной стратегии пассивного управления, что может оказывать существенное влияние на результативность фондов.

Также важным является определение и сравнение комиссий, которые взимают управляющие компании – от комиссий напрямую зависят СЧА

и рыночная стоимость пая, а следовательно, и доходность фонда. На 1 сентября 2025 г. самыми большими комиссиями на вознаграждение УК, депозитария, регистратора и на прочие расходы обладает АКМВ – 1,83 % от среднегодовой стоимости чистых активов фонда в год, что является следствием активного типа стратегии управления, характеризующейся большими затратами ресурсов на ее осуществление. Самыми низкими комиссиями среди всех фондов обладает BOND (в совокупности до 0,49 %).

Показатели уровня диверсификации и показатели эффективности управления активами БПИФ характеризуют фонды с разных сторон: одни оценивают риски с точки зрения распределения активов (их долей), а другие – с точки зрения динамики доходностей и их волатильности. Результаты двух оценок могут противоречить друг другу, а могут давать схожие оценки.

В таблице 7 представлены расчетные показатели уровня диверсификации для исследуемых БПИФ, а также индексы диверсификации по каждому

Табл. 6. Исследуемые БПИФ корпоративных облигаций

Tab. 6. EProfiles of exchange-traded mutual funds of corporate bonds

Тикер ⁸	Наименование	Управляющая компания (УК)	СЧА на 01.09.2025, млн руб.	Прирост СЧА с 01.10.2022, %	Тип стратегии управления	Бенчмарк
AKMB	«Управляемые облигации»	ООО УК «Альфа-Капитал»	32420	+3100,39	Активный	IFX-Cbonds
SBRB	«Корпоративные облигации»	АО УК «Первая»	8538	–70,63	Пассивный	RUCBTR3YNS
TBRU	«Т-Капитал Облигации»	ООО «Т-Капитал»	5282	+467,35	Пассивный	TBRURX
OBLG	«ВИМ – Корпоративные облигации»	АО ВИМ Инвестиции	4829	+43,59	Пассивный	RUCBTRNS
BOND	«ДОХОДЪ Сбондс Корпоративные облигации РФ»	ООО «УК "ДОХОДЪ"»	649	+621,11	Пассивный	Cbonds CBI RU MMI
BCSB	«Высокодоходные облигации»	АО УК «БКС»	397	+58,8	Пассивный	RUEYBCSTR
AMRH	«АТОН – Рублевые облигации»	ООО «УК "Атон-менеджмент"»	85	+21,43	Пассивный	ARHYB

⁷ Сост. по: Фонд «Управляемые облигации». *Альфа-Капитал*. URL: <https://www.alfacapital.ru/individual/bpifs/bpif-ctrlbonds>; Фонд Корпоративные облигации – SBRB. *Управляющая компания «Первая»*. URL: <https://first-am.ru/individuals/etf/corporate-bonds-rub/>; БПИФ РФИ «Т-Капитал Облигации». *Т-Капитал*. URL: https://t-capital-funds.ru/documents/mutual_funds/TBRU/; БПИФРФИ «ВИМ – Корпоративные облигации». *ВИМ Инвестиции*. URL: <https://www.wealthim.ru/products/bpif/wimfrb/>; BOND. БПИФ ДОХОДЪ Сбондс Корпоративные облигации РФ. *ДОХОДЪ*. URL: <https://www.dohod.ru/individuals/mutual-funds/bpif/bond/>; ПИФ Высокодоходные облигации. *БКС Мир Инвестиций*. URL: <https://bcs.ru/foryou/pif/430/>; БПИФ рыночных финансовых инструментов «АТОН – Рублевые облигации». *Управляющая компания АТОН*. URL: <https://www.am-aton.ru/pif/AMRH> (дата обращения: 30.09.2025).

⁸ Далее по тексту исследуемые БПИФ обозначаются по названию тикеров.

БПИФ, рассчитанные путем суммирования нормализованных значений этих показателей.

Наиболее диверсифицированными по эмитентам, исходя из значений показателей, являются фонды BCSB и BOND, наименее диверсифицированным – АКМВ. Разрыв между лидерами и аутсайдером существенен, особенно это заметно по показателям ННІ и CR5, где разрыв составляет 2–3 раза, подтверждая принципиально разные подходы к управлению портфелем. По секторальному распределению по большей части показателей лидирует AMRH, далее идет АКМВ. Разрыв по ряду метрик между лидерами и аутсайдером составляет

1,5–2 раза, что указывает на значительное влияние секторальной стратегии на риск-профиль фонда.

Наилучшую диверсификацию, исходя из индексов диверсификации, демонстрирует фонд AMRH, второе место досталось BOND. Заметный разрыв отделяет лидеров от аутсайдера: АКМВ занял последнее место, и его показатели значительно уступают остальным – это связано с чрезмерной концентрацией на нескольких эмитентах и ограниченном числом секторов в портфеле. Разница между лучшим и худшим фондом по итоговому рейтингу указывает на принципиально разные модели управления активами.

Табл. 7. Показатели диверсификации исследуемых БПИФ по эмитентам и секторам на 1 сентября 2025 г.

Tab. 7. Diversification indicators of exchange-traded mutual funds by issuers and sectors as of September 1, 2025

Показатель	АКМВ	SBRB	TBRU	OBLG	BOND	BCSB	AMRH	Вес
<i>Диверсификация по эмитентам</i>								
ННІ	0,0827	0,0591	0,0266	0,0323	0,0178	0,0188	0,0699	0,07
CR1	25,84	9,98	8,25	9,64	6,33	5,48	12,75	0,02
CR2	35,69	18,47	13,53	18,14	10,89	10,67	21,98	0,02
CR3	45,45	27,2	18,30	25,79	14,80	15,6	30,37	0,02
CR5	60,6	41,78	26,36	40,51	22,45	23,53	46,49	0,02
CR10	83,07	75,49	44,54	59,35	40,75	41,52	79,06	0,02
CC	12,09	16,92	37,66	31,40	56,17	44,87	14,31	0,07
H'/H' _{max}	0,81	0,92	0,92	0,89	0,95	0,96	0,92	0,07
Y	-0,24	-0,14	-0,11	-0,13	-0,074	-0,075	-0,14	0,07
<i>Диверсификация по секторам</i>								
ННІ	0,1926	0,1509	0,1280	0,1287	0,1249	0,1206	0,1092	0,07
CR1	25,84	22,8	21,30	19,43	24,5	27,37	17,34	0,02
CR2	48,23	40,01	34,98	34,87	39,7	40,39	33,92	0,02
CR3	70,41	46,74	48,65	50,42	51,6	53,19	46,88	0,02
CR4	82,9	63,6	62,25	61,73	60,1	63,45	55,15	0,02
CR5	91,33	78,37	71,98	72,28	67,5	71,74	63,08	0,02
CC	5,19	6,63	7,81	7,77	8,00	6,96	9,16	0,07
H'/H' _{max}	0,90	0,91	0,84	0,93	0,88	0,89	0,91	0,07
Y	-0,22	-0,20	-0,17	-0,19	-0,23	-0,23	-0,18	0,07
IPC%	49,03	49,30	48,55	49,29	49,47	49,52	49,69	0,12
IPC3	0,05	0,07	0,08	0,08	0,08	0,07	0,09	0,12
<i>Итоговое ранжирование</i>								
Индекс диверсификации БПИФ	0,10	0,51	0,684	0,69	0,73	0,68	0,74	1
Место в рейтинге	7	6	4	3	2	5	1	–

Для оценки эффективности управления фондами рассчитан ряд показателей, которые аналогично показателям диверсификации нормализуются для составления индекса эффективности управления (табл. 8⁹). Для анализа выбран общий бенчмарк – Индекс МосБиржи корпоративных облигаций с дюрацией 1–3 года. Данный бенчмарк в большей мере отражает структуру каждого из представленных фондов как по эмитентам, так и по срокам до погашения облигаций в фондах.

Наиболее эффективными по совокупности показателей оказались три фонда – АКМБ, AMRH и TBRU. Фонды SBRB и OBLG показали худшие результаты. Это говорит о консервативной, но малоэффективной стратегии, обусловленной выбранными бенчмарками для пассивного управления, ориентированной на сохранение капитала в ущерб доходности.

Лидером по эффективности управления активами, исходя из индекса, является фонд АКМБ. Немного ниже значения у TBRU и AMRH. Фонды BOND и BCSB показывают умеренный уровень эффективности, уступая лидерам по большинству метрик, но сохраняя сбалансированность риска и доходности. Замыкают рейтинг SBRB и OBLG – данные БПИФ показывают слабую эффективность управления, вызванную спецификой выбранного бенчмарка в стратегии управления фондами. Между лидером и аутсайдером по итоговому индексу присутствует разрыв более чем в 88 раз.

На рисунке 2 представлена карта распределения исследуемых БПИФ по уровню диверсификации и эффективности управления активами.

Таким образом, высокий уровень диверсификации не всегда является плюсом при генерации доходности и повышении эффективности управления

Табл. 8. Коэффициенты эффективности управления активами исследуемых БПИФ с 1 октября 2022 г. по 1 сентября 2025 г.

Tab. 8. Asset management efficiency ratios of exchange-traded mutual funds between October 1, 2022, and September 1, 2025

Показатель	AKMB	SBRB	TBRU	OBLG	BOND	BCSB	AMRH	Вес
Коэффициент Шварца	1,021	1,014	1,019	1,0135	1,018	1,017	1,016	0,2
<i>Показатели эффективности управления активами (в качестве безрисковой ставки используется динамика ОФЗ со сроком погашения до 1 года)</i>								
Коэффициент Шарпа	0,646	0,076	0,648	0,081	0,395	0,333	0,657	0,075
Коэффициент Сортино	1,832	0,209	1,760	0,174	0,744	0,533	1,657	0,125
Коэффициент Трейнора	0,040	0,005	0,038	0,004	0,023	0,023	0,039	0,1
Коэффициент Модильяни	0,155	0,124	0,155	0,124	0,141	0,138	0,154	0,1
<i>Показатели эффективности управления активами (в качестве безрисковой ставки используется динамика ОФЗ со сроком до погашения 1–3 года)</i>								
Коэффициент Шарпа	0,948	0,519	1,016	0,531	0,714	0,671	1,197	0,075
Коэффициент Сортино	2,689	1,431	2,762	1,135	1,344	1,075	3,021	0,125
Коэффициент Трейнора	0,059	0,034	0,060	0,028	0,041	0,045	0,071	0,1
Коэффициент Модильяни	0,150	0,127	0,154	0,126	0,137	0,135	0,163	0,1
<i>Показатели, характеризующие отдельно риск и доходность фондов (дополнительные характеристики)</i>								
Доходность фонда за 3 года, %	55,16	39,92	51,32	40,01	47,93	45,96	45,77	–
Годовое стандартное отклонение доходностей фонда, %	7,06	4,82	5,79	4,75	6,69	6,30	3,95	–
<i>Итоговое ранжирование</i>								
Индекс эффективности управления БПИФ	0,88	0,06	0,85	0,01	0,41	0,33	0,83	1
Место в рейтинге	1	6	2	7	4	5	3	–

⁹ Сост. по: Индекс МосБиржи Корпоративных Облигаций. *Московская Биржа*. URL: <https://www.moex.com/ru/index/RUCBTR3YNS> (дата обращения: 29.09.2025).

фондом. Так, нет простой прямой или обратной корреляции между уровнем диверсификации и эффективностью управления, что свидетельствует о сложной, многофакторной природе эффективности управления. Наиболее интересен тот факт, что фонд с самой низкой диверсификацией (АКМВ) имеет лучшую эффективность, в то время как несколько фондов с высокой диверсификацией показывают худшие результаты эффективности. На наш взгляд, это может быть подтверждением обратной связи риска и доходности, однако указанная гипотеза требует апробации на базе более широкого массива данных, чем те, которые представлены в авторском исследовании.

АКМВ демонстрирует исключительно высокую эффективность управления при низкой оценке диверсификации, что может свидетельствовать о высоком уровне аналитической работы управляющего, направленной на отбор наиболее перспективных облигаций. Однако вопрос заключается не в том, как достигнут результат, а в том, насколько он устойчив во времени – является ли он следствием системной активной стратегии управления и опытности управляющего или случайным успехом, связанным с благоприятными рыночными условиями. Минимальная диверсификация, возможно, выбрана для упрощения управления портфелем, но она же существенно повышает несистематический риск. Таким образом, его текущая эффективность требует дополнительного мониторинга и проверки на стабильность показателей в долгосрочной перспективе.

Эмпирически наблюдаются три вида стратегий:

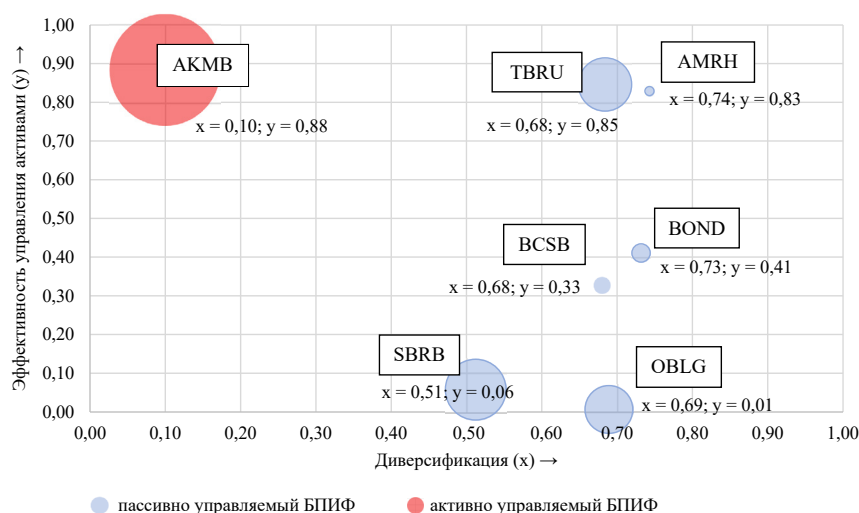
- высокий уровень диверсификации действительно снижает несистематический риск и волатильность доходности, однако при пассивном

управлении и использовании консервативных и низкодоходных бенчмарков это не транслируется в высокую эффективность – такие фонды демонстрируют умеренную или низкую доходность в сравнении с конкурентами даже на фоне хорошей диверсификации;

- низкая диверсификация не обязательно ведет к низкой эффективности, напротив, она может сочетаться с выдающимися показателями риска-доходности, что указывает на применение активной стратегии, основанной на анализе и отборе активов (однако устойчивость таких результатов остается под вопросом);
- наиболее сбалансированные результаты наблюдаются у фондов, сочетающих высокую диверсификацию с грамотно сконструированными бенчмарками и элементами активного управления – даже в рамках формально пассивной стратегии, реализуемой через заказные бенчмарки или собственные бенчмарки управляющей компании, что позволяет одновременно достигать низкого риска и высокой доходности.

Заключение

Связь между уровнем диверсификации и эффективностью управления активами БПИФ корпоративных облигаций носит нелинейный и многофакторный характер. Высокая диверсификация снижает несистематический риск и волатильность, но не гарантирует высокой средней ожидаемой доходности – особенно при пассивном управлении и использовании низкодоходных бенчмарков. В то же время низкая диверсификация может сопровождаться выдающейся эффективностью, если она обусловлена целенаправленной активной стратегией, однако такой подход несет повышенные риски и требует

Прим.: размер круга характеризует размер СЧА конкретного БПИФ относительно других.

Рис. 2. Карта исследуемых БПИФ по уровню диверсификации и эффективности управления активами

Fig. 2. Exchange-traded mutual funds rated by diversification and asset management efficiency

подтверждения устойчивости результатов во времени. Анализ выявил типы стратегий управления активами БПИФ корпоративных облигаций, которые используют управляющие компании: активное управление с высокой доходностью и повышенными рисками; пассивное управление, основанное на специально созданных для фондов бенчмарках, сопровождающееся высокой эффективностью и низким риском за счет хорошей диверсификации; пассивное управление с высокой диверсификацией, но низкой эффективностью.

Качество управления активами БПИФ определяется степенью согласованности всей инвестиционной стратегии – от выбора бенчмарка до тактики отбора активов. Это подтверждает необходимость комплексной оценки фондов, в которой диверсификация и эффективность рассматриваются во взаимосвязи. На основе данной методики в дальнейшем

можно анализировать другие группы фондов или изучить влияние дополнительных факторов как на уровень эффективности, так и на уровень диверсификации фондов.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

1. Татьянаникова В. А., Лысова А. Н. Индексные стратегии биржевых паевых инвестиционных фондов. *Финансовые рынки и банки*. 2023. № 2. С. 96–102. [Tatyannikova V. A., Lysova A. N. Index strategies of exchange-traded mutual funds. *Financial Markets and Banks*, 2023, (2): 96–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kunnzj>
2. Легкоступов И. Д., Фрайс В. Э. Сравнительная характеристика ETF-фондов и биржевых паевых инвестиционных фондов на российском рынке. *Весенние дни науки: Междунар. конф. (Екатеринбург, 22–24 апреля 2021 г.)* Екатеринбург: УрФУ, 2021. С. 1024–1029. [Legkostupov I. D., Fraiss V. E. A comparative analysis of ETF-funds and exchanged mutual investment funds on the Russian market. *Spring Days of Science: Proc. Intern. Conf., Ekaterinburg, 22–24 Apr 2021*. Ekaterinburg: UrFU, 2021, 1024–1029. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/onwyzb>
3. Михайлов А. Ю. Оценка эффективности функционирования инвестиционных фондов. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2012. № 4. С. 43–53. [Mikhailov A. Yu. Assessing the performance of investment funds. *Financial Analytics: Science and Experience*, 2012, (4): 43–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/onzbal>
4. Андрианова А. В. Отклонение рыночной стоимости БПИФов от стоимости включенных активов. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2024. № 5. С. 29–51. [Andrianova A. V. Deviation of the market value of ETFs from the value of the included assets. *Lomonosov Economics Journal*, 2024, (5): 29–51. (In Russ.)] <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-5-2>
5. Родин Д. Я., Нагорная А. Д., Великая Е. В. Паевые инвестиционные фонды: анализ эффективности и выбор стратегии для частных инвесторов. *Деловой вестник предпринимателя*. 2025. № 2. С. 75–82. [Rodin D. Ya., Nagornaya A. D., Velikaya E. V. Mutual investment funds: Performance analysis and strategy choice for private investors. *Delovoi vestnik predprinimatel'ya*, 2025, (2): 75–82. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wmnkww>
6. Фирсов Е. Д. Совершенствование методики оценки качества управления активами паевых инвестиционных фондов. *Вестник академии знаний*. 2024. № 6. С. 1044–1049. [Firsov E. D. Improvement of the methodology for assessing the quality of asset management of mutual funds. *Vestnik akademii znaniy*, 2024, (6): 1044–1049. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/clgmhe>
7. Харченко Л. П., Кораблева О. Н. Биржевые фонды денежного рынка как инструмент стабильных инвестиций. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2025. № 4. С. 13–19. [Kharchenko L. P., Korableva O. N. Exchange-traded money market funds as a stable investment tool. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2025, (4): 13–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xzzmaf>
8. Базылев В. В. Эффективные стратегии диверсификации инвестиционного портфеля в условиях нестабильного рынка. *Инновации и инвестиции*. 2024. № 8. С. 432–436. [Bazylijev V. V. Effective strategies for

- diversifying the investment portfolio in an unstable market. *Innovation & Investment*, 2024, (8): 432–436. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2307-180X-2024-8-432-436>
9. Северина Л. А., Севодин М. А. О диверсификации индексного фонда. *Московский экономический журнал*. 2020. № 6. С. 689–697. [Severina L. A., Sevodin M. A. The diversification of an index fund. *Moscow economic journal*, 2020, (6): 689–697. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/txppts>
 10. Sharpe W. F. Mutual fund performance. *Journal of Business*, 1966, 39(1): 119–138. <https://doi.org/10.1086/294846>
 11. Берзон Н. И., Дорошин Д. И. Особенности применения показателей эффективности финансовых инвестиций. *Финансы и кредит*. 2012. № 14. С. 21–33. [Berzon N. I., Doroshin D. I. Financial investment performance indicators. *Finance and Credit*, 2012, (14): 21–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/owdfjl>
 12. Тюльпакова М. Ю., Горбачева Т. А. Сравнительная характеристика методов оценки эффективности управления портфелем ценных бумаг. *Региональная и отраслевая экономика*. 2025. № 1. С. 139–149. [Tulpakova M. Yu., Gorbacheva T. A. Comparative characteristics of methods for evaluating the effectiveness of securities portfolio management. *Regional and sectoral economy*, 2025, (1): 139–149. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qexoti>
 13. Sortino F. A., Price L. N. Performance measurement in a downside risk framework. *The Journal of Investing*, 1994, 3(3): 59–64. <https://doi.org/10.3905/joi.3.3.59>
 14. Treynor J. L. How to rate management of investment funds. *Treynor on institutional investing*, ed. Treynor J. L. Hoboken: J. Wiley & Sons, 2008, pt. III, chapt. 10, 69–87. <https://doi.org/10.1002/9781119196679.ch10>
 15. Goodwin T. H. The information ratio. *Financial Analysts Journal*, 1998, 54(4): 34–43. <https://doi.org/10.2469/faj.v54.n4.2196>
 16. Jensen M. C. The performance of mutual funds in the period 1945–1964. *The Journal of Finance*, 1967, 23(2): 389–416. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.1968.tb00815.x>
 17. Modigliani F., Modigliani L. Risk-adjusted performance. *The Journal of Portfolio Management*, 1997, 23(2): 45–54. <http://doi.org/10.3905/jpm.23.2.45>
 18. Grinold R. C., Kahn R. N. *Active portfolio management: A quantitative approach for producing superior returns and controlling risk*. New York: McGraw-Hill, 2000, 596.
 19. Cremers K. J. M., Petajisto A. How active is your fund manager? A new measure that predicts performance. *The Review of Financial Studies*, 2009, 22(9): 3329–3365. <https://doi.org/10.1093/rfs/hhp057>
 20. Mamaev V. Quantile-driven performance analysis of mutual funds: Leveraging Morningstar style classifications. *Universum: Economics and Law*, 2024, (7-2): 4–11. <https://doi.org/10.32743/UniLaw.2024.117.7.17887>
 21. Livingston L. Intraportfolio correlation: An application for investments students. *Business Education & Accreditation*, 2013, 5(1): 91–105.
 22. Sharpe W. F. Capital asset prices: A theory of market equilibrium under conditions of risk. *The Journal of Finance*, 1964, 19(3): 425–442. <https://doi.org/10.2307/2977928>
 23. Markowitz H. Portfolio selection. *The Journal of Finance*, 1952, 7(1): 77–91. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.1952.tb01525.x>
 24. Espiga-Fernández F., García-Sánchez Á., Ordieres-Meré J. A systematic approach to portfolio optimization: A comparative study of reinforcement learning agents, market signals, and investment horizons. *Algorithms*, 2024, 17(12). <https://doi.org/10.3390/a17120570>
 25. Куликов А. В., Полозов Д. С., Волков Н. В. Оптимизация долгосрочного инвестирования на основе диверсификации Марковица. *Бизнес-информатика*. 2024. Т. 18. № 3. С. 56–69. [Kulikov A. V., Polozov D. S., Volkov N. V. Long-term investment optimization based on Markowitz diversification. *Business Informatics*, 2024, 18(3): 56–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/2587-814X.2024.3.56.69>

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Контакты для сотрудничества:

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), morea@inbox.ru
Молокова Ксения Игоревна, ответственный секретарь, КемГУ
(Кемерово, Россия),
[+7\(3842\)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru](mailto:+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru)

Contacts for co-operation:

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), morea@inbox.ru
Ksenia I. Molokova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia),
[+7\(3842\)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru](mailto:+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru)

Над выпуском работали:

Литературный редактор – Молокова Ксения Игоревна.
Корректор – Федькина Анна Петровна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor – Ksenia I. Molokova.
Proof-reader – Anna P. Fedkina
Literary editors (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 21.09.2026.

Дата выхода в свет 15.10.2026.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А 4. Усл. печ. л. – 22,8. Уч.-изд. л. – 20.

Тираж 500 экз. Заказ ____

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

